

Детлеф
ИЕНА

Русские царицы

Четыре столетия из жизни Русского государства сквозь призму личностей и судеб русских цариц и императриц

ДЕТЛЕФ
ИЕНА

Детлеф Йена

**РУССКИЕ
ЦАРИЦЫ
(1547–1918)**

Перевод с нем. Т.В. Григорьевой
Вступительная статья А.И. Воронина

Москва
АСТ • АСТРЕЛЬ

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
ИЗО

Йена, Детлеф

ИЗО Русские царицы (1547–1918) / Детлеф Йена; пер. с нем. Т. В. Григорьевой; вступит. ст. И.А. Воронина .– М.: АСТ: Астрель, 2008. – 384 с.

ISBN 978-5-17-038385-6 (АСТ) (ИБ)

ISBN 978-5-271-14415-8 (Астрель)

ISBN 978-5-17-049958-8 (АСТ) (ИБ-2)

ISBN 978-5-271-20417-3 (Астрель)

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 06.03.2008.
Формат 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 20,1. Бумага газетная. Печать офсетная.

Тираж 1500 экз. Заказ 1277.

(ИБ-2). Тираж 2000 экз. Заказ 1278.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-17-038385-6 (АСТ) (ИБ)

ISBN 978-5-271-14415-8 (Астрель)

ISBN 978-5-17-049958-8 (АСТ) (ИБ-2)

ISBN 978-5-271-20417-3 (Астрель)

ISBN 978-985-16-4956-9

(Харвест) (ИБ)

ISBN 978-985-16-4957-6

(Харвест) (ИБ-2)

© ООО «Издательство Астрель», 2006

© Jena, Detlef, Die Zarrinnen Russlands
(1545–1918), Regensburg: Pustet;
Graz/ Wien/Köln: Styria 1999

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

СЕМЬЯ И ПОЛИТИКА В ЖИЗНИ РУССКИХ ЦАРИЦ

Книга историка Детлефа Йена посвящена жизнеописанию русских монархинь с XVI по начало XX века. Русские царицы, а с XVIII века императрицы, играли колоссальную роль в жизни нашей страны. Эта роль была значима не только в XVIII веке, который в истории России стал веком женского правления, но и в более ранние периоды, традиционно воспринимаемые учеными как эпоха патриархального «Домостроя». Детлеф Йен примыкает к точке зрения, что царицы в средневековой Руси не играли по сути никакой политической роли, выполняя лишь функции продолжения царского рода. Однако это мнение, весьма широко распространенное в современной западной историографии, далеко не всегда соответствует действительности. Уже первая из упоминаемых в книге русских цариц, Анастасия Романовна Захарьина-Кошкина, первая жена Ивана Грозного, играла значительную политическую роль. Собственно, весь период реформ Избранной рады конца 40-х – 50-х гг. XVI века, столь плодотворный для становления и развития русской государственности, стал результатом компромисса, достигнутого в этот период времени между царской властью и представителями наиболее влиятельных боярских группировок России. Одним из результатов этого компромисса и стал брачный союз Ивана IV и Анастасии Романовны – брак по любви, который не только обеспечил наследование престола московских царей, но и оказал существенное сдерживающее и облагораживающее влияние на сложную натуру московского самодержца. Таким образом, уже Анастасию Романовну Захарьину-Кошкину неверно было бы воспринимать лишь как бессловесный придаток к самодержавной власти Ивана Грозного, единственной задачей которого было продолжение царского рода. Напротив, Анастасия играла заметную и весьма позитивную политическую роль в этот сложный для русского государства период. Не стоит преуменьшать и роль политического фактора при заключении Иваном IV последующих брачных союзов. К сожалению, мы не обладаем достаточными источниками

ми для того, чтобы понять истинные причины многих поступков русского царя, в том числе и в области его взаимоотношений со своими женами. Но то, что за каждым новым браком царя Ивана стояла серьезная политическая подоплека, не вызывает никаких сомнений. К сожалению, политический фактор брачной политики Ивана IV совершенно не рассматривается Детлофом Йеном, что придает его бесспорно интересной книге несколько упрощенный характер. Автор склонен все поступки Ивана Грозного в брачной сфере приписывать его личному произволу, извращенному бурной фантазией, что, на наш взгляд, является следствием влияния некоторых характерных для западноевропейской историографии стереотипов в оценке личности и деятельности этого русского самодержца.

На рубеже XVI–XVII веков, в годы Великой смуты, которая едва не привела к гибели русского государства, значительная политическая роль женщин, находящихся на троне проявилась в полной мере. В ряде случаев их деятельность была чрезвычайно полезна для укрепления государства. В то же время некоторые претендентки на русский престол в борьбе за власть проводили политику губительную для него. Государственной мудростью были пронизаны поступки Ирины Федоровны Годуновой, которая в 1580 вышла замуж за Федора Ивановича, ставшего последним русским царем из династии Рюриковичей. Ирина Федоровна в правление своего мужа играла выдающуюся политическую роль, по сути дела, обеспечив политическую стабильность и переход власти в руки своего брата Бориса Годунова. Несмотря на тяжелое положение, в котором оказалась страна, разоренная опричной политикой Ивана Грозного, неурожайные годы и вызванный ими массовый голод, Борис проводил достаточно взвешенную и разумную политику, стараясь остановить развал государства. Ирина Федоровна Годунова активно поддерживала политику своего брата, выступая в качестве значимого политического фактора, способствующего поддержанию стабильности в стране.

Совсем иную роль сыграли в годы Смуты две другие женщины, которым суждено было в течение некоторого времени занимать русский престол, – Мария Нагая и Марина Мнишек. Беспринципная политика, которую они проводили, роковым образом сказалась на судьбе русского государства, способствуя его деградации и разрушению. Мария Нагая, последняя жена Ивана IV, исходя из своих политических выгод, признала сыном

Лжедмитрия I. Этот акт беспардонного лжесвидетельства способствовал узурпации авантюристом Григорием Отрепьевым русского трона. Что же касается Марины Мнишек, то она сама являлась властолюбивой авантюристкой, во многом спровоцировавшей вмешательство поляков в русские дела, ключевой фигурой, связывающей обоих Лжедмитриев с польскими интервентами. Кроме того, на ней также лежит пятно лжесвидетельства. В 1608 году она признала своим мужем «Тушинского вора» Лжедмитрия II. Если действия Марии Нагой, хоть и беспринципные и безнравственные, все же как-то укладываются в традиции поведения русских цариц, то в лице Марины Мнишек мы сталкиваемся с иным женским типом — авантюристкой, одержимой жадной властью и готовой на любые действия ради достижения поставленной цели. Марина Мнишек была совершенно оторвана не только от русской властной традиции — она была чужда всей русской жизни и представляла, таким образом, инородный элемент в системе государственного устройства России. Это придавало всем ее действиям в борьбе за власть особенно разрушительный и деструктивный характер. И Мария Нагая и Марина Мнишек не пережили Смутного времени. Первая умерла в 1612 году, вторая в 1614. Стабилизация положения русского государства диктовала необходимость изменения политической роли русских цариц. Особенности государственного развития в этот период времени предопределили их специфические поведенческие черты и формы участия в политической жизни. В течение почти всего XVII века, в годы правления Михаила Федоровича и Алексея Михайловича Романовых, русские царицы жили в соответствии с принципами «Домостроя». Главной их задачей было обеспечение престолонаследия. И с ней они успешно справлялись. Однако было бы неверно считать, как это фактически делает Детолф Йен, что все интересы русских цариц ограничивались семейной сферой и замыкались в стенах терема. Супруга царя продолжала оставаться сильной и временами достаточно активной политической фигурой. Политическую значимость царице придавала та огромная роль, которую она играла в обеспечении преемственности монархической власти. История России XVII века целым рядом ярких примеров подтверждает, что голос царской супруги в вопросе о выборе наследника престола был далеко не последним. Важную роль играла царица и при выборе невесты для наследника престола, что в условиях самодержавно-монархического государства имело

серьезное политическое значение. Специфическое влияние русских цариц на вопросы власти и престолонаследия в полной мере проявились в деятельности двух жен царя Алексея Михайловича Марии Ильиничны Милославской и Натальи Кирилловны Нарышкиной и их детей и родственников, составивших два конкурирующих политических клана, противоборство которых в значительной мере определяло особенности политических процессов в России в последние годы жизни царя Алексея и при его ближайших наследниках. Мария Ильинична Милославская, на которой царь Алексей Михайлович женился в 1648 году, родила ему 13 детей, многие из которых умерли в младенческом возрасте. Царевич Алексей Алексеевич, подававший большие надежды как перспективный наследник престола, скончался в 1670 году. Федор Алексеевич был слаб здоровьем, а Иван Алексеевич умом. Что же касается царской дочери Софьи, то ее вообще первоначально не принимали в расчет при решении вопроса престолонаследия. Ситуация осложнялась еще и тем, что Мария Милославская, также не отличавшаяся крепким здоровьем, умерла в 1669 году. Вторично царь женился в 1671 году на Наталье Кирилловне Нарышкиной. В 1672 году у него родился сын Петр, а в 1673 и 1674 гг. дочери Наталья и Феодора. Постепенно возникли два семейных клана: Нарышкиных и Милославских, которые быстро обзавелись многочисленными сторонниками из придворной и служилой среды. Так завязался крепчайший политический узел, распутать который удалось лишь спустя два десятилетия. В 1676 году Алексей Михайлович умер. На трон взошел его сын Федор. Однако спустя 6 лет умер и он. Попытка Нарышкиных посадить на престол царевича Петра Алексеевича завершилась острейшим политическим кризисом. В результате Стрелецкого бунта в Москве в 1682 году к власти пришла дочь Алексея Михайловича царевна Софья.

Личность и деятельность Софьи во главе русского государства было явлением принципиально новым и до той поры на Руси невиданным. Женщина взяла на себя бразды правления государством и в течение семи лет достаточно успешно осуществляла властные функции. Хотя формально Софья не была царицей, а только регентшей при своих малолетних братьях Иване и Петре, царствовавших совместно, все рычаги государственной власти были сосредоточены в ее руках. Время правления Софьи как-то традиционно теряется перед лицом тех громадных свершений, которые произошли в России в петровскую эпоху. Меж-

ду тем во время правления Софьи страна достигла некоторых выдающихся успехов во внутренней и внешней политике. Энергично проводились мероприятия по ликвидации местничества, шла военная реформа, готовились крупные преобразования в социально-политической сфере. Был заключен «Вечный мир» с Польшей, в результате которого вся Левобережная Украина с Киевом была признана составной частью русского государства. Однако острый конфликт между Милославскими и Нарышкиными, который возник еще в последние годы жизни царя Алексея Михайловича, продолжал тлеть. Наталья Кирилловна — умная и властолюбивая женщина — не желала видеть у кормила государственной власти свою не менее умную и властолюбивую падчерицу. Именно вдовствующая царица стала центром, вокруг которого начали собираться все недовольные правлением Софьи элементы. Очередной конфликт вспыхнул в 1689 году. История его весьма темна и запутанна. Согласно официально озвученной версии, которую поддерживает большинство современных исследователей, Софья пыталась организовать заговор с целью убийства Петра, но решительные действия молодого царя и его сторонников сорвали этот замысел. При ближайшем рассмотрении, однако, картина не кажется такой простой, как она выглядит на первый взгляд. Вызывает недоумение, во-первых, отсутствие каких-либо реальных действий против Петра и Нарышкиных со стороны Софьи. Весь ее «заговор» ограничился лишь туманными слухами, распространяемыми в Преображенском селе, бывшем резиденцией молодого царя и его матери. Тщательное расследование, которое было проведено по горячим следам произошедших событий, не смогло выявить никакой вины царевны Софьи. Все ее действия в ходе событий 1689 года отличались нерешительностью и крайней степенью растерянности. Вызывает удивление также факт быстрого перехода на сторону Петра всех вооруженных сил, сосредоточенных в Москве и вблизи нее, несмотря на то, что первоначально он мог рассчитывать лишь на два своих потешных полка, общая численность которых не превышала трех тысяч человек, в то время как в распоряжении Софьи оставалось более тридцати тысяч стрельцов и дворян. И тем не менее войска очень быстро начали переходить на сторону Петра. В конце концов Софью покинули даже традиционно лояльные к ней стрелецкие полки, которые семь лет назад привели ее к власти. На стороне Петра с самого начала единодушно выступили Церковь и другие влиятельные корпорации.

Все это оставляет впечатление хорошо спланированной интриги, организованной Нарышкиными против Софьи с целью отстранения ее от власти. Интриги, которой регентша противостоять не смогла. Впоследствии же победившая сторона обвинила во всем Софью с целью оправдать свои действия. Косвенным подтверждением этой версии может служить и тот факт, что Петр подверг сестру сравнительно мягкому наказанию. Она была отправлена в Новодевичий монастырь. Судя по всему, более серьезно наказывать ее было просто не за что. Хотя мы не имеем достаточных документальных подтверждений данной версии, она имеет право на существование. Ибо в общепринятой интерпретации событий 1689 года отсутствуют вразумительные объяснения массы противоречивых и нелогичных событий, произошедших в это время. Как бы там ни было, но Софья Алексеевна была отстранена от власти. Началась великая эпоха петровских преобразований. Судьба русских цариц, а впоследствии и императриц, в петровскую эпоху была не менее драматична и увлекательна, чем в предшествующий период русской истории. В своей книге Детлеф Йена очень хорошо улавливает те грандиозные изменения, которые произошли в русском обществе в этот период времени. Брак Петра с его первой женой Евдокией Лопухиной стал результатом политической игры, которую вела мать царя Наталья Кирилловна Нарышкина. Брачный союз, в который Петр вступил 17 лет от роду в 1689 году, согласно русским обычаям делал его совершеннолетним и, следовательно, давал право занимать царский трон без участия регентши. Таков был политический смысл этого брака, острием своим направленного против власти Софьи. И поэтому Нарышкины так спешили с его заключением. Для самого Петра женитьба носила в известной мере вынужденный характер. Видимо, у него не было и особенной любви к молодой супруге. Кроме того, она была слишком укоренена в старомосковскую жизнь и не понимала грандиозных преобразовательских планов мужа. Поэтому судьба Евдокии была незавидной. В 1704 году она была отправлена доживать свои дни в монастырь. Место рядом с Петром заняла Марта Скавронская — будущая императрица Екатерина I. История жизни Марты весьма знаменательна. Жительница города Мариенбурга, она происходила из самых низов общества. Невиданным взлетом к вершинам богатства и власти Марта была обязана исключительно личной прихоти русского самодержца. Она стала для Петра не только желанной возлюб-

ленной, но и верным соратником и сподвижником, на которого император мог положиться в любом сложном деле. Не случайно после смерти мужа Марта, к тому времени уже как императрица Екатерина I, заняла российский престол, открыв череду женских правлений в России, которая с небольшими перерывами продолжалась практически весь XVIII век. Появление Екатерины на российском троне знаменовало очередное радикальное изменение поведения и статуса монархини. Происходит разрыв русских цариц со старомосковской традицией. Европейская культура и обычаи все более властно вторгаются в жизнь царствующего дома Романовых. Екатерина была первой женщиной на русском престоле, которая активно способствовала европеизации русского двора. В период царствования императриц Анны Ивановны (1730—1740), Елизаветы Петровны (1741—1761) и Екатерины II (1762—1796) Россия значительно расширила свои пределы и экономически укрепилась. Положение и статус русских императриц кардинально изменился. Императрицы превратились в единоличных и самодержавных правительниц государства, чего никогда не бывало раньше. Вторая половина XVIII века стала периодом наивысшего развития идеи женской власти в России. Все женские правления в России XVIII века характеризовались рядом сходных черт. Во-первых, все императрицы (в том числе и Екатерина I) приходили к власти не легитимно, в результате дворцового переворота той или иной формы. Можно поэтому утверждать, что женские правления в России в известной мере стали результатом сложившейся в это время в стране обстановки политической нестабильности. Во-вторых, все русские императрицы стремились укрепить свою власть путем уступок и послаблений дворянству. Анна Ивановна отменила введенный Петром Великим принцип единонаследия и ограничила обязательную дворянскую службу сроком в 25 лет. Елизавета Петровна ввела практику долгосрочных дворянских отпусков (продолжавшихся иногда по несколько лет) со службы. Наконец, Екатерина II в 1785 году «Жалованной грамотой благородному российскому дворянству» вообще освободила его от обязательной государственной службы, одновременно наделив целым рядом важнейших привилегий. Стремление добиться поддержки служилого дворянства со стороны русских императриц явно указывает на осознание ими шаткости своего положения на незаконно захваченном троне и желание заручиться поддержкой наиболее политически влиятельного, образованного и экономи-

чески мощного сословия в русском государстве. Еще одной отличительной особенностью эпохи женских правлений стало распространение фаворитизма, рост влияния на государственные дела тех придворных, которые состояли в любовной связи с властительницами русского государства. В годы царствования Анны Ивановны таковым был Бирон, при Елизавете Петровне — Разумовский и Шувалов. При Екатерине II — Григорий и Алексей Орловы и Потемкин. Стремление русских императриц опереться на сильного мужчину, способного быть верным сподвижником и помощником в деле управления страной, весьма характерно. Толковый советник, связанный с монархиней близкими личными отношениями, способствовал укреплению ее власти не менее, чем те или иные громкие успехи во внутренней и внешней политике. Наибольших достижений страна добилась в годы царствования Екатерины II. Эта императрица воплотила в себе и наиболее ярко выразила основные черты женских правлений в России XVIII века. Устранив (сначала политически, а потом и физически) своего мужа императора Петра III, Екатерина сделала все, чтобы удержать и закрепить свою власть. Время ее царствования стало поистине «золотым веком» русского дворянства. Наконец, именно в это время невиданных размеров достиг фаворитизм при дворе. По некоторым данным у Екатерины II в разное время было более 30 любовников. Правда, далеко не все они отличались государственными талантами Алексея Орлова или Григория Потемкина. Одновременно Екатерина II оказалась последней женщиной, которой было суждено самодержавно управлять Россией. Чреду женских правлений XVIII века сменили мужские правления в веке XIX. Произошло очередное изменение положения и политического статуса русских монархинь. Императрицы были отодвинуты в тень своих самодержавных супругов. Власть и влияние жены императора Павла I Марии Федоровны не могла сравниться с неограниченной самодержавной властью, которую имели Елизавета и Екатерина Великая, однако императрица продолжала оставаться важнейшим звеном в системе управления Российской империи. Императрица играла большую роль в определении брачной политики дома Романовых в начале XIX века. Именно благодаря ее усилиям в начале XIX века был заключен целый ряд взаимовыгодных брачных союзов с властительными князьями германских государств. Одновременно вдовствующая императрица оказывала большое влияние на политику своего старшего сына, императора Алек-

сандра I. Существуют сведения о том, что после убийства заговорщиками мужа Мария Федоровна выражала желание сделаться самодержавной монархиней, подобно своей свекрови Екатерине Великой. Однако это не входило в планы заговорщиков, возглавляемых графом Паленом и братьями Зубовыми. Императором был провозглашен Александр Павлович. Хотя личное влияние вдовствующей императрицы на своего старшего сына было значительным, не стоит придавать ему решающее значение, как это делает Детлеф Йена. При всей своей внешней мягкости и нерешительности Александр I всегда оставался в высшей степени самостоятельной политической фигурой, что неоднократно проявлялось в сложные для русского государства моменты. Вдовствующей императрице оставалась роль знамени и центра консервативной оппозиции либеральным реформам Александра и некоторым мероприятиям во внешней политике. Именно в качестве главы близкой к трону оппозиционной группировки Мария Федоровна и оказывала воздействие на политику своего старшего сына. Что же касается непосредственного участия вдовствующей императрицы в принятии важных политических решений, то вряд ли ее влияние здесь было существенным. Тем не менее вплоть до своей смерти в 1828 году Мария Федоровна оставалась значимой фигурой в жизни не только Российской империи, но и всей Европы. Ее деятельность знаменует собой новый этап в изменении политических функций и роли русских императриц. От самодержавного и единоличного правления государством монархини переходят к системе негласного воздействия на политику правящих императоров. В ведении русских императриц в XIX веке находятся вопросы социальной политики и культуры: благотворительность, медицина, в известной степени и образование. Одновременно в их руках в значительной мере остаются вопросы династической политики, имеющие огромное значение в условиях абсолютной монархии. Наконец, не следует сбрасывать со счетов и колоссальные представительские обязанности, которые выполняла императрица, находясь рядом со своим царствующим супругом. На рубеже XVIII и XIX веков возник тот тип взаимоотношений русских императоров и императриц, который с некоторыми видоизменениями просуществовал вплоть до революции 1917 года. Этому типу соответствовали и взаимоотношения российского императора Александра I и его супруги императрицы Елизаветы Алексеевны. По своей политической значимости деятельность импе-

ратрицы в первой четверти XIX века значительно уступала активности ее свекрови. Тем не менее Елизавета Алексеевна добросовестно исполняла свои обязанности императрицы и старалась быть надежной хранительницей семейного очага российского императора, что было не так то легко, учитывая влюбчивость и некоторую ветреность последнего. Однако Елизавета Алексеевна не смогла выполнить одну из своих основных функций – обеспечить престол наследником. Впрочем, причиной этого были, видимо, какие-то отклонения в состоянии здоровья самого Александра. В результате русский трон после смерти последнего наследовал его брат Николай, получивший впоследствии известность как император Николай I. Его семейные отношения были достаточно гармоничны. Супруга Николая I Александра Федоровна, бывшая прусская принцесса Фридерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина, была верной и преданной сподвижницей во всех начинаниях своего мужа-императора. Она добросовестно выполняла свои представительские функции и ведала вопросами благотворительности и социального призрения. В то же время ее влияние на решение действительно значимых вопросов в управлении государством было минимальным. Так же как и императрица Елизавета Алексеевна, Александра Федоровна была мало заметна на фоне активной деятельности своего супруга.

Сложно и драматично складывались семейные взаимоотношения у императора Александра II. Хотя императрица Мария Александровна любила своего мужа и обеспечила наследование престола, гармония в их отношениях продолжалась недолго. Императрица активно выступала против грандиозных реформ в социально-политической сфере, которые осуществлял ее муж. Кроме того, здоровье Марии Федоровны очень быстро начало ухудшаться, чему способствовали многочисленные роды и тот изнуряющий образ жизни, который вела императорская чета. Со второй половины 60-х гг. происходит охлаждение отношений между супругами. Александр II начинает испытывать привязанность к Екатерине Михайловне Долгорукой, совместно с которой он провел вторую половину жизни. Представляется, однако, недостаточно аргументированной точка зрения, к которой примыкает и Детлеф Йена о наличии у Екатерины Долгорукой каких-либо серьезных властных амбиций. Во всяком случае, вопрос о наследовании престола ее детьми никогда не возникал.

Крепкой и гармоничной была семья российского императора Александра III. Александр был всегда верен своей супруге Ма-

рии Федоровне (датской принцессе Дагмаре). Она же отличалась редкостным умом, здравомыслием и тактом. Гораздо больше споров среди историков вызывает личность Алисы Гессенской, жены Николая II, последней русской императрицы Александры Федоровны. Само вступление Алисы в семью Романовых вызвало активное противодействие со стороны императрицы Марии Федоровны и отчасти самого Александра III. Видимо, они достаточно хорошо осознавали, что представляет из себя их будущая невестка. И дело было даже не столько в «холодности, чопорности и неприступности» молодой принцессы, как считает Детлеф Йена, объясняя причины нелюбви к ней со стороны русского общества, сколько в других, более серьезных личностных недостатках. Во-первых, Александра Федоровна не блистала большим умом, была крайне истерична и склонна к суевериям. Во-вторых, она первая из русских монархинь за целое столетие попыталась выйти за рамки тех традиционных сфер во внутренней политике государства, которыми ограничивалась компетенция царицы. Александра Федоровна старалась влиять на своего достаточно податливого и слабовольного супруга при решении всевозможных политических проблем. И далеко не всегда удачно. И наконец, именно Александра Федоровна принесла в семейство Романовых неизлечимую болезнь — гемофилию, передающуюся по женской линии, но возникающую только у мужчин, что фактически делало невозможным рождение у императорской четы здорового наследника престола мужского пола. Видимо, все перечисленные факторы принимались в расчет Александром III и Марией Федоровной, когда они упорно отговаривали сына от брака с Алисой. Но Николай настоял на своем. Алиса стала русской императрицей, что в дальнейшем оказало самое негативное влияние на судьбы русского государства. С самого начала русское общество невзлюбило Александру Федоровну. Императрица стала объектом постоянных нападок со стороны либеральной и революционной прессы. Надо сказать, что она сама давала массу поводов для подобного отношения. Своим высокомерным и одновременно истерическим поведением, постоянными попытками некомпетентного вмешательства в сферу государственного управления, наконец, связью с Распутиным императрица дискредитировала не только себя и своего мужа, но и саму идею самодержавной монархии. События 1917–1918 годов — революция, отречение царя, а потом и убийство царской семьи — явились следствием

глубочайшего кризиса доверия, которое русское общество испытывало в отношении монархической власти. Одним из факторов этого кризиса стала крайняя личная непопулярность императрицы и связанные с ней политические скандалы. Александра Федоровна оказалась последней царствующей русской императрицей. И именно описанием ее жизни и характера завершается книга немецкого историка Детлефа Йена. Его работа представляет большой интерес для самых широких кругов читателей. Она выполнена в жанре психологической истории. Автор рассматривает четыре столетия из жизни русского государства сквозь призму личностей и судеб русских императриц. В ней присутствуют многочисленные бытовые зарисовки, характеризующие особенности быта и нравов царского, а потом императорского двора в XVI – начале XX вв. Особое внимание уделяется психологическим и поведенческим характеристикам русских цариц, их взаимоотношениям с супругами и детьми. Недостатками книги является, на наш взгляд, недоучет немецким историком политического веса монархинь в жизни русского государства и, как следствие, – некоторая поверхностность суждений об их участии в политической жизни страны. Бросаются также в глаза многочисленные стереотипные оценки целого ряда ключевых персонажей русской истории, которые автор дает без должного критического осмысления материала. Характеристики таких русских исторических деятелей, как Иван Грозный, Петр I, Павел I, Александр I и др., явно мифологизированы. Детлеф Йена не стремится к объективному анализу и оценке их политики и личностных качеств, а лишь повторяет избитые штампы западноевропейской историографии. В то же время чрезвычайный интерес представляет тонкий анализ автором личностных черт русских монархинь. Избранный жанр – психологической истории накладывает на книгу Детлефа Йена неповторимый отпечаток.

Яркие, запоминающиеся образы, запечатленные на ее страницах, не оставят равнодушным даже самого искушенного читателя.

К.И.Н. И.А. Воронин

Предисловие

В центре всех исследований истории царствований в России стоят правящие цари и императоры. Правление было автократическим, воля правителя — всесильной. Жизнь цариц также определялась доминирующим государственным принципом. Тем не менее нередко у цариц была и относительная частная жизнь, и у них есть своя история. У них всегда был придворный штат с конкретными обязанностями. Некоторые женщины из правящей династии выступали в качестве регентш при малолетних наследниках престола, были даже правящими императрицами, в качестве царских вдов добивались значительного политического веса или просто как супруги правящего монарха заботились о насыщенной семейной жизни, проявляя себя в изобразительном искусстве, литературе, музыке.

Со времен Ивана IV и до правления Петра I царицы в России были только русского происхождения. Для этого были властно-политические, религиозные и культурно-исторические причины. По мере того как Россия превращалась в крупную европейскую державу, менялись брачные отношения и образ жизни правящей династии. Дом Романовых породнился с западноевропейской аристократией — постепенно, медленно, но постоянно расширяя охват и связывая выбор будущей царицы с самыми поразительными личностными, финансовыми и культурно-политическими аспектами. Подчас своеобразные методы династической брачной политики после Петра I были делом скорее женщин, чем правящего самодержца. Через эту определяющую сферу жизни женщины оказывали прямое влияние на государственную политику, если только они не правили сами.

История цариц, которая представлена в данной книге в виде жизнеописаний, — лишь отрывочно обсуждавшаяся в литературе историческая тема, которая затрагивает династические, политические и социальные области истории, но также и аспекты истории культуры русской и европейской аристократии. Только одну мысль можно спокойно оставить в стороне: жизнь русских цариц не выработала ни одной идеи в сфере эмансипации. Царицы проявляли себя в области обществен-

ной и на ниве благотворительности, они занимались просветительством, распространяя культуру и образование, однако всегда в патриархально-автократическом духе, никогда не преследуя цели социального освобождения женщин. Этого в России ожидать не следовало.

Мысль о женщине на русском царском троне обычно начинается и заканчивается Екатериной II. Немецкая принцесса считалась воплощением европейской политики и женского правления в Российской империи. Однако Екатерина II была во многом явлением исключительным, особенно для роли царицы в правящем доме. Дифференцированное исследование жизни русских цариц ставит новые непривычные акценты, в какие-то моменты русская история сама ограничивает себя жизнью и деятельностью автократов, все равно, женского или мужского рода. Легенда об уединении не обладавших никаким влиянием цариц в «тереме» кажется сомнительной. Политические и культурные спектры влияния цариц становятся все более многоцветными. Мотивация и методы династической брачной политики, даже ограничившись процессом выбора царицы, предстают подчас в сомнительном духе, который не имеет ничего общего с идеалом ниспосланного Богом самодержца.

История русских цариц еще никогда не была представлена так, как ее трактует данная книга. Читателю предлагается не только эта ценность новизны. Он должен испытать радость и удовольствие от чтения книги, которая в захватывающей манере не раз заставит его осознать, сколько нового и неизвестного еще предстоит открыть на востоке Европы. Автор благодарит за бескорыстную помощь своего коллегу Райнера Линднера, а также своего редактора Хайди Криннер-Янсик за ее чуткость и компетентность в работе над текстом.

Детлеф Йена, Рокау, 1999

Глава 1

Семь жен Ивана IV Грозного – возлюбленные, преступные, безымянные в «Третьем Риме»

Анастасия Романовна Захарына-Кошкина-Юрьева
(1530/32 – 7 августа 1560 года),
первая супруга Ивана IV с 3 февраля 1547 года

Мария Темрюковна Черкасская, княгиня Кученей
(? – 6 сентября 1569 года),
вторая супруга Ивана IV с 21 августа 1561 года

Марфа Собакина
(? – 13 ноября 1571 года),
третья супруга Ивана IV с 18 октября 1571 года

Анна-Мария Котловская
(? – август 1626 года),
четвертая супруга Ивана IV с 28 апреля 1572 года
(до сентября 1572 года)

Анна Васильчикова
(? – 1576 год),
пятая супруга Ивана IV с 1575 года

Василиса Мелентьева
(? – 1580 год),
шестая супруга Ивана IV с 1579 года

Мария Федоровна Нагая
(? – 1612 год),
седьмая супруга Ивана IV с 6 сентября 1580 года

На семи женщинах был женат первый царь России Нового времени, из рода Рюриковичей. Помимо этого приписывалось ему множество внебрачных связей. Царь Иван IV еще при жизни получил прозвище Грозный. По мнению современников, у него отсутствовало свойственное каждому возведенному в княжеское достоинство патриарху чувство долга творить добро и милосердие. Тем не менее Иван IV был образцом для подражания реформатору Петру Великому. Несмотря на террор в отношении боярской знати и народа, Иван IV Васильевич, благодаря проведенному им обновлению и расширению Великого княжества Московского, считается выдающейся личностью в российской истории. Он считается в России воплощением идеи государственной автократии, которая сделала Российскую империю обширной и могущественной.

В отличие от царя, его жёны в существенной степени оставались скрытыми во тьме истории. Имя, неполная дата рождения — больше часто ничего не известно. В то время как царь правил, его супруги жили преимущественно в Теремном дворце Кремля, окутанном легендами. Их основная задача состояла в обеспечении трона наследником и в том, чтобы избранный для наследования сын достиг того возраста, когда его могли принимать в расчет при будущей смене власти в государстве. Уединенная жизнь цариц немногим отличалась от домашней изоляции женщин из простонародья. В этой связи наблюдения Зигмунда фон Герберштейна (Herberstein), датированные 1517 и 1526 годами, через четыре десятилетия после окончания монгольского господства, с известным основанием относятся и ко двору Ивана IV: «Жизнь женщин — жалка. Потому что они (русские мужчины. — *Прим. авт.*) не считают добropорядочной ту, которая выходит на улицу. Поэтому богачи и знать держат женщин взаперти, так что никто не попадает к ним на глаза и никто не говорит с ними, и домашнее хозяйство им тоже не дают вести, только шить и прясть...» Разумеется, выводы Герберштейна вытекают только из внешних наблюдений. Оценить внутренние процессы в царской семье — за пределами его возможностей.

В государственной политике для царицы не было активного или по меньшей мере официального места. Это общепринятое положение является только наполовину правдой. Сама лич-

ность царицы или сам факт замужества, в сочетании с происхождением избранницы, уже были политикой. Кроме того, царицы уже в то время внутри семьи оказывали личностное влияние на супруга. В конкретном случае к этому подчас добавлялся и предстающий демоническим огромный рост царя, который отодвигал все его окружение почти на грань ничтожности. Жены главным образом были объектами его своеобразных страстей и политических действий. Жены выступали в качестве необходимого украшения рядом и позади царя. Исходя из этого, жизнь и судьба жен Ивана IV сильнее, чем почти всех цариц более позднего времени, зависела исключительно от становления и сущности его личности. Ни об одной из супруг Ивана IV не известно, чтобы она проявляла желание, требование или даже волю играть политически и человечески независимую роль. Даже намек на собственную волю мог бы означать изгнание или монастырь.

В то время как потомки относительно хорошо информированы о детстве Ивана IV благодаря его собственным высказываниям, об индивидуальном развитии его супруг до момента заключения брака почти ничего не известно. Они происходили из боярских семей или из семей служилого дворянства. Иван, родившийся в 1530 году от брака своего отца Василия III с польско-литовской аристократкой Еленой Глинской, обладал непредсказуемым характером, негативные и жестокие черты которого однобоко усилились в результате ужасных переживаний в конце детских лет. По крайней мере так аргументировал сам Иван. Отец умер, когда мальчику было три года. Елена Глинская приняла на себя регентство. Примечательно, что факт регентства женщины перед границей замалчивался как признак слабости. Вместе со своим любовником Иваном Овчиной-Телепневым-Оболенским царская вдова установила способ правления, при котором противники физически устранялись с пути. Очевидно, уже в те годы появились признаки того большого авторитета, которым пользовались позднее царские вдовы. В 1538 году умерла Елена Глинская. Ходили упорные слухи об отравлении. Иван пережил тогда кровавые ужасы дворцовой борьбы за власть. Глинские были лишены власти, за нее с переменным успехом боролись боярские роды Шуйских и Бельских. Страдальцами были Иван и его брат Юрий. Царь Иван IV позднее часто вспоминал об этих ужас-

ных годах. Поскольку детские переживания зачастую служили прикрытием для оправдания собственных бесчестных деяний, Иван передавал их с особой зримостью: «И тогда князья Василий и Иван Шуйские стали надсмотрщиками надо мной и так установили свое господство.

Но с нами, мной и моим покоящимся в Бозе братом, они обращались так, как будто мы чужие или нищие. Как я страдал от недостатка в одежде и в еде! Нам не давали свободы, мне нельзя было иметь своей воли; всегда происходило обратное тому, чего я хотел. Вообще, с нами обращались не как с детьми, на наш нежный возраст не обращали никакого внимания... Не сосчитать страданий, которые я вытерпел в юности».

Склонности характера и мерзкое обращение, отказ бояр признать его господином усилили в Иване твердость и жестокость, укрепили стремление вступить в конце концов во владение наследством отца. В декабре 1546 года Иван объявил митрополиту и боярам, что хотел бы короноваться и самодержавно править Русью. Он бы женился и тем самым укрепил свое господство. Это была резкая демонстрация юноши, который чуть ли не за ночь превратился в уверенного в себе и решительного мужчину. В 1547 году Иван велел короновать себя царем всея Руси. Осторожный духовный советник Макарий настаивал для упрочения царствования на скорейшей женитьбе шестнадцатилетнего государя. Не только друзья, но и враги Ивана озаботились этой проблемой. Через невесту можно было приобрести новое влияние при царском дворе. Московские бояре покровительствовали одной польской принцессе королевской крови и установили контакты с польским королевским двором — без успеха. После того как эти усилия провалились, была подготовлена речь, в которой царь объявил Боярской думе и духовенству: «Я размышлял над тем, должен ли я породниться с иноземным... королем или царем, однако отказался от этой мысли. Я не хотел бы вступать в брак в чужих землях, поскольку я... ребенком рос без отца и матери, если бы я привел себе супругу из другой страны, характеры наши были бы разными, и были бы между нами только ссоры и распри, и поэтому ... я так решил, я хотел бы жениться в своей собственной стране».

Если русские цари до Петра I женились только на русских девицах, то это был отчасти связанный с традициями прин-

цип. Заключение браков с иностранками принципиально запрещено не было. Существовал только пункт для царей, бояр и духовенства, который не давал возможности компромисса. Когда Иван особо указал на различные «характеры», он имел в виду вопрос веры. Для царя «Третьего Рима» невозможно было жениться на женщине иного вероисповедания, кроме православного. Религии географически граничащих династий были, в понимании москвитов, еретическими и неприемлемыми. Кроме того, брак с иностранной принцессой был еще и вопросом расходов и цены. В то время Русь еще не пользовалась при европейских княжеских домах большим доверием.

Поэтому «по доброму старому русскому обычаю» невесту искали среди дочерей своих бояр и князей. Бояре должны были представить царским уполномоченным девиц не моложе 12 лет. Многие князья и бояре медлили отдать своих дочерей царю, считавшемуся жестоким и вспыльчивым. Иван вынужден был несколько раз объявлять по стране сбор и под угрозой наказания требовал исполнения долга: «Когда дойдет до вас это послание, должны те, у кого есть девственные дочери, тотчас прибыть с ними в город к нашим наместникам на смотрины. И ни при каких условиях нельзя скрывать этих девственных дочерей. Того же, кто спрячет от нас девицу и не приведет ее к нашим наместникам, ждет от меня большая немилость и тяжкое наказание. Это послание должны вы передать друг другу, не медля ни часа». Такие методы были необычными для брачных традиций москвитов, и по-видимому, этим правом обладал только великий князь.

Девица из дома Романовых становится царицей

Поиски затягивались, виной чему не в последнюю очередь было ужасное состояние дорог в Московском государстве. Московские бояре опасались, что их могут обойти в гонке за возжеленное место у трона, и не стали дожидаться прибытия юной красавицы из провинции. Они привели своих разряженных дочерей или племянниц в царский дворец. В конце концов Иван при мягком содействии и поддержке Макария и бояр выбрал Анастасию — дочь покойного окольного Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина. Как окольный Роман Юрьевич не относился к аристократии, однако он происходил из

уважаемого старого московского дворянского рода, который в давние времена прибыл из прусских земель.

Отец Анастасии был малоизвестен. Однако один из его братьев был опекуном Ивана, так что Иван был знаком с семьей невесты. Выбор вызвал недовольство тех бояр, чьи дочери остались без внимания и кто теперь жаловался на то, «что государь не милостив к ним, что бесчестит он великие роды и окружает себя молодыми людьми, и они притесняют нас, и тем еще он нас огорчает, что породнился со своим боярином, взяв в жены его дочь, он взял свою служанку в жены, и как должны мы прислуживать сестре своей?».

Некоторые бояре были разгневаны не только тем, что их обошли вниманием, их оскорблял выбор жены относительно низкого звания. Однако как Иван, так и его советник Макарий сознательно сделали такой выбор. Существенным доводом мог бы являться тот факт, что Глинские считали Романовых неопасными. Впервые семья Романовых приблизилась к великокняжескому трону! Никакие политические соображения не мешали Ивану добиться любви прекрасной девушки, которую он называл ланью.

Венчание состоялось 3 февраля 1547 года. Разумеется, царица «великая радость по случаю свадьбы государя». Многим участникам было ясно, что выбор невесты преследовал династическую цель. У дворян, городских жителей и крестьян, но в первую очередь у иностранных держав должно было укрепиться впечатление, что царь стал взрослым и может самостоятельно вести государственный корабль. Митрополит Макарий вел торжественную церемонию венчания согласно сану и традиции великих князей Московских и увещевал жениха и невесту: «Отныне вы навечно связаны Святым таинством Церкви. Смиренно склоните головы перед Всевышним и упражняйтесь в благонравии. И прежде всего должны вы выделяться правдивостью и добротой. Царь мой, люби и уважай свою жену. И ты, моя царица, будь как истинная христианка покорной своему мужу, потому что как Святой Крест являет собой господина Церкви, так же и муж — есть господин жене».

Празднества по случаю бракосочетания проходили для Ивана и Анастасии по тому же образцу, который описан у Олеария и других современников. Царь и невеста пошли без родителей,

но в сопровождении шаферов и свадебного поезда жениха в церковь. Для венчания с невесты сняли покрывало, и митрополит прочел ей наставление об ответственности христианской совместной жизни. Вслед за тем он передал невесту в руки царя: «И тогда священник берет правую руку жениха и левую руку невесты в обе свои руки и трижды спрашивает их: “Хотите ли вы владеть друг другом и жить в ладу друг с другом?”» Священник велел молодым поцеловаться. Затем на невесту вновь надели покрывало.

Светские торжества по случаю заключения брака была шумными и разнообразными. В первый день приглашенные на свадьбу гости невесты и жениха праздновали отдельно. После церемонии венчания в церкви юная супруга принимала участие в праздничном застолье жениха. С нее вновь снимали покрывало. После третьего блюда шаферы, их жены и подружки невесты вели пару в постель и раздевали ее. Гости пировали, а юная пара была обязана была скрепить брак. По прошествии определенного времени одного из шаферов посылали справиться о здоровье пары. Если следовал положительный ответ, женщины, участвующие в празднестве, входили в комнату и выпивали бокал за здоровье и будущее счастье новобрачных. К родителям жениха и невесты посылали гонца, и он передавал им радостное известие. Все гости покидали праздник.

На второй день жених и невеста мылись раздельно в бане. Затем супруг приглашал к себе свадебных гостей своей жены. Он благодарил родителей невесты за то, что они вырастили невесту и девственной выдали замуж. В случае, если невеста не девственницей вступила в брак, он «тихонько упрекал их». После праздничного застолья за счет жениха происходил обмен подарками. На третий день была очередь родителей жениха и невесты принимать гостей. Это был веселый и распутный праздник, когда задумчивость и веселье нередко соревновались с хулиганскими выходками.

Во время свадебной церемонии невеста фактически становилась царицей. И здесь существовала серьезная проблема. В процессе централизации власти в Великом княжестве Московском в годы правления деда и отца Ивана, Ивана III и Василия III, женские представительницы правящей фамилии были исключены из естественного порядка наследования трона и не имели права в качестве официальных регентш осуще-

ствлять власть — это показывает пример Елены Глинской. Не существовало также сравнимой с венчанием царя на царство коронации для его супруги. Первая официальная коронация женщины последовала только в 1724 году, когда Петр I велел короновать свою супругу Екатерину российской императрицей, разумеется, не объявив ее при этом своей наследницей.

С другой стороны, церемония вступления в брак включала в себя и многочисленные атрибуты коронации царицы. Некоторым образом она была даже второй коронацией царя. Государь надевал на свадьбу «царское облачение», которое на нем было во время коронации. Невесту укрывали «царским одеянием». Перед тем как идти в церковь, с нее снимали девичий венок и заменяли его головным убором, который носили замужние женщины. Царь получал корону непосредственно после венчания в церкви. Только после брачной ночи молодая женщина могла появиться в полном облачении царицы перед супругом и двором. С этого момента супруга больше не была подданной царя. Ее включали в формулу присяги для слуг и считали по рангу равной царю. Это установление заключало в себе фактическую невозможность официальных политических действий, однако в то же время подчеркивало, что ни в коей мере нельзя говорить об отсутствии политического влияния царицы. В относительной уединенности женских покоев у них было широкое поле для деятельности и влияния.

Анастасия также должна была подчиняться дворцовым обычаям. В то время как царь Иван занимался государственными делами, направленными на реформирование государства, и с завоеванием Казанского ханства приступил к тому, чтобы придать собиранию русских земель имперский характер, Анастасия в женских покоях Кремля или в построенной под Москвой загородной резиденции великого князя должна была укрепить династию Рюриковичей появлением наследника престола. Уже в 1549 году родилась дочь Анна. В 1551 году свет увидела дочь Мария. Оба ребенка не дожили до года. В октябре 1552 года родился сын Дмитрий, короткая жизнь которого привела к кризису, в течение которого Анастасия вновь появилась в поле зрения общественности. Кризис престолонаследия 1553 года имел характерную и многолетнюю предысторию, сказавшуюся на жизни и деятельности Ивана и Анастасии.

После коронации и женитьбы государь и государыня столкнулись с внутривластными проблемами. Во время медового месяца Иван хотел как насладиться юной женой, так и, следуя предписанному ритуалу, а также внутреннему убеждению, совершить вместе с Анастасией паломничество к мощам святых мучеников. Семейная жизнь и распорядок дня строго следовали церковным правилам. В деревне Островка, сразу за Москвой, царская пара столкнулась с депутацией из города Пскова. Семьдесят почтенных мужей хотели подать жалобу царю на произвол управляющего городом воеводу. Иван не справился с ситуацией. Он побил мужей и поджег у них бороды. К довершению несчастья до него дошло известие, что со звонницы Ивана Великого в Московском Кремле упал колокол. Иван был настолько напуган, что вместе с юной женой сразу же вернулся.

Вслед за этой пришла новая беда. 21 июня 1547 года в одной из церквей на Арбате возник пожар, перебросившийся затем на Кремль. Благовещенский собор погрузился в огненное море. В огне погибли 1700 человек. Иван вместе с Анастасией бежал из Москвы и остановился в селе Воробьево. Он созвал Боярскую думу. Народ находился на грани бунта. Царь начал расследование. 26 июня люди начали стекаться к Успенскому собору. Вспыхнуло настоящее народное восстание, направляемое враждующими дворцовыми партиями.

Говорили, что в этом виновна Анна Глинская, бабка Ивана! Анна Глинская и ее сыновья Михаил Молодой и Юрий тремя годами ранее лишили власти Шуйских. Сами же Глинские дискредитировали свое правление узурпацией прав и коррупцией. Поэтому Шуйским было легко подстрекать народ против семейства Глинских. Суеверным москвичам было совершенно очевидно, что пожар вызван колдовством. Призыв к мести был сейчас же претворен в жизнь: Юрий Глинский, дядя Ивана, был убит, за этим последовали грабежи и кровавая резня с новыми жертвами из семейства Глинских. Возбужденный народ поспешил к Ивану IV и потребовал высылки других членов семьи Глинских. Но юный царь захватил инициативу. Ему удалось схватить подстрекателей мятежа. Он велел их казнить. Восстание 1547 года ознаменовало собой поворотный пункт в русской истории.

Несмотря на то что восстание угрожало и самому Ивану, оно укрепило его волю к самодержавию. С восстания начался пер-

вый период его правления, который в целом считается «периодом реформ». Он продолжался приблизительно до 1564 года. Период реформ и годы брака с Анастасией, по-видимому, совпали по времени. Хотя изменчивый характер царя во многом и отягощал брак, Анастасия оказывала успокаивающее и уравновешивающее влияние на своего супруга.

Иван начал свои реформы с театрального жеста. После пожара 1547 года он произнес в Кремле речь, в которой варьировалась излюбленная тема его жизни: «Я был слишком юн, когда Бог призвал моего отца и мою мать. Моим именем могущественные бояре, которые сами хотели править, присвоили себе высокие посты, несправедливо обогатились и угнетали народ. Никто им не противился. В моем скорбном детстве, не окруженный ничьей заботой, в юношеской неопытности я и сам был слеп и глух. Я не слышал стонаний бедняков, и ни одного слова осуждения зла не выходило из моих уст». Он нападал на бояр: «Вы делали, что хотели; вы были продажны, безнравственны, алчны, вы творили несправедливость». За этим следовал вывод: «Я не виновен в этой крови. Но вас ждет страшный небесный суд». Царь изложил программу правления, в которой он как будто призывал народ стать союзником в борьбе с боярами: «Бог доверил мне свой народ. Я прошу вас довериться Богу и возлюбить меня. Отныне я буду вашим судьей и защитником. Злодеев бояр и вельмож больше не будет, а вам вернут все, что взяли у вас».

Иван нуждался в реформаторах и решительных мерах. Его устремления энергично поддержал целый ряд способных людей. Бежавший в 1564 году из Москвы в Литву главнокомандующий русскими войсками в Ливонской войне князь Андрей Курбский в своей «Истории Великого княжества Московского» назвал это небольшое сообщество реформаторски настроенных личностей Избранной радой. В нее входил он сам, придворный священник Сильвестр, дворянин Адашев, думный дьяк Висковатый и митрополит Московский Макарий. Инициированные Иваном преобразования – результат влияния этих советников. Это касалось реорганизации центральной и региональной администрации, изданного в 1550 году свода законов «Судебника», переустройства государственной и церковной службы, формирования стрелецкого войска и усилий по завоеванию Казани и Астрахани. Нельзя исключить и положительного влия-

ния Анастасии на процесс тех или иных реформ. Она, однако, не играла никакой официальной роли и никогда не упоминалась в документах. Но она поддерживала личные контакты с советниками Ивана и была знакома с их взглядами.

Так, например, духовник Ивана Сильвестр издал «Домострой» — правила внутреннего распорядка, моральный кодекс повседневной семейной и общественной жизни, которому должна была подчиняться и царица. Содержащиеся в нем основы жизненного уклада были не новы, однако Сильвестр придал им пропагандистскую убедительность. Одной из задач реформ, к проведению которых стремился царь, было исключить из поведения людей в семейной и общественной жизни ту дикость, которая распространилась в результате татаро-монгольского завоевания и феодальных междоусобиц, и установить порядок, который бы служил поддерживающему государственности принципу самодержавия. Согласно «Домострою», глава семьи являлся мерилем всего. Он распоряжался радостями и печалью всех членов семьи, должен был сдержанно и тщательно учитывать интересы каждого как в семье, так же и в государстве. О господствовавших в Москве, в том числе и в царской семье, при Иване IV самобытно-грубых и архаичных нравах свидетельствует уже то, что «Домострой» был окончательно признан только шестьдесят лет спустя — при Романовых.

С годами в отношениях с друзьями-советниками возникла трещина. Сильвестр хотел самодержавно учить морали. Адашев осмелился насмеяться над своим господином, его женой и ее низким происхождением. Иван был убежден в том, что вел угодный Богу образ жизни, защищал и множил государство, был любящим супругом и заботливым отцом своему родившемуся в 1552 году сыну Дмитрию. Весной 1553 года царь заболел. Иван чувствовал приближение смерти. В июне 1553 года царь потребовал от членов избранного совета и бояр принести клятву верности наследнику престола Дмитрию Ивановичу. Провозглашение царевича хотя и исключало возможность многолетнего регентства Анастасии официально, но не принципиально. Бояре опасались новой борьбы за власть, как это было, когда они правили двором во времена детства Ивана. Регентша более низкого, чем они, происхождения была для них совершенно неприемлемой.

Однако семья Анастасии Романовой добивалась для Анастасии регентства после смерти Ивана. Этим притязаниям противилось семейство Старицких. Владимир Андреевич Старицкий был двоюродным братом Ивана. Его мать Евфросинья с презрением и яростью вспомнила о регентстве Елены Глинской. Она пыталась организовать заговор с целью добиться трона для своего сына Владимира. Это привело к тому, что у постели больного Ивана разыгрывались ужасные сцены. Умиравший Иван был вынужден наблюдать, как бояре торговались из-за его наследства. Он умоляюще выдал: «Если вы не хотите целовать крест на верность моему сыну, значит вы уже помышляете о другом правителе...

Тот, что сейчас не хочет служить малому государю, тот и большому, стало быть мне, не хочет служить... Если же вы в нас уже не нуждаетесь, то тяжким грехом ляжет это на ваши души». Эта сцена считалась ключевым моментом в жизни Ивана. При этом можно исходить из того, что Анастасия была детально информирована об этих процессах.

Иван принудил дворянство поцеловать крест и признать Дмитрия наследником престола. О регентстве Анастасии решения принято не было. Несмотря на все ожидания, Иван выздоровел. Вновь и вновь у него перед глазами появлялась смутная картина с убитыми женой и сыном. Потрясение ложилось на израненную душу и выливалось в подчас животные ритуалы жестокого поведения. Иван не доверял больше никому. От этого страдала и искренне любящая его жена. Иван подозревал Избранную раду в том, что они только инсценировали реформы, чтобы ограничить власть самодержца. Его ближайшие друзья были поражены, когда Иван объявил, что с женой и ребенком совершит паломничество в расположенный далеко на севере монастырь Святого Кирилла. Первую остановку на дальнем пути он сделал в 60 километрах от Москвы. В Сергиево-Троицком монастыре жил известный проповедник Максим Грек. Иван просил у него благословения. Максим Грек отговаривал его от путешествия: если царь хочет говорить с Богом, он может делать это и в церквах Москвы. Ивану следовало бы — при поддержке церкви и политических советников — лучше заботиться о благосостоянии своих подданных, вместо того чтобы гоняться за какими-то фантазиями.

Иван был испуган и впал в сомнения, когда Максим Грек грозил ему: «Если ты не послушаешь меня, когда я говорю тебе, как ты должен действовать угодно Богу... если ты упрямо будешь настаивать на своем паломничестве, знай, что твой сын не вернется живым назад». Иван не осадил священника, но паломничество свое продолжил. Царское семейство достигло цели, прочитало положенные молитвы и готовилось к скорому возвращению в Москву. Наследник трона был уже завернут для дворцового церемониала. Двое бояр поддерживали кормилицу, которая несла ребенка на руках. Они шли в центре праздничной процессии, которая двигалась от Кириллова монастыря к сходням. Там ждала царская барка. Как только семья вступила на сходни, они обвалились, и все, кто там находился, упали в воду. И хотя ребенка тут же достали из воды, он был уже мертв. Несчастье произошло 26 июня 1553 года. Пророчество Максима Грека исполнилось. Только такие религиозные люди, как Иван IV и Анастасия, могли поверить, что они стали жертвой своего неповиновения Церкви. Естественно, возникает подозрение, что сложился политический заговор против царя, чтобы воспрепятствовать осуществлению его замыслов авторитарического правления.

Иван с супругой вернулись в Москву. Сначала казалось, будто жизнь идет своим чередом. 28 марта 1554 года Анастасия произвела на свет сына Ивана. По всей вероятности, он быт зачат именно тогда, когда в результате несчастного случая погиб Дмитрий. Может быть, как говорили, это было демонстрацией, предложенной самим царем, в которую была вовлечена и супруга Анастасия? В то время как Анастасия в последующие годы родила еще двоих детей, в 1556 году дочь Евдокию и в мае 1557 года царевича (позднее царь Федор Иванович), и при этом ее здоровье все более и более расстраивалось, царь Иван IV приступил к политическим переменам, которые по грубости форм выходили за рамки представления об авторитарическом правлении.

Участие России в европейских событиях ограничивалось Польшей и Литвой, которые, подобно барьеру, располагались между Москвой и Западом. В 1558 году Москва начала Ливонскую войну. Иван хотел получить выход к Балтийскому морю. Первая битва в январе 1558 года произошла под богатым городом Нарвой и послужила началом войны, которая продолжа-

лась 25 лет и привела Россию к катастрофе. Русские вели наступление в Ливонии. Личная жизнь царя внешне вновь приобрела устойчивость после того, как Анастасия родила ему двух сыновей — Ивана и Федора. Иван IV хорошо жил с женой. Но это была только видимость покоя. 7 августа 1560 года царица после долгой болезни умерла.

Анастасия Романовна получила известность благодаря браку с Иваном IV. Во время волнений 1547—1548 годов она стояла на его стороне и вместе с ним пережила события государственного кризиса 1553 года. Всерьез общество восприняло ее только после смерти. С женской половины Кремля просачивались подробности о ее характере, ее склонностях — о ее личности. Анастасии было только 30 лет. Именно многочисленные роды ослабили ее хрупкое здоровье и привели к ранней смерти. Царица, по-видимому, пользовалась известной популярностью в народе. Ее задачей была благотворительность. Летопись отмечает: «Много слез было пролито из-за нее, потому что ко всем она была милосердной и благосклонной».

Анастасия была погребена в церкви Вознесения Христова в Кремле. Согласно обычаю, в погребении принимало участие много народу. По всей видимости, царица обладала покладистым характером. По меньшей мере она не проявила себя властолюбивой, мстительной и сварливой наподобие регентши Елены Глинской. Ее влияние на правление Ивана можно определить только косвенно. И о ее отношении к ближайшим советникам мужа также можно только догадываться. Говорят, что в конце жизни у нее была открытая ссора с Сильвестром. Возможно, она считала чрезмерным влияние этих людей на юного Ивана. Критики упрекали Анастасию в безбожии. Это было, исходя из того, что известно о ее образе жизни, разумется, необоснованно.

Брак был сложным. Трудности возрастали с ухудшением здоровья Анастасии, но прежде всего в связи с проблемами развития государства и обострением негативных черт характера Ивана IV. Царь изменял супруге. Он делал на людях непристойные замечания и грубо оскорблял ее. Тем не менее Иван был привязан к своей жене. Когда Анастасия умерла, он горько плакал и много раз был близок к обмороку. В дальнейшем Иван с любовью и сожалением вспоминал о своей первой жене. Решающим для характера их отношений в свете жизнеопи-

сания Ивана было то, что Анастасия в восходящей фазе реформаторского строительства оказывала совершенно очевидно позитивное влияние на своего супруга. Что она сама думала и чувствовала — об этом источники умалчивают. Но тот факт, что она сопутствовала ему в созидательный период его жизни, свидетельствует о скрытой чуткости и понимании женщины, главная задача которой официально состояла в том, чтобы произвести на свет наследника престола. С этой ответственной обязанностью она справилась не вполне. Даже ее сын Федор Иванович, который взошел на трон после своего отца в 1584 году, на всем протяжении своей жизни оставался болезненным и слабым человеком.

Кончина Анастасии была для Ивана ударом, который он перенес с большим трудом. Анастасия была единственным человеком, которому он в конце 50-х годов еще доверял. Она была преисполненной любви личностью, которая оказывала поддержку Ивану в его внутренних сомнениях и не упустила возможность приобрести для семьи Романовых высокое положение при дворе.

«Грозный» женится на черкешенке

Со смертью Анастасии возобновились распри между Шуйскими, Глинскими, Старицкими, а также Романовыми. Через неделю после кончины Анастасии Макарий и архиепископы просили царя отказаться от длительного траура, ради христианской надежды поскорее жениться и не предаваться более скорби. Они надеялись, что царица из другой семьи вытеснит Романовых. Удачным браком можно было противодействовать растущему напряжению в мыслях и действиях Ивана.

И вновь, прежде всего в Польше и Швеции, искали невесту. Эти усилия окончились неудачей. В отличие от выборов первой невесты на этот раз советники не вернулись к поискам русской девицы, а выбрали дочь кабардинского князя Темрюка Айдарова. Она была молода и прекрасна, но мстительна, необразованна и непомерно надменна. Иван тут же взял черкешенку своей второй супругой. Девушка приняла православную веру и получила имя Мария. Все иноземные невесты русских наследников престола, царей и императоров, должны были принимать православную веру прежде, чем они могли вступить в брак. Так же

и в случае с Марией Черкасской смена веры и выбор невесты содержали государственно-политическую подоплеку. В XIII веке кабардинцы попали под монгольское господство. С закатом Золотой Орды они расселились по берегам Терека и в XVI веке стали данниками крымских татар. Христиане-кабардинцы подверглись массовой исламизации. В своем сопротивлении они вступили в союз с русскими. Таким образом, экзотический выбор невесты для Ивана приобрел политико-религиозное значение. Разумеется, советники Ивана опасались, что православные москвичи не поймут этой политической подоплеку и что татары или турки могут не допустить заключения брака в результате политического убийства или направленного мятежа. И тогда появилось предписание, под страхом смерти запрещающее всем москвичам и иностранцам покидать свои дома в течение трехдневных свадебных торжеств.

Со смертью Анастасии Иван в значительной мере утратил душевное равновесие. Свойственные ему негативные черты характера прорывались наружу точно так же, как становились более частыми военные неудачи и все более жестокими — внутривластные распри. Мария не оказывала на него успокаивающего воздействия. Иван вспоминал о том, что Сильвестр и Адашев нелестно говорили об Анастасии.

Он сделал их ответственными за смерть своей первой жены и изгнал своих бывших друзей, внезапно и немотивированно.

Злодеяния Ивана IV оттолкнули его и еще от одного человека, с которым у него существовали особенно дружеские отношения: князя Андрея Курбского. Он наблюдал, как Иван после 1560 года не только избавлялся от лучших друзей, но и распространял карательные акции на их семьи и всю аристократию в целом. Весной 1564 года русские войска потерпели поражение. Курбский, бывший с 1563 года наместником в Дерпте, опасался, что на него будет возложена ответственность за военную неудачу, и принял решение бежать в польско-литовское государство. В последующие годы в своей переписке Курбский и Иван IV много размышляли о внутренней жизни Руси и царя Ивана. Едва ли другой источник дает так много сведений об Иване IV. В письмах, всего их семь — два от Ивана и пять от Курбского, следует обратить внимание на то, что Курбский не был ни героем, ни диссидентом. В обвинениях против Ивана IV он искал оправдания своего предательства.

Предательство друга нанесло тяжелые раны, и они зияли именно там, где Иван был полон недоверия, сомнений и отчаяния: если даже друг становится предателем, что же тогда знать и духовенство?

В этой переписке речь в первую очередь шла о личной расправе обоих мужчин, которые сначала были друзьями и затем — ожесточенными врагами, которые откровенно проявляли себя в обоюдной ненависти и ожесточении и при этом служили отражением своего времени. Хотя о царице Анастасии было упомянуто только один раз и вообще браки Ивана не были предметом полемики, переписка позволяет ознакомиться с образом мыслей Ивана, который в упрощенной форме можно сформулировать так: женщина должна быть покорной мужчине. Иван IV в своем «Послании» Курбскому говорил правду, когда писал, что совершил больше злодеяний, «чем песка у моря». Убийства, казни и ссылки в начале 60-х годов явились прелюдией к кульминации драмы. Она осуществлялась с 1564 года. Ничего не известно о том, чтобы вторая супруга Ивана встала на пути этих зверств.

В ноябре 1564 года Иван собрал вокруг себя аристократов, духовенство и сановников. Он объявил, что окружен предательством, изменой и неповиновением. Он опасается за свою собственную жизнь и жизнь своей супруги. Пришло время отречься от престола. Не дожидаясь возражений, Иван сложил с себя корону, положил скипетр, снял облачение и оставил пораженных бояр одних. Не были им, разумеется, забыты и государственные регалии. Иван неожиданно появлялся в московских церквях и забирал освященную утварь, иконы и реликвии. 3 декабря 1564 года он появился в Успенском соборе и участвовал в заутрене. Затем он осенил крестным знаменем собравшихся, сел в свои сани и молча уехал прочь. Несколькими днями позднее Иван с семьей и личным имуществом на более чем ста санях выехал из Кремля. Поезд двинулся в сторону Коломенского, к Троице-Сергиевому монастырю и в середине декабря прибыл в Александровскую слободу, находящуюся приблизительно в 100 километрах от Москвы. 3 января 1565 года Иван послал в Москву два письма. Послания должны были огласить публично. В то время как первое письмо было полно ужасных обвинений против бояр и заканчивалось отречением от трона, письмо к народу было выдержано в совершенно иных

тонах. В нем также говорилось об отставке, однако не проявлялось гнева против простых людей. Народ московский походил на стадо овец, лишившееся пастыря, и осаждал митрополита Афанасия, чтобы он просил царя вернуться на трон. Афанасий исполнил это желание, направив царю прошение.

Архиепископ Новгородский Пимен решился произнести судьбоносные слова: «Если же предательство и злоба в нашем Отечестве, о которых мы ничего не знаем, ввергли тебя, государь, в печаль, то в твоей воле строго наказать виновных или доказать им свое милосердие». Иван же клялся в том, что его семье угрожает опасность. Он вновь утверждал, что Анастасия была убита. Только через несколько дней он дал ответ и поставил два условия своего возвращения. Он потребовал свободы рук при расправе с «предателями» и радикальном преобразовании государства. Иван требовал разрыва с традиционным боярством. Этому он дал понятие «опричнина» (обособление). Под ней подразумевалась обособленная территория, на которой бояре не могли иметь земельных владений и распоряжался которой только царь. В опричнине Иван IV хотел осуществить свои представления об автократическом Русском государстве. Остальной Русью — земщиной, согласно планам Ивана IV, могла править Боярская дума. Войны с Польшей, Литвой и турками велись бы совместно, а «предателей» опричники Ивана IV могли преследовать по всей Руси. Посланцы церкви согласились с предложениями царя.

Весной 1565 года Иван с женой Марией возвратился в Москву. Говорят, что оба они казались истощенными, усталыми и постаревшими. Кампания мести против «боярского заговора» началась. Последовали 11 кровавых лет, в течение которых Иван Грозный реализовывал свою жизненную философию: «Вы говорите, Бог дал сотворенному им человеку свободу и достоинство. Это неправильно. Хотя Адам и был наделен властью и свободой воли, он за то, что ослушался Божьего приказа, был жестоко наказан, он был лишен власти, и впал он в немилость, из света во тьму, от сияния наготы в одежды из шкур, от праздности к заботе о хлебе насущном, от бессмертия к смертности, от жизни к смерти». Смысл этих символов был всегда один и тот же: он, Иван IV, был призван как самодержец наказывать всех предателей и преступников. Что же могла любить женщина, стоящая рядом с ним?

Мария была красивой женщиной, но она не владела русским языком и только позднее постаралась его выучить. Об Иване IV судили так, что все его дальнейшие браки после относительно долгого брака с Анастасией проходили как в дурмане и были лишь проявлением его загнанной, жестокой и отчаянной жизни. Тем не менее Иван и Мария прожили вместе восемь лет — до ее смерти. Слухи о том, что Мария была отравлена, кажутся необоснованными. Мария произвела на свет только одного ребенка, сына Василия, который умер вскоре после рождения. Брак с кавказской девицей остался исключительным явлением в истории российских правящих домов и с трудом отвечал тем правилам, которым подчинялась царская семья. Годы, которые провела Мария с Иваном, считались кульминацией его ужасного правления и не могли сравниться с годами реформ. Было символическим то, что смерть Марии и страшная кончина митрополита Филиппа совпали по времени.

Когда церковные иерархи заметили, к чему привел произвол Ивана IV, они стали искать спасительный выход. Митрополит Макарий умер в 1563 году. Выбор его последователя проходил под знаком борьбы за власть. Филипп Колычев, настоятель Соловецкого монастыря на Белом море, стал новым митрополитом всея Руси. Иван выбрал его потому, что Филипп был личностью умной, религиозной, с сильной волей. Иван ошибался, когда надеялся, что найдет в нем покладистого человека Божия. Филипп в своих проповедях во всеуслышание заявлял о преступлениях опричнины. В своем открытом вызове он 22 марта 1568 года в Вознесенском соборе отказал Ивану в церковном благословении. На этом самом месте Иван двадцатью годами ранее был коронован вместе с супругой Анастасией! Царь появился в черной рясе опричника, и Филипп пристально посмотрел на него: «Не узнаю православного царя в этом странном одеянии и в поступках его. Нет для тебя благословения. Бойся, царь, Божьего суда!» Духовенство обвинило Филиппа в бунте и предательстве. Церковный суд приговорил его к пожизненному заточению в монастыре под Тверью. Год спустя он был задушен предводителем опричников Малютой Скуратовым.

В 1569 году царь вместе с Марией совершил путешествие в Вологду. Там его настигло известие о «заговоре» в Новгороде. В Вологде Мария заболела. Иван поспешил обратно в Москву.

Боярин Басманов должен был позаботиться о безопасном возвращении Марии домой. Они добрались только до Александровской слободы, там 6 сентября вторая супруга Ивана IV умерла, не оставив глубокого следа в русской истории. За относительно спокойными годами реформ с Анастасией последовали ужасы опричнины. Нельзя доказать вину или активное участие Марии в этом. Возможно, мы просто об этом не знаем.

Кто была Марфа Собакина?

Вскоре после смерти Марии в 1570 году царь велел объявить, что не хочет долго ждать новой свадьбы. Ливонская война делала поиски невесты за границей невозможными, и царский двор вновь выбирал среди девиц своей страны. На этот раз не боярские дочери имели преимущество, а служилое дворянство отправило 1500 соискательниц на смотрины. Окончательный выбор Иван сделал при поддержке самого беззастенчивого из опричников — Малюты Скуратова. Он высказался за девицу по имени Марфа Собакина, о которой неизвестно даже, сколько ей было лет. Известно только, что она была родственницей Малюты Скуратова. Сразу после обручения Марфа начала «вянуть» и должна была бы быть исключена из состязания за благосклонность царя.

Иван положился на советы Скуратова довериться воле Божией и, несмотря на все возражения, в октябре 1571 года женился на тяжелобольной девушке. Брак был официально утвержден клиром. Поскольку царь женился на Марфе, Скуратов стал считать себя в родстве с царем и воспользовался этим для того, чтобы еще больше усилить свое влияние. Нельзя исключить, что девушка была использована только для того, чтобы приблизить Скуратова к царю. Всего месяц спустя после заключения брака Марфа умерла. Слухи о том, что Марфа была отравлена «злыми людьми», были более упорными, чем в случае с Анастасией или Марией.

Анна Колтовская и окончание опричнины

Решения Ивана о заключении брака в каждом случае принимались быстро и резко. После кончины Марфы в ноябре 1571 года поиски невесты без какого-либо значительного перерыва бы-

ли продолжены. После нескольких «отборочных туров» Иван остановился на девице по имени Анна Колтовская. Анна также происходила из окружения Малюты Скуратова. Она была сильной, здоровой и видной. Иван женился на ней в апреле 1572 года. Ее родные были столь низкого происхождения, что Иван не отважился представить их боярам. Брак просуществовал лишь до сентября 1572 года. Затем юная супруга была насильно сослана в монастырь, а ее родственники лишились полученных угодий. Анна на много лет пережила своего мужа. Она умерла в 1626 году. В основе этого брака также лежала попытка усилить опричную знать. Его судьба подобна судьбе самой опричнины.

Сколь коротким и авантюристичным ни был брак, он был первым для Ивана IV, который окончился не со смертью его супруги. Ссылка в монастырь была равноценна расторжению брака и в случае дворян или горожан должна была осуществляться согласно определенным церковным установлениям. Теоретически христианский брак, согласно православной вере, был нерасторжим. Поскольку для мужа первым возможным основанием для развода было утаенное супругой знание о заговоре против царя, царю не составляло труда таким образом избавиться от своей жены. Для помещения в монастырь требовалось подтверждение архиепископа, но и с этой стороны Ивану не следовало ожидать проблем.

Благодаря опричнине Иван IV достиг ряда поставленных целей. Он нанес большой ущерб старой боярской знати, лишив ее власти. Из первоначальных 200 семейств выжили 20. Из опричнины выросло новое служилое дворянство, верное самодержцу. Иван IV создал новую государственную идею и жестокими средствами пытался осуществить ее. Но он не сумел окончательно оформить ее. Вместо этого он вверг Россию в смутные времена. Его видение будущего оказалось длительно прочным. Непосредственное же действие больше разрушало, чем создавало. Об этом свидетельствовали как опричнина, так и Ливонская война. Военные действия в Ливонии развивались с малым успехом. С опричниной иссякали хозяйственные ресурсы. За семь лет опричники жестоко расправились с около 4000 вельможами государства вместе с их семьями, а также с влиятельными дворянами, торговцами и горожанами Новгорода, Пскова и других городов.

В 1572 году опричнина была отменена. Так же внезапно и непосредственно, как инсценировал ужасный спектакль, Иван позволил занавесу упасть. Царь писал своим обоим родившимся в 1554 и в 1557 годах от брака с Анастасией сыновьям Ивану и Федору завешание и жаловался: «Мое тело истощено, мой дух страдает, струпья на моих душевных и телесных ранах умножились и нет врача, который мог бы меня спасти. Я тоскую по человеку, который мог бы разделить со мной печаль, но нет никого. Я не нашел утешителя». Он был растерян и думал том, чтобы удалиться за границу. Угнетенного душевного состояния не могли изменить и последующие браки Ивана. Новые любимцы приходили и уходили. Малюту Скуратова оттеснили из непосредственного окружения Ивана, и протезируемые им девицы больше не имели никаких шансов. Эпизод с женитьбой на Анне Колтовской был сигналом для обрушения опричнины. С падением Малюты Скуратова закончилась опричнина, и Анна была изгнана.

Сомнительная смена придворного фаворита: Анна Васильчикова

На место Скуратова наряду с другими заступил в качестве нового фаворита Василий Умной-Колычев. Под его влиянием Иван IV в 1575 году вступил в новый брак. Он женился на девице по имени Анна Васильчикова. Она входила в сферу влияния Колычева, однако, по-видимому, непосредственно в его семью не входила.

Свадьба Ивана и Анны Васильчиковой праздновалась не по старинному обычаю, а исключительно в узком кругу. Несмотря на скромность торжества, в нем принимали участие многочисленные члены большого семейства Колычевых. Однако возник конфликт с небольшой семьей невесты. Братья юной царицы Анны боролись за усиление собственного влияния на царя и не хотели оставаться в зависимости от милостей Колычевых. Обе партии всеми силами добивались расположения Церкви и жертвовали деньги на укрепление Троице-Сергиева монастыря. Оба семейства проиграли в борьбе: Колычев был казнен, а Анна сослана в монастырь, где и умерла в 1576 году. Брак царя не просуществовал и года и закончился таким же образом, как и предшествовавший. Священнослужители

мрачно взирали на дальнейшие брачные планы Ивана. Они не могли по доброй воле покрывать каждую следующую брачную авантюру царя. Но прежде они получали передышку: в отличие от двух последних браков, Иван IV не стремился сразу завести новую супругу. В 1575—1576 годах сложилась новая внутривосточная ситуация, которая оказала воздействие и на взгляды Ивана IV на брак.

Страх за собственную жизнь, вероятно, явился причиной того, что в 1575—1576 годах Иван на короткое время возродил опричнину. В 1575 году Иван IV назначил великим князем всея Руси касимовского хана Симеона Бекбулатовича (до крещения — Саин-Булат), сам же стал именоваться князем Иваном Васильевичем Московским. Татарского касимовского князя Симеона Бекбулатовича он назначил царем. В 1564 году отъезд Ивана в Александровскую слободу был просчитанным фарсом. Новый шаг напоминал злую проделку безумца. Вновь полетели боярские головы.

Симеон Бекбулатович оказывал Ивану всевозможные любезности. Он дал ему всю необходимую полноту власти, в которой нуждался Иван, чтобы успокоить свою жажду крови и жажду мщения опричникам. В основе опричнины лежало представление, что самодержавие можно укрепить за счет устранения старой аристократии. У Ивана IV и на тот момент были основания сыграть злую шутку с псевдоцарем. Он вновь использовал «развратный образ действий наших подданных» в качестве мотивации для необычной игры. Он оставил за собой право: «Если нам нравится, мы вновь можем возвести себя в сан». Через год великий князь Симеон Бекбулатович бесследно исчез с русской сцены.

Тайная любовь и наследница — Василиса Мелентьева и Мария Нагая

Между этой второй опричниной и дальнейшими скандальными кровавыми злодеяниями царь Иван заключил два новых брака. В противоположность прежним пяти политически мотивированным бракам шестая невеста, как кажется, была дамой, на которой царь женился из личной страсти. Как утверждают, речь шла о бывшей вдове дьяка Мелентия Иванова — Василисе Мелентьевой. Реальное существование Василисы под-

вергалось сомнению. В конечном итоге исследователи склоняются к тому, что она действительно жила и что была замужем за Иваном IV. В 1579 году царь одарил ее детей Федора и Марию достойными наследственными угодьями — владение было зарегистрировано в земельной книге Вязьмы. Поскольку ее отец Мелентий Иванов не имел заслуг, возможно, он даже не был дворянином, это дарение можно рассматривать только в связи с заключением брака Василисы. Василиса, правда, прожила только до 1580 года. Брак по любви остался эпизодом и не изменил жизнь Ивана, существенно не повлиял на нее.

Вероятно, Иван горевал о ранней смерти Василисы. Но это не помешало ему в 1580 году вновь стремиться к скорому заключению брака — седьмого. К новым фаворитам второй опричнины принадлежат некий Афанасий Нагой, который, среди прочего, служил царским послом при дворе Крымского хана. Нагой успешно осуществил посредничество между своей племянницей Марией Нагой и царем. В 1580 году состоялась свадьба. Но Иван не придавал браку большого значения, тем более что церковь подвергала сомнению его законность. Во время Ливонской войны Москва добивалась военного союза с Англией, чтобы за счет британских кораблей компенсировать свою слабость на Балтийском море. Королевский совет Англии отклонил ратификацию заключенного в Вологде договора. После отказа Иван IV «титоловал» английскую королеву Елизавету I «немошной вульгарной бабой и старой девой». Обида, однако, не помешала Ивану послать сватов к Елизавете. Он хотел отказаться от царского трона, покинуть Русь и провести закат своей жизни рядом с ее британским величеством. Лондон отклонил предложение. Иван не пал духом. Если он не может получить королеву, он удовольствуется и придворной дамой — Мэри Гастингс. Русский посланник при лондонском дворе Писемский заявлял, что царь хочет развестись с Марией Нагой, так как он, «великодержавный царь, взял за себя в своем государстве не равную ему по рождению боярскую дочь. Но если племянница королевы хорошо сложена и достойна этой высокой миссии, то наш царь готов... покинуть свою жену и держать руку королевской племянницы». Сватовство было настойчивым. Москва должна была преодолеть связанную с Ливонской войной политическую изоляцию и хотела связью с английским двором повысить свой престиж.

Иван навел справки об имущественном положении потенциальной невесты. Но королева Елизавета отклонила эти контакты. В Москву сообщили, что Мэри Гастингс состоит с королевой в более дальнем родстве, чем ее другие племянницы, что у нее очень слабая конституция и, кроме того, она не отличается особой красотой. Ее лицо обезображено оспой. Царь Иван настаивал. Курсировал слух, что он хотел, взяв с собой государственную казну, удалиться в Англию, там жениться и жить в качестве эмигранта. Все усилия провалились. Иван остался в Москве, а Мария Нагая пока избежала монашеского покрывала.

Шесть супруг было у Ивана до Марии Нагой. Из шести детей царя к началу 80-х годов живыми были только сыновья Иван и Федор. Очевидно, Иван IV подозревал, что и его родившийся в 1554 году сын Иван хотел раньше срока занять трон. От Ивана IV не укрылось, что бояре возлагают надежды на наследника престола. И поскольку после 1578 года царь часто болел, его недоверие к сыну только возрастало. Конфликт обострялся и в ноябре 1581 года закончился катастрофой. В ходе первоначально незначительной семейной ссоры – царя Ивана взволновало то, что беременная невестка лежала на солнце без предписанной для этого одежды, – сын попытался защитить свою жену от неистовствующего отца. Царь ударил его железным посохом. В результате этого ранения через три дня сын умер. Нанесенный в состоянии аффекта удар внес свой вклад в изображение образа «Грозного». Кровавое злодеяние было непростительным. Убийство настолько потрясло царя, что он до самой своей смерти в марте 1584 года уже не оправился. Когда сына похоронили в московском Архангельском соборе, Иван IV разрылся безудержным плачем. С той поры Кремль напоминал монастырь. Иван больше никогда не облачался в роскошные царские одежды. Он велел составить книги с именами всех жертв и служить панихиды по убиенным. Тем не менее своей необузданной вспыльчивостью Иван способствовал прекращению династии Рюриковичей.

После смерти наследника престола Ивана единственным наследником оставался считавшийся слабоумным сын Федор. Несмотря на всю печаль и расстройство, Иван IV испытал позднее счастье. 19 октября 1582 года Мария Нагая родила ему сына Дмитрия. Таким образом, наряду с больным Федором

имелся и новый претендент на царский трон. Но и эта надежда оказалась обманчивой.

Близящийся конец правления династии характеризовался не только иррациональным поведением царя. Убийство Иваном сына было символичным. В тот же год поражением закончилась Ливонская война. Единственную причину упадка государства царь Иван видел в предательстве бояр. Иван IV смирился, он не обладал больше силой. Для своего сына Федора он назначил регентский совет, возглавляемый боярином из семьи Романовых, но 18 марта 1584 года Иван умер прямо за игрой в шахматы. Царь оставил после себя малопригодного на правление наследника. Государство находилось в безнадежном положении. Тем не менее Иван IV остается выдающейся личностью в истории русской автократии. Причина этой славы прежде всего в том, что он был воплощением чувства автократической самооценности. Иван считал себя посланным Богом судьей над злом. Его участь состояла в том, чтобы наказание зла как личную вину возложить на свою совесть. За кровавыми злодеяниями следовали самобичующие покаянные молитвы, полные внутреннего отчаяния. Самодержец Иван считал собственное насилие против людей жертвой за своих подданных. Его законные жены не занимали в этом образе мыслей и действия выдающегося места. Характер царя, недостаточность исторических источников и, что также нельзя упускать из виду, всеобщее падение статуса русской женщины в течение XVI века обусловили лишь схематичное появление супруг Ивана. Однако низшая точка в социальном и светском положении женщины была впереди. Тем более примечательным было то, что последняя супруга Ивана Мария Нагая сыграла в последующие смутные годы прямо-таки бросающуюся в глаза роль.

Глава 2

Как осенняя листва на ветру — царицы в клубке интриг Смутного времени

Ирина Федоровна Годунова
(? — 26 октября 1603),
супруга царя Федора Ивановича с 1580 года

Мария Григорьевна Бельская-Скуратова
(? — 10 июня 1605 года),
супруга царя Бориса Годунова с 1571 или с 1572 года

Марина Мнишек (около 1588—1614 годы),
дочь сандомирского воеводы, супруга
Лжедмитрия I с 8 мая 1606 года —
признана в качестве жены Лжедмитрием II
после 1606 года

Елена Репнина,
первая супруга царя Василия Шуйского

Мария Петровна Буйносова-Ростовская,
вторая супруга царя Василия Шуйского с 1608 года

Семь жен было у царя Ивана IV. Иван Грозный со своими семью женами остался исключительным явлением для правивших в России династий. Хронисты и историки использовали жен в качестве иллюстрации особо характерных для правителя эпизодов и отличительных черт. Самостоятельного описания их жизни в широком смысле не предоставлялось. Иностранцы видели супруг только по официальным поводам или стоящих отдельно в церкви. Они не имели доступа к их духовному миру и миру их переживаний. «Домострой» установил принципы, которые были действительными и при царе Федоре Ивановиче, Борисе Годунове. Тем не менее существовали и определенные исключения: Ирина Годунова, супруга Федора и сестра Бориса Годунова.

Когда в 1584 году умер Иван IV, на трон взошел его сын Федор. Его считали слабоумным и неспособным к правлению. Еще при жизни отца в 1580 году его женили на Ирине Федоровне Годуновой, и от этого брака в 1592 году родилась дочь Феодосия. Девочка дожила только до двух лет. Для Федора женитьба на сестре Бориса Годунова, одного из ближайших последователей Ивана Грозного из числа опричников, была очень важной.

Ключ к тесному сплетению государственно-политических отношений, которые в последующие годы развивались между Марией Нагой, ее сыном Дмитрием, царем Федором и его супругой Ириной, находился в руках сильной личности Бориса Годунова. Ирина Годунова, в отличие от предшествовавших цариц, играла общественную и политическую роль, которая уже расходилась с образом женщины, проводившей большую часть времени в тереме. Свидетельства о жизни Ирины незначительны и не доказывают окончательно, использовала ли она свои интеллектуальные способности из собственных соображений и стремления к власти или служила Борису Годунову. Более вероятно предположение, что она скорее оставалась инструментом в твердых руках Годунова.

Борис Годунов в 1570 году женился на дочери опричника Малюты Скуратова Марии Григорьевне Скуратовой-Бельской. До этого момента совершенно безвестная девушка послушно подчинила себя политическому восхождению своего супруга и

закончила еще более трагично, чем он сам. Борис Годунов убедил царя Ивана IV не только благодаря этой родственной близости к верхушке опричников. Иван ценил этого красивого мужчину за величественную осанку и пронзительный ум. Борис Годунов пользовался расположением царя и умел при всяком предоставлявшемся случае советовать Ивану проявлять гибкость, хитрость и глубину. Возможно, что Иван распустил опричнину по настоянию Годунова, потому что бесчинства Ивана IV негативно влияли на его престиж за границей. Политические представления Годунова были настолько далеки от разума кровавого Малюты Скуратова, что Мария Григорьевна жила в состоянии душевного разлада, от которого ее могла спасти только терпимость. Она правильно поступила, в первую очередь подчинившись воле супруга и полностью оставаясь на заднем плане. Сестра Годунова играла совершенно иную роль.

Иван IV не только женил сына Федора на Ирине, но и образовал регентский совет. В совет входили видные бояре Никита Романович Захарьин-Юрьев (брат первой жены Ивана), князь Иван Петрович Шуйский – Рюрикович – и князь Иван Федорович Мстиславский из рода Гедиминовичей, чей авторитет не уступал Рюриковичам. К ним присоединился опричник Богдан Яковлевич Бельский. Борис Годунов не был призван Иваном в совет. Только после смерти Ивана он сам объявил себя его членом. Как ни домогались все члены регентского совета благосклонности будущего царя Федора, Годунов имел перед ними преимущество: сестру Ирину. В качестве шурина наследника трона он смог приобрести влияние и расширить свою власть. И собственный брак с дочерью опричника Скуратова ему не был в этом помехой. Ирина ухаживала за больным Иваном перед его смертью и позаботилась о том, чтобы Годунов, несмотря на жестокие нападки со стороны бояр, не впал в немилость.

После смерти Ивана IV Годунов изгнал своего самого сильного конкурента Ивана Шуйского. В 1587 году Шуйский, спасаясь, бежал в монастырь, после чего он безуспешно пытался поднять мятеж против считавшегося узурпатором Годунова. Тогда Годунов распустил регентский совет и в 1588 году принял титул: «шурин великого правителя, регент, слуга и конюший, боярин, дворцовый воевода и хранитель подвластных территорий и Ка-

занского и Астраханского царств». (Только после успешной обороны Москвы от Казы-Гирея в 1591 году Борис Годунов получил самый высокий при дворе чин слуги и стал постоянным членом Ближней думы. — *Прим. ред.*) Годунов оставался регентом до смерти Федора в 1598 году. Все эти годы он проводил выгодную для Руси политику, однако неизменно был презираем аристократами как беззастенчивый выскочка и должен был защищаться от многочисленных интриг против себя лично и против своего регентства. Годунов платил той же монетой. Он всегда был в милости у царя Федора, он был обязан как осуществляемой в интересах государства политике силы, так и разумной и посреднической деятельностью Ирины, которой он предоставил достаточно свободы действий для самореализации. Доля активности Федора в этом треугольнике была относительно невелика. В рамках общественных и официальных выходов и представительских обязанностей царица Ирина Федоровна была рядом с супругом. Она не только принимала иностранных послов, но и принимала участие в заседаниях Боярской думы. Она имела с Федором исключительно доверительные отношения и умела искусно объяснять ему его задачи как царя.

В изображении современников Ирина была образованной женщиной, прекрасно понимающей нужды подданных. Они хвалили ее усилия к самостоятельности. Существует целый ряд документов, относящихся ко времени правления Федора, на которых рядом с подписью царя неожиданно появлялось и имя Ирины. Особо отчетливо сильная человеческая и политическая позиция царицы проявляется в ее переписке с английской королевой Елизаветой I и патриархом Александрийским. Она прилагала усилия для признания Русской православной церкви, которая тогда еще не являлась патриархатом. Вновь и вновь посылала Ирина патриарху Александрийскому дорогие подарки. В знак благодарности и признания в июне 1591 года ей была прислана из Константинополя часть мощей святой Марии Магдалины. То, что Борису Годунову удалось добиться подтверждения признания Русской церкви патриархатом, является еще одним примером тесного взаимодействия регента и царицы — в интересах Русского государства.

Ирина смогла до такой степени укрепить свою позицию, что вскоре сама подверглась нападкам завистливых бояр, которые видели в ней опору и лучшую помощницу Бориса Году-

нова в его борьбе за трон. В 1587 году бояре организовали заговор против Ирины. Направляемые митрополитом Московским и князем Шуйским, они хотели потребовать от царя Федора, чтобы он разошелся с женой, потому что она до сих пор не произвела на свет наследника. Тогда Шуйский был вынужден спасаться бегством в монастырь. В 1592 году Ирина родила дочь, которая, к сожалению, вскоре скончалась. Рождение этой дочери, вероятно, было взаимосвязано с другой проблемой, которая чрезвычайно волновала как Годунова, так и Ирину, принимая во внимание будущее царского трона.

В 1582 году Мария Федоровна Нагая, последняя супруга Ивана IV, родила сына Дмитрия. После смерти Ивана IV Дмитрий жил со своей матерью в качестве удельного князя в Угличе, на Волге. Царь Федор сослал туда сводного брата и его мать. Инициатором был Борис Годунов. Он опасался влияния Марии Нагой при дворе и распространял слухи, будто бы она сварлива и раздражительна. С высылкой Дмитрия из столицы был удален конкурент в борьбе за трон. В Угличе Мария Нагая не имела никакой власти. Там властвовал ставленник Годунова Битяговский. Между царской вдовой и Битяговским развивалась затяжная ссора, полная личных нападок и злобы. Дмитрий был воспитан в ненависти к Годунову. В мае 1591 года Дмитрий совершенно неожиданно умер. Царица обнаружила его во дворе, истекающего кровью от смертельной раны на шее. Мария Нагая обвинила в убийстве Битяговского. Боярин вместе с сыном и десятью своими сторонниками был убит разъяренным народом. Годунов направил в Углич следственную комиссию. Ее возглавил Василий Шуйский. (В состав комиссии вошли также окольный А.П. Клешнин, тесть Григория Нагого, и дьяк Елизарий Вылузгин.— *Прим. ред.*) Комиссия сообщила, что царевич с друзьями играл в ножички. В результате припадка эпилепсии он сам себе нанес рану. Мария Нагая обвиняла Битяговского в убийстве и призывала народ к кровавому восстанию против царя. Московские бояре признали царскую вдову виновной. Мария должна была принять постриг под именем Марфы и уйти в монастырь. Остальные члены семьи были сосланы. Царевич был торжественно похоронен в кафедральном соборе в Угличе. Гибель Дмитрия так и не была до конца расследована и последующие годы давала повод для политической борьбы за власть.

Отказ Ирины Годуновой от трона и его последствия

Борис Годунов и Ирина впервые вступили в конфронтацию, когда в январе 1598 года умер царь Федор Иванович и трон «осиротел». Царь, что было довольно необычно, назначил Ирину наследницей престола. Для бездетного монарха это была единственная возможность. Бояре настаивали на том, чтобы Ирина стала преемницей царя. Любой ценой следовало воспрепятствовать вступлению на трон Годунова. Однако Борис Годунов был сильнее. Через девять дней после смерти Федора Ирина объявила, что отказывается от престола, и как монахиня Александра ушла в московский Новодевичий монастырь. Она по своему желанию освободила дорогу своему брату. Боярская дума тотчас приняла на себя обязанности регентского совета. В совете участвовал и патриарх Иов, который сам выступал в качестве правителя. То, что Борис Годунов будет бороться за царскую корону, было ясно из всех предшествовавших событий. Серьезными конкурентами были представители семьи Романовых. Притязания Романовых строились на том, что Анастасия Романовна была первой супругой Ивана IV.

Борис Годунов не мог похвастаться прямым кровным родством, кроме, разве, того факта, что его сестра Ирина была супругой царя Федора, но тем не менее у него были более сильные карты. Именно теперь оправдало себя то, что он предоставил привилегии служилому дворянству. Он мог рассчитывать и на симпатии патриарха. Иов собрал 17 февраля 1598 года Земский собор и представил Бориса Годунова как единственного претендента на престол. В заседании Собора принимали участие патриарший совет, Боярская дума, представители служилых людей, а также московских торговцев и ремесленников. Однако объявился и встречный кандидат — Федор Никитич Романов, племянник царицы Анастасии и старший сын Никиты Романовича. Но влияние патриарха Иова не оставило ему шансов. Первое после брака Анастасии с Иваном IV наступление Романовых на царский престол было отражено. С этого момента семья Романовых больше не прекращала новых и новых попыток добиться трона.

Земский собор единогласно избрал Бориса Годунова. Шествия просителей от населения к Новодевичьему монастырю, куда Годунов сопроводил царицу Ирину, подтвердило одобре-

ние Годунова. Ирина благословила его. Впервые в русской истории дворянин был избран царем всея Руси на государственном собрании, в котором участвовали представители различных сословий. 1 сентября 1598 года Борис Годунов велел официально короновать себя на царство. Время его царствования было не слишком счастливым. Преследования и акты насилия вызывали страх возвращения опричнины. Бояре роптали, города только с большой неохотой подчинялись государственной монополии на экспорт и импорт. Неудовольствие консерваторов породило попытки царя Бориса укрепить связи с границей на Западе. Серьезными были последствия голода между 1601 и 1603 годами. Публичные раздачи еды и денег не спасали ни от эпидемий, ни от голодных бунтов.

Все эти явления в хозяйственной, политической и внешнеполитической области свидетельствуют о том, что способность Годунова действовать в качестве царя Руси была ощути-мо стеснена. А ведь это несмотря на то, что Годунов был очень набожный, помазанный царь. Тем не менее аристократы никогда не простили ему низкого происхождения. В столице один за другим организовывались заговоры против него, в которых принимали особое участие члены семьи Романовых. Ее глава, Федор Никитич Романов, был под именем монаха Филарета сослан в монастырь, то же произошло и с его женой. Только маленького сына Михаила царь Годунов считал слишком незначительным, чтобы обращать на него внимание. Позднее Филарет и Михаил выводили Русь из глубокого и запутанного кризиса.

Неуверенности царя способствовал в первую очередь груз прошлого. В начале XVII века появились слухи, будто бы в 1591 году царевич Дмитрий не был убит. Слух получил живое воплощение. В Польше появился молодой человек, который выдавал себя за подлинного царевича Дмитрия. В этот период наряду с Борисом Годуновым были живы три царицы, которых должно было интересовать появление Дмитрия: монахиня Марфа (Мария Нагая), мать подлинного Дмитрия, монахиня Александра (Ирина Годунова), сестра Бориса Годунова и бывшая супруга царя Федора, Мария Скуратова, супруга Бориса Годунова и мать родившегося в 1589 году сына Бориса Годунова — Федора, который мог рассматриваться как потенциальный наследник престола. Они осознавали, что Романовы и

Шуйские стремятся к тому, чтобы свергнуть Бориса Годунова с престола и что единственным легитимным средством для этого может быть возвращение законного наследника трона.

Новым претендентом был дьякон по имени Григорий Отрепьев, бежавший из Чудова монастыря, расположенного недалеко от Москвы. В 1601 году Отрепьев через Киев отправился в Речь Посполитую, чтобы там получить военную помощь для свержения Годунова. Его путь, мотивы поведения и сопровождающие – все это осталось совершенно неизвестным. Сначала Отрепьев объявился у князя Адама Вишневецкого и через него добрался до польского аристократа Мнишека, который принял его в своем замке в Сандомире. У Мнишека была дочь по имени Марина. В марте 1604 года Отрепьев получил частную аудиенцию польского короля Сигизмунда III. Отрепьев сообщил, что в Угличе он избежал подосланных Годуновым убийц и теперь хочет добиваться принадлежащего ему по праву московского трона. Король Сигизмунд сначала прореагировал сдержанно. В апреле 1604 года православный монах принял католичество и с этого момента стал именовать себя Дмитрием.

В Сандомире он с помощью воеводы Мнишека, его дочери и других польских дворян сумел собрать войско. Одновременно эмиссары от казаков вели подстрекательство против Бориса Годунова. Сигизмунд III поддержал Дмитрия войском. Польский король воздерживался от публичных обязательств перед Дмитрием. В начале 1605 года польский сейм отклонил военный поход на Москву, так что в исторических исследованиях этот поход воспринимается как частное предприятие польской аристократии. Именно воевода Сандомирский, Юрий Мнишек, обручивший свою дочь Марину с Дмитрием, был заинтересован в военном походе, чтобы в случае успеха избавиться от своих финансовых затруднений. Это подтверждает договор, в котором Дмитрий обязуется после заключения брака передать в свободное пользование Новгородское и Псковское княжества. Воевода получал обширные земельные владения и денежные средства. Дмитрий намеревался выполнить свои обязательства перед невестой и будущим тестем в течение года.

Он двинулся на Москву из Сандомира, мимо Киева в направлении Чернигова. К весне 1605 года он, продвигаясь с пе-

ременным военным успехом, достиг окрестностей Москвы. В начале апреля Годунов обратился к польскому королю, чтобы тот отказался от поддержки военного похода. Сигизмунд отклонил это требование. Русские военачальники отвернулись от Годунова. 13 апреля 1605 года Борис Годунов умер. Сейчас же на трон был посажен его шестнадцатилетний сын Федор. У Руси был царь, но это был правитель без власти. Попытки царицы Марии повлиять на правление только приблизили и без того скорый конец Федора. На ней клеймом пристали преступления опричников, и бояре не сдерживали своей ненависти по отношению к женщине. В начале мая русские части стали переходить на сторону самозванца. Московские бояре и воеводы велели войску принести присягу «Дмитрию». Князь Василий Шуйский, в противоречие к своему докладу от 1591 года, официально заявил, что царевич Дмитрий жив и вернется в Москву. (Князь Василий Иванович Шуйский, расследовавший в 1591 году Угличскую трагедию, вместе со своими родственниками и близкими людьми начал готовить заговор по свержению самозванца, однако заговор был раскрыт. По решению суда Шуйский и его сторонники были схвачены, допрошены и приговорены к смертной казне, замененной ссылкой в Галичскую волость. — *Прим. ред.*) В столице же царь Федор был арестован во время спровоцированного изменниками-боярами бунта и 10 июня 1605 года вместе с матерью убит.

Москва в руках авантюриста и авантюристки: Дмитрий и Марина

Десятью днями позже Дмитрий вошел в Москву. 21 июня 1605 года в Вознесенском соборе Кремля он был коронован «царем всея Руси». Дмитрий I был узурпатором без традиций и династии, окруженный иезуитами и поддерживаемый польской знатью. Внезапная смерть Бориса Годунова, пособничество боярской верхушки и польские мушкеты возвели его на трон. Но утверждать власть и править Русью — совсем другое дело. Московские бояре призвали «Дмитрия», преследуя собственные цели.

«Дмитрий» велел привезти в Москву Марию Нагую, чтобы она признала его сыном. Почтенная монахиня Марфа доставила ему это удовольствие. «Дмитрий» велел вернуть сослан-

ных бояр — прежде всего Романовых и Нагих. Но восторг солдат, казаков и дворян по поводу «Дмитрия» быстро исчез, когда они заметили, что новый правитель ведет свою игру с традициями при московском дворе. Он окружил себя гвардией из иностранных наемников. Лжедмитрий часто и охотно говорил о своем «отце» Иване IV и выступал с воспоминаниями, при которых каждый внимательный слушатель понимал, что это ложь. Когда в 1584 году умер Иван IV, настоящему Дмитрию было всего несколько месяцев. Боярин Василий Шуйский, в отличие от прежних своих утверждений, открыто высказывался о том, что царь — не царь, а шарлатан, продавший Русь Польше. И не играло роли то, что эта правда уличала мать Дмитрия в лжесвидетельстве.

Лжедмитрий заметил поворот в настроениях. Но как немного он добился в поисках опоры для власти внутри страны, настолько неумело он действовал и во внешней политике. Самая большая его ошибка заключалась в том, что он хотел вести независимую от Польши политику. Лжедмитрий отказался от польско-литовско-русской коалиции против Швеции. Не хотел он выполнять и своего прежнего обещания передать Польше русские территории и ввести на Руси католическую веру. По этому вопросу в распоряжении имелся договор с Мариной Мнишек и ее отцом. Сговор между русскими боярами и польским королем против Лжедмитрия больше не был невозможным. Шапку Мономаха должен был носить сын Сигизмунда Владислав. Лжедмитрий хотел спастись, выполнив договор с сандомирским воеводой. С этой запоздалой надеждой он устроил 8 мая 1606 года в Москве торжество по случаю свадьбы со своей невестой Мариной Мнишек. Свадебные торжества, на которые в Кремль были приглашены прежде всего польские гости и придворные, а также надменное поведение поляков ускорили заговор. 17 мая 1606 года церковные колокола в Москве призвали к штурму. С криками «Польские паны убивают бояр!» восстание смело узурпатора. Заговорщики прорвались в Кремль, на заднем дворе обнаружили Лжедмитрия и убили его.

Марина Мнишек вместе со всей своей семьей была схвачена и сразу же отправлена в Ярославль. В Москве свирепствовал террор, который подстрекавшие бунт бояре только с большими усилиями смогли взять под контроль. Более двух тысяч иност-

ранцев стали жертвами погрома. Царица Марина, которая не была царицей ни с правовой, ни с моральной точек зрения, выжила. Здесь опять попросила слова Мария Нагая и заявила, что ее принудили признать Лжедмитрия своим сыном. Ее свидетельство более никого не интересовало. В монашеском статусе Марии ничего не изменилось. Но царская вдова прожила после этого еще шесть лет и стала свидетелем событий, в которых ей суждено было принять непосредственное участие.

Василий Шуйский — боярский царь

Лжедмитрию на царском троне наследовал Василий Иванович Шуйский. Василий Шуйский ни в коей мере ни был авантюристом, как Лжедмитрий, и поэтому их нельзя сравнивать. В то время как Отрепьев был ничтожеством, Шуйский отличался знатным происхождением и опытом в дворцовых играх за власть. Шуйский был лишенным совести карьеристом, который по собственному желанию менял политический фронт. Шуйские принадлежали к старой русской боярской знати. Они как почетный щит несли свое происхождение от князя Александра Невского и гордились тем, что их предок в XIII веке был не только князем новгородским и великим князем владими́ро-суздальским, но и тем, что он в 1240 году разбил шведов на Неве и в 1242 году войско рыцарского ордена на Чудском озере. Особо знаменательным они считали то, что московские князья вышли из семьи Александра Невского.

В 1587 году Василий Шуйский организовал заговор против царицы Ирины и Бориса Годунова. Он избежал наказания. У одного из немногих заговрщиков у него под рукой вовремя было «заявление» о лояльности Годунову. Характерными были повороты во мнении и смена фронтов в случае с Дмитрием Ивановичем — Лжедмитрием. Последний даже возбудил против него процесс. Он был приговорен к смерти и только в последнюю секунду смертная казнь была заменена ссылкой. Шуйский не обладал ни характером политика, ни выдающимися способностями. Он был Рюриковичем, и нападение Дмитрия позволило ему сыграть роль мученика. В начале 1606 года его должны были доставить обратно в Москву. Он готовил собственное восхождение на трон. 17 мая 1606 года бояре свергли Лжедмитрия.

19 мая 1606 года народ избрал Василия Шуйского царем. При вступлении на трон он обещал, что в будущем никто больше не будет выслан или казнен без приговора суда. Он принес клятву, потом он сразу забыл свое обещание, действовал своенравно и мстительно. Правление «боярского царя» — роковая глава Смуты. Ее бесславная особенность заключается в том, что страна в первый и единственный раз в результате деления власти русскими была разорвана между двумя ведущими борьбу царями. На юге государства возникло движение в поддержку Дмитрия. До осени 1606 года разворачивалось восстание против Шуйского и бояр, краеугольными точками которого были как восстание Ивана Болотникова, так и появление второго Лжедмитрия и военное вмешательство поляков и шведов.

Новый Дмитрий — прежняя Марина

Только одному из бесчисленного числа претендентов было суждено тогда еще более усилить разорение страны: «вору-разбойнику» «Дмитрию II», Лжедмитрию. Возникший в июле 1607 года в Стародубе из пустоты, в мае 1608 года он встал с русско-польским войском под Москвой. В Тушинском лагере он сформировал правительство и придворный штат. Таким образом, на Руси было два царя и два правительства. В 1608 году Василий Шуйский заключил договор с королем Карлом XII. Швеция предоставила Руси помощь в защите от польских притязаний на московский трон. (28 февраля 1608 года был подписан Выборгский договор, по которому за уступку города Корела с пригородами король предоставлял 10-тысячный отряд под командованием полковника Делагарди. — *Прим. ред.*) Швеция рассчитывала на шведскую секундогенитиру в Москве. Шуйский принял это требование. Шведы вмешались и поддержали московские отряды. В 1609 году они совместно разбили вооруженные силы самозванца и отогнали их обратно к Волге.

Страна все глубже погружалась в хаос. В конце концов 17 июля 1610 года в Москве дело дошло до восстания. Шуйский был пострижен в монахи. Он был насильно увезен в Чудов монастырь. Бояре выдали его полякам. Они доставили его в Варшаву, в то время как в Москве наступило второе междуцарствие.

«Семибоярщина» взяла власть и открыла ворота Москвы польскому гетману Станиславу Жолкевскому. Политическая жизнь Василия Шуйского закончилась. Браки с Еленой Репниной и дочерью князя Буйносова-Ростовского не могли оказать влияния на его взлет и падение. Об обеих этих женщинах нет почти никаких подтверждений, будто бы они и не жили рядом с царем. Из Варшавы Шуйского перевезли в Мазовию, где он 12 сентября 1612 года скончался в замке Гостынин в качестве пленника.

После политического свержения Шуйского гетман проинформировал бояр, что желанием Польши было бы избрание царем Владислава, сына Сигизмунда. Но Лжедмитрий II вновь встал лагерем под Москвой. Стране угрожала новая гражданская война. В спешке созвали московских бояр. Был составлен документ, в котором содержались условия, по выполнению которых Владислав должен был взойти на трон: переход в православие, совместное правление Боярской думы и Земского собора, полная независимость Москвы от Польско-Литовской унии. Жолкевский согласился. Московские бояре покорились Владиславу в августе 1610 года. Тогда же раздавались голоса тех, кто хотел видеть на троне русского царя. Василий Васильевич Голицын и юный Михаил Федорович Романов вели переговоры. Только угроза, исходившая из Тушино, принудила всех согласиться на кандидатуру Владислава. Заранее было ясно, что договор повлечет за собой новые конфликты.

В расположенном в 10 километрах от Москвы Тушино, деревне, которая из-за своего положения считалась неприступной, Лжедмитрий II устроил роскошный двор. В 1608 году в Тушино вместе со своим отцом неожиданно появилась Марина Мнишек, жена Лжедмитрия I. Марина являла собой маленький шедевр изысканного политического стиля. Она признала второго Лжедмитрия своим подлинным мужем. Едва ли какой-нибудь другой факт так характеризует сущность «мошенника из Тушино», как эта связь. Но кто упрекнет Марину с моральной точки зрения, когда даже Мария Нагая утверждала, что узнала в первом Лжедмитрии своего настоящего сына, затем, правда, ее мнение было отвергнуто на фоне политической конъюнктуры.

Лжедмитрий образовал в Тушино контрправительство — состоящий из 12 человек совет. В него вошли представители луч-

ших крупнейших русских фамилий, князя Трубецкой, Черкасский, Шаховской или Долгорукий. Филарет превосходно создавал впечатление, что он может стать Патриархом всея Руси. Правительство располагало административным аппаратом, который отчасти сотрудничал с центральными царскими ведомствами в Москве. Положение самозванца вскоре обострилось. Между ним и боярами возникла напряженность из-за отношения к Польше. Кроме того, народ был сыт разбойничьими набегами мародеров-казаков, стоящих на стороне Дмитрия. Дело дошло до войны. В ходе этой войны Лжедмитрий II еще раз летом 1610 года направился из Калуги на Москву. Поход потерпел неудачу. В декабре 1610 года в Калуге во время ссоры Лжедмитрий II был убит. Верной оставалась только «царица» Марина. В Калуге она произвела на свет сына, которому казаки присягнули на верность как новому правителю Руси. Вслед за этим Марина с казацким командиром Иваном Заруцким отправилась, будучи больной, в Астрахань. Там Заруцкий как «подлинный Дмитрий» и его жена установили власть террора. В 1614 года разбойничье гнездо было ликвидировано. Заруцкий и маленький сын Марины были казнены в Москве, Марина еще в том же году умерла своей смертью.

1610 год поглотил двух русских царей. Современники полагали, что государственный и общественный кризис на Руси достиг максимальной глубины. Хаос все усиливался. В последующие два года не было ни одного правителя. Поляки правили в Москве, а русские бояре ссорились. Погибшие цари были авантюристами. Все цари были действительно или мнимо женаты. Какую роль играли женщины, действительные или самозванные царицы, какие отношения у них были с супругами, как относились они к их политике? Немногие дошедшие сведения однозначны. Они свидетельствуют о государственно-политическом соучастии цариц в узурпации, манипуляциях и разрушениях, осуществленных подлинными или ложными царями. Только одна самостоятельная роль была ими точно сыграна: Мария Нагая в связи со смертью и наследованием своего сына Дмитрия, Ирина как более или менее верная помощница своего брата Бориса Годунова, и польская авантюристка Марина Мнишек как «достойная» супруга обоих Лжедмитриев.

Глава 3

Жены первых царей дома Романовых: семейная распря между теремом и тронным залом Московского Кремля

Мария Владимировна Долгорукая
(? – 7 января 1625 года),
первая супруга царя Михаила Федоровича
с сентября 1624 года

Евдокия Лукьяновна Стрешнева
(? – 18 августа 1645 года),
вторая супруга царя Михаила Федоровича
с 5 сентября 1626 года

Мария Ильинична Милославская
(1 апреля 1626? – 3 марта 1669 года),
первая супруга царя Алексея Михайловича
с 16 января 1648 года

Наталья Кирилловна Нарышкина
(26 августа 1651 – 25 января 1694 года),
вторая супруга царя Алексея Михайловича
с 22 января 1671 года

Агафья Семеновна Грушецкая
(? – 14 июля 1681 года),
первая супруга царя Федора Алексеевича с 1680 года

Марфа Матвеевна Апраксина
(1664 – 31 декабря 1715 года),
вторая супруга царя Федора Алексеевича
с февраля 1682 года

Нет ничего символического в том, что первые цари из династии Романовых были дважды женаты. Обращает на себя внимание то, что эти супруги, в сравнении с царицами XVI века и «смутных лет», появлялись из тьмы истории, очерченные более четкими личностными контурами, или оформившейся силой участвовали в общественной жизни. Но это было пока только началом формирования личности женщины-царицы. С восстановлением Руси после ужасов Смуты, с обращением к современной Западной Европе изменялось, медленно и не без конфликтов, и положение цариц при дворе и их роль в государстве.

В 1613 году Михаил Романов был избран царем. При прошлых правителях вступление на престол, коронация и бракосочетание с русской девицей находились в тесной взаимосвязи как во временном отношении, так и в династийно-политическом смысле. В момент вступления на трон Михаилу было 17 лет, и он находился в брачном возрасте. Первую супругу он выбрал в 1624 году — через 11 лет после прихода к власти. Причины для поздней свадьбы заключались не в недостатке подходящих кандидатур или в индивидуальных недостатках царя, а в общей обстановке на Руси и в конкретном образе правления Михаила Федоровича Романова.

С избранием Земским собором царем Михаила закончилось Смутное время. После Рюриковичей и беспорядочного династийного правления на московский царский трон вступили Романовы. С царя Михаила начинается новая эра в русской истории. Михаил принял власть в ситуации, когда Великое княжество Московское стояло перед политическим и социальным крахом. Русь нуждалась в покое, мире и единении. В Нижнем Новгороде народ поднялся на отчаянный призыв заточенного в Чудовом монастыре патриарха Московского Гермогена к освобождению от польского иноземного господства. Новые герои мясник Кузьма Минин и князь Дмитрий Михайлович Пожарский своим освободительным походом на Москву в 1612 году наконец придали боярам силы на избрание нового царя, который должен был направить жизнь Руси по упорядоченному руслу. Выбор оказался чрезвычайно трудным. Следовало учитывать польские и шведские интересы. Все эти соображения исчезали за эйфорией, возникшей и усилившейся после изгнания поляков из Москвы, и ростом национального самосознания русского народа.

После долгих споров выбор пал на сына патриарха Филарета, который жил в польском плену, — Михаила Федоровича Романова. В связи с этим решением возникло много загадок. Ни обращение к традициям генеалогии, ни внешнеполитические соображения не благоприятствовали выбору. Он казался лишним всякого смысла, потому что семья Романовых через Анастасию Романову была в родстве с Иваном IV и с его сыном Федором. В «смутные годы» Романовы много раз хватались за корону. И двойственная политическая роль Филарета не была препятствием для выдвижения Михаила. Легендарный патриарх Гермоген, которого поляки в Кремле велели уморить голодом, еще в 1610 году выступал за то, чтобы трон занял сын Филарета.

Земский собор решился на избрание Михаила, осознавая, что за мальчиком стоит отец. Однако кандидата было трудно разыскать. После долгих поисков его вместе с матерью Ксенией Ивановной Шестовой, монахиней Марфой, нашли в Ипатьевском монастыре под Костромой. Сначала Михаил противился выбору. Марфа, которая обладала не менее сильным влиянием на сына, чем его отец, обратила внимание на то, как мог подействовать выбор на судьбу ее находящегося в заключении в Польше мужа Филарета. Его совет и благословение отсутствовали. Но был выход. Мать Михаила была объявлена «великой правительницей» и получала таким образом необходимые права на принятие решения и благословение. После долгой молитвы она уговорила сына произнести ожидаемое собором: «Я желаю». Шествие медленно двинулось через опустошенную страну назад в Москву и 2 мая 1613 года прибыло в столицу. Там ощущалась нужда в элементарнейших жизненных условиях. Только благодаря помощи состоятельного жертвователя — Строганова — в Кремле смогли построить новый деревянный дворец. Вознесенский собор был убран для коронации. В июле 1613 года юного царя смогли короновать в соответствии с традицией.

Михаил не обладал силой для того, чтобы изгнать поляков из западных и южных регионов. Он не мог снять с Новгорода и Пскова давление со стороны шведов. У царя не было войск, которые могли установить мир внутри страны, уничтожить бродячих разбойников или усмирить диких казаков. Тот факт, что Михаил не сразу женился, а пытался укрепить свое положение, свидетельствует о слабости его личности и царствовании

ния Романовых. Тем не менее постепенно хозяйственные и политические отношения стабилизировались.

Михаил не был автократом в духе Ивана IV. Наименование «самодержец» было вычеркнуто из его титула. Юный царь учился: правление он предоставил матери, доверенным советникам, Земскому собору и Боярской думе.

В 1617 году польский принц Владислав решил осуществить свои права на московский трон. С войском он продвинулся до стен Москвы, но не смог штурмовать их. В декабре 1618 года Речь Посполитая и Русское государство заключили в деревне Деулино перемирие на четырнадцать с половиной лет. Для Михаила договор имел два существенных последствия: прежде всего закончилась война с Польшей, власть Михаила получила фактическое признание Речи Посполитой; обе стороны договорились об обмене военнопленными, вследствие чего Филарет мог вернуться в Москву. Когда Филарет прибыл в Москву, Михаил в 1619 году вернул ему патриарший сан и предоставил ему двойную власть. Возможно, на этот шаг Михаила подтолкнуло благоразумие, чтобы лишить «ограниченного в действиях царя» мотивации к узурпации трона. То, что Филарет так же, как и его супруга, носил титул «великий правитель», соответствовало его положению рядом с царем. До своей смерти в 1633 году он управлял Московским государством. В результате Михаил выпал из-под обязательного давления скорого заключения династического брака.

«Ни один из двух браков не коснулся сердца царя Михаила...»

Тем не менее Филарет и его супруга Марфа заботились о сохранении власти за семьей Романовых. Очевидно, они были инициаторами того, чтобы речь зашла о продолжении династии путем подходящей женитьбы Михаила. Сначала он был обручен с русской девицей по имени Настасья (Мария) Хлопова. Но Филарет и Марфа не договорились друг с другом. Девушку поддерживал только Филарет. Выбор вызвал сопротивление и влиятельных при дворе братьев Салтыковых. Незадолго до свадьбы они обвинили девушку в некоей, не названной более точно, «заразной болезни». Люди были суеверны и верили слухам скорее, чем действительности. Поскольку обручение было отменено

только на основе слухов и Мария со своей семьей были сосланы в Нижний Новгород, естественно, скорее возникает подозрение о властно-политической интриге, возможно, даже со стороны Марфы. Никаких конкретных данных о состоянии и влиянии семьи Хлоповых не известно. Это предположение усилилось после известия о том, что слух был лживым и что в ссылку должны были отправиться братья Салтыковы. Семья Хлоповых была реабилитирована. Но Мария была исключена из потенциальных кандидаток на брак. Монахиня Марфа осуществила свою волю, направленную против супруга, Филарета.

Между тем Филарет был погружен в размышления. Он склонялся к тому, чтобы повторить неудавшуюся Ивану IV попытку получить невесту из-за границы, с Запада. Он наводил справки при скандинавских дворах и направил свое внимание на Бранденбург. Михаил не возражал против западной принцессы. Однако поскольку вопрос веры вновь оказался для бояр непреодолимым препятствием, все попытки выбрать невесту за границей окончились неудачей. В этой ситуации супруга Филарета вновь оказалась энергичной и политически мыслящей партнершей. Она выбрала для своего сына женщину из древнего и влиятельного рода Долгоруких. В 1624 году Михаил женился на Марии Владимировне Долгорукой. Возможно также, что мотивы матери имели далекую от политики природу. Отдающее дьявольщиной сравнение по времени вскрывает шокирующие факты: свадьба состоялась в сентябре 1624 года. Мария умерла в январе 1625 года в родовых схватках, не произведя на свет жизнеспособного ребенка. Царь сочетался законным браком с уже беременной женщиной! В то время акт заключения брака еще не имел для Русской православной церкви того высокого морального значения, как в последующие десятилетия, и в конкретном случае роль играли только соображения династической выгоды. Поэтому, вероятно, этому обстоятельству не было придано никакого особого значения. В конечном итоге брак не имел значения. Вероятно, брак между Михаилом и Марией не был браком по любви. Для Михаила брак был лишь институцией обеспечения престолонаследования. С таким же чувством высокой ответственности женился он в феврале 1626 года на Евдокии Лукьяновне Стрешневой, дочери мелкопоместного дворянина из Можайска. Разумеется, выбор дочери служилого дворянина из провинции был поли-

тическим ходом и препятствовал тому, чтобы сильный дворянский род слишком приближался к трону. В этом отношении второй брак возымел свое действие. Евдокия родила царю десятирех детей. Шестеро умерли еще в очень раннем возрасте, но наследование трона по мужской линии было обеспечено, когда 19 марта 1629 года, после двух дочерей, родился первый сын и был наречен Алексеем Михайловичем. Это был будущий царь Алексей Михайлович – отец Петра Великого.

Царица Евдокия не участвовала в политической жизни Москвы. Семейная жизнь царя, а также Романовых, как и раньше, проходила в уединении от внешнего мира. За кулисами постоянного официального представительства обнаруживалось своеобразное лицо царя Михаила и его супруги, которое позволяет сделать вывод о наивно-веселом характере при одновременном осознании своего общественного положения. Родственные чувства Михаила были полностью сосредоточены на родителях, жене и прежде всего на детях.

«Терем» – правда и легенда

Путешественники, приезжавшие на Русь с Запада в XVI и XVII веках, создали особое мнение о русской женщине: следствием монгольского правления стало помещение русской женщины из высших слоев и царского дома в женский дом – «терем». Признаком утраты ею своего статуса являлось то, что покидать терем она могла только для выполнения чрезвычайных религиозных или представительских обязанностей, во всех остальных случаях она не могла принимать участия в общественной жизни. Эта картина представляется несколько односторонней. «Домострой», книга, которая устанавливала в доме строгие правила для любой жизненной ситуации, полностью регламентировала поведение женщины. В ней не было категорического запрета покидать дом. Понятие «терем» происходит из средневековой Киевской Руси – времени домонгольского правления. Его не было в употреблении в Великом княжестве Московском. Гости из-за границы наблюдали только небольшой фрагмент жизни хозяев за пределами личной сферы и из единичных моментов своих наблюдений делали общие выводы. Иногда из-за недостатка соответствующей информации верх брали попытки выдать за истинное содержание слухов или домыслов.

Царица и ее дети из практических и естественных соображений жили в отдельных помещениях, отделенных от царских, которые они, тем не менее, должны были покидать для выполнения различных обязанностей. Вследствие этого царь Михаил и его жена жили в отдельных помещениях. Если у них было желание вместе поесть или провести ночь, они осуществляли это желание как в его, так и в ее комнатах. Доступные источники о том, как протекала супружеская жизнь Михаила, о представительских обязанностях его супруги и о заботе о детях чрезвычайно ограничены, чтобы можно было на их основе сделать обобщенные выводы. Михаил и Евдокия следовали традициям страны и церкви. Тем не менее уже при их дворе развивалась тенденция, привнесенная двоюродным братом Никитой Романовым, приобретать одежду, предметы обихода и всякого рода мишуру «заграничного» покроя. С наивной радостью наслаждались царь и его жена в своих личных покоях музыкой и пением. Часами они могли слушать сказки и истории. Царь держал шестнадцать придворных карликов и шутов и сам был расположен к играм и шуткам. Михаил и Евдокия любили драгоценные одежды, охотно получали подарки и сами любили их делать. Несмотря на то что заключение брака служило династическим целям, они любили своих детей. Они ежедневно посещали друг друга и много и долго занимались выбором игрушек для детей. Традиции не нарушались: о царских детях заботилась нянька. До пятилетнего возраста они находились под началом воспитательницы. Затем мальчиков и девочек разделяли, мальчиков передавали под мужской надзор. Детям нельзя было ни выходить за пределы женских помещений Кремля, ни быть увиденными кем-либо. Даже при посещениях церкви никто не видел их непосредственно. Плотные одежды, занавешенные кареты и непроходимая стена охраны препятствовали любому назойливому постороннему взгляду. Как легко можно было сглазить царских детей и принести несчастье всей правящей семье! Только наследник трона по достижении им 15 лет появлялся на публике. В случае с девочками в этом не было необходимости. Царские дочери в XVII веке не могли выходить замуж, потому что таким образом опасности могла подвергнуться с трудом приобретенная семейная собственность.

Царская чета строго следовала религиозным обрядам. Во время выполнения правил этикета никогда не улыбались. Од-

нако по отношению к иностранцам всегда оставались спокойно дружелюбными. Адам Олеарий сообщал: Михаил «правил кротко / и был снисходителен как к иностранцам, так и к местным жителям / что каждый считал, что у страны, вопреки обычаю, за более чем 100 лет никогда не было столь благочестивого господина». Богопосланный и богопомазанный царь и его супруга были неприкосновенны, и ни одному подданному нельзя было познать их нормальный человеческий образ за пределами священного предназначения. Но сам Михаил, который осознавал свою историческую миссию и вырос в понимании собственной значимости, однажды вышел за рамки строго регламентированного бытия.

Он понимал, что Русское государство должно расширить свои связи с правящими европейскими дворами. 22 апреля 1627 года родилась дочь Ирина. Царь Михаил и царица Евдокия отважились при участии этой дочери на новую попытку установить брачные связи собственного дома с западноевропейским правящим родом. Они подыскали ей в качестве жениха принца Вальдемара Датского. В январе 1644 года Ирина и Вальдемар, с неожиданного согласия датского короля, были официально обручены, хотя оба еще не видели друг друга. Михаил велел соорудить для датского принца каменный дворец и позвал принца в Москву. В конечном итоге вопрос веры опять явился непреодолимым препятствием. Вальдемар был терпимым и не вмешивался в дела, касавшиеся вероисповедания Ирины. Позднее дети должны были воспитываться в православной вере. Для себя же самого он отверг переход в Русскую православную церковь. Хотя русские дворяне и проявляли симпатию к принцу, князья церкви были категорически против этой связи. Михаил пытался спасти престиж своей дочери и Дании и жестко переговорил с патриархом — безуспешно. Ирина осталась незамужней. Русское общественное мнение предполагало, что это поражение способствовало ранней смерти царя Михаила. 13 июля 1645 года в возрасте 49 лет он умер. Новый царь, Алексей, отослал принца обратно в Данию.

Жена царя Михаила прожила после его смерти только до 18 августа того же года. Ничего, правда, не известно о том, как на ней отразилась судьба Ирины. К ней с полным основанием можно отнести общее мнение о правлении Михаила: «Первый Романов хотя и был вознесен на трон словно ураганом, он ни-

коим образом не отвечал его сущности. Он жил в традиционной замкнутости, и его личность напоминает обнесенный стенами сад. Ни один из браков не коснулся его сердца, но есть доказательства его тихой, беззаветной любви к своим детям. Он ценил музыку и пение больше, чем политику, но он никогда не пропускал заседаний Думы, хотя они и навели на него скуку. Он не был умен и оставил, за исключением планов выдать замуж Ирину, очень немного следов своей оригинальности, но он преданно осуществил цель своего избрания царем: он был общим символом того, что Русь выздоравливает». Евдокия исполняла свои задачи спокойно, незаметно и терпеливо. Ее наследницы производили значительно больший фурор.

Семья Милославских приближается к трону

Алексей, родившийся в 1629 году, сын Михаила, вступил на трон в 1645 году по естественному порядку наследования. Как личность он отчетливее показался в свете политической рампы и вернул себе титул «самодержец». Духовенство играло важную роль в жизни Алексея: патриарх Московский Иосиф, который трагикомичным образом предал земле «Домострой», или честолюбивый патриарх Никон, который способствовал созданию сборника законов «Соборное уложение» и радикальным реформам церкви. Единство церкви и государства и глубокая религиозность автократов вновь стали государственно-образующим принципом. Алексей окружил себя толковыми советниками из бояр и служилого дворянства, среди которых особой значимости добились Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин и Артамон Сергеевич Матвеев. Правление Алексея было связано с поворотными пунктами истории Русского государства. Принятие «Соборного уложения» в 1649 году привязало крестьян к земельному наделу и было первой системной кодификацией законов со времен Ивана IV. Алексей присоединил к Московскому государству новые, украинские земли, и во время его царствования на Руси начался церковный раскол. В конце жизни царь страдал цингой и водянкой. О нем говорили, что он был слабым, нерешительным и легко поддавался влиянию. Ему стоило усилий принятие решений вообще. Борьба против восставших казаков и крестьян под предводительством Степана Тимофеевича Разина, а также

против турок, поляков и шведов обессилили его так же, как и внутреннее сопротивление собственных бояр.

До 1634 года Алексей едва ли покидал мир женщин в стенах Кремля. Отец, Михаил, велел построить для будущего царя дворец из камня. Дом пятилетнего мальчика был полон дорогой парчи, драгоценных камней, золота и серебра. Наряду с целым штатом прислуги в распоряжении Алексея были двадцать товарищей для игр, а также Борис Иванович Морозов, родившийся в 1590 году. Боярин Морозов стоял во главе множества учителей, которые обучали Алексея читать, писать и считать.

Повседневная жизнь была ориентирована на исполнение им в будущем роли правителя. В то время как еда и игрушки оставались простыми и скромными, те предметы, которые представляли собой символы будущих задач, сознательно выделялись: одежды изобиловали драгоценными камнями. Голландский оружейник изготовил специальное вооружение; дорого стоили лошадь-качалка с натуральным волосом, шелковый флаг.

Алексей мог выходить на свежий воздух, ему было разрешено играть под открытым небом и заниматься тем, что подобает аристократической молодежи. Борис Морозов обучал его соколиной охоте, заинтересовал его другими странами и культурами и наставлял смышленного ученика по практическим вопросам жизни Русского государства. Морозов так подготавливал наследника престола, чтобы он, Морозов, сумел занять важное место рядом с ним. Учитель воспитал прилежного, активного, любознательного и общительного ученика, в котором одновременно просматривался неуравновешенный характер. Несмотря на то что в целом он был спокоен и дружелюбен, он мог позволить себе и несдержанность в проявлении чувств, которая доходила до жестокости.

После того как в 1645 году умерли его родители, Алексей должен был сразу взять правление на себя. Сначала за царя в Боярской думе правил Морозов. Боярин поддерживал готовность Алексея к самостоятельному правлению. В 1647 году Алексей решил укрепить свою власть и как можно скорее жениться. Он даже не искал невесту при западноевропейских княжеских дворах, а последовал московской традиции. Вновь дело дошло до смотрин, как это описано в русских сказках и песнях. Из 200 девиц различных социальных слоев, присланных в Москву, самому царю были представлены шесть.

Легенда свидетельствует, что Алексей с первого взгляда влюбился в Евфимию Федоровну, дочь помещика Всеволожского, получившего землю за службу. Но во время официального представления девушка лишилась чувств, и тут появился слух, что кандидатка страдает эпилепсией. Вся семья Всеволожских была немедленно выслана из Москвы. Это событие пробудило у присутствовавших бояр воспоминания об очень похожем случае с царем Михаилом. Вновь критично настроенные современники утверждали, что речь шла о сознательной манипуляции. Якобы Борис Морозов распространил слух о болезни. Будто бы он был заинтересован в разрыве этой связи. Слух был обоснован. У Морозова были другие планы относительно женитьбы царя. По его распоряжению головной убор девушки был затянут так сильно, что это привело к отливу крови от головы. Последствия были очевидными.

Морозов хотел, чтобы Алексей женился на дочери стольника Ильи Даниловича Милославского. Милославский принадлежал к сторонникам Морозова. Девушку пригласили к сестре царя в женские покои Кремля. И там ее провели перед царем при соблюдении всех атрибутов официального ритуала смотрин, и как и желал Морозов, Алексей в девушку влюбился. 16 января 1648 года царь женился на Марии Ильиничне Милославской. Морозов даже не составил себе труда придать интриге хотя бы немного серьезный вид. Из непомерного сомнения Морозов женился через десять дней после царя и выбрал Анну, сестру Марии! Царь и ментор были связаны друг с другом родственными узами. От женщины, которая таким образом служила игрушкой в придворных интригах, первоначально никто не мог ожидать активной политической роли. Морозов, который и без того уже сосредоточил в своих руках пять важных центральных должностей, набирал себе еще больше влияния, власти и богатства. Перед Алексеем, если он хотел утвердиться как самостоятельный правитель, стояла проблема найти выход из зависимости от Морозова так, чтобы при этом не допустить убийства уважаемого воспитателя, зятя и временно фактического правителя. Подходящую возможность предоставило Московское восстание 1648 года.

Морозов проводил административную и финансовую реформу и ввел в 1646 году, среди прочего, тяжкий соляной налог. Тяготы налога у народа соединились с ненавистью против всеоб-

шей коррупции и семейственностью в управлении. Выбор Марии Милославской в качестве невесты московские бояре рассматривали как попытку поколебать доминирующее положение семьи Романовых. Таким образом, интересы горожан и древних боярских родов и служилого дворянства объединились. Озлобление прорвалось в Москве 1 июня 1648 года. К восстанию горожан присоединились стрельцы и отряды дворян. Они требовали от царя выдачи главных виновников их недовольства. Прежде всего следовало пожертвовать Морозовым.

Царь с женой пребывали в загородной резиденции в Коломенском. Он находился в сложном положении, которое было порождено не только страхом. Речь шла о главном советнике Морозове и о балансе сил между Романовыми и Милославскими. Алексей пожертвовал только ненавидимыми народом сторонниками Морозова. Некоторые были убиты. В последующие недели толпу удалось задобрить подарками. Однако волнения продолжались на протяжении месяцев. Морозов временно был «спасен» в ссылке. Через четыре месяца он вернулся и был привлечен царем к разработке нового сборника законов («Соборного уложения»). Хотя Борис Морозов и продолжал занимать важные государственные посты, свое господствующее влияние на царя он утратил навсегда.

Оставалось, правда, еще приобретенное в результате свадьбы бремя родства с семьей Милославских, которая явно хотела оспорить у Романовых их положение. Алексей заново распределил центральные административные институты. Он поставил члена своей семьи во главе Боярской думы и учредил Приказ тайных дел. Он создал инструмент, с помощью которого он мог контролировать правительство и всю администрацию. Приказ представлял собой самостоятельный орган, который давал царю возможность беспрепятственно править самому. Алексей принял решение разрешить разработку и утверждение нового сборника законов. Появилось «Соборное уложение», содержащее 967 статей, которое по объему более чем в 10 раз превосходило «Судебник» Ивана IV. Сборник законов с многочисленными изменениями действовал вплоть до XIX века. Он окончательно закрепил крепостное право.

Алексей придавал чрезвычайно высокое, общенациональное значение составленному в XVI веке проповедником Сильвестром «Домострою». В Москве во времена правления Алексея па-

триархом был престарелый Иосиф, который считал, что все несчастья страны происходят из-за увеселений и пьянства. После ссылки Морозова он оказывал большое влияние на Алексея. Богослужения, молитвы, посты и ежедневные посещения церкви определяли жизнь царя и его семьи. В 1648 году в течение нескольких месяцев указами по всей стране были запрещены все увеселения и игры, празднества и шутки. Было предусмотрено суровое наказание, и даже на свадьбе царя пели только псалмы. С одной стороны, регламентация отвечала последовавшему за Смутой строгому духу времени, с другой стороны, в результате драконовских мер простой народ утратил чувство самоценности. Следовало предвидеть, что под угрозой наказания религиозно мотивированными ультимативными требованиями простой народ нельзя на длительное время заставить расстаться с данной ему природой беззаботностью. И царь Алексей, который способствовал широкому толкованию «Домостроя», был непостоянен в своем поведении. Он не отказался от охоты и часто принимал «детей Люцифера» — иностранных послов и гостей.

С 1652 по 1667 год патриархом на Руси был Никон. В 1653 году он приступил к осуществлению всеохватывающей церковной реформы. Он унифицировал церковные традиции и богослужение по греческому образцу. В результате староверы отделились, и произошел церковный раскол. Реформы Никона натолкнулись среди прочего на резкое неприятие священников Ивана Неронова, Аввакума Петрова и Даниила Костромского. Строптивные предводители староверов (старообрядцев) были подвергнуты суровому наказанию. Наиболее наглядным примером жестоких обычаев времени была судьба протопопы Аввакума, который был сослан, 15 лет под строжайшей охраной провел в яме и в 1682 году сожжен в Москве как еретик. При этом царица Наталья — вторая жена Алексея — выступила в защиту Аввакума и добилась по меньшей мере того, чтобы его не подвергли еще более жестокому наказанию!

Ни Аввакум, ни раскольники не могли сдержать реформ Никона, который получил полную свободу при редактировании текстов богослужебных книг. В 1655 году появился церковный устав. Изменения, внесенные Никоном в богослужение, были утверждены Синодом в 1656 году. В 1658 году произошел разрыв между Алексеем и Никоном. Ссора переросла в борьбу за власть в вопросе примата церкви или государства. В конце концов па-

триарх отказался от своей должности. Он удалился в расположенный недалеко от Москвы Новоиерусалимский монастырь, где дождался, пока его вновь призовут. В 1660 году Алексей велел епископальному синоду освободить Никона от должности. Сами же реформы были продолжены. В 1666—1667 годах Священный Синод в Москве в присутствии антиохийского и александрийского патриархов одобрил реформы: каждый, кто откажется им подчиняться, будет отлучен от церкви и предан анафеме. Патриарх Никон, который, как и Филарет, имел титул «великий правитель», который характеризовал взаимоотношения царя и патриархата как взаимоотношения луны и солнца, был отправлен на Белоозеро в Ферапонтов монастырь.

«Соборное уложение», «Домострой» и реформы Никона дают представление о правлении Алексея, которое ни с чем нельзя спутать. Укрепление правовых основ и усилия по более широкому применению законности во всех сферах государства привели не только к распространению письменности. Правила поведения и задачи, например, царицы в семье, при дворе и в государстве были более основательно зафиксированы и стали более заметны посторонним. Даже если публичные появления первой супруги Алексея Марии столь же неотчетливы, как и ее предшественниц на троне, тем не менее существует значительно большее число источников, относящихся к середине XVII века, которые позволяют более подробно говорить об образе жизни царицы. Только начиная с этого времени можно обнаружить несколько конкретизированные сведения о разделении задач, религиозных занятиях и культурных запросах, вопросах воспитания, отношениях собственности, системе коммуникаций или интересах и возможностях образования. Эти данные свидетельствуют о том, что прежняя изолированность женских членов царской семьи от общества медленно, с тенденцией к остановкам и задержкам, исчезала.

Повседневная жизнь царицы в XVII веке

Уже ко времени Алексея царица держала внушительный собственный придворный штат. Это давало женщинам из различных слоев постоянную работу — мужчин принимали редко и только на более низкие должности. Охраняли царицу и ее двор боярские сыновья. Около 20 пажей от десяти до семнадцати лет, чаще все-

го из числа своих родственников, прислуживали дамам за столом. Когда пажи вырастали, они поступали на службу к царю.

Царица была окружена придворными дамами знатного происхождения, состоявших в родстве с царицей. По большей части это были вдовы, которые жили непосредственно в покоях царицы. Особое положение занимали те придворные дамы, которых назначали присматривать за царскими детьми. Получали они, как правило, в два раза больше по сравнению с остальными придворными дамами, но это была только половина того, что получали слуги высшего ранга из числа мужской знати. Кормилица царских детей могла быть любого происхождения. Она не считалась придворной дамой, жила только год в покоях царицы, после окончания работы ее (в первую очередь ее мужа, в соответствии с положением и родом деятельности) щедро вознаграждали. Примечательно то внимание, которое было посвящено воспитанию детей.

Для характеристики имущественного и правового статуса цариц интересным является тот факт, что хотя среди других придворных дам именно постельница и занимала постоянное место рядом со своей госпожой, на втором месте по рангу стояла казначейша, которая управляла имуществом и всем придворным штатом. Она правила целой армией разделенных по социальному принципу ремесленников — от золотых дел мастериц до белошвеек, которые относились к материальной сфере двора. Царица являлась для своего двора и особым судьей, который ответственен за мир среди многочисленных дам.

Центральное место на второй ступени придворного штата занимали казначейши, которые отвечали только за приход и расход товаров. По положению им равнялись наставницы царских дочерей. В подчинении у дочерей были особые девушки, которые должны были прислуживать за столом и в случае нужды быть подружками по играм. Охраняли женскую половину царской семьи девушки и женщины, они же одновременно должны были заботиться о супружеском ложе. Это были слуги более низкого ранга. Под их началом находилась большая армия прачек, помощников по кухне, учениц и так далее. Наряду с придворными дамами и женской прислугой для образования и времяпрепровождения царица держала переписчиц, псаломщиц, певиц, карлиц и шутих. Царские дочери также получали свой придворный штат, который в целом

ничем не отличался от царицыного — только вместо мальчиков за столом прислуживали девочки.

Представление о размерах придворного штата москвичи получали во время официальных выездов царицы. Это означает, что к середине XVII века уже были эти официальные выезды. Около 300 персон сопровождали правительницу. Придворные дамы сидели в каретах, в то время как женщины и девушки более низкого ранга следовали пешком.

Весь придворный штат царицы подчинялся центральной государственной администрации — приказу, во главе которого стоял боярин и которым управлял секретарь — дьяк. Прислуга царицы, включая и высокородных боярских сыновей, должна была жить в особой слободе — Кисловке. С придворным штатом был связан ступенчатый порядок ответственности, которую распределяла и за которой следила царица. Ответственность эта не ограничивалась только внутренним руководством, но и требовала многосторонних специальных знаний в вопросах права, управления и политического, а также социального развития страны. Царица не предавалась простодушной праздности, не истощала свои духовные способности за невинным вышиванием и не наблюдала день напролет за игрой шутих. Царица руководила по меньшей мере своим собственным двором, который был полностью отделен в политической и административной структуре от сферы жизни и правления царя. Однако внутри общей системы правления накапливался некий опыт, который привел ко все большей и большей открытости царицыного двора. Царица еще не выходила сама в мир, но она принимала этот мир у себя — небольшими дозами и отфильтрованный. Это было возможно, потому что царь Алексей, наряду со строгим сохранением традиций Москвы, еще более, чем его предшественники, открывал страну Западу.

В то время для России абсолютным приоритетом было обеспечение и расширение границ на северо-западе, западе и юге. В 1653 году началась новая война против Польши, которая длилась 13 лет. В 1654 году, после «клятвы в Переяславле», он взял под защиту Русского государства «казацких братьев по вере». К России перешла Украина и большая часть Галиции. Царь продолжал военные действия и испытал поворот судьбы, когда в новую войну вступила Швеция. Заключенный в 1667 году Андрусовский мирный договор по-

ложил конец русско-польской войне. Смоленск, Киев и Левобережная Украина отошли России. Балтийский вопрос оставался открытым. Московское государство расширило свою территорию.

Одновременно царя мучила забота о сохранении династии. Он питал надежду на своего родившегося 7 февраля 1654 года сына Алексея. Мальчик оказался способным и открытым всем областям знания, явлениям природы и жизни в целом. У него были прекрасные учителя, среди которых – Ордин-Нащокин, и в нем угадывались прекрасные задатки монарха. К сожалению, эта надежда оказалась тщетной. 17 января 1670 года Алексей умер. Несчастье было тем большим, что родившийся 30 мая 1661 года сын Федор был слабого здоровья, и потому еще, что у третьего сына, родившегося 27 августа 1666 года Ивана, была «мутная голова», то есть его считали слабоумным. То, что тогда в семье была тринадцатилетняя девочка, умная, понятливая, духовно высокоодаренная – родившаяся 5(17?) сентября 1657 года дочь Софья Алексеевна, – не привлекало внимания ни царя, ни других сановников. Смерть Алексея очень опечалила отца, тем более что это было не единственное личное несчастье, которое его постигло. Еще в марте 1669 года умерла царица Мария Милославская. Царь Алексей не мог передать правление в сильные руки. Он должен был искать новую жену, и ему нужны были новые наследники для престола. Он сделал выбор, на который решительным образом повлияли отношения при царском дворе, жизнь в царской семье и политическая обстановка в Москве.

Наталья Нарышкина появляется перед обществом

В ноябре 1669 года опять начался выбор невесты, который продолжался до мая 1670 года. Неясно, решил ли царь заранее выбрать Наталью Нарышкину будущей супругой или вся церемония лишь обеспечивала алиби. В любом случае семья Милославских пыталась интриговать. Она представила свою кандидатку и хотела вытеснить невесту. Это намерение осталось неосуществленным, однако позволяло догадываться, какие проблемы могут возникнуть в будущем. В январе 1671 года Алексей женился на девице Наталье Кирилловне Нарышкиной. Отец Натальи был мелкопоместным дворянином, не обладавшим большим влиянием, однако он находился в род-

стве с очень значительным государственным деятелем и советником царя Алексея Артамоном Матвеевым и был настолько дружен с ним, что Матвеев и его супруга (англичанка Гамильтон), у которой, в отличие от семерых детей Нарышкиных, был только один сын, приняли Наталью к себе и воспитали ее. Неизвестно, сколько прожила Наталья в доме Матвеевых и какое образование она там получила. Но тот факт, что Матвеев, возглавлявший внешнеполитическое ведомство (Посольский приказ), держал открытый дом и сам был умным и образованным человеком, свидетельствует по меньшей мере о том, что Наталья была воспитана в духе открытости. Царь Алексей был частым гостем в доме Матвеевых и имел много возможностей видеть девушку и познакомиться с ней.

Наталья была красивой и смысленной, однако не отличавшейся особой культурой девушкой (Наталья была хорошо образована для своего времени. — *Прим. ред.*). Вступая в брак с царем, она не собиралась мириться с незначительной политической жизнью, которую вели царицы. Девушке было 20 лет. Она обладала сильным и живым характером. Теперь в Кремль пришли музыка, танцы и радости жизни, указывавшие на умирание «Домостроя» и требовавшие от царя новой личностной ориентации, которая была направлена на большую открытость Западной Европе. Наталья бесцеремонно порвала с привычным порядком. К 1675 году относится сообщение о том, что в честь императорского посольства она появилась на улицах Москвы в открытой карете. В дни своих именин Наталья принимала также и гостей-мужчин и, как говорят, даже активно участвовала в охотах. Правда, сама царица не могла официально принимать иностранные посольства, но она участвовала в приемах царя и таким образом лично познакомилась со многими западноевропейскими политиками, художниками и учеными. Этот переходный характер жизни царицы был отмечен в датируемом 1672 годом сообщении одной из выходящих в Гамбурге газет: «Царица или императрица со своими статс-дамами сидела за багряным покровом, который, однако, имел то свойство, что можно было видеть их красоту и они могли видеть балет. Они сияли как яркие звезды среди редких облаков».

В Кремле был построен первый театр, и там, очевидно, ставили не только пьесы Симеона Полоцкого на библейские сюжеты. За крутой поворот в истолковании «Домостроя» также

следует благодарить юную Нарышкину. «Домострой» как гиперморализующий кодекс поведения постепенно исчезал. В сущности, его вытеснила сама русская жизнь, неизбежность обновления. Этому способствовал живой пример царицы.

Через повседневную супружескую жизнь Алексей показывал свою преданность делу. Он интересовался сельским хозяйством, садоводством, этнографией и многими другими вещами. У него в основном осталось одно занятие для удовлетворения собственных страстей. Алексей и Наталья осознавали высокое положение самодержца, но не всегда обязанности и необходимость быть последовательными, которые оно на них возлагало. Алексей делал ошибки в политике, проводимой в отношении Швеции. Он не справлялся ни с волнениями на юге, ни с мирным договором с Турцией. Его представления о Польше были только общего характера. По своему характеру Алексей был благодушным и вспыльчивым одновременно. Эти отличительные черты проявились и в ссоре, которая разразилась после появления при царском дворе Натальи Нарышкиной.

Ссора между Милославскими и Нарышкиными разгорается

В 1672 году у Алексея и Натальи родился здоровый, крепкий сын – Петр Алексеевич. Ввиду слабости Ивана и Федора, сыновей от первого брака, Нарышкины и Наталья прежде всех вели себя как надежные наследники династии. К этому времени атмосфера в Кремле была отравлена борьбой между кланами Милославских и Нарышкиных. Жизнь Алексея становилась все труднее. Он удалился от общества и предоставил тем самым как своей жене, так и ожесточенным семейным спорам дальнейшую свободу действий. В январе 1676 года царь Алексей Михайлович скончался.

Брак с Натальей продлился лишь пять лет. Кроме сына Петра в 1673 и 1674 годах родились еще дочери Наталья и Феодора. Наталья могла рассчитывать на понимание своего супруга, но поворот к активному участию в искусстве, культуре и общественной жизни она осуществила прежде всего благодаря силе личности. С Натальей Нарышкиной в истории власти в России возник феномен, который многократно повторялся позднее. Жена Алексея Михайловича добилась наибольшего политичес-

кого и династического значения только после смерти супруга, когда для царской вдовы на карту было поставлено сохранение наследника, права престолонаследия. В последующие годы Наталья Нарышкина смогла померяться силами с другой сильной женщиной, с падчерицей и регентшей Софьей Алексеевной.

Затишье перед бурей: царицы Агафья и Марфа

Царь Федор Алексеевич взошел на трон в возрасте 15 лет. Благодаря своей образованности и благоразумию, благодаря готовым к действию и даровитым советникам Федор установил еще одну заметную веху на пути прорыва России в современность, хотя он и не смог победить ни дворцовые интриги, ни закоренелые традиции.

Федор Алексеевич выиграл от стремления своей мачехи Натальи к открытой жизни. Как разумный молодой человек, Федор относился к своей мачехе дружелюбно и внимательно. После смерти царя Алексея Михайловича он велел построить для нее в непосредственной близости от Кремля новый деревянный дворец. С единоутробной сестрой Софьей его связывало сердечное расположение. Он предоставлял ей не согласующуюся с православием свободу участия в правлении, чего не позволял никому другому. Борьба за власть между Милославскими и Нарышкиными в сущности и определила для царя модель поведения. В 1676 году по смерти царя Алексея Артамон Матвеев предпринял попытку вместо больного Федора возвести на трон его здорового и сильного сводного брата Петра. Петру, правда, было всего четыре года, но он обладал такой силой, которая, учитывая слабое здоровье Федора, могла вызывать только восхищение. Матвеев был и оставался сторонником Нарышкиных. Если бы его совету последовали, Наталья могла долгие годы править в качестве регентши — при соответствующей поддержке Матвеева. Однако Федор был умен и, несмотря на свои недуги, действовал быстро. Он велел провести положенное принесение присяги, и Матвеев так же, как и некоторые его родственники, отправились в ссылку. Это, правда, оказало негативное действие на положение вдовствующей царицы Натальи Алексеевны, которая только благодаря Матвееву оказалась при дворе, тем не менее пока ее не тронули.

Федор был первым русским царем, который одевался на западный манер и восторгался плодами западной цивилизации не только в своих личных покаях. Во властно-политическом отношении он следовал традициям. Тем не менее то, что его первой женой была полячка Агафья Семеновна Грушецкая, казалось событием чрезвычайным. Полячки после опыта Смутного времени были не очень желанны на московском троне. Федор увидел девушку во время крестного хода, и она ему понравилась. Он собрал сведения и узнал, что Агафья жила в Москве у тетки, жены думского секретаря Семена Саборовского. И хотя были организованы традиционные смотрины, но их результат был уже известен. Царь Федор выбрал Агафью из хоровода проведенных перед ним девиц. Однако брак был коротким и не имел какого-либо серьезного значения. Агафья умерла в следующем, 1681 году, во время родов, а единственный сын Федора пережил мать всего на несколько дней. Да и сам царь в то время был настолько болен цингой, что якобы уже не мог самостоятельно ходить.

Уместно, правда, известное сомнение в тяжести его болезни, так как, несмотря на то что Матвеев был сослан, царь Федор осуществил ряд крупных реформ. Он провел реорганизацию в военной сфере и впервые в Европе создал постоянное войско, отменил порядок распределения должностей в зависимости от происхождения (местничество), осуществил централизацию управления. К нововведениям относилась и гуманизация уголовного права и основание первой русской высшей школы — Славянско-греко-латинской академии. С культурно-исторической точки зрения именно инициатива создания этого учреждения, до открытия которого (1687 год) сам он не дожил, и есть самое большое достижение царя Федора. В своих планах царь Федор опирался на понятие всеобщей пользы и велел, так же как в манифесте по поводу отмены местничества, признавать положения естественного права. Это появление раннепросветительских воззрений и взглядов доказывает, что правление Федора за два десятилетия до Петра Великого было большим шагом на пути интеграции Русского государства в русло европейской современности.

Незадолго до смерти в феврале 1682 года Федор женился еще раз, хотя врачи настоятельно советовали ему не заключать нового брака. Марфа Матвеевна Апраксина родилась в 1667

году. Она была крестницей Артамона Матвеева! Даже если женьба и должна была послужить возможным сигналом уравнивания интересов Милославских и Нарышкиных, она не имела никаких последствий. И этот брак не привел к появлению наследника престола. Уже тот факт, что царь разрешил своей сестре Софье присутствовать на своих совещаниях с правительством, в Боярской думе и на соборах, и даже представил ей там право голоса, говорит о великодушии и здравом отношении к проблемам страны. Может, конечно, быть и так, что он поддался настояниям энергичной Софьи и что ее влияние на реформаторскую политику было бóльшим, чем было принято считать до сих пор.

Правда, в правление Федора то и дело разгорались семейные распри, однако дело не доходило до открытого и насильственного взрыва. Как Софья, так и вдовствующая царица Наталья Алексеевна вели себя относительно спокойно, пока Федор был жив. Его смерть вызвала в апреле 1682 года целую цепь вспышек, которые потрясли всю страну. Началось с большого шума: непосредственно после смерти Федора патриарх Иоаким велел провозгласить сына Натальи Петра Алексеевича новым царем. Наталья Кирилловна до совершеннолетия Петра должна была править в качестве регентши. В результате не только начался сложный путь Петра I к единоличному правлению, но и вспыхнул открытый конфликт между Софьей и царской вдовой Натальей Нарышкиной.

Глава 4

Воинствующая регентша Софья Алексеевна

Софья Алексеевна (1657–1704 годы),
регентша 1682–1689 годы

Софья — четвертая дочь царя Алексея Михайловича и его первой жены Марии Милославской. Изначально ее ожидала лишенная какого бы то ни было значения жизнь царской дочери. Правда, рождение было поводом для пышного духовного и светского праздника, для дарений и актов помилования. Вслед за тем о девочках вновь забывали. Они в известной мере исчезали из общественного сознания. Дочери получали элементарное образование и, как правило, заканчивали монахинями в монастырях. Русские подданные не могли жениться на них по причине их принадлежности к семье самодержца, а путь к браку с иностранными аристократами оставался закрытым до времен правления Петра I.

В случае Софьи Алексеевны традиционные правила оказались под вопросом. О раннем детстве Софьи, проведенном в женских покоях Кремля и в подмосковных резиденциях, ничего не известно. Ее жизнь складывалась по обычному для того времени образцу. Первые данные датированы десятым годом жизни. Благодаря поощряемому царем Алексеем осторожному вступлению в западный мир и стилю жизни Натальи Нарышкиной западноевропейские новинки достигли и любопытных дам на царском дворе. Живая и энергичная девочка смогла, несмотря на благочестивое воспитание, извлечь из этого пользу для создания собственного представления о жизни. Софья появляется на исторической сцене как привлекающая общее внимание, жадная до знаний девочка с многосторонними интересами, которая внимательно следила за беседами царя с наследником престола Алексеем Алексеевичем и поучениями воспитателей. Софья лично знала таких выдающихся государственных деятелей, как Афанасий Ордин-Нашокин, и могла довольно непринужденно с ними говорить.

Умная и уверенная в себе

Еще наследник престола Алексей Алексеевич предложил царю, чтобы монах Симеон Полоцкий взял на себя образование Софьи. Симеон Полоцкий, собственно Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович, родился в 1629 году. Он

умер в 1680 году — до того, как Софья стал регентом. Происходил он из Белоруссии, был ученым, поэтом и писателем. Он учился в Киево-Могилянской коллегии. В 1656 году Симеон постригся в монахи и в 1664 году переехал в Москву. Здесь он получил должность учителя в Заиконо-Спасском монастыре. Одновременно он был домашним учителем царских детей: Алексея, Федора и Софьи. В Москве он приобрел прочное положение в качестве придворного поэта. Его оды прославляли царя и его семью. Царь Алексей считал его освободителем западных земель Русского государства от католической Польши.

Хотя влияние Полоцкого на воспитание Софьи было опосредованным, оно, тем не менее, имело продолжительное действие. Полоцкий вошел в жизнь Софьи, когда царь Алексей вернулся из похода на Польшу и был усиленно занят европейскими идеями. Монах демонстрировал Софье свои религиозные познания, учил ее языкам, обучал различным наукам и политике. У Софьи отсутствовали возможности для критического сравнения различных взглядов, и поэтому она разделяла точку зрения Симеона, например, что мир с Польшей был необходим для того, чтобы защититься от шведов и получить выход к Балтийскому морю. Свою историческую картину она углубляла лекциями по английской истории, которые читал ей Коллинз, английский врач ее отца. Она осуждала Тридцатилетнюю войну, потому что вооруженный конфликт между светской и духовной властью казался ей непонятным. Она рассматривала реформацию чисто теоретически, с заинтересованным пониманием. В итоге наставлений в Софье зрела поддерживавшаяся тогда при царском дворе, а в дальнейшем все более смелая идея о том, что Россия должна была открываться Западу и таким образом решать проблемы, которые в московской замкнутости были нереализуемы. В качестве зримого доказательства своей открытости миру Софья изучала польский язык и одевалась по польской моде. Тем не менее нельзя переоценивать такого рода юношески восторженные тенденции еще незрелой Софьи.

Царевичам давали серьезное образование. Но то, что в это образование и воспитание была напрямую включена и дочь царя — Софья, выходило за обычные для царских дочерей гра-

ницы. Между своим десятилетием и 1682 годом, когда она стала регентшей, девочка в одиночку прошла несколько ступеней развития. Испытывая непреодолимую жажду знаний, Софья внимательно следила за развитием Русского государства и, будучи свидетелем политических разговоров при царском дворе, скромно оставалась на заднем плане. Учителя и политика отца постепенно приобщили ее к проблеме отношений с Польшей и Швецией, повысили ее знания о реформах, которые проводил царь Алексей Михайлович. Софья только частично понимала большие и сложные политические проблемы. До сих пор она никогда не покидала Москвы. Прилежное изучение произведений Цезаря, польских и французских поэтов или существовавших тогда географических карт дало ей абстрактное знание, в котором отсутствовал практический опыт русской жизни.

В 1670 году в жизни Софьи наступила перемена. Ей было тринадцать лет, когда умер ее старший брат, наследник престола Алексей-младший. Его задачи взял на себя брат Федор. Софья любила болезненного и мягкого Федора, как и она сама, любившего книги. Она по мере сил поддерживала и заботилась о нем, даже в полностью изменившихся условиях при царском дворе. В 1669 году умерла первая жена Алексея Михайловича Мария Милославская. В 1671 году Алексей взял в жены Наталью Нарышкину. Софья, Федор и маленький брат Иван (ему тогда было четыре года и он уже считался слабоумным) получили мачеху, которая всего на шесть лет была старше Софьи.

В результате при дворе начались столкновения и распри между Милославскими и Нарышкиными. Софья с растущим интересом следила за непрерывными ссорами. Разумеется, она сражалась за Милославских, однако была достаточно умна, чтобы говорить о том, что у нее на душе. Разумным выразителем мнения Нарышкиных был воспитатель Натальи Кирилловны Артамон Матвеев.

30 мая 1672 года Наталья Нарышкина произвела на свет мальчика, которого окрестили Петром Алексеевичем. В противоположность наследнику престола Федору и сводному брату Ивану Петр отличался крепким здоровьем. Нарышкины считали свои права на престол обеспеченным. Но был еще жив царь Алексей Михайлович, и возможны были

многократные повороты судьбы. Обе партии вновь успокоились, позволили крепкому Петру расти, а времени работать на себя.

Когда в 1676 году умер царь Алексей, на трон взошел Федор. Федор не преследовал Нарышкиных. Однако по широте натуры он не устранил и соперничество. Все Нарышкины могли оставаться при дворе, Наталья, Петр и даже считавшийся опасным Артамон Матвеев. Федора и Софью связывала братская дружба. Сильная Софья и волевой Федор — они ведь, пожалуй, могли даже вытеснить Нарышкиных! Пока дядья и тетки интриговали, Софья действовала. Она втянула своего брата Федора в паутину сплетенной против Нарышкиных ловушки. Внешне дружелюбная, она подозревала, что Матвеев в качестве смотрителя придворной аптеки велел царю Алексею неверные лекарства. Федор верил подозрению. Хотя обоснованных доказательств приведено не было, Артамон Матвеев должен был отправиться в ссылку. Поскольку он был влиятельным советником Натальи Нарышкиной, она была вынуждена вместе с четырехлетним сыном Петром переселиться в Коломенское. Это не было изгнанием из двора, однако создало в известной мере нейтрализующую дистанцию между враждующими партиями.

Теперь при обсуждении внутренних и внешних проблем Русского государства Софья сознательно была на стороне Федора. В женских покоях Кремля она отныне занимала собственную комнату, в которую, вопреки обычаям, могли входить чужие мужчины. Главные советники царя Федора советовались с Софьей по всем вопросам текущей политики правительства. К числу ее собеседников принадлежал и прозападно ориентированный князь Василий Васильевич Голицын. Дурные примеры развращали уже тогда: стиль жизни Софьи, еще более непринужденный, чем стиль Натальи Нарышкиной, способствовал общему расшатыванию строгих моральных устоев, существовавших в женских покоях.

Софья знала о слабом здоровье своего правящего брата. Она следила за состоянием его здоровья так же внимательно, как и за действиями Нарышкиных, и везде, где возможно, брала на себя заботу о царе. Особенно напряженно она наблюдала за Натальей и неистовым поведением Петра в Коломенском. Фе-

дор разрешил ей официально участвовать в заседаниях Боярской думы, и Софья ближе познакомилась с некоторыми влиятельными боярами.

Тем не менее осмотрительность и деятельность не могли спасти жизнь Федора. В 1681 году он заметно терял силы. Но решающий для Софьи, как и для Натальи, вопрос еще даже не рассматривался: Федор до сих пор не назвал наследника престола. Иван считался неспособным править, Петр был слишком мал, а ни один приверженец семьи Милославских не хотел представить себе Наталью Нарышкину в качестве регентши. Софья молча выжидала. 27 апреля 1682 года умер царь Федор. Вопрос престолонаследия остался нерешенным. В тот же день патриарх Московский Иоаким созвал совет. Иоаким не был приверженцем Милославских, и все казалось хорошо организованным. Собравшаяся на Красной площади толпа народа потребовала царем Петра. Петр был провозглашен, и Наталья Нарышкина автоматически взяла на себя регентство. Официальных дебатов об этом не было. Тут же стали поносить Софью как предательницу, как распутницу и еретичку. Она заперлась в Кремле и выжидала. Однако затем она захватила инициативу. Дело едва не дошло до рукопашной. Во время похорон Федора Софья встала рядом с Петром во главе траурного шествия и вытеснила Наталью с первого места. Она сослалась на пример византийского императора Феодосия, который отдал власть в руки своей сестры Пульхерии. Наталья Нарышкина с царем Петром Алексеевичем обиженно удалились в Кремль.

Софья оставила поле сражения за собой. Она демонстративно разразилась слезами перед собравшимся народом и громко причитала: «О, вот мы здесь, всеми покинуты, и никто нас не защищает... Права брата моего Ивана в высшей степени несправедливо нарушены. Если же в несправедливости обвиняют его или меня, то нам было бы лучше покинуть родину и жить среди истинных христиан, у которых нет ненависти к нам. И все на Москве должны знать, что злодеи поспешили со смертью моего бедного брата Федора». Софья исходила из того, что Нарышкины в этот момент были неспособны править, ни Наталья как регентша, ни несовершеннолетний Петр. Поэтому она смешала печаль, подозрения и угрозы в один непо-

нятный народу, но эмоционально волнующий призыв поддержать ее — сестру умершего царя.

После этой речи она незамедлительно созвала своих сторонников, которые обсуждали вопрос, как она может использовать в своих притязаниях на власть скрытую неудовлетворенность размещенных в Москве стрельцов. Но и Нарышкины не бездействовали. Наталья от имени Петра велела возвратить изгнанного Артамона Матвеева. Матвеев прибыл в Москву 12 мая 1682 года. Тремя днями позже, 15 мая, он принял участие в дне памяти погибшего в 1591 году в Угличе царевича Дмитрия. В этот день разразилось Стрелецкое восстание, которое носило все признаки дворцового переворота в пользу Софьи Алексеевны, хотя так и не было однозначно выяснено, была ли Софья инициатором событий.

Проникшие в Кремль стрелецкие полки поначалу, казалось, действовали совершенно бесконтрольно. Их лозунг был просчитан: они прорывались к кремлевским дворцам и кричали, что Нарышкины убили больного царевича Ивана. Злодеяние должно искупить кровью. Слабоумный Иван, о котором никто всерьез не заботился, находившийся за пределами различных властных интересов, сразу стал центром происходящего. Сторонники Софьи привели трясущегося от страха Ивана из его комнаты. Наталья сразу же велела привести и маленького царя Петра, и обе партии показали мальчиков неистовствующей, вооруженной до зубов толпе. На мгновение стрельцы застыли в нерешительности, затем их кровожадность беспрепятственно проложила себе путь в определенном направлении. Она втянула в смертельную пучину Артамона Матвеева и других сторонников и друзей Нарышкиных. Софья очень энергично сопротивлялась этому натиску, и возникло подозрение, что Матвеев и злодейски убитые братья Натальи были только жертвой в игре.

Жажда крови была утолена, и Софья взяла бразды правления в свои руки. Стрельцы прислушались и ограничились компромиссом: обоих — Петра и Ивана — провозгласить царями. До совершеннолетия Петра Софья осуществляла регентское правление. Клир и Дума в сложившейся ситуации могли только подчиниться воле стрельцов. В то же время Софья поняла, насколько ненадежной была поддержка стрельцов, недооценивала она и Наталью Нарышкину. Сначала она воспре-

пятствовала единоличному правлению Петра и 29 мая 1682 года официально объявила себя регентшей.

Софья — регентша двух царей

Софья была не первой регентшей на Москве. За малолетних отпрысков уже правили Елена Глинская, Ирина Годунова, Мария Скуратова и Наталья Нарышкина. Всегда речь шла о временном состоянии, которое, кроме того, официально едва ли подтверждалось. Вступление этих регентш каждый раз было косвенным доказательством того, что царские жены пользовались особым уважением или были готовы после смерти своего супруга самостоятельно вести активную государственную политику. В отличие от предыдущих правительниц, Софья не была женой царя и хотела долго править сама, хотела установить самостоятельную, автократическую власть и, если будет возможно, самой стать русской царицей.

Софья собрала вокруг несколько доверенных людей, среди которых были и близкий ей с детства дядя Иван Милославский, и князь Василий Голицын, который, как говорили, был любовником Софьи. Он стал и министром-казначеем и министром иностранных дел. Другой фаворит фактически выполнял задачи премьер-министра. Особенно серьезно Софья раздумывала о должности военного министра. Стрелецкий вопрос следовало решить быстро и основательно. Большим влиянием среди стрельцов пользовался князь Иван Хованский. Хованский, красивый и богатый, предполагал, что сможет жениться на Софье. Он не был сторонником Нарышкиных. Софья была охвачена сомнениями. Тщеславие Хованского и чересчур близкие отношения со стрельцами наполняли ее беспокойством. Однако он был блестящий воин. И в конце концов он был назначен, хотя в глубине души Софью мучило недоверие. (В.В. Голицын стал главой правительства, И.А. Хованский получил под начало Стрелецкий приказ, И.М. Милославский — Иноземный и Рейтарский приказы. — *Прим. ред.*)

Со времени реформ патриарха Никона едва прошло три десятилетия. Староверы, которые придерживались исконно русских традиций и находились в оппозиции государству, имели в лице стрельцов сильную поддержку. Староверы и

стрельцы видели в выдвижении Хованского повышение значимости своего положения во власти. Они не видели тактической одаренности Софьи. 5 июля 1682 года регентша созвала в Кремль на диспут православных и староверов. Стрельцы должны были обеспечивать спокойствие и порядок. Дебаты закончились рукопашной. Софья хотела изгнать из зала староверов и тем спровоцировала стоявших на страже стрельцов. Зазвучали угрозы против правительницы. Организовала ли Софья инцидент или она ловкоотреагировала на развитие ситуации, вновь осталось неясным. Известно, что после этого происшествия она собрала вокруг себя коронованных братьев Петра I и Ивана V, доверенных лиц, членов семьи и друзей. Софья объявила, что в Кремле больше нельзя поручиться за безопасность царей, правительницы и двора. Вся свита покинула Москву, двинулась с небольшими интервалами от резиденции к резиденции и от монастыря к монастырю. Софья говорила о заговорах против священных персон царей и регентши. Хованский угодил в ловушку, которая была расставлена в результате отъезда двора. Все происходящее покоилось на соглашении, заключенном Софьей 5 июля с патриархом Иоакимом, Натальей Нарышкиной (!), а также царскими дочерьми Татьяной Михайловной и Марией Алексеевной. К этому времени на московском царском дворе не было сильного мужчины и Москвой правили женщины.

Хованский действительно инсценировал интригу с целью заговора против царей и правительницы. Он хотел сам короноваться на царство. Софья с братьями остановилась в Измайлове и созвала Думу. Тайный суд приговорил Хованского к смерти. Хованский уже находился в резиденции в Москве, когда его достигло приглашение в Измайлово. Он последовал приглашению. Едва Хованский 17 сентября 1682 года прибыл в Измайлово, он был схвачен и обезглавлен. Заговор провалился. Стрельцы покорились Софье. Регентша победительницей возвратилась в Кремль. Софья как женщина и первая в течение длительного времени правительница Русского государства органично влилась в автократическую традицию дома Романовых.

Новым главой Стрелецкого приказа стал Шакловитый. Всеми остальными делами правления руководил образован-

ный и поддерживавший западные тенденции Софьи Василий Голицын, который с 1682 года как глава внешнеполитического ведомства (Посольского приказа. — *Прим. ред.*) украсил себя титулом «канцлер». Василий Голицын был талантливым политиком и любовником Софьи. Личные отношения между обоими в исторических источниках представлены лишь схематично. Между тем более отчетливо выявляется, что Василий Голицын долгое время находился под сильным влиянием своей матери Татьяны Голицыной. Во благо своей семьи и сына она вмешивалась во все политические и военные дела, которые касались ее сына, и не боялась давать фавориту правительницы наставления по службе. Можно предположить, что у Софьи и Татьяны Голицыной были тесные личные отношения, которые сказывались на решениях Софьи.

Реальные результаты деятельности Василия Голицына были ограничены. Регентство Софьи не было направлено на проведение амбициозных реформ. Прежде всего она энергичными средствами обеспечивала свою личную власть. В качестве правительницы, пусть и из дома Романовых, но некоронованной, она опиралась на мелкопоместное служилое дворянство и удовлетворяла, как могла, их желания. Она уравнила в правах служилое дворянство и родовое, упрочила крепостную зависимость и провела новое общее межевание земель. Софья поощряла развитие производства и в 1687 году отменила таможенные барьеры в отношении Украины.

Общему развитию страны служило и сделанное в 1689 году приглашение гугенотам поселиться в России. Преследование староверов при Софье приняло жесткие формы из страха, что они могут присоединиться к новому стрелецкому восстанию и усилить беспорядки в стране. В целом, как показывают события 1682 года и основание в 1687 году Славяно-греко-латинской академии, годы ее правления отличались подъемом волны религиозно-богословской полемики. Основанием этой первой школы Софья шагнула дальше по пути раннего просветительства, начатом царями Алексеем и Федором. Но она заботилась также и о порядке и чистоте в городах, вела безнадежную борьбу с бюрократией и коррупцией, провела реорганизацию войска и все более экономически и политически открывала страну Западу. Софья одоб-

рила подписание новых торговых договоров с Польшей и Швецией, снизила экспортные пошлины на скобяные изделия и текстиль и расширила торговую с Англией, Нидерландами, а также с Бранденбургом и Саксонией. Она понимала политические и экономические потребности Русского государства.

Как нажито, так и прожито: свержение правительницы

Но Софья проиграла, причем таким же образом, как это происходило со столь многими ее сотоварищами по трону. Она была свергнута. Два кризиса совершенно различной природы обусловили после семи лет регентства ее политический и личный крах. Внешняя политика и политика в области безопасности потерпели фиаско. Правительница из дома Милославских в конце концов уступила властной воле Нарышкиных, царице Наталье Кирилловне и ее неистового сына Петра Алексеевича ввиду того, что к началу ее правления роль женщин в русском государстве возросла. Тот факт, что Софья была женщиной, имел лишь второстепенное значение при падении ее власти. Правда, до сих пор русские женщины не имели в политике официальных функций. Правовое и социальное положение русской аристократки в основе своей оставалось неизменным и тогда, когда в XVIII веке практически полностью правили женщины, и ограничивалось семьей, искусством, литературой и благотворительностью.

Софья потерпела поражение во внешней политике. Ее поражениями воспользовались Наталья Нарышкина и сводный брат Петр. Правда, ей удалось добиться во внешней политике некоторых успехов, которые отвечали традициям и продолжали поставленные царем Федором цели и за счет которых она надеялась укрепить свою власть внутри страны. К этому относится подписанный в 1686 году в Москве «Вечный мир» с Польшей. Россия вступила в антитурецкую «Священную лигу». В 1683 году турки были разбиты под Веной. Правительство Софьи ожидало, что вступление в «Священную лигу» ускорит реализацию собственных целей. Шли спекуляции по поводу доступа к Черному морю. Крым должен был целиком

отойти к России. В этом вопросе Русское государство нуждалось в поддержке Польши, поскольку нападение на Крымское ханство было бы равноценно разрыву заключенного царем Федором в 1681 году миру с Бахчисараем. Софья считала, что после заключенного с Польшей «Вечного мира» Россия готова к походу на крымского хана.

В 1687 году регентша назначила Василия Голицына главнокомандующим кампании. Этим назначением она совершила личную и политическую ошибку, которой только и ждали Нарышкины и подросший Петр Алексеевич. После волнений 1682 года Наталья Нарышкина держалась на заднем плане. Ее не изгнали из Кремля, но летом она жила в селе Преображенском, а зимой — в Москве. С 1682 по 1689 год мать Петра не принимала участия в политике. В полной тиши она собирала силы и союзников для своего сына. Она поддерживала постоянный контакт с патриархом Иоакимом и готовила Троице-Сергиев монастырь, чтобы в случае крайней необходимости укрыться в нем. Петр был царем, Софья правила от его имени, но все участники считали пробу сил неизбежной. В то время как Софья недоверчиво смотрела на потешные полки Петра в Преображенском, Наталья внимательно следила за действиями Василия Голицына.

Голицын был успешным и блестящим дипломатом и политиком. В военном руководстве он понимал мало. Его войско, усиленное днепровскими и донскими казаками, выступило по направлению к Крыму, однако поля битвы не достигло. Степной пожар остановил полки, лишил их пастбищ для лошадей и вынудил повернуть назад. Но в Москву русские войска неожиданно вошли как «победители». Софья не только осыпала Голицына почестями, но и само поражение было представлено победой. Царь Петр I со злобой наблюдал за победными парадами, его мать предчувствовала шанс для возвращения к власти. За первым походом весной 1689 года последовал второй. Вновь во главе стоял князь Голицын, его помощником был шотландский генерал Патрик Гордон. Сначала русские солдаты отразили нападение татар и прорвались к воротам крепости Перекоп, которая закрывала доступ в Крым. Здесь Голицын остановился. Позднее он объяснил Софье свой отказ от штурма крепости тем, что крымский хан предложил перемирие на выгодных условиях.

Московское войско без видимых причин повернуло назад. Еще раз поражение нельзя было истолковать как победу. Софья чувствовала, как над ее головой сгушаются тучи грядущего кризиса. Ей не принесло пользы и то, что 27 августа 1689 года в Нерчинске русские дипломаты заключили первый договор европейского государства с Китаем. Нерчинский договор впервые маркировал границы, которые, правда, еще не были точными, факт сам по себе имел большое значение, как и договоренность о приграничной торговле. Договор был внешнеполитическим успехом для Русского государства, который, однако, не смог ни компенсировать поражение на Юге, ни остановить падения Софьи.

8 июля 1689 года в Московском Кремле произошло открытое столкновение между Софьей и Петром. В этот день там состоялся праздник иконы Богоматери Рязанской — шествие в память освобождения Москвы от польского господства в 1612 году. Оба царя и регентша принимали участие в праздничной процессии. Как только царь Петр I увидел Софью, он приказал сейчас возвращаться во дворец. Софья не отреагировала. Красный от ярости Петр вскочил на коня и галопом помчался прочь. Он дрожал от гнева: Петр желал власти, он был совершеннолетним. Но Софья с 1686 года демонстративно называла себя «самодержицей».

Правительница стояла перед серьезной проблемой. Ее приверженцы среди Милославских и Голицыных придерживались того мнения, что для факта регентства достаточно существования царя Ивана V, который обеспечивает главенство семьи. Одновременно у Софьи было много врагов в Боярской думе, потому что она принадлежала к Милославским, потому что она была умной и уверенной в себе, потому что Голицын потерпел поражение в Крымских походах и потому что Петр с Нарышкиными хотели единоличной власти. Софья не была коронована. Этот факт тяготил ее. Только с преданным ей дворянством она ничего не могла сделать. Софья должна была ограничиться тем, чтобы держать в поле зрения подросшего Петра и его мать и по их поведению определять собственные шансы на сохранение власти. Это было изнурительно, трудно и рискованно. Софья знала все о повседневной жизни 15-летнего Петра и его двора в Коломенском и Преображенском. Она знала о его пристрастии к солдатам, кораблям, техниче-

ким новинкам, иностранцам и жизнерадостным женщинам. Она знала его ум, энергию и дикость, его буйный нрав и несдержанность, его неожиданные приступы гнева. Знала правительница и Наталью Нарышкину. Софья боялась того дня, когда Петр заявит о своих властных притязаниях. Сначала Петр внезапно появлялся на заседаниях Думы. Он дико озирался, не говорил ни слова и исчезал так же немотивированно, как и появлялся. После первого Крымского похода Петр отказал полководцу Голицыну в аудиенции. Софья попыталась смягчить проблему ироническим замечанием: «Мой брат, вероятно, сильно занят с укреплениями и кораблями». В действительности ее беспокойство росло день ото дня. Несмотря на весь свой ум и тактическую ловкость, она не знала, ни в какой момент, ни с какой стороны нападут Нарышкины. Войско еще было на ее стороне. Но насколько прочен союз с солдатами, Софья знала с тех времен, когда она сама добивалась регентства.

Столкновение последовало 8 июля 1689 года. Софья не хотела отказываться от власти, потому что она властью обладала и потому что она, конечно, не считала Петра способным править. Конфликт между волей и самоотречением парализовал ее решимость. Она утратила сначала свое тактическое чутье и затем — регентство.

Июльской ночью 1689 года Петр получил в Коломенском дворце известие о готовящемся покушении на свою жизнь. В панике он бежал из Коломенского и нашел для себя готовое укрытие в расположенном неподалеку Троице-Сергиевом монастыре. Хотя, как говорят, доверенные лица Софьи Шакловитый и Медведев и разработали план, как заставить Петра отказаться от трона, но они решительно отрицали покушение на убийство. Здесь есть определенная логика. Если бы Софья намеревалась отдать приказ убить Петра, она не стала бы дожидаться, пока он достигнет совершеннолетия. Какими бы ни были мотивы поведения обеих сторон, событие наметило решающий поворотный пункт во властно-политических противоречиях между правительницей Софьей Алексеевной и царем Петром Алексеевичем — между враждующими сводными братом и сестрой и их сторонниками.

Патриарх Иоаким распространил слух, что Петр решил исправиться. Софья немедленно поклялась, что речь идет о буд-

ничной семейной ссоре, о безделице: царь извинится перед старшей сестрой за свой неподобающий поступок. Петр не отреагировал, и общие настроения медленно оборачивались против Софьи. Борьба за власть стремительно завершилась после того, как Софья с надеждами на примирение отправилась в Троице-Сергиев монастырь и в пути получила от солдат Петра приказ вернуться в Москву. У Софьи не было другого выбора, кроме как подчиниться.

1 сентября 1689 года — в первый день нового года по старославянскому календарю — Софья предприняла последнюю попытку спасти свою власть.

Она обратилась к толпе народа на Красной площади и отвергла все упреки в том, что пыталась убить брата. Москвичи слушали ее молча. Никто не поднял меча, топора или мушкета в ее защиту. Полки один за другим покидали Софью и вставали на сторону Петра. В сущности, это была больше не драма, а простая замена, которая восстанавливала запоздавшую династическую справедливость. Вся сцена и приблизительно не была так скандальна, как в 1682 году, когда Софья принимала регентство.

Василий Голицын торопил Софью с бегством за границу. Но регентша доказала свое историческое величие, проявила кровь Романовых или мужество отчаяния: «Я царская дочь. Покинуть сейчас мою страну означало бы только признать вину, в которой меня упрекают. Я остаюсь там, где я есть и чему я принадлежала всю свою жизнь». Это был широкий жест, но он соответствовал дальнейшему поведению Софьи. Петр велел поместить свою сводную сестру в Новодевичий монастырь. Она не оказала сопротивления. Она больше никогда не получила свободы, и никто не видел больше Софью открыто. Ее дальнейшая жизнь была окружена высокими стенами молчания и сокрытия.

Петр I назначил комиссию по расследованию. пытками и принуждением доказывали «вину» Софьи. Не было вины, и не было виноватых. Но все приверженцы и друзья Софьи должны были умереть. Только Василий Голицын сумел спасти свою жизнь в обмен на изгнание. Замученные пытками люди признались, что существовал план низложения Петра. Но признания в заговоре с целью убийства даже под пытками не добились ни от одного из ставших жертвами преступников.

Для Софьи эти годы проходили в монастыре. Царь Петр был злопамятен. Исполненный мести, думал о сестре. Девятью годами позже, в 1698 году, Петр как раз находился с «Великим посольством» в Западной Европе, стрельцы вновь восстали. Петр устроил невероятную «кровавую баню», которая напомнила о страшных преследованиях времен Ивана Грозного. Вновь следовало доказать, что Софья была инициатором восстания. Доказательств представить не смогли. Разумеется, у мятежных стрельцов были те или другие мысли о том, чтобы возвести на трон Софью вместо Петра. Но не Софья была зачинщицей этих протестов. Царь Петр сделал последний шаг. Он не приказывал убить свою сестру, он велел постричь ее в монахини. Она закончила свою жизнь в 1704 году в монастыре как сестра Сусанна. Забытая миром, для которого она когда-то была олицетворением блеска и достоинства Русского государства. На условиях ее жизни, правда, не отразились достоинство и уважение, с которым в России обычно относились к монахиням.

Спорное положение Софьи в истории

Энергичная, умная, дальновидная и глубоко вросшая в традиции своего народа и автократию, Софья расширила путь русской аристократки в современность. По своей сущности она полностью была Романовой, со всеми преимуществами и недостатками собственного понимания власти. Они не вызвали произвольных и безудержных вспышек ярости. Самим способом взятия власти она создала модель, на основе которой осуществляли дворцовые перевороты императрицы XVIII века, как бы ни были различны конкретные временные обстоятельства. Но что все это значит? На самом деле царь Иван IV или царь Петр I были не более разборчивы в выборе средств. «Преступление» Софьи было благом для Русского государства. Оспорив сначала права Петра на единоличное правление и мудро управляя сама, она воспрепятствовала тому, чтобы энергия слишком юного сумасброда была расплескана в соперничестве Милославских и Нарышкиных. Великий реформатор должен был созреть, и когда он взял власть, семейные распри были уже менее драматичны по сравнению с предшествовавшими годами. Наконец остается неоспоримым факт, что Софья была первой регентшей Московского

государства, которая смогла добиться исторического величия и самоутверждения.

Правление Софьи означало коренное изменение в истории русской правящей династии. Впервые женщина выступила открыто и публично. Современники и позднейшие историки считали Софью жертвой ее сводного брата Петра Великого. Ее историческое положение вытекало из политической истории. Предшествовавшие царицы и регентши, да и сама Наталья Нарышкина находились слишком в тени своих супругов, чтобы им была отведена столь самостоятельная роль. Она вынуждена была отступить, в жизни и в истории, перед могущественной тенью Петра и его историческими притязаниями. Образ Софьи слишком часто соизмерялся только с образом Петра, и она представляется бессовестной интриганкой, камнем преткновения на безостановочном пути великого Петра. Этот образ не учитывает ни ее личность, ни ее регентство, ни ее многолетние отношения с Петром и Иваном.

Она была самостоятельным и деятельным человеком, которому отводится свое, особое место в истории России. Она потерпела поражение из-за переизбытка надежд, из-за традиций авторитарного принципа и стремления Петра к власти. Она была интересной личностью, соединившей в себе многие отличительные черты, характерные для XVII века в Европе и в России, и чьи страстные желания разбились о несовершенство Русского государства. Она была Романовой по происхождению и по характеру.

А что же Наталья Нарышкина? В остававшиеся ей годы жизни она сосредоточилась на укреплении позиций Петра. Она должна была вновь и вновь доставать деньги, прощать Петру его разгульный образ жизни и заниматься поисками для него достойной партии. Она не справилась со своими неистощимыми притязаниями. Женитьба Петра оказалась ошибкой, в результате закатилась звезда и инициатора этого несчастливой брака. Когда в январе 1694 года Наталья Кирилловна Нарышкина умерла, Петр ожидал новый голландский корабль и поэтому не принял участия в похоронах. Так обошелся Петр Великий с обеими женщинами, способствовавшими его приходу к власти: Софья закончила свою жизнь государственной преступницей в монастыре, а собственную мать он наказал пренебрежением.

Глава 5

Прасковья и Евдокия – миролюбивые жены неравных братьев

Прасковья Федоровна Салтыкова
(12 октября 1664 года – октябрь 1723 года),
супруга царя Ивана V с начала 1684 года

Евдокия Федоровна Лопухина
(30 июня 1670 года – 27 августа 1731 года),
первая супруга царя Петра I с 27 января 1689 года
(до 1698 года)

Борьба Софьи с Нарышкиными за власть отодвинула царя Ивана V на задний план. Иван V занимает особое положение среди русских царей. Всю свою жизнь он находился в тени своего сводного брата Петра I, хотя в 1682 году они были коронованы равноправными царями. Больной, слабый и скорее всего недалекий Иван уступил правление регентше и брату Петру. Он считался блаженным, слабоумным, которых на Руси почитали. Петр I проявлял по отношению к Ивану человеческое внимание и уважение. Больной сводный брат был, пожалуй, одним из немногих людей, о которых Петр одинаково заботился на протяжении всей жизни. Когда в 1696 году Иван умер, Петр воспринял это как настоящее горе. Тем не менее ирония истории состоит в том, что больной Иван имеет большие заслуги в вопросе обеспечения естественного порядка наследования в доме Романовых, чем Петр. Императрица Анна и номинальный царь Иван VI происходят именно от его семейной ветви. Это не было озорной причудой судьбы, а, в сущности, явилось результатом властно-политических интриг между Софьей и Натальей Нарышкиной.

Иван V не являлся для Софьи противником, и тогда она включала и больного брата в упряжку своих интересов. Василий Голицын советовал женить Ивана, и Софья согласилась с этим. Она надеялась, что здоровый отпрыск Ивана сможет стать соперником Петру I. Выбор, сделанный полностью в духе испытанных традиций, пал на Прасковью Салтыкову, дочь боярина Федора — Александра Петровича Салтыкова. Семья имела интересное прошлое. За полстолетие до этого во времена Смуты боярин Михаил Салтыков относился к польской партии при московском дворе и после избрания царем Михаила Романова был обмен на одну из польских областей. Александр Салтыков, отец Прасковьи, при правлении Алексея Михайловича вернулся и под именем Федор Салтыков был восстановлен в боярстве. Дочь Прасковья казалась девушкой здоровой, рослой и хорошо сложенной, по-своему обаятельной.

Свадьба состоялась в январе 1684 года. В последующие пять лет не было заметных появлений ни Ивана V, ни Прасковьи. Софья правила, а Иван вместе с Петром выполняли необходимые представительские обязанности. Прасковья заведовала своим двором и хозяйством, проводила время за обычными

домашними работами и внутрисемейными обязанностями. Поскольку Иван отказывался от любого участия в дворцовых интригах против Нарышкиных, они с женой жили относительно спокойно и безмятежно. Злые языки, правда, говорили о Прасковье, что она не только энергична и полна сил, но и сварлива и может съесть уйму яиц и котлет. Существует даже история, которая могла бы свидетельствовать об определенных политических амбициях. В 1687 году, в ходе одного наследного спора, Прасковья, как говорят, позвала к себе бояр и учила их, как себя вести при допросе у регентши. Согласно легенде, бояре обещали действовать по советам Прасковьи. Если исходить из того, что сообщение соответствует фактам, оно явилось бы подтверждением политической активности и влияния царицы. Однако история эта неясная и слишком единичная, чтобы можно было придавать ей обобщающий характер.

Привычная жизнь закончилась для Прасковьи в 1689 году. Этот год был годом ряда решений, которые изменили жизни всех действующих на русской сцене персонажей: в январе 1689 года царь Петр I женился, и этот шаг конечно же не по чистой случайности последовал как раз в то время, когда стало известно, что Прасковья ожидает ребенка.

До сих пор для Петра занимало озорство его потешных полков, спонтанное хватание топора при строительстве корабля, а также восхищение продуктами западной цивилизации. Позже это превратилось в жестокое подавление стрельцов, грубость в общении даже с приближенными, беззастенчивость в осуществлении власти или в пылкой любви. Петр I в истории стал Великим, потому что личность ни одного другого правителя в русской истории не отвечала настолько сущности русского менталитета: Петр был Россией в ее самой исконной и самой чистой форме. Приводит в изумление тот факт, что единственный человек обладал способностями в наиболее подходящий исторический момент собрать и выразить все, что было характерным и необходимым для Русского государства. Петр стал Великим не потому, что он выиграл сражение под Полтавой, взял штурмом Азов или обрезал бороды боярам. Петр — это Россия, «Третий Рим», великая евразийская держава — альтернатива Западной Европе, цивилизации, которую хотели бы создать, но которая, как чудо пророка — будто ударом топора и в одну ночь, — была дана народу. Пока русский народ стра-

дает — как страдал за Россию Петр Великий, всю свою жизнь. В жизни Петра Алексеевича никогда не было составляющих, которые могли бы излучать покой и уют. Она была не знающей покоя, движимая спонтанностью и борьбой. Возможно, историческое исследование о династии Романовых захотело увидеть ее и такой.

У этой исторической героической фигуры позволительно спросить, как случилось, что он взял такую супругу, как Евдокия Лопухина. Все детство и раннюю юность Петр находился под подавляющим влиянием своей матери Натальи Нарышкиной. Царская вдова вела борьбу против Милославских и регентши Софьи. Она приказала дать Петру добротное религиозное воспитание и сама принимала в нем участие. Тем не менее он отваживался дать волю своим диким прихотям. С семи лет началось регулярное обучение Петра. По священным книгам он учился читать и писать. Его учитель Никита Моисеевич Зотов не смог удовлетворить бьющую ключом любознательность мальчика и сдался. Возможно, испытываемое Петром на протяжении всей жизни любопытство и необходимость овладеть всем самому объясняется и желанием восполнить упущения детства.

Но повседневная жизнь Петра после 1682 года поначалу едва ли изменилась. Он позволил себе почти полностью отдаться личным интересам. Были официальные поводы и церемонии, на которых он должен был представлять. Большую часть времени он проводил в Преображенском и Семеновском. Две страсти владели подростком: овладение знаниями в технической и естественно-научной областях и армия. Еще до того как Петр в 1689 году стал единоличным правителем, он сформировал в Преображенском и Семеновском военную базу, которая могла представлять опасность для Москвы.

На удовольствии от игры не сказался тот факт, что на десятом году жизни Петр стал царем Русского государства. Как и прежде, продолжал существовать фронт борьбы между Милославскими и Нарышкиными. Петра мало заботили политические интриги. Это все более заставляло задумываться мать Петра Наталью. Для нее Петр был охотником до рома, который попусту тратил время. Ей не нравилось то, что он постоянно

бражничает с иностранцами, курит трубку и преследует молодых девушек.

Но это были не самые главные причины, которые заставляли торопиться с женитьбой Петра. Иван женился в 1684 году. В конце 1688 года Прасковья ждала ребенка. Петр достиг совершеннолетия. Но править продолжала Софья. Наталья считала особо важным для гарантии притязаний Петра на трон, если бы он, следуя примеру отца, как можно скорее женился на подходящей девушке и произвел на свет наследника. Ей казалось целесообразным подыскать Петру девушку, которая не принадлежала бы ни к одной из соперничающих дворцовых партий. Она нашла такую в Евдокии Лопухиной, скромной, прямой и сдержанной девице из видной и богатой московской боярской семьи.

Для Петра и его честолюбивых планов Евдокия не представляла никакого интереса. У нее не было даже энергии, отличавшей Прасковью. Петр подчинился матери так же безвольно, как и невеста, и воспринял состоявшуюся 27 января 1689 года свадьбу как досадный перерыв в игре. Для него, верующего православного христианина, заключение брака было, как и многое другое, пунктом устава. Какие чувства владели Евдокией, любила ли она своего мужа или страдала с ним, ему было совершенно безразлично. Должно было быть обеспечено престолонаследие.

Петр I был женат как раз два месяца, когда супруга Ивана V произвела на свет своего первого ребенка. Это была дочь Мария, которая дожила только до пяти лет. Строго говоря, Иван не был настолько болен, чтобы не иметь здоровых детей. Когда он 29 января 1696 года умер, от его брака с Прасковьей остались три дочери, из которых две впоследствии произвели сенсацию в русской истории. Это была родившаяся в 1693 году Анна, позднее герцогиня Курляндская и в дальнейшем императрица Анна I Ивановна. Уже в 1691 году родилась Екатерина, которая в 1716 году вышла замуж за герцога Мекленбург-Шверинского Карла-Леопольда и стала бабкой российского императора Ивана VI.

Весной 1689 года, когда обострилась борьба за власть между Софьей и Натальей, обе партии усилили свои позиции: Иван V имел двух потомков женского рода, а Петр женился – его супруга вскоре после этого забеременела. В июле, августе и сен-

тябре были осуществлены политические решения, которые привели Софью в монастырь, а Петра — к единоличному правлению. Существует впечатляющий документ, относящийся к тем дням, который свидетельствует о настроениях Петра, его положении, желаниях и надеждах. На второй неделе сентября он писал своему брату-соправителю Ивану: «Бог знает, как я нуждаюсь в твоей поддержке в следующих размышлениях: по милости Божией в год 7190 (1682 год) правление Россией было передано нам обоим, одному, как и другому, так как были мы, братья, коронованы и признаны правителями. О третьей особе, которая должна участвовать в делах государственных, тогда не было и речи. Однако наша сестра, царевна Софья Алексеевна, самовольно и против нашего желания и такового же народа взяла на себя руководство нашим правлением. Я напоминаю тебе о том, что мы долго терпели. Сегодня один мошенник, Федька Шакловитый, допрошенный под пыткой, стоял на том, что он и другие его сообщники, злоупотребляя нашим добрым расположением, замыслили покушение на нашу жизнь и жизнь нашей матери. Теперь, брат мой царь, поскольку оба мы стали совершеннолетними, пришло время самим править страной, которую доверил нам Бог. Не позволим же третьей особе... разделить наш титул и вмешиваться в дела, которые решать должны мы оба. Я не сомневаюсь в том, что ты с этим согласишься...» 6 октября 1689 года Петр с большой свитой вошел в Москву. Царь Иван ждал в Кремле брата-царя. Они обнялись под колокольный звон.

В первые годы Петр не много делал для доказательства того, что он действительно хотел править. Он назначал воевод из доверенных лиц — и предоставлял им свободу действий. Сам он жил только своими неистовыми страстями, в которых не было места для супруги и которые ее саму также не занимали. Но она исполняла свой долг: в феврале 1690 года родился сын Алексей. Россия получила престолонаследника мужского рода, и его отцом был не Иван V, а Петр I. В следующем году даже родился еще сын Александр, который, правда, не прожил и года. Евдокия покорно и преданно ждала посещений мужа, если он сниждал. Это бывало достаточно редко, так как царь Петр позволил шотландскому генералу Патрику Гордону ввести себя в «Немецкую слободу» и к новой возлюбленной — Анне Монс.

Последующие пять лет Прасковья и Евдокия жили скром-

но, находясь на заднем плане, незаметно и постоянно заботясь о своих детях. В эти годы состояние здоровья Ивана ухудшилось, в то время как Петр жил одним днем. В 1694 году умерла Наталья Нарышкина. Петр был ей обязан всем — жизнью и троном. Но на похоронах матери он не появился. Петр осматривал в Архангельске новые корабли. Он передал представительские обязанности своему брату Ивану, который и отдал Наталье Нарышкиной последний долг.

Между тем Петр осознал, что ему следует больше усилий прилагать для того, чтобы укрепить свою власть и повысить престиж России в Европе. Россия была терпящей нужду и опустошенной страной. Он решился на войну против турок. В 1695 году русское войско двинулось на юг и к крепости Азов. Поход закончился неудачей. Царь не питал иллюзий. Он понимал, что военный успех под Азовом возможен только, если атаковать крепость одновременно с суши и с моря. Невероятным напряжением сил в 1695—1696 годах на вновь построенных в Воронеже верфях Петр, словно по мановению волшебной палочки, создавал флот. Вся страна, царская семья, дворянство и церковь должны были внести свой вклад. В мае 1696 года флот покинул Воронеж. Капитан Петр Алексеев на воде и на суше стягивал силы вокруг Азова. В июле 1696 года Азов перешел русским. Мужество Петра, его бьющая через край энергия, западные технологии и дисциплина принесли Европе победу над турками. В сентябре 1696 года победоносное войско триумфальным маршем вошло в Москву.

Вдовствующая царица Прасковья

Между тем в январе 1696 года умер царь Иван V. Петр обратился к Прасковье всю предупредительность, с которой он постоянно относился к своему брату. Он построил Прасковье в Измайлове дворец и заботился о необходимых для ведения достойного образа жизни денежных средствах. Много лет царская вдова жила уединенно, после 1703 года переехала в новую столицу, Санкт-Петербург, и усиленно заботилась о замужестве своих дочерей. Политической роли переднего плана она, в отличие от некоторых других вдовствующих цариц, не играла, хотя ее непосредственное влияние на правящего царя приводят в качестве критерия. В династической брачной политике

Петр I и Прасковья действовали в тесной взаимосвязи. Столетием позже – в случае с вюртемберженкой Марией Федоровной – влияние вдовствующей царицы на брачную политику дома выявилося отчетливо и с успехом. Прасковья Федоровна не была активной движущей силой. Последнее решение всегда было за царем, но Прасковья принимала послов, беседовала со многими посетителями-иностранцами, и ее влияние определило то, что ее дочь Анна в 1710 году вышла замуж за герцога Курляндского Фридриха-Вильгельма, а дочь Екатерина в 1716 году – за герцога Мекленбург-Шверинского Карла-Леопольда. Эти свадьбы приобрели особый вес за счет того, что Петр I в 1711 году женил наследника престола Алексея на герцогине Брауншвейг-Вольфенбюттельской. Дом Романовых принялся за западноевропейскую аристократию. Первые предпосылки для этого создал царь Петр, осуществив в конце XVII века «Великое посольство». Итак, в 1697 году Петр позволил заманить себя в Голландию не только топором корабельного плотника, но и возможностью подготовить в Берлине, Вене, Риме, Копенгагене, Венеции и Лондоне коалицию, которая могла открыть ему путь на Константинополь.

Во время путешествия в Западную Европу в Москве произошло восстание против Петра. Стрельцы хотели возвести на трон царевича Алексея, а Софью назначить регентшей. Царь подозревал, что за планом покушения стоит Софья. Подозрение против собственной жены Евдокии не было предано огласке. Прасковья вела себя абсолютно лояльно по отношению к царю. Петр устроил жестокую расправу и отбыл за границу – Софью пока не тронули. Во время его отсутствия правил совет, состоявший из трех человек. Кроме того, Петр назначил князя Ромодановского, придав ему вооруженные силы, защищать Москву и предусмотрительно передислоцировал некоторые из стрелецких полков на периферию страны.

Страдания Евдокии во время возвышения Петра

Это была впечатляющая кавалькада, которая в марте 1697 года взяла путь из Москвы. Только собственная жена Петра, Евдокия, осталась дома и заботилась о подрастающем сыне Алексее. В то время как царь, веселясь и развлекаясь, путешествовал по Западной Европе, царица в уединении своих покоев могла раз-

мышлять о смысле жизни рядом с Петром. Правда, ее мысли не заходили достаточно далеко. Равнодушие Петра к желаниям жены соответствовали отсутствию интереса Евдокии к государственно-политическим идеям Петра. Конец брака можно было предвидеть, тем более что возлюбленная, Анна Монс, значительно искуснее могла удовлетворить запросы царя.

Встреча Петра и Евдокии состоялась в 1698 году при драматических обстоятельствах. Во время своего путешествия Петр добрался до императорского двора в Вене. Постепенно стало ясно, что петрово «Великое посольство» стоило астрономических расходов. Лично царь Петр получил в изобилии ремесленный опыт. Удалось также пригласить на работу в Россию множество специалистов. Но неотесанное поведение правителя не способствовало ускорению готовности Запада к крестовому походу против «неверных» турок.

В Вене царь получил ужасную новость: стрельцы вновь восстали! Царь поспешил в Москву. Через курьеров он привел в движение Ромодановского. Тот выслал против мятежников генерала Гордона. Стрельцы хотели посадить на трон Алексея и вновь возвести Софью в регентши. Гордон расстрелял восставших картечью. 56 бунтовщиков он приказал сразу же повесить, свыше двух тысяч отправились в тюрьмы. С мятежом было покончено до того, как Петр достиг Москвы.

По прибытии 4 сентября 1698 года в Москву царь поехал в Немецкую слободу к своей возлюбленной Анне Монс. Кремль, жена Евдокия и стрельцы могли подождать. В последующие дни происходили примечательные сцены, когда царь собственноручно обрезал бороды генералиссимусу Шеину и Ромодановскому. Пятью днями позже монарх на званом обеде видел напротив только бритые лица.

В это же время Петр занимался расследованием восстания стрельцов. Он не забыл Софью. Судьба стрельцов была ему безразлична, но Софью следовало отстранить. Его цель была — доказать ее вину. В Преображенском безжалостно пытали стрельцов. Петр свирепствовал, бил, жег и спрашивал. Две недели продолжались истязания. 30 сентября последовала первая волна казней. Царь Петр I наблюдал за ними в кругу своих друзей и дипломатов. В октябре пытки и массовые казни возобновились. Петр посетил Софью в монастыре и допросил

ее. Ее не смогли уличить в заговоре. Ее не смогли выявить в качестве инициатора восстания стрельцов. Петр ей не верил. Он приказал повесить непосредственно под окнами ее монастырской кельи 195 стрельцов.

По сравнению с тем, как он обошелся со стрельцами, с сестрой Петр поступил милосердно. Она оставалась в монастыре, вынуждена была принять пострижение и умерла 14 июля 1704 года как монахиня Сусанна. А поскольку Петр как раз заново улаживал свои семейные дела, он принял дальнейшее решение. Он вызвал Евдокию и тут же приказал ей отправляться в монастырь. Она защищалась, заверяла, что не имела связи со стрелецким бунтом. Петр хотел избавиться от наскучившей ему женщины. Престолонаследник Алексей рос. Царица исполнила свой долг. Евдокию сослали в суздальский Покровский монастырь и насильно постригли в монахини под именем Елены; она утратила все титулы и права, а также сына Алексея. Для церкви Петр считался вдовцом. Он мог делать и позволить себе что угодно.

Внутренние реформы, Северная война против Швеции, основание Санкт-Петербурга, возвышение России до империи, войны против турок, обширное строительство сухопутных войск и флота, вхождение в Европу и получение обратно «окна в Европу» — все это Петр осилил за оставшуюся ему четверть века стремительного движения вперед и при этом вел жизнь, которой ничего не жалел в отношении жизненной силы, включая и его отношения с литовской служанкой Мартой Скавронской, позднее супругой и императрицей Екатериной I. Но и робкая Евдокия Лопухина, как тень, сопровождала его в пути, отягощала его совесть и вновь и вновь пересекала его дорогу.

Евдокия никогда не прощала нанесенных ей оскорблений. Она мстила по-своему. Не так уж важен был тот факт, что в Покровском монастыре в Суздале у нее был любовник. Это был женатый майор Степан Глебов, которому она писала пылкие любовные письма. Майор посещал Евдокию и по ночам, и обоим заставали в недвусмысленных ситуациях. Петр приказал пытать офицера и посадить его на кол. От этого эпизода можно было бы отмахнуться как маргинального для положения в некоторых русских монастырях, если бы он не питал подозрение, что Евдокия использовала майора для поддержания кон-

тактов с оппозицией, которая группировалась вокруг престолонаследника Алексея.

События, развернувшиеся вокруг наследника престола, настолько же необходимы для жизнеописания Евдокии Лопухиной, насколько ее нельзя вычеркнуть из жизни Петра и Екатерины I. В 1717 году окончилось второе путешествие Петра в Западную Европу. В политическом отношении и это турне было неудачей и не приблизило его к важнейшей цели — победе над шведами. Дома его ждала затянувшаяся проблема. В октябре 1715 года Петр написал Алексею письмо. Петр упрекал наследника престола в том, что тот использует отговорки, чтобы уклониться от ответственности за государство: «Я подожду еще немного, чтобы посмотреть, не исправишься ли ты. Если этого не произойдет, так знай, что я лишу тебя преемства и наследства, так же, как тело расстается с гниющим членом».

Находившийся под попечением своей матери Евдокии Лопухиной Алексей вырос в слепом страхе перед церковными догмами. Когда его мать вынуждена была уйти в монастырь, Алексей утратил самое сильное связующее с семьей звено. Процесс над стрельцами и потеря матери слились в некое единство, и в обоих случаях для Алексея виноватым был его правящий отец. Алексей одновременно и боялся и уважал отца. Он оплакивал мать. Без конца появлялись церковники, которые настраивали его против «антихриста». Его не интересовало, какие мотивы двигали отцом. Помимо этого он был слишком эгоист и слишком погружен в свой иллюзорный мир. Царь послал сына в Дрезден для изучения иностранных языков, геометрии, строительства крепостей и политических наук. В 1710 году он против своей воли последовал указаниям отца. В Дрездене он предавался своим религиозным страстям, женщинам и алкоголю.

И следующего решения отца Алексей также не понял. Вопреки московским традициям, Петр I хотел женить сына на немецкой принцессе — Шарлотте-Кристине-Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской. Алексей пришел в ужас: он должен взять в жены эту тощую, рябую девицу? Кроме того, принцесса была лютеранкой. Отец вновь добился своего. Петр сам принимал участие в церемонии, состоявшейся 14 октября 1712 года в замке Торгау. В Торгау, потому что крестная мать невесты была королевой Польши и курфюрстшей Саксонии. Согласно брачно-

му договору, невеста даже не должна была переходить в православие — только будущие дети должны были с рождения воспитываться в этой вере. Это великодушное положение позднее никогда не повторялось. Брак был заключен, но не был счастливым. Если Шарлотта добросовестно пыталась полюбить своего мужа, то он этого не делал. Ни один из них не осознавал, что династия Романовых благодаря им отважилась на принципиально новый шаг. Впервые она ввела своего престолонаследника в сплетение европейской аристократии в надежде, что сможет получить в царицы иностранную принцессу. Престолонаследник должен был выполнить историческую миссию. Для Алексея жизнь в браке была новым актом насилия со стороны отца, который служил ему помехой в уютной набожности. Алексей был равнодушен к жене, она терпела жалкую жизнь просватанной принцессы. Когда Шарлотта в 1714 году родила дочь Наталью, Алексея даже не было дома. Он пьянствовал в Карлсбаде. Возвратившись, он привел в семейный дом крепостную Евфросинью, некрасивую и вульгарную девицу.

Несмотря на расстроены отношения, 22 октября 1715 года Шарлотта произвела на свет второго ребенка, сына Петра, который как царь Петр II правил Россией с 1727 по 1730 годы. Шарлотта умерла 2 ноября 1715 года от последствий родов, от горя, из-за своих несбывшихся мечтаний. Как говорят, у ее смертного одра Алексей трижды падал в обморок. Когда 27 ноября он вернулся после погребения жены, которое он совершил бок о бок с отцом, он обнаружил письмо отца, датированное 11 октября 1715 года, однако, возможно, написанное позднее, которое цитировалось выше.

Друзья советовали ему отказаться от трона. Неизвестно, спрашивал ли он совета матери. Решение приняла вторая жена Петра — Екатерина. 29 ноября 1715 года она родила царю сына Петра, и каждому стало очевидно, что Петру Великому не трудно будет выбрать, кого из двух маленьких Петров провозгласить преемником. 30 ноября Алексей отказался от прав на пресол. Петр I ответил сыну 19 января 1716 года, он укорял его в том, что тот не отбивается от упреков в лени и неспособности, и пригрозил ему монашеской рясой.

Алексей ответил отцу лаконично: «Я желаю стать монахом...» Он хотел разделить судьбу матери, обрести покой и выказать отцу свое презрение. Петр еще раз попросил сына обду-

мать решение. Когда по истечении семи месяцев реакции не последовало, отец написал, что Алексей должен либо немедленно прибыть к нему в Данию, либо сообщить ему день и место поступления в монастырь.

Алексей бежал в Вену — к германскому императору Карлу VI. В Вене Алексей открылся вице-канцлеру Шенбронну и поставил Карла VI в неприятное положение. Император, правда, принял беглеца, но запер его в крепости Эренберг в Тироле, откуда он отослал его дальше — в Италию. Он надеялся на то, что отец и сын снова помирятся.

Петр I отправил графа Толстого и капитана Румянцева. Царь обещал в случае возвращения освободить от наказания, если же Алексей будет противиться приказу вернуться, царь проклянет и покарает его как предателя. После долгих разговоров Алексей был готов вернуться домой — если сначала он сможет жениться на беременной Евфросинье.

Петр собирался простить сына, если только тот вернется домой. И на Евфросинье он разрешал жениться, разумеется, только на русской земле. Алексей вновь прибыл в Москву 31 января 1718 года. На 3 февраля Петр созвал совет в большом аудиенц-зале Кремля. Офицеры привели сына и поставили его перед царем. Царь готов был оказать милость только при двух условиях: сын должен вновь объявить от отказе от престола и выдать всех тех, кто помогал ему бежать. В торжественном послании Алексей отказался от трона и признал своего маленького сводного брата законным наследником трона. Манифест был зачитан на Красной площади: «Поэтому исключаем мы его, нашего сына Алексея, из порядка наследования и назначаем и торжественно объявляем нашего другого сына Петра наследником упомянутого трона, даже если он еще очень юн». Уже днем позже Алексей должен был составить список всех «соучастников». Он записал около 50 человек — среди них и собственная мать Евдокия Лопухина. Расследование выявило, что Алексей пользовался большой симпатией. Заговора против царя обнаружить не смогли. Посыпались смертные приговоры и телесные наказания. Сравнительно мягкой была судьба Евдокии. Из Суздаля она была сослана в монастырь на Ладожском озере и там, очевидно, бита кнутом.

Этот второй акт не был окончанием драмы. Петр выжидал, пока из-за границы не вернется Евфросинья. Ее доставили в

Петропавловскую крепость и допросили. Женщина не могла сообщить ничего нового, но она так смешивала вымысел и правду, что Петр мог увидеть в этом доказательство заговора. Алексей был заключен в Петропавловскую крепость. Очная ставка Евфросиньи с Алексеем в присутствии Петра привела к краху царевича. У Петра не было сомнений в виновности сына и первой жены. Он спросил мнения высшего духовенства. Цитируя Ветхий и Новый Завет, оно высказывалось как за суровость, так и за милосердие, объявило себя некомпетентным и вернуло право принятия решения Петру. Царь не стремился взять на себя единоличную ответственность и инсценировал спектакль с государственным судом. Он сам выбрал судей и велел вести заседания в своем присутствии. Приговор был predetermined с самого начала, и все подписали его — генералиссимус Меншиков, канцлер Головкин, адмирал Апраксин, граф Петр Толстой, Иван Бутурлин: «24 июня 1718 года... мы, подписавшиеся, министры, сенаторы, чиновники, офицеры и гражданские лица, собравшиеся в зале Сената в Санкт-Петербурге, по зрелому размышлению и вдохновленные нашей христианской верой на основании святых заповедей Ветхого и Нового Завета, святых посланий евангелистов и апостолов, правил и установлений отцов Церкви и учителей, права римских и греческих императоров и того же других христианских правителей, а также на основании русского права, единогласно и без возражений постановили, что царевич Алексей за свою вину и мятеж против своего правителя и отца и как сын и как подданный заслуживает смерти». Милостью Петра могущественные фавориты без зазрения совести приняли решение о жизни сына. 26 июня было распространено известие, что у Алексея после оглашения случился апоплексический удар, он исповедался, помирился с отцом и умер. Никто этому не верил. Вскоре уже циркулировали различные варианты убийства. Согласно одного из них, Петр убил своего сына после оглашения приговора. Алексею устроили достойные государственные похороны. Петр поцеловал своего растерзанного сына. Сразу после погребения он уехал на празднование 9-й годовщины битвы под Полтавой. Царь был убежден, что действует в интересах государства. Позднее он сказал: «Вы видели, как я покарал преступление своего неблагодарного, лицемерного и невообразимо злонамеренного сына... Я надеюсь тем самым защитить

свое великое стремление сделать русскую нацию навеки могущественной и внушающей страх, а все мои земли — процветающими, дело, которое стоило мне столько усилий, а моим поданным столько крови и денег и которое было бы уничтожено в первый же год после моей смерти, если бы я таким образом не восстановил порядок». На Крайнем Севере Евдокии Лопухиной стоило основательно задуматься над тем, какую необычную меру наказания замыслил для нее император.

Бурная русская жизнь проходила мимо нее, и она не участвовала в стремительном взлете Петра. Евдокия мало что испытывала от побед в Северной войне, так же как и от коронации императора, брака Петра с Екатериной и несчастливого похода на Кавказ. Она могла ждать от жизни только внутренней погруженности в уединенность монастырского бытия, и тем не менее она получила запоздалое удовлетворение.

Когда император Петр Великий приблизился к последним годам своей жизни, большая война была уже позади, Россия заняла место Швеции в качестве великой северной державы. Реформы с трудом продвигались, но вопрос престолонаследия урегулирован не был. В 1722 году Петр I решил, что в будущем только император будет назначать наследника. Это нарушение традиций и даже коронация в 1724 году Екатерины в качестве императрицы не решали центрального династического вопроса. Алексей погиб, а родившийся в 1715 году царевич Петр умер в 1719 году. В списке потенциальных кандидатов стояли Екатерина, а также две дочери — Анна и Елизавета. Петр, малолетний сын Алексея, кандидатом не являлся — его игнорировали. Что касается Анны и Елизаветы, то в них Петр не был уверен. Они были молоды, неопытны, и кроме того, он не знал, выйдут ли они замуж и если выйдут, то за кого. Таким образом, претенденткой оставалась только Екатерина. Петр всячески подчеркивал глубокое уважение к императрице. Но и это счастье разбилось.

Запоздалое счастье Евдокии Лопухиной

В мае 1724 года Екатерина была коронована императрицей. Несколько месяцев спустя Петр узнал, что его любимая Катенька не только продажна и развращена, у нее еще был любовник — камергер Вильям Монс, брат Анны Монс. Хотя кон-

фликт официально был улажен, прежнее доверие не вернулось. Петр разъяснил, что прежде всего заботится об оставшихся в живых дочерях. Анна вышла замуж за герцога Гольштейнского, а для Елизаветы он наметил короля Франции. Благоразумные советники говорили ему, что ссора с Екатериной была бы плохой рекомендацией для этих брачных планов.

Разрыв с Екатериной был зловещим предзнаменованием приближающегося конца. Петр жил неутомимо и беспечно. Несмотря на холод зимой 1724–1725 годов, он поехал на Ладожский канал, работал в кузнице и, разгоряченный, верхом возвращался в Петербург. В Лахте он обнаружил потерпевшее кораблекрушение судно и прыгнул в воду. Всех терпящих бедствие смогли спасти, Петр с высокой температурой вернулся в столицу. Было констатировано: новое проявление застарелого сифилиса (Петр уже давно страдал от урологического заболевания, лечился, ездил на минеральные воды). 23 января 1725 года английский хирург отвел у него четыре литра мочи. Облегчение быстро прошло. Страна затаила дыхание и ждала. Петр Великий был настолько энергичной личностью, что каждый верил: с его жизнью и смертью связана судьба империи.

Петр ничего не говорил, не принимал никакого решения. При его продолжающемся молчании претендентом, следуя естественному порядку наследования, мог стать сын Алексея Петр. Екатерина с напряженным вниманием ждала. 27 января Петр приказал принести бумагу и чернила. Дрожащей рукой он написал: «Вручаю все...» — и потерял сознание. Вскоре после этого он потребовал к себе дочь Анну, хотел ей продиктовать оставшуюся часть предложения, которой ожидал весь двор. Все, что Петр сказал в этот день, осталось непонятным. Первый император всех россов не успел достичь установленных им самим масштабов. 8 февраля 1725 года Петр умер после долгой бесполезной борьбы. Екатерина поспешила в Сенат. Когда сенаторы из семейств Репниных, Голицыных или Долгоруких заявили протест, в зал ворвались офицеры гвардии, снаружи здания развертывали порядки гвардейские полки. Манифест, которым Екатерина провозглашалась единоличной правительницей, был простой формальностью.

Евдокия Лопухина переживала эти события в монастыре, хотя от Санкт-Петербурга до Ладожского озера было не так далеко. Неизвестно, узнала ли она о кончине Петра I и последо-

вавшем за ней правлением Екатерины, и если узнала, то каким образом она это восприняла и о чем размышляла. Она не ожидала от императрицы разрешения вернуться в Петербург. Екатерина I умерла через два года, политические условия изменились таким образом, что у Евдокии появилась надежда.

На трон взошел двенадцатилетний мальчик – Петр II, имевший хорошие задатки для осуществления достойного правления. Следуя традиции, был назначен регентский совет, который правил за малолетнего царя. Князь Меншиков, ближайший доверенный и фаворит Петра Великого, возглавил совет. В него вошли также дочери Петра Великого Анна и Елизавета. Отношения между Петром II и Меншиковым стали пробным камнем для политической и общественной стратегии Петра, его понимания прошлого и настоящего династии и его обращения с русской историей. По всем предпосылкам, царь Петр II мог питать к Меншикову только враждебные чувства. Он знал о губительной роли того в смерти отца, Алексея Петровича, и годы своего детства, когда и его унижали Петр Великий и Меншиков, он не забыл. Для юного царя личность Меншикова была связана со всей мрачностью прошлого.

Конфликт вызвала судьба Евдокии Лопухиной. Петр II сразу позаботился об изгнанной бабушке: почти 30 лет прошло, как ее вынудили уйти в монастырь! Он потребовал от регентского совета незамедлительного возвращения Евдокии. Меншиков ожесточенно сопротивлялся, прекрасно понимая, что на свет выйдет его собственная роль в выдворении Евдокии. Он грозил волнениями и восстаниями в случае освобождения Евдокии. Царь нанес встречный удар: «Они верят, что тогда вокруг меня соберутся друзья моего отца». Меншиков мог только хвастаться, исполненный ненависти: «Я отказываюсь принять такое распоряжение, я – регент». Но это не тронуло Петра: «А я – император», – ответил он хладнокровно.

Евдокия Лопухина возвратилась еще в 1727 году. Меншиков недооценивал влияние московской знати на юного правителя и полагал, что муж дочери Петра I Анны герцог Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский окажется сильнее. Однако ему было рекомендовано вернуться на родину. Освобожденная Евдокия прибыла в Москву, где тогда уже 57-летняя женщина хотела остаться. Это не было исключительно личное решение, но желание, которое было призвано оживить московские традиции,

создало контраст с модернизацией, осуществленной Петром Великим, и оказало свое воздействие. Петр II и его сестра Наталья сразу же выехали из Петербурга в Москву и выразили древней столице свою симпатию. Царь вскоре опять уехал в Петербург, но этот жест был позитивно воспринят московским дворянством.

Меншиков искал какой-либо выход. Он хотел женить Петра II на своей дочери Марии. Представители древних дворянских родов подстрекали против Меншикова, выходца из низов, который хотел связать себя с семьей Романовых. Меншиков впал в панику. Он принял авантюрное решение арестовать Петра II. Это был заговор против самодержца. В сентябре 1727 года Меншиков отправился в цепях в Сибирь. Никогда больше он не появлялся в Санкт-Петербурге, городе, который сделал его великим.

В марте 1728 года Петр II был коронован императором всей России. Высшие государственные учреждения и важнейшие административные институты переехали в Москву. Это был отказ от деспотических нововведений, признание допетровских традиций и своенравная реакция на преступления против бабки Евдокии, отца, Алексея, и собственное потерянное детство. Князя Долгорукий и Василий Голицын оставались официальными регентами. Они оказывали решающее влияние на монарха и имели свои виды на семейную связь с Романовыми. После своего вступления на престол Петр заботился об отношениях с сестрой Натальей, которая постоянно была рядом с ним и окружала его заботой, так же, как и тетка Елизавета, которая была только несколькими годами старше его. Смерть Натальи в декабре 1728 года была для Петра невосполнимой потерей, от которой его не могла отвлечь и связь с Екатериной Долгорукой. Проблема престолонаследия заботила даже 14-летнего царя Петра II. Собственно, вновь оказавшиеся в чести княжеские роды были заинтересованы в том, чтобы урегулировать проблему наследования престола возможно быстро и к своей пользе. В декабре 1729 года Петр и Екатерина Долгорукая были обручены. 30 января 1730 года должна была состояться свадьба. За несколько дней до этого монарх заболел оспой, и утром того дня, который должен был стать днем его свадьбы, он умер. Бабка, Евдокия Лопухина, пережила своего внука Петра II на полтора года, она умерла в августе 1731 года.

Это был странный феномен: Евдокия, чей жизненный путь означал разрушение уже завоеванных русскими царицами позиций, именно великим реформатором Петром I лишённая всякой значимости, пережила Петра I и поддерживала его внука в реставрации — реставрации, которая, тем не менее, не ставила под вопрос инициированные Петром I преобразования. С этой точки зрения политически не столь уже незначительная жизнь Лопухиной была выражением амбивалентности русского общественного развития, прогрессивного перехода в современный европейский мир.

Евдокия должна была пережить еще и то, что с Петром II умер последний законный прямой наследник Романовых по мужской линии. Не только трон осиротел — самой династии грозило прекращение. Верховный тайный совет день и ночь обсуждал, как решить эту проблему. В конце концов решающую роль сыграл князь Дмитрий Голицын. Он предложил Анну, дочь царя Ивана V, с 1711 года вдовствующую герцогиню Курляндскую. С ней должна была возобновиться власть дворянства («Дать, — по словам Голицына, — вельможеству самостоятельное значение, при котором оно могло бы не обращать внимания на фаворитов», от которых «все зло происходило». — *Прим. ред.*). Члены Верховного тайного совета не подозревали, как сильно они просчитались.

Таким образом, юность Евдокии прошла под знаком противоречий между царевной Софьей и Натальей Нарышкиной. На закате ее жизни правила императрица Екатерина I. После недолгого правления Петра II на престол, еще при жизни Евдокии, вступила императрица Анна. Ее собственная судьба ни способствовала, ни сдерживала продвижения русских цариц к самодержавной власти.

Глава 6

Екатерина I – литовская батрачка становится первой русской императрицей

Екатерина I Алексеевна – Марта Скавронская
(6 апреля 1684 года – 6 мая 1727 года),
вторая жена императора Петра I с 1705 года,
(официально с февраля 1711 года)
императрица в 1725–1727 годы

Русские боярские роды долго боролись за московский трон. Семья Романовых одержала победу и наконец породила регентшу Софью. До того момента, когда царь Петр I изгнал супругу Евдокию Лопухину, выбор невесты и образ жизни русских цариц регулировались традициями и в существенных вопросах соответствовали тогдашним ценностям и обусловленному временем социальному положению русской женщины. Евдокия Лопухина составляет исключение, поскольку была сознательно унижена своим мужем, считалась совершенно незначительной и, как «докучливый сор», была устранена. Подобное пренебрежение с 1613 года не проявлял по отношению к своей супруге ни один русский правитель. Такому суждению о Петре Великом отвечает и тот факт, что первая русская императрица по происхождению была литовской служанкой.

Прихоть самодержавного деспота вознесла Екатерину на вершину власти. Она начала столетие, когда русский трон занимали женщины.

О характере и жизни Екатерины I существует больше удивительных описаний, чем убедительных фактов. Женщина столь низкого происхождения предпочитала прятать свой императорский престиж под покровом забвения. Придворные льстили ей, пока она олицетворяла власть. Императору Петру и без того никто не смел противоречить.

Марта Скавронская происходила из семьи литовского крестьянина Самуила Скавронского. Она была служанкой в Мариенбурге, когда в годы Северной войны оказалась в русском плену. Отец Марты умер от чумы, когда девочке не было еще и года. Мать пережила отца только на два года. После ее смерти хозяйство было ликвидировано. Марта, крещенная по римско-католическому обряду, будучи сиротой, жила в Мариенбурге в доме протестантского пастора Глюка. Пастор смотрел на девушку как на служанку и домработницу, живущую в доме на правах члена семьи. Он даже удочерил ее. Глюк познакомил ее с основными положениями Катехизиса. Это происходило путем устного обучения, потому что юная Марта не умела ни читать, ни писать. Русским языком она владела недостаточно и говорила с сильным немецким акцентом. В обязанностях по дому она проявляла большой практический опыт. Марта считалась не по возрасту развитой, чрезвычайно склонной к люб-

ви и очень красивой девушкой. Из-за Марты в пасторе пошатнулись его моральные устои. Пасторша недоверчиво следила за нравственностью своего супруга, и Глюк как можно скорее выдал девушку замуж за шведского драгуна Иоганна Крузе. Солдат исчез вместе с разрушением Мариенбурга. Погиб ли Крузе, защищая город от русских солдат, не знает никто. Брак просуществовал всего несколько недель.

Когда в 1703 году русские войска под командованием генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева – личного соперника Александра Меншикова – осадили Мариенбург, шведский комендант поклялся, что он скорее взорвет крепость, чем сдастся. Он выполнил свою клятву, выпустив все-таки сначала многочисленных мирных жителей из стен крепости. К этим выжившим относилась и семья пастора Глюка. Глюк попал в руки русского сторожевого охранения. Он предложил свои услуги в качестве переводчика и смог ехать дальше в Москву. Марта, в свои 18 лет, должна была остаться в лагере Шереметева – офицеры нуждались в ее услугах.

Марта не жаловалась на противоречащее морали положение, к которому ее вынудил силой Шереметев, но усматривала в окружении высшего русского генералитета шанс для нового жизненного пути. Сначала она стала любовницей командующего генерал-фельдмаршала Шереметева. Он вынужден был вскоре капитулировать перед жизнерадостной и брызжущей любовью юной дамой. Вскоре ей заинтересовался Александр Меншиков. Он сделал ее своей любовницей. Но отношения были быстротечными. Когда однажды царь Петр был в гостях у Меншикова, он заметил Марту, которая не прилагала особых усилий для того, чтобы царь ее заметил: «Он нашел ее живой и остроумной и сказал ей в конце, чтобы она отнесла свечи в его комнату, когда он пойдет спать. Это был приказ, который не допускал возражений, даже если он и сказал об этом смеясь. Меншиков не возражал. И красавица с согласия своего господина провела ночь в комнате царя». Петр получил подружку своего советника, а тот был рад, поскольку оказал услугу своему господину. В 1703 году Марта стала любовницей великого царя. Первоначально это не означало, что Меншиков должен отказаться от веселых часов с Мартой. Петр I и Меншиков непринужденно беседовали о достоинствах и недостатках общей любовницы. Тем не менее следовало предвидеть, что такое по-

ложение будет недолго нравиться царю. Действительно, он отослал Марту из полевого лагеря в Москву, в уединенный дом, где благородная дама должна была обучить ее манерам.

По всей вероятности, Марта обладала феноменальными способностями. Рядом с требовательным царем она начала подобный комете взлет. Марта сразу перешла в православную веру и получила имя Екатерина Алексеевна; Алексей, сын Петра от первого брака, был ее крестным отцом. Шаг за шагом Екатерина вращалась в роль единственного человека, которой мог быть откровенным в общении с Петром. Он регулярно посещал ее в маленьком скрытом ото всех доме. В ее присутствии, как сообщал капитан Вильбоа в своих воспоминаниях, он решал важные вопросы правления: «Он, который был столь плохого мнения о женщинах и находил их пригодными лишь для любви, зашел так далеко, что спрашивает у Екатерины совета, если он не согласен со своими министрами, он следует ее суждению, склоняется перед ее аргументами и обращается с ней, коротко говоря, как, рассказывают, Нума Помпилий с нимфой Эгерией». Вскоре она стала единственным человеком, который мог обуздывать вспышки ярости Петра. Она дала ему покой и уверенность в себе при принятии трудных решений. Она была при этом и с безошибочным инстинктом находила необходимый тон. Она пила вместе с Петром, принимала участие в его грубых и жестких забавах и могла утихомирить его в нужный момент. Екатерина удерживала своего царя от неумеренных попок, и ее естественно-дружескому «Время идти домой, батюшка» он следовал послушно, как ребенок.

Когда Петр покидал Москву, отправляясь на решающую битву со шведским королем Карлом XII, он распорядился: «Если меня, Божьей волей, постигнет несчастье, приказываю выдать Екатерине и ее дочери три тысячи рублей, которые находятся в доме Меншикова». Сумма была слишком велика, но Екатерина сумела с благодарностью оценить распоряжение Петра. И изда-лека она обращалась с Петром с материнской любовью. Их переписка была пронизана скорее духом простодушной интимности, чем государственно-политической мудрости. Петр писал: «Без тебя скучно, и о моем белье плохо заботятся». Екатерина в своем ответе догадывалась, что он наверняка плохо подстрижен! Петр ей писал, что она должна к нему приехать и покончить с безалаберным положением. Екатерина действительно

поехала в Полтаву и была полезной не только царю, но и солдатам. Она ухаживала за ранеными, распределяла водку и раз за разом доказывала, что она идеальная женщина для Петра.

Когда в июне 1709 года под Полтавой состоялась великая битва между русскими и шведами, Петр отослал Екатерину с поля сражения. Она поехала в Киев и ждала там. Вечером после поражения Карла XII Петр писал: «Добрый день, матушка! Сообщаю тебе, что Бог в милости своей позволил нам сегодня одержать беспримерную победу. Коротко говоря, все вражеские войска уничтожены. Я хотел, чтобы эту новость ты сама узнала от меня. Что же до пожеланий, должна ты сама прибыть сюда! — в лагере, 27 июня 1709 года — Питер». Но Петр сам поспешил в Киев и узнал новость: Екатерина была вновь беременна. Возникшая мысль об официальном бракосочетании, однако, была отвергнута. Сначала нужно было отпраздновать победу. Екатерина отправилась было с ним в Москву, но вернулась в Коломенское. Там ожидала она рождения дочери Елизаветы, которая увидела свет 28 декабря 1709 года.

Счастливые годы Екатерины рядом с Петром

Восемь лет прожила Екатерина рядом с Петром, прежде чем он признал ее женой и сочетался законным браком. Впервые правящий русский царь женился на женщине, которая не была избрана в результате традиционной церемонии выбора невесты, которая не происходила из русской знати и случайно выплыла наверх из самого низшего слоя. Поэтому этот брак возник по несколько необузданной, но искренней склонности. Для царского двора, с его устоявшимися брачными обычаями, женитьба означала беспримерную ломку традиций. Она была выражением абсолютно не соответствующего общепринятому обращению Петра с женщинами: достойную русскую жену Евдокию Лопухину он отправил в монастырь, полную коварства немку Анну Монс он любил, литовскую служанку Марту он взял в жены. Петр долго раздумывал. В повседневной жизни и особенно под Полтавой Екатерина показала себя настолько надежной партнершей, что он, отправляясь в поход против турок, не хотел обходиться без нее. Ранним утром 19 февраля 1711 года в личной часовне Меншикова сочетались браком «контр-адмирал Петр» и «богобоязненная Екатерина Алексеевна». Присутствовали лишь небольшо-

численные свидетели. Обязанности подружек невесты исполняли их маленькие дочери Анна и Елизавета. За скромной церемонией последовали банкет, бал и фейерверк. Петр был горд своим в конце концов принятым решением. Ввиду предстоявшего военного похода он настоятельно советовал своей сестре присматривать за Екатериной. В случае же, если его постигнет личное несчастье, то должны быть признаны ранг, привилегии и право на доходы, полагающиеся любой царской вдове.

6 марта 1711 года Петр обнародовал факт, что Екатерина Алексеевна его законная супруга и царица. Петр предпринял этот шаг еще и затем, чтобы обеспечить будущее своих дочерей. Он хотел создать Екатерине прочное положение рядом с собой. Она оправдала себя как «фея счастья» и в будущем также должна была быть рядом с ним. Кроме того, царя привязывала к Екатерине и глубокая симпатия. Петр тяжело болел цингой, но Екатерина постоянно была около него. Царь велел записать в свой журнал: «Его величество имело намерение отправить свою супругу и других дам в безопасный польский город, чтобы уберечь их от чрезмерной нагрузки, которая не идет на пользу слабому полу. Но Екатерина, не покорясь этой слабости, так страстно молила дозволить ей остаться в армии, что его величество было вынуждено согласиться».

Война с турками окончилась для России трагично. В июле 1711 года османское войско одержало победу на реке Прут. Петр впал в панику. Он придумывал смелые идеи, чтобы спасти жизнь жене и себе. Екатерина показала себя хозяйкой ситуации. В то время как царь уже видел себя в рабстве у турок, а затем опять хотел со своими казаками прорвать огненное кольцо, Екатерина предложила поднести турецкому великому визирию свои украшения и ценные вещи с тем, чтобы по меньшей мере добиться переговоров о перемирии. Петр последовал совету, и им повезло: подарок Екатерины, ловкость фельдмаршала Шереметева и неоднозначное положение турок, у которых могли быть отрезаны пути к отходу, моментально привели к подписанию 23 июля 1711 года мирного договора. Россия, правда, вынуждена была пойти на большие жертвы — с большим трудом завоеванный Азов вновь был потерян и Карл XII смог вернуться в Швецию, но все-таки этот мирный договор защитил Россию от военно-политической катастро-

фы. Петр сумел оценить непоколебимую стойкость Екатерины. После войны в Финляндии 1713–1714 годов он учредил 24 ноября 1714 года орден Святой Екатерины. На именины царица получила награду с недвусмысленным указанием на ее самообладание на Пруте, где видно было, что она «действовала не как женщина, а как мужчина». Это было, пожалуй, впервые в истории России Нового времени, чтобы в честь царицы учреждали орден и чтобы награждение самой царицы было мотивировано политическими соображениями.

При всей импульсивности Екатерина действовала обдуманно и уравновешенно. Под руководством Петра она решала политические задачи. В придачу она рожала Петру одного ребенка за другим. Всего в результате их отношений родилось 11 детей: пять сыновей и шесть дочерей. К сожалению, выжили только две дочери: Анна и Елизавета. Екатерина и Петр вместе обсуждали и решали важные государственные и династические вопросы. Все же многочисленные беременности ограничивали активность Екатерины, и ядерная красота молодости постепенно проходила.

В 1717 году в рамках своего нового путешествия по Европе Петр посещал Францию. Екатерина ожидала его в Голландии. Затем они вместе поехали в Берлин. В Пруссии царская чета из-за своей неотесанности и необузданных манер оставила противоречивые воспоминания. Маркграфиня Байрёйтская вынесла о Екатерине уничтожающее суждение: «Царица была маленькой, коренастой и смуглой и не обладала ни силой воздействия, ни достоинством. В ее безвкусном костюме ее могли принять за немецкую комедиантку. Ее платье вполне можно было купить в магазине старьевщика; оно было старомодным и все покрыто серебром и украшениями... Спереди на нем сверху донизу было навешано с десятков орденов, а также множество образов святых и реликвий, и когда она шла, можно было подумать, что слышишь мула». Это была неприкрытая лестью оценка первой женщины России.

В целом визит в Пруссию получился неблагоприятным. Педантичность хозяев и бесцеремонное обхождение гостей углубили непонимание и антипатию, которые, конечно, были сбалансированы государственно-политическими интересами. Прусская знать при каждом удобном случае насмехалась над чуждыми им русскими гостями. Барон фон Пёльниц из свиты

короля Фридриха-Вильгельма I заметил о Екатерине, ее муже и петербургской процессии: «В ее (Екатерины. — *Прим. авт.*) поведении не было ничего предосудительного, и возникало искушение хорошо отзываться, когда вспоминали о ее пребывании. Разумеется, если бы около нее была благоразумная личность, она могла бы духовно развиваться, так как у нее была большая потребность все делать правильно; но не было ничего более смешного, чем сопровождающие ее дамы. Скажут, что царь, единственный из всех, нашел удовольствие в выборе именно этих, чтобы позлить других своих придворных дам, которые были бы более достойны».

Забавы Петра действительно подкупали грубостью и отсутствием вкуса. Он прилюдно грозил своей любимой Екатерине, что велит отсечь ей голову, потому что она в музее античных монет и статуй жеманилась, отказываясь поцеловать языческого бога, которому была придана «непристойная поза». Посольство оставило свои квартиры в достойном сожаления состоянии: «Этот варварский двор наконец после двух дней уехал... Королева отправилась в замок Монбижу (Monbijou). Там все выглядело как после разрушения Иерусалима; я никогда не видел ничего подобного; все там было настолько разорено, что королева была вынуждена отдать приказ отремонтировать почти все здание». Царь и царица были вполне довольны путешествием. Теперь они знали, что следовало еще сделать, чтобы поднять Россию до уровня западноевропейской цивилизации...

Доказательство своей способности к обучению они смогли представить в случае с Алексеем, несчастным сыном Петра I. Екатерина много раз вступалась за жизнь наследника престола. После вынесения смертного приговора она молила Петра о пощаде: «Удовольствуйся тем, чтобы сделать его монахом. Его смерть падет на тебя и твоих потомков». Петр не слушал жены. После смерти Алексея Екатерина была подавленной и задумчивой. Конечно, ее сдержанность могла быть и инсценирована. Но ее природе не было свойственно надолго глубоко задумываться о том, чего нельзя больше было изменить.

В сентябре (30 августа. — *Прим. ред.*) 1721 года отмечалось заключение Ништадтского мира. Мученическая смерть Алексея ушла в прошлое. Екатерина радовалась так же необузданно и безудержно, как и ее супруг Петр. Наконец после многолетней войны со Швецией был заключен мирный договор и

распахнуто окно в Европу. Сенат «с глубочайшей покорностью» просил Петра принять титул «Петра Великого, отца Отечества, императора всех россов». Когда Петр принимал бесчисленные поздравления, Екатерина сидела рядом с ним, одетая в расшитое серебром красное бархатное платье. По левую руку императора сидели дочери Анна и Елизавета.

Внешний блеск официальных государственных церемоний не скрывал того, что повседневная жизнь императорской четы сопровождалась примерами деспотической безнравственности и почти беспредельного отсутствия взаимопонимания и сочувствия по отношению к окружающим. Помимо своей любимой Катеньки Петр имел несчетное число метресс. Он передал Екатерине приобретенную у других девиц венерическую болезнь, а ее придворный штат являлся резервуаром для любовных связей Петра. Это не наносило урона его любви к Екатерине. К тому же с годами она стала бесформенно полной. Она пила, как Петр, была сильной, а также надежной и молчаливой. Но Екатерину также настигло прошлое. Так, был схвачен ямщик по имени Федор Скавронский, который хвастался своим близким родством с царем. Это был старший брат Екатерины. К этому добавились мало-помалу еще брат и три сестры. Небольшими пенсиями родственников успокоили. Тем самым проблема была решена, и совесть Екатерины успокоена.

После смерти Алексея Петр I возлагал большие надежды на маленького сына Екатерины Петра. Но мальчик умер в апреле 1719 года. Трон и династия не имели больше наследника мужского пола! Царь верил в Божье наказание за несправедливость, совершенную по отношению к Алексею. Он вывел из этого характерное для него заключение: если нельзя ждать сына от Екатерины, эту задачу должна выполнить новая метресса. В случае необходимости Екатерину можно было изгнать — как Евдокию Лопухину. Он нашел возлюбленную в Марии Кантемир, дочери бывшего господаря Молдавии. Екатерина наблюдала за игрой, но сдерживалась. Протест мог означать конец ее счастья. Екатерина была лишь супругой императора — сама она не была императрицей и в этом смысле подчинялась власти императора. Петр пренебрегал традициями. Его не интересовало, что согласно древнему московскому обычаю царские жены с замужеством фактически приобретали право на трон.

В 1722 году Россия начала военный поход против Персии. Обе женщины ехали в обозе и обращались друг с другом по-дружески. По вечерам уже больше не Екатерина, а Мария Кантемир исчезала в палатке императора. Когда русские войска достигли Астрахани, Мария остановилась: она была беременна, и Петр надеялся на сына. Екатерина сопровождала своего мужа в переходе через Каспийском море. Они достигли Дербента, они страдали от жажды и недостаточной подготовленности похода. Как в свое время на Пруте, Екатерина укрепляла моральный дух мужа и войска. Уважение Петра к этому успеху превратилось в тайный триумф Екатерины, когда они вернулись в Астрахань: у Марии Кантемир произошел выкидыш. Петр прогнал ее, а Екатерина выражала супругу в его печали искреннее сочувствие.

Марта Скавронская становится императрицей России

Еще до похода Петр I принял далеко идущие решения. Манифестом от 5 февраля 1722 года он отменил принцип примогенитуры и сам должен был определять порядок наследования. Указ от 15 ноября 1722 года с ясной ссылкой на участие Екатерины в прошедших военных походах устанавливал: «Поскольку наша верная супруга, императрица Екатерина, кроме того была нам и большой помощницей, нас повсюду и во всех походах по собственной воле и желанию сопровождала, не показывая обычных слабостей своего пола... мы решили, в силу исполняемой нами правящей власти, признавая все это, короновать нашу супругу, что неизбежно, если будет угодно Богу, произойдет этой зимой в Москве».

Коронация императрицей России была для Екатерины наивысшей точкой всей ее прежней жизни. Все, что выделил ей царь для церемонии, отличалось беспримечной роскошью. Стоимость короны составляла полтора миллиона рублей. Она была отделана 2564 драгоценными камнями. Рубин, который вместе с бриллиантом из собственной короны Петра украшал ее корону, был величиной с голубиное яйцо и стоил 60 000 рублей. Платье и карета прибыли из Парижа. Коронационная мантия была из пурпурного бархата и отделана золотыми орлами. Она весила 135 фунтов. Несмотря на это, Екатерина шествовала во главе длинной коронационной процессии гордо и

исполненная достоинства. Когда-то Петр хотел оставить литовской Катеньке 3000 рублей. Тогда она была юной и прекрасной. Теперь своей полнотой и отечностью императрица производила отталкивающее впечатление. Но она оказалась достойной, и это вознаградило императора, который буднично вышагивал в простой рабочей блузе.

Однако же путь, по которому шествовала Екатерина, оставался узким и опасным. Екатерина Алексеевна была первой женщиной России, официально коронованной монархиней. Коронация в ее моральных претензиях переходила ту меру знатности, которую московские царицы с XVI века изведывали уже в результате акта заключения брака. Всеми правами и обязанностями, гарантированными браком, Екатерина уже обладала. Она располагала до сих пор невиданной степенью политического и личного влияния на государя. Уже по одному этому она превосходила историческое значение всех предшествовавших ей цариц. На практике же это удовлетворение имело относительно небольшую ценность. Коронация императрицей не изменила ее правовой статус. Императора Петра Великого «императором» провозгласил Сенат. Коронацию своей супруги он единолично определил независимо от февральского манифеста 1722 года, не признав этим актом императрицу автоматически своей наследницей на троне. Кроме того, Петр Великий был своенравен и непредсказуем. Император обладал единоличной властью. Достаточно было одного знака рукой, и императрица Екатерина упала в бездонную пропасть.

7 мая 1724 года в Архангельском соборе в Кремле состоялась коронация. Екатерина плакала и хотела от полноты счастья обнять колени супруга. Петр поднял ее, водрузил корону на ее голову и передал ей державу как символ господства. Скипетр, который символизировал его мощь, он из рук не выпустил. Он почтил и возвысил свою супругу, но этим жестом он не назначал ее наследницей престола после своей возможной кончины. Кто мог тогда предположить, что Екатерина и года не должна будет ждать, чтобы взять скипетр в свои руки?

Екатерина Алексеевна лишилась шансов

В последние годы жизни Петр непрестанно был занят проблемой престолонаследия. Среди всех кандидатов самые большие

надежды он возлагал на Екатерину. Она понимала его как правителя, политика и человека. Казалось, у нее не было от него секретов. Но летом 1724 года Петр узнал, что Екатерина продажна и менее лояльна. Сила и влияние Екатерины хорошо оплачивались. Доходы она тайно переправляла за границу. Петр неподвижно застыл от ярости. Поскольку все эти годы он перевозносил Екатерину как идеальную государыню и супругу, как «императрицу россов», он теперь не мог открыто обвинить ее в продажности.

Всякий знал, что у Екатерины были отношения с камергером Вильямом Монсом. Петр сам вел расследование против Монса, бил и пытал. Монс откровенно сознался во всех преступлениях. Имя императрицы ни словом не было упомянуто. Ее честь следовало оставить незапятнанной: «Монс был осужден, потому что он украл у государства деньги, а не у царя жену». 16 ноября 1724 года Монс был обезглавлен. Других придворных били кнутом и выслали в Сибирь. Одновременно царь велел вывесить список, содержащий имена всех сановников, которые за взятку Монсу приобрели свои должности. В списке значились и князь Меншиков, и канцлер Головкин. Весь двор предстал перед обществом как продажное болото — имени Екатерины в нем не было.

Екатерина смеялась под толстым слоем пудры и казалась безучастной. Когда Монса казнили, она брала урок танцев. Внешность обманчива: «Хотя императрица скрывала, насколько возможно, свою печаль, она была написана у нее на лице... каждый ожидал, что же еще с ней произойдет», — писал французский посол Кампредон. Действительно, император осуществлял действия и против Екатерины. Один из указов запрещал всем министрам исполнять распоряжения его супруги. Он лишил ее необходимых для существования финансовых средств: Петр велел заблокировать счета и активы Екатерины, управление личными средствами короля не выдавало ей наличных денег. Когда он увидел ее, он разбил венецианское стекло и прорычал: «То же самое я сделаю с тобой и твоим!» Владея собой, Екатерина ответила: «Ты разбил как раз одно из лучших украшений нашего дома. Тебе так больше нравится?» Сам правя лошадьми, он привез ее на место казни и поставил отрубленную голову Вильяма Монса в стеклянной банке на верстаке прямо перед ней. Екатерина перенесла это

оскорбление с полным самообладанием. Голову вновь унесли. Буря медленно спадала.

Доверительные отношения не вернулась. Императорская чета избегала друг друга, придворные предрекали, что императрицу ждет та же судьба, что и первую жену Петра Евдокию. Но Петр Великий не мог вечно питать злобу к Екатерине. Кроме того, брачные планы для дочерей Анны и Елизаветы в Западной Европе могли осуществиться, только если счастливая в единстве императорская пара обещала политическую стабильность. Так, саксонский посланник Иоанн Лефорт однажды мог с некоторым облегчением сообщить: «Царица долго, покорно стоя на коленях, просила царя о прощении вины; разговор продолжался три часа; вместе поели, потом расстались». Они договорились, прежнее доверие не вернулось. Но в чем они действительно могли себя упрекнуть?

Екатерина I — государыня милостью Меншикова

Не оставалось времени размышлять о прежних и новых обидах и радостях. Петр страдал от болезни почек. В январе 1725 года он тяжело заболел после того, как опрометчиво бросился в холодную воду, чтобы спасти матросов с потерпевшего крушение корабля. Екатерина день и ночь плакала у его смертного одра. Ее боль шла от чистого сердца. Кроме того, таким образом она хотела показать своему господину и приближенным, кто является лучшим наследником императорского трона. Если Петр спал, она совещалась с князем Меншиковым.

Накануне 8 февраля 1725 года (28 января по старому стилю. — *Прим. ред.*) при дворе царило возбуждение. В преддверии неизбежной кончины императора происходило разделение придворных партий. Меньшинство ставило на юного великого князя Петра в качестве наследника престола. За Екатерину были их противники, выскочки и могущественные люди, в том числе Меншиков, Апраксин, Толстой и Бутурлин. Желание Екатерины обладать короной поддерживали Священный Синод и офицеры гвардии. 8 февраля умер император Петр Великий. Екатерина в отчаянии ломала руки: «Отворитесь, врата рая, примите эту ангельскую душу!» Она пребывала в бесконечной печали, потеряв своего лучшего товарища. Она лила потоки слез — и спешила в Сенат, чтобы уладить вопрос

престолонаследия, хорошо зная, что едва ли кто-нибудь будет оспаривать у нее наследство. Меншиков без всяких правовых оснований утверждал в Сенате, что императорское помазание год назад являлось определяющим решением Петра в отношении наследника престола. Сенаторы согласно кивали, а Апраксин развернул манифест, который провозглашал Екатерину легитимной правительницей России. Немногие оппоненты (среди прочих князя Голицын и Долгорукий) испугались, когда в зал дворца ворвались офицеры гвардии и громко принесли присягу императрице Екатерине. Теперь Екатерина могла спокойно оплакать верного супруга. Более четырех недель сидела она вся в слезах у открытого гроба. Много любопытных приходило и сочувствовало императрице в ее печали. После того как 4 марта от кори умерла дочь Наталья, Екатерина решила похоронить мужа и девочку вместе. 10 марта в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга состоялось торжественное погребение.

Кончина Петра I вызвала в России и за границей противоречивые чувства. Народ видел прежде всего не великий исторический прорыв, а несказанные тяготы, которые тот с собой принес. Старая знать тосковала о допетровских временах. По другую сторону границы беспокоились о том, какой будет теперь политика России. Народ надеялся на то, что Екатерина, заняв трон, принесет перемены. Правда, в чем они могли бы заключаться, было совершенно неясно.

Первая официальная самодержица России, императрица Екатерина I в день своего вступления на престол объявила, что доведет до конца дело Петра Великого. Из этого ничего не вышло. Время правления Екатерины явилось как бы эпилогом правления Петра Великого. Екатерина все время подчинялась своему господину. Она ограничивалась тем, что своей чуткой уравновешенностью сдерживала буйный нрав Петра и по-человечески помогала ему в трудных ситуациях. Она делила с Петром наслаждение жизнью, но сама не обладала государственно-политической дальновидностью. Ее величие вытекало из сверхвеличия деспота. А поскольку его больше не было в живых, она могла лишь продолжать привычно радоваться жизни и осуществлять произвол. Управление государством, в отличие от того, как это было при Петре, перешло к его протеже Меншикову, которому она по незна-

нию, зависимости и из соображений удобства предоставила свободу рук. Екатерина справляла шумные празднества, и ее жизнерадостность становилась все более демонстративной. Даже когда приводились отдельные примечательные высказывания императрицы Екатерины I («Страна, видит Бог, достаточно велика. Что нам нужно – так это долгий мир, чтобы привести в порядок все дела в доме и пополнить государственную казну. Войны так чертовски разорительны»), они мало говорили об уровне правления в контексте практических действий.

Александр Меншиков возглавлял назначенный Екатериной Верховный тайный совет, куда входили Апраксин, Головкин, Толстой, Голицын и Остерман. Временно он был подлинный правителем России. Но даже продажный выскочка Меншиков был слабым отражением прежнего господина. И хотя он копировал его методы правления, но не обладал видением будущего России.

Влиятельные и рассудительные сановники сравнивали беспутную жизнь и безделье при дворе с буйством, но трудолюбием и строгостью правления Петра. Насильственный деспотизм постепенно угасал. Все чаще вспоминали о решительном реформаторе, который хотел сделать Россию великой и богатой. К тому же силы Екатерины убывали на глазах. Она все более страдала от нарушений сердечной деятельности. Заметно ослабла ее способность двигаться. Екатерина, которую когда-то чествовали как доброго духа Петра, захватив власть, совершила тем самым самую большую ошибку в своей жизни. Она явилась открытым нарушением норм морали. Все больше голосов требовали вступления на трон внука Петра Великого – Петра Алексеевича. Меншиков чувствовал колебание настроений и искал выхода для спасения собственной власти. Однажды он подписал смертный приговор сыну Петра – Алексею. Теперь он хотел выдать замуж свою дочь Марию за на тот момент 12-летнего Петра Алексеевича. Он пережил Петра Великого. Меншиков был хозяином в правление Екатерины I. Он подготавливал почву для третьего блестящего периода. Меншиков покровительствовал Петру Алексеевичу и внушал Екатерине, что она должна назначить Петра наследником престола и разрешить его дочери обручиться с Петром.

В последние месяцы своей жизни Екатерина становилась все более безвольной. Она уступила настойчивым требованиям Меншикова. Но императрица уже находилась на исходе сил, и ее жизнь подошла к концу. 6 мая 1727 года она умерла от горячки, после того, как провозгласила малолетнего Петра Алексеевича наследником престола.

Итоги правления Екатерины I

Время правления Екатерины I и Меншикова принесло ряд государственно-правовых изменений, которые находились в соответствии с наследием Петра Великого. Высшей правительственной инстанцией был Верховный тайный совет. В 1725 году Екатерине удалось то, чего не смог достичь Петр I: открытие Академии наук (Академия наук основана по указу Петра I. Первое научное собрание состоялось 2 ноября 1725 года, торжественное открытие – 27 декабря 1725 года. – *Прим. ред.*). Во внешней политике деятельность была направлена на создание политических союзов в изменившейся после Северной войны европейской системе соотношения сил. В основе этого лежали не личные достижения Екатерины.

Императрица пыталась по мере возможности ликвидировать несправедливость, совершенную по отношению к сыну Петра Алексею. Она благосклонно принимала у себя детей Алексея, Петра и Наталью, и была к ним предупредительна и внимательна. Возможно, причиной провозглашения маленького Петра Алексеевича своим преемником было определенное сочувствие к мальчику, которым до сих пор пренебрегали. Это был бы человеческий жест. Жест, который был бы равен историческому памятнику. Возможно! Но в любом случае единственное в своем роде особое положение Екатерины среди цариц и императриц Российского государства остается неоспоримым: своим взлетом она была обязана не непрерывности процесса эмансипации женской части русской аристократии, а эгоизму Петра I. С другой стороны, специфические требования, которые ставило перед российскими аристократками XVIII столетие с его просветительскими идеями, не были при Екатерине I ни четко сформулированы, ни ярко выражены. У нее самой отсутствовали внутренние мотивы к занятиям искусством, литературой, а ее частная благотворительность

замыкалась в рамках безусловно необходимого. Нельзя считать причиной этого дефицита только ее низкое происхождение. Он был результатом изолированного и зависимого особого положения Екатерины. В заключение еще одна особая отличительная черта: регентша Софья в 1682 году завоевала власть с помощью восставших стрелецких полков. В восхождении на престол Екатерины в 1725 году решающую роль сыграло участие гвардии. Единственные до этих пор властительницы обязаны своим положением военным.

Во времена Екатерины аристократке уже нельзя было запретить участие в открытой жизни общества. В официальной же политике она по-прежнему была безвластна. Если женщина хотела стоять во главе государства, требовались особо благоприятные условия, исключительные индивидуальные способности и открытое насилие. В этом отношении в «век женщин» ничего не изменилось – пока в XIX веке, будучи ниже самодержца, они не были подключены к выполнению специфических властно-политических задач.

Глава 7

Анна I Ивановна и немецкое засилье

Анна Ивановна
(28 января 1693 года – 17 октября 1740 года),
супруга герцога Курляндского Фридриха Вильгельма,
с 31 октября 1710 года (до января 1711 года)
императрица Российская (1730–1740 годы)

Указ Петра I о престолонаследии им самим выполнен не был. После его смерти к власти пришла придворная клика его любимцев во главе с Меншиковым и Екатериной I. Екатерина I после краткого правления по советам Меншикова сохранила верность закону и выдвинула на престол Петра Алексеевича. Петр II, умерший в 1730 году в возрасте 15 лет, не оставил наследника и не назначил преемника. Вновь принцип Петра I о порядке наследования оказался недейственным. Привезенные Петром I в страну иностранцы, чей профессиональный совет порой сильно превосходил их человеческие качества, постепенно установили при дворе диктатуру, которая вызывала гнев и враждебность большинства русской аристократии, а также народа. Несмотря на усилия Петра II ограничить власть немецких и русских выскочек, они сплотились и надеялись, что благодаря избранию Анны Ивановны смогут утвердить и расширить свою власть.

Анна Ивановна родилась в тот момент, когда Петр I уже давно выиграл борьбу за власть в России. Формально до 1696 года он правил вместе с отцом Анны Иваном V. Девочка не имела особого образования, в 1710 году ее выдали замуж за влиятельного герцога Курляндского. Анна была лишь картой в династической игре, которую совместно разыгрывали Петр I и вдова Ивана V Прасковья Федоровна в интересах дома Романовых и за счет которой через соответствующие браки они хотели укрепить репутацию на европейской арене. Кроме того, Курляндию следовало теснее связать с Россией.

Анна Ивановна попала на русский императорский трон в результате дворцовых интриг. Последний прямой потомок Романовых мужского пола на царском троне остался без прямого наследника. Верховный тайный совет решал все важные внутренние и внешние вопросы империи. Правда, до 1730 года Верховный тайный совет не ставил самодержавие под вопрос. После смерти Петра II и в ходе поисков нового императора могущественные сановники хотели укрепить свое влияние. Они выбрали Анну, герцогиню Курляндскую, потому что они – Долгорукие и Голицыны – считали герцогиню марионеткой, которой они могли бы управлять по собственному усмотрению. Это оказалось роковым заблуждением.

Супруг Анны, герцог Фридрих Вильгельм Курляндский, умер в 1711 году. С тех пор вдова герцога жила в своей курляндской резиденции в Митаве. Она не строила больших иллюзий относительно того, что дочь Ивана V когда-нибудь вновь доберется до Петербурга. Но здесь до нее дошло предложение Верховного тайного совета стать преемницей Петра II на русском престоле. И хотя согласно праву, закону и традиции родные дочери Петра Великого и Екатерины I стояли ближе к трону, совет решил иначе. Он хотел воспрепятствовать тому, чтобы двор вновь наводнили фавориты Петра Великого, и стремился к тому, чтобы, как сформулировал князь Дмитрий Голицын, «увеличить собственную свободу».

Совет представил Анне условия договора («Кондиции». — *Прим. ред.*) для наследования престола, которые были равноценны отказу от самодержавия и передавали власть совету. Без консультаций с другими сановниками Верховный тайный совет хотел обязать Анну не выходить вновь замуж и не выдвигать наследника престола. Она как императрица не могла принимать самостоятельных решений без согласия Верховного тайного совета. Совет же должен был сам выбирать своих членов и назначать важнейших чиновников. Наконец, главное командование войском и гвардией принадлежало не императрице, а точно так же Верховному тайному совету. Царица же могла, вопреки всем традициям и принципам самодержавия, лишь представлять империю. Эта попытка олигархической диктатуры настолько противоречила всем властно-политическим установлениям и опыту Российской империи, что должна была потерпеть неудачу в случае с женщиной из правящего дома Романовых.

К удивлению членов совета, Анна без возражения приняла унижительные условия. Она подписала «Кондиции» и незамедлительно выехала из Митавы в Москву. Только после принятия Анной положительного решения члены совета в основных чертах информировали Сенат, дворянство и духовенство о содержании «Кондиций». Точный текст самих условий не был обнародован. Совет лишь сообщил, что хотел возвести на престол Анну, герцогиню Курляндскую, — и все согласились. Эти действия вызвали у аристократии недоверие. Двор Петра II требовал, чтобы часть дворянства, гвардейских полков и чиновничества постоянно находилась в Москве. О «Кондициях»

ходили слухи, и усилилось подозрение, что семьи князей Голицыных и Долгоруких хотят использовать возведение Анны на трон в своих собственных целях. Когда стало известно, что Анна поставила подпись под тем, что хочет отказаться от самодержавной власти и готова править вместе с Верховным тайным советом, в Москве образовалось множество оппозиционных дворянских группировок, которые совместно выступали против совета, но которые, однако, преследовали различные цели: в совет поступали многочисленные петиции, которые исчезали или оставались без реакции.

25 января 1730 года Анна I Ивановна взошла на русский престол. Соперничающие дворянские партии проинформировали новую императрицу о недовольстве советом. Анна сплотила интересы различных групп аристократии и использовала их против Верховного тайного совета. Подняло свой голос и мелкопоместное дворянство: Анна должна была восстановить самодержавие, упразднить Верховный тайный совет и вернуть Сенату его прежние права. Разумеется, Анна выполнила пожелания. К ужасу Верховного тайного совета, она разорвала условия и объявила их недействительными. Анна Ивановна отважилась на этот отнюдь не лишенный риска шаг, потому что против злоупотребления властью Верховным тайным советом восстали широкие круги дворянства. Анна — дочь не способного к правлению царя Ивана V — стала первой самодержавной правительницей на российском императорском троне. Екатерина I на самом деле не могла использовать этот титул. Но и в случае Анны ограничительные суждения нередки.

Не было объективных интересов отдельных социальных слоев, которые бы подготовили для Анны путь к трону. В первую очередь она сама без раздумий и совершенно осознанно взяла верх над всеми соперничающими олигархическими группировками. Это была придворная борьба за власть.

«...исключительно ядовитая гадюка»

Когда Анна Ивановна взошла на трон, у 37-летней императрицы было прошлое, которое состояло не только из несчастливого брака с покойным герцогом Курляндским. Анна ни в коем случае не была красавицей. Современники рисовали ее бесформенно толстой. У нее были плотно сжатые губы, вела

она себя грубо и мужиковато. Один балтийский барон писал об Анне: «Она исключительно ядовитая гадюка, да к тому же еще и вульгарная. Слыхали, будто она считает яблоки на деревьях из страха, что садовники могут ее обмануть. Я желаю этой варварской России хорошо повеселиться с ней». Все ее существо отражало жизненный путь, сопровождавшийся немногими радостями. Ее отец, Иван V, был постоянно болен, мать, Прасковья Федоровна, мало уделяла внимания ребенку. Собственный брак Анны был вынужденным. Супруг был безнравственным человеком. Вдовство в провинции не отвечало запросам царской дочери. Анна хотела все это забыть. Это желание было само по себе безрассудным, потому что как могли Романовы отказаться от природных традиций собственного дома? Она попыталась, и ее правление стало смещением мстительности за все пережитые несправедливости и величайшего наслаждения единожды достигнутой личной свободой. Желание Анны было довольно простым: прочь от оков нелюбимой Митавы. В Петербурге и Москве все будет по-другому.

Москва готовила дочери Ивана V триумфальный прием. Большая часть знати и купечества полагала, что с Анной, после того как Петр II частично вновь сделал Москву своей резиденцией, старая Москва окончательно станет главой империи. Надежды не оправдались. Императрица лишила власти Верховный тайный совет. Вместо него она учредила Кабинет министров. Кабинет являлся совещательным органом с законодательными и административными полномочиями, в который входили три государственных деятеля. Личная канцелярия императрицы в 1735 году была поднята до ранга правящего органа. Императрица установила, что подписи трех «министров» равноценны ее собственной. Эти структурные изменения обозначили фактические отношения власти в стране. Императрица не оправдала надежды тех групп высшей знати, которые поддерживали ее восшествие на престол. Она не доверяла древним дворянским родам, так же, как и служилому дворянству. Пришедшая к власти неподготовленной и занятая преимущественно своими личными делами и развлечениями, императрица оказывала предпочтение в качестве советников немецким политикам и авантюристам. Она прибыла из Митавы, окруженная кавалькадой немецких друзей, покровительствовала прежде всего будущему графу, герцогу Курляндскому

и регенту Эрнсту Иоганну Бирону. Бирон был внуком Матиаса Бюрена из Мекленбурга, камердинера Якоба, третьего герцога Курляндского, который снискал такое расположение своего господина, что тот подарил ему звание барона и небольшое имение. Эрнст Иоганн Бирон прибыл в Москву уже как любовник и секретарь Анны. Он был столь ярким и практичным сторонником французских обычаев, что изменил фамилию Бюрен на Бирон и присвоил герб вымершей во Франции семьи Бирон.

В Петербурге и Москве немецкие советники Анны наталкивались на уже обосновавшихся там немецких вельмож, которые добились славы и почета при Петре I. Среди них особую роль играли граф Бурхард Кристоф фон Миних — позднее генерал-фельдмаршал — и граф и видный государственный деятель Генрих Иоганн Фридрих Остерман. В последовавшие годы Бирон, Миних и Остерман, ведя между собой борьбу за власть, руководили империей. До сих пор в России не бывало, чтобы иностранцы при русском монархе занимали столь привилегированное положение. Однако господство «немцев» нельзя было воспринимать как сигнал к ориентированной на Запад модернизации России. Оно в большей мере являлось следствием слабости императрицы.

Еще более жестокий удар был нанесен москвичам, когда императрица Анна покинула древнюю столицу и вновь стала править из Санкт-Петербурга. Прежде всего она наказала тех сановников, которые хотели диктовать ей условия передачи власти. Из Петербурга Бирон смог без помех раскинуть свою сеть интриг над всей Россией. Остерман стал кабинет-министром, Миних получил верховное командование над вооруженными силами. Долгорукие и Голицыны подверглись преследованиям. Недоверие Анны распространилось и на графа Толстого. Он выступал за то, чтобы преемницей Петра II стала Елизавета Петровна. Елизавету, дочь Петра Великого, выслали в загородную резиденцию. Несчастную невесту Петра II Екатерину Долгорукую императрица сослала в Сибирь. Вторая атака на трон древней семьи Долгоруких также не удалась.

Анна определила на все важнейшие государственные посты своих немецко-балтийских друзей. Наряду с богатыми традициями гвардейскими Преображенским и Семеновским полками она сформировала два новых полка (Измайловский и Кон-

ный гвардейские полки), в которых командирами могли быть только балтийские офицеры. Имя Бирона представляло символом ужаса всех преступлений, совершаемых именем императрицы. «Бироновщина» означала беспрепятственное обогащение, доносы, пытки и произвол. Бирон не уважал русских и давал им это почувствовать. Не благосостояние государства и подданных двигало им, а корыстолюбие и страсть к наживе. Именем императрицы он безжалостно эксплуатировал все условия. Всякое действительное или мнимое возмущение считалось заговором против государства и царицы. Созданная Анной и Бироном Тайная розыскных дел канцелярия осуществляла контроль за политической жизнью и охватила Россию системой шпионов и провокаторов невиданного масштаба. Каждый мог доносить на каждого и устранять его с пути. Агенты Тайной канцелярии в своей зеленой униформе колесили по всей стране. С девизом «Слово и дело» они наводили ужас на людей. Их жертвы бесследно исчезали. Все судебные дела велись тайно, приговоры не обнародовались, протоколы суда составлялись в зашифрованном виде и хранились в тайном архиве. Многие из князей Голицыных, Долгоруких или Юсуповых были сосланы и казнены, хотя им не смогли предъявить никакого обвинения. Министр кабинета Артемий Волынский был в 1740 году казнен только за то, что отважился предостеречь царицу от происков Бирона. Бироновщина походила на некое возрождение опричнины Ивана Грозного — в этот раз правила женщина.

Десять долгих лет длилось правление Анны и ужасы господства Бирона, в котором, однако, участвовали и многие вельможи, военные, чиновники и дворяне. В одиночку Бирон не смог бы осуществлять это господство. При императорском дворе процветали блеск и роскошь, невиданные в русской истории. Туалетный стол и зеркало Анны были из массивного золота. Мебель была щедро украшена благородными металлами и драгоценными камнями. Многочисленные дома, обширные уголья, роскошь во время придворных застолий и сказочные подарки фавориту Бирону говорили сами за себя. Анна жила, предаваясь излишествам, и вместе с ней все те, кто пользовался ее расположением. Балы, маскарады, охоты и другие развлечения сменяли друг друга пестрой чередой. Анна, которая когда-то в Курляндии познала бедность, наслаждалась ни чем не

ограниченной роскошью. Ни одна из русских правительниц не жила в таком великолепии, как Анна Ивановна.

Императрицу Анну ни в коем случае не считали глупой или необразованной. Она обладала политической проницательностью, которая поражала современников. Немного больше усердия и дисциплины — и она могла бы войти в число самодержцев-созидателей своей страны. По меньшей мере по сравнению с Екатериной I власть Анны была более стабильной и целенаправленной. Она очень быстро распознавала полезные стороны предложенных мер или договоров. Анна окружила себя не только продажными и отвратительными тварями, как Бирон. Так, Остерман или Миних были незаурядными личностями с политическим размахом. Господство Анны не было временем исключительно обжорства, пьянства, интриг и угнетения простого народа. Оно принесло с собой рациональные изменения в структуру российского общества, которые замыслил и претворял в жизнь Петр Великий.

Важнейшие внутривластные мероприятия служили дальнейшему усилению привилегированного положения дворянства. К ним относятся отмена в 1730 году закона о единственном порядке наследования (*Einerbfolge*), учреждение кадетского корпуса в 1731 году или ограничение пожизненного срока военной службы 25 годами в 1736 году. Был достигнут заметный прогресс в культурно-научной и хозяйственной областях. Во внешней политике время правления Анны явилось фазой упрочения положения России как великой европейской державы, которого добился Петр I в Северной войне. В войне за «польское наследство» (1733—1735 годы) после смерти Августа II удалось возвести на престол в качестве короля Польши его сына (Августа III) и утвердить гегемонию России в Восточной Европе в противовес проводимой Францией политике «Восточного барьера». Война против Османской империи (1735—1739 годы) принесла только временный военный успех. Фельдмаршал Миних занял Крым. Обусловленный сепаратным миром Австрии с Турцией Константинопольский мирный договор в 1739 году вынуждены были заключить без сколько-нибудь существенной политической выгоды для Российской империи. Анна была убеждена, что русские войска были в состоянии придать победный оборот противоречиям с

Турцией. Походы русской армии против Блистательной Порты вызвали беспокойство западноевропейских держав. Императрица придерживалась твердого убеждения, что ей удастся пересмотреть Константинопольский мирный договор. До этого, правда, дело не дошло, но восточная политика Анны Ивановны была более успешной, чем у Петра I, и образовала новое звено в длинной цепи русской экспансии на Юг.

Незадолго до смерти Анна назначила малолетнего внучатого племянника Ивана Антоновича, следующего номинального императора Ивана VI, наследником престола и провозгласила его мать Анну Леопольдовну регентшей. Она, казалось, придерживалась той точки зрения, что благодаря браку ее племянницы Елизаветы Мекленбург-Шверинской с Антоном Ульрихом Брауншвейгским и их общему сыну Ивану имеются все предпосылки для гарантированного наследования престола Романовыми. Анна Ивановна больше не заботилась о наследстве и не хотела принимать другого решения. Елизавету, кровную дочь Петра I и Екатерины I, вновь обошли.

Первый апоплексический удар с Анной случился в сентябре 1740 года, в следующем месяце – второй. Врачи считали положение безнадежным. Бирон не отходил от постели больной и умирающей Анны. Со всей силой убеждения он торопил умирающую императрицу назначить его вместо Анны Леопольдовны регентом при несовершеннолетнем императоре Иване. В конце концов императрица уступила его неистовому напору. Однако она угасла прежде, чем смогла подписать документ. 17 октября 1740 года императрица Анна Ивановна умерла. В Российской империи лишь немногие испытывали подлинную печаль. Те же, кто болезненно сожалел о ее отсутствии, испытывали печаль лишь потому, что опасались за свои привилегии. В этом отношении граф Генрих Остерман, фельдмаршал Миних и граф Бирон сначала были едины. Но каждый претендовал на самую богатую добычу. Остерман еще при жизни Анны распорядился, чтобы родители Ивана и великая княжна Елизавета Петровна принесли присягу верности наследнику престола. Едва скончалась императрица Анна, присягу должны были поменять. Остерман представил дворянству так и не подписанное Анной завещание, согласно которому Бирон назначался регентом. Ивану VI было всего несколько месяцев, и его жизненный путь был совершенно неопреде-

ленным. Согласно закону, существовала угроза того, что все его будущие братья и сестры могут быть непосредственными наследниками престола. Но русские вельможи не хотели передавать царский трон ни Брауншвейг-Вольфенбюттельскому дому, ни Мекленбург-Шверинскому. Они не хотели видеть во главе империи ни Бирона, ни Миниха или Остермана. Будущее России казалось неясным и мрачным.

Императрица Анна не относилась к тем русским правителям, огромный масштаб личности которых приводил к появлению значительных государственных решений. Тем не менее современникам время ее правления казалось продолжением правления Петра Великого, потому что его внутри- и внешнеполитические решения, а также осуществленные им меры всемерно поддерживались и закреплялись. Такое суждение можно было без труда вынести после периода правления Екатерины I. Конечно, женщина Анна Ивановна не придала императорскому престолу какого-либо нового или существенного импульса. В одном вопросе она твердо придерживалась замыслов Петра Великого: Анна Ивановна продолжила сближение дома Романовых с европейской аристократией.

Глава 8

Регентша по требованию: несчастливая Анна Леопольдовна

Анна Леопольдовна – принцесса Елизавета
Екатерина Кристина Мекленбург-Шверинская
(7 декабря 1718 года – 7 марта 1746 года),
супруга принца Антона Ульриха
Брауншвейг-Вольфенбюттель-Бевернского,
великая княгиня – племянница императрицы
Анны Ивановны, регентша России в 1740–1741 годах
при своем сыне Иване VI

История Анны Леопольдовны могла бы быть придумана Шекспиром. Любовь, ненависть, интриги, темница и смерть. Однако этот русский вариант фантазии Шекспира произошел в действительности и содержит жуткие подробности.

От брака Екатерины Ивановны с Карлом Леопольдом был единственный ребенок — родившаяся в 1718 году в Ростке дочь Елизавета Екатерина Кристина Мекленбург-Шверинская. Принцесса являлась племянницей будущей русской императрицы Анны Ивановны. Герцог Карл Леопольд был невыносимым и деспотичным человеком. Екатерина была вынуждена в 1722 году вместе с маленькой дочерью вернуться в Россию, в лоно семьи. В Измайлове, Москве и Петербурге они тихо и скромно жили при царской вдове Прасковье Федоровне. Это положение изменилось в 1730 году, когда на престол взошла Анна Ивановна. Неожиданно все свое внимание она направила на 12-летнюю Елизавету Екатерину Крестину. Ребенок выдвинулся в круг возможных претендентов на престол. Императрица Анна приблизила ее ко двору и следила за тем, чтобы она получила хорошее образование и была воспитана в православной вере. Генерал-адъютант был послан в Германию для поисков подходящего жениха для девочки. Первоначально присмотрели маркграфа Бранденбургского Карла, однако затем выбор пал на Антона Ульриха герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского-Беве́рн-Люнебургского. Герцог не был блестящей личностью, но он имел неопределимое преимущество — родство с австрийским императором Карлом VI. Эта связь с венским двором могла способствовать только усилению в Петербурге «немецкой партии» вокруг графа Остермана и фельдмаршала Миниха и поэтому усердно поддерживалась ими. Императрица Анна пригласила Антона Ульриха в Россию. В марте 1733 года он прибыл в Петербург. 19-летний юноша не вызывал к себе внимания ни в каком отношении, однако отношения с Австрией являлись приоритетом. Он был принят на русскую службу, Елизавета перешла в православную веру, получила имя Анна Леопольдовна, и свадьба считалась делом решенным. Но тут возникли неожиданные проблемы. Незначительность Антона Ульриха побудила Анну Леопольдовну к многочисленным любовным связям, среди прочих — с саксонским посланником графом Линаром. Императрица предпри-

няла ответные меры и установила за юной Анной строгий контроль. Она должна была учиться и была изолирована от внешнего мира.

Одновременно осуществлению будущего брака Анны Леопольдовны препятствовал злой дух империи Эрнст Иоганн фон Бирон. Ему недостаточно было титула герцога Курляндского. Он хотел женить своего сына Петра на Анне Леопольдовне и таким образом самому приблизиться к трону. Интрига раскрылась, Анна Леопольдовна не пошла против воли императрицы, и хотя все были убеждены в неспособности Антона Ульриха править, Бирон потерпел поражение: отношения с Австрией были важнее. В 1739 году Антон Ульрих и Анна Леопольдовна наконец поженились. В этом браке бездетная императрица Анна I Ивановна видела единственно возможную и твердую надежду на гарантии наследования престола Романовыми. Правда, из семьи Петра Великого была жива еще вторая дочь, Елизавета, но Анна I Ивановна не считала ее претенденткой на престол. Герцог Антон Ульрих должен был лишь обеспечить престолонаследие мало-мальски подходящим наследником. Политические амбиции его жены никто не принимал в расчет.

2 августа 1740 года, согласно желанию, родился сын Иван Антонович. Казалось, «брауншвейжец» выполнил самую важную задачу. Но только с рождением этого ребенка Анна Леопольдовна и ее семья попали в водоворот событий высокой драматургии, поглотивший ее саму.

В сентябре 1740 года императрица Анна Ивановна перенесла первый апоплексический удар. Перед смертью, последовавшей 17 октября, она сделала своего двухмесячного внучатого племянника Ивана Антоновича наследником престола, а регентом назначила не его мать Анну Леопольдовну, а имперского графа Эрнста Иоганна фон Бирона, герцога Курляндского. Тотчас же после смерти императрицы Анны Бирон начал по своему усмотрению управлять родителями наследника престола. «Брауншвейгский квартет», как называли Анну Леопольдовну, Антона Ульриха, его метрессу Юлию Менгден и графа Линара, видел себя отданным под диктат Бирона. Однако Анна Леопольдовна оказалась в конце концов достаточно решительна для того, чтобы использовать в своих интересах и в интересах законного наследника конкуренцию других «нем-

цев», особенно Миниха и Остермана, всеобщее неприятие ненавистного Бирона и протест гвардейских полков против регента.

Несостоявшееся регентство

Анна Леопольдовна не была ни образованна, ни умна, но она была одержима стремлением к власти. Она использовала фельдмаршала Миниха и организовала заговор против регента Бирона. В ночь на 9 ноября 1740 года Анна велела Миниху и его адъютанту Манштейну арестовать Бирона и заключить в тюрьму. Сценарий предупредил события, которые позднее позволили провозгласить императрицами Елизавету и Екатерину II. Анна Леопольдовна свергла Бирона так же, как однажды добилась регентства Софья: благодаря осуществленной солдатами насильственной акции. В ту ночь Миних и Манштейн позвали Анну Леопольдовну. Вместе они пошли к солдатам Преображенского полка. Анна жаловалась на свое унижительное положение, на подлость Бирона и обещала солдатам материальные блага. Когда Манштейн с 80 солдатами проник в спальню Бирона, дежурные офицеры и охрана только молча наблюдали. Даже спустя годы Манштейн вспоминал: «Если бы нашелся один преданный офицер или солдат, дело было бы проиграно».

Бирон был обвинен в заговоре и приговорен к смерти, однако затем смертная казнь была заменена ссылкой в расположенный на Северном Урале Пелым. Анна Леопольдовна достигла своей первой цели и приняла регентство. Облеченная титулом великой княгини, она распорядилась, чтобы ее супруг Антон Ульрих получил верховное командование русской армией. В последующие месяцы регентша добивалась для себя императорской короны, хотя и не обладала для этого никакими политическими способностями. Борьба между «немцами», а также их доминирование при дворе продолжались и все более входили в противоречие с желаниями Анны Леопольдовны, а также осознанно относящихся к власти русских аристократов, офицеров и сановников.

Первоначально все нити политической жизни страны держал в своих руках фельдмаршал Миних. Но Анна Леопольдовна не питала к нему большого доверия. В марте 1741 года его

место занял граф Остерман. Остерман приложил все силы к тому, чтобы не позволить русскому государственному кораблю в тяжелом 1741 году плыть без кормила. Со всех сторон угрожали опасности. В Австрии разгорелась война за наследство. Высокая Порта была неспокойна и настраивала против России крымских татар. Швеция объявила России войну, вторглась в Финляндию, но была разбита. Остерман лишь частично соответствовал желаниям и целям регентши. Неприемлемое для многих русских присутствие иностранных и исповедующих иную веру сановников провоцировало волнения и порождало интриги. Существовала женщина, которую уже дважды обошли в наследовании престола и которая не хотела дальше сносить это оскорбление: Елизавета, дочь Петра I.

Целый ряд причин привел к дворцовому перевороту 25 ноября 1741 года. К ним относились и само регентство Анны Леопольдовны, борьба среди иностранцев, а также нерешенные вопросы, в особенности во внешней политике. В тяжелых внешнеполитических отношениях России лежал ключ к свержению Анны Леопольдовны. Благодаря ставшим возможными через Антона Ульриха связям регентша заключила союз с Марией Терезией Австрийской и тем самым вызвала раздражение французского двора. С помощью врача Лестока и французского посланника де Шетарди готовился заговор с целью устранения Анны Леопольдовны. Елизавета небеспричинно появлялась в казармах гвардейских полков. Когда ей внушили, что регентша хотела приказать постричь ее, дочь Петра Великого, в монахини, в ней одержала верх давно питаемая ненависть. Обе дамы достаточно долго наблюдали друг за другом и знали, чего им следовало ожидать друг от друга. Желания Франции и деньги де Шетарди, услужливо розданные гвардейцам, сделали остальное. Дело дошло до той драматической и эффектной сцены, когда 25 ноября 1741 года великая княжна Елизавета появилась в караульном помещении Преображенского полка. С боевым кличем «Прикажи, матушка, прикажи, и мы все задушим ее!» пьяные солдаты провозгласили новую императрицу — Елизавету. Это событие, казалось, подтверждало слова, обошедшие тогда всю Европу: «В России с парой талеров и несколькими бочками водки можно сделать все». В данном конкретном случае французские деньги и русская водка объединились против «немецкой» клики и возвели на престол русскую властительницу.

В эту ночь Анна Леопольдовна с семьей и многие вельможи по приказу Елизаветы были схвачены. Как регентство началось, так оно и закончилось. Счастье и мечта о короне продолжались целый год — номинальный император Иван VI ничего не знал обо всех этих событиях, он даже не был официально свергнут. В манифесте от 28 ноября новая императрица объявила, что Анна Леопольдовна с семьей будет выслана из страны. Двумя неделями позже последовало вынужденное путешествие в Ригу. Там семью удерживали в течение года, но так и не отпустили домой. В декабре 1742 года всех перевели в крепость Динабург. Там Анна Леопольдовна произвела на свет дочь Елизавету.

Уже тогда в стране и за границей спрашивали, почему императрица Елизавета столь жестока и не позволяет уехать бесполезным для нее брауншвейгцам. Русская имперская историография подчеркивала, что это решение было рекомендовано французской стороной и обосновывалось многочисленными интригами и заговорами в пользу Ивана VI и Анны Леопольдовны. Правда была очень простой и на протяжении последующих 20 лет много раз становилась очевидной: императрица Елизавета взошла на трон в результате путча, оставшийся в живых номинальный император Иван VI представлял потенциальную опасность. Императрица Екатерина II не должна была мыслить по-другому. Она даже пошла еще дальше. Анна Леопольдовна и Иван VI должны были пребывать в столь надежной тюрьме, чтобы правящая императрица могла постоянно контролировать их жизнь и контакты. В случае кризиса опасность можно было незаметно устранить.

Поэтому в 1744 году вышел указ о заточении семьи в крепости Раненбург, расположенной в Рязанской губернии. Тюрьма казалась императрице Елизавете все же недостаточно надежной. В июне 1744 года она определила в качестве места ссылки Соловецкий монастырь под Архангельском. Поездка была столь трудной, что до монастыря доехать не смогли, и семья Анны Леопольдовны осталась в Холмогорах, в 72 верстах под Архангельском. Здесь все общество разместилось во дворце епископа. Дворец был обнесен стенами, заключенным нельзя было выходить за ограду. Политическая жизнь регентши Анны Леопольдовны завершилась — история ее жизни длилась дольше и продолжалась в Антоне Ульрихе, детях и прежде всего в

сыне Иване VI. Семья Анны Леопольдовны была уничтожена четырьмя русскими императорами в растянувшихся более чем на десятилетие страданиях.

Нескончаемые страдания супруга и детей

С 1741 по 1746 год Анна Леопольдовна произвела на свет четырех детей: Екатерину, Елизавету, Петра и Алексея. Это было маленькое счастье в почти безвыходной ситуации. Семья страдала от того, что не было шанса вернуться в Германию и что старшего сына, императора Ивана VI, отделили от семьи. Сначала Иван VI оставался в Холмогорах в невзрачном охраняемом доме, всего на несколько сотен метров удаленный от семьи. В Холмогорах жил пастор Корф, который мог посещать мальчика, рассказывал ему о семье и обучал русской азбуке.

Анна Леопольдовна, правда, не отказалась от надежды вернуться на родину, но ее желания не были услышаны. 26 февраля 1746 года 28-летняя женщина умерла, забытая обществом, но не императрицей Елизаветой. Антон Ульрих с детьми на десятилетие остался в ссылке. Спустя 29 лет неудачливый брауншвейгский принц умер в Холмогорах. Только дочери пережили отца. Еще при его жизни они обращались к императрице Елизавете и ее преемнице Екатерине II с просьбой освободить их. Елизавета многократно отвергала эту просьбу. Только Екатерина II изменила судьбу бедных женщин. В 1780 году к Екатерине II обратилась сестра Антона Ульриха Екатерина, королева Дании, и просила ее освободить принцесс. Императрица выполнила это желание – опасный брат Иван VI был убит еще в 1764 году. Она снабдила принцесс одеждой, мебелью, столовым серебром и деньгами и отпустила в Данию. В 1787 году в живых оставалась только дочь Елизавета. Она была совершенно глухой. Елизавета владела только русским языком и почти сошла с ума в своем одиночестве. Еще однажды русские цари доказали свою неуступчивость. В 1803 году Александр I вынес отрицательное решение на прошение Елизаветы разрешить ей вернуться в Россию. Четырьмя годами позже умерла и она.

Бессердечие, с которым русские императрицы мстили Анне Леопольдовне, являлось следствием точного исполнения поручения, данного ей императрицей Анной. Анна Леопольдов-

на родила наследника престола, который был подлинным императором и предстал в качестве постоянной грозящей опасности для узурпаторш Елизаветы I и Екатерины II. Анна Леопольдовна избежала мести благодаря своей преждевременной кончине. Однако ее участь была относительно безобидной по сравнению с дальнейшей судьбой ее сына. Весь страх и вся ненависть к семье Анны Леопольдовны сконцентрировалась на Иване VI.

Эпизод к регентству Анны Леопольдовны: заключенный № 1

Императрица Елизавета полагала, что в Холмогорах Иван все-таки недостаточно изолирован от семьи и мира. Его доставили в крепость на Соловки в Белом море. Ивану было шесть лет. 10 лет он влачил на Соловках жалкое существование. Затем последовала Шлиссельбургская крепость неподалеку от русской столицы, с тем чтобы осуществлять прямой контроль и наблюдение за заключенным. Елизавета распорядилась, что имя «заключенного номер один» («безымянного колодника». — *Прим. ред.*) должно оставаться неизвестным. Оба офицера, которые его стерегли, не имели права с ним разговаривать. Иван жил в одиночном заключении. Никто не мог и не смел видеть подросшего мальчика. Между шестью и двадцатью двумя годами своей жизни Иван VI кроме сторожей, императриц Елизаветы I, Екатерины II и императора Петра III не видел ни одного живого существа! Это был феномен, что он, взрослея и будучи узко ограничен в духовных и телесных возможностях, более или менее осознал, что он не только «безымянный номер один». Иван смог даже сформулировать восстановление своих легитимных прав на престол. Екатерина II приказала отказывать заключенному в любой врачебной помощи. Сторожа должны были немедленно убить его в случае, если к нему приблизится любая особа без ясного письменного разрешения императрицы.

Иван пребывал в здравом уме, его рассудок не был помрачен. Он никому не доставил удовольствия, погибнув от одиночества. Своим сторожам Иван сказал, что он князь и правитель. Ему дали жизнеописания святых и намекнули, чтобы он стал монахом. Он сознавал, что ни один охранник не смеет

поднять на него руку. Если же он тем не менее это делал, Иван бунтовал. Возмущение интерпретировалось как «помешательство».

Россия не была бы Россией, если бы не нашелся заговорщик для освобождения Ивана VI. Хотя его имя широким народным массам оставалось неизвестно, при царском дворе знали о существовании заключенного. Его можно было использовать против соответствующего правителя. В 1764 году сложился заговор для возведения Ивана на престол. Это было деяние единственного офицера. Лейтенант Смоленского полка Василий Яковлевич Мирович служил в Шлиссельбургской крепости и хотел освободить Ивана. Мирович происходил из обедневшего украинского поместного дворянства. Лейтенант, пьяница и буйн, нападал на петербургские ведомства, желая вернуть бывшее владение семьи, и наталкивался на глухую стену. На некоторое время его командировали в Шлиссельбург. Чиновники в Петербурге избавились от раздражающе шумного жалобщика. Мирович узнал о таинственном заключенном. Будучи приблизительно одного возраста с Иваном, Мирович связал свои действия с действиями рыцаря, борющегося за справедливость для законного наследника престола, и мести обделенного жизнью провинциального дворянина. Мирович составил дворянский манифест, который должен был поднять на восстание против Екатерины II гвардейские полки.

Лейтенант приказал своим солдатам построиться и потребовал, чтобы они штурмовали казематы, освободили Ивана и провозгласили его императором. Штурм на самом деле удался. С благородным призывом «Где мой император?» Мирович прорвался в камеру Ивана. Храбрый мятежник натолкнулся на умирающего. Согласно приказу оба стража — Власьев и Чекин — при малейшем признаке грозящего волнения должны были убить узника, что они и сделали: набросились на пленника и, несмотря на ожесточенное сопротивление, задушили его.

Мирович застыл в героической позе. Он вынес окровавленный труп во двор, поцеловал его руки и покрыл тело флагом. Закончил он церемонию самоотверженными словами: «Там лежит ваш император. Теперь делайте со мной, что хотите». Мировича арестовали. Когда Екатерина получила известие о смерти Ивана, она написала министру Никите Панину: «Чуд-

ны и неисповедимы пути Господни. Провидение явно доказало мне свою милость, позволив так хорошо закончить это дело...» Возможно, она действительно была рада. Примечательно, что незадолго до заговора Панин впервые положительно отреагировал на повторившиеся просьбы сторожей Ивана об отставке — разумеется, только в случае верного исполнения долга.

Мирович как единственный виновник был приговорен к смертной казни и обезглавлен. Екатерина II сама приказала убить Ивана при первых признаках нападения. Убийцы — охранники Власьев и Чекин — были щедро вознаграждены. Они выполнили свою задачу, — они должны были составить доклад о жизни и смерти Ивана. Там они прописали все, чего ждала от них Екатерина II, — что Иван был недоразвитым и душевнобольным. Так великая просветительница успокоила свою совесть. Она предприняла все необходимые меры: «несчастный случай со смертельным исходом, произошедший с безмянным заключенным», окончил его жизнь. Император Иван VI, правнук царя Ивана V, сын Анны Леопольдовны и внучатый племянник императрицы Анны, был зарыт на территории Шлиссельбургской крепости. И при этом у него не было ни малейшего желания взять на себя какую-либо вину. Несмотря на то что царица своим специальным «Манифестом молчания» хотела закрыть рты всем критикам и распространителям слухов, в Европе об этом происшествии спорили и писали, и только немногие поднимали голос в защиту царицы. Об Анне Леопольдовне в этот момент не говорил больше никто.

Глава 9

Императрица Елизавета Петровна – дочь Петра Великого

Елизавета Петровна
(18 декабря 1709 года – 25 декабря 1761 года),
российская императрица (1741–1761 годы)

История регентш и правительниц России со времени Софьи Алексеевны не обнаруживает значительных тенденций к эмансипации русской женщины в смысле социального или духовного подъема целого слоя населения. Прихоти правителей, безусловная борьба за власть при дворе и строгое следование принципу самодержавия позволяли подняться на вершину целеустремленным женщинам, которые отваживались на любой риск ради своей воли к господству, даже если приходилось считаться с возможностью собственной политической или физической гибели. Их эмансипация была самое большее очень индивидуальной. Разумеется, это была непрерывность, вызванная деспотично смелым прорывом Петра Великого. Если даже такая незначительная женщина, как Анна Леопольдовна, отважилась на рискованный бросок к власти, насколько же сильнее воля к господству должна была проявляться в уверенной в себе родной дочери Петра I! Одно отличало ее прежде всего: в действиях императрицы Елизаветы проявлялось много ее личных недостатков. В отличие от Екатерины I или Анны I, она правила действительно сама — вместе с мудрыми советниками — и не всегда придерживаясь постоянства, но в целом она была политически сознательной и целеустремленной правительницей.

Елизавета Петровна родилась 18 декабря 1709 года во дворце в Коломенском. Царь Петр как раз торжественно отмечал победу над шведами под Полтавой. Елизавета тогда была незаконным ребенком, рожденным от внебрачной связи Петра с Мартой Скавронской, позднее императрицей Екатериной I. Она была уже пятым ребенком необычайной пары. Два мальчика и одна девочка умерли, жива была только родившаяся в 1708 году Анна. После рождения о Елизавете вновь появляются сведения в феврале 1711 года, когда Петр и Екатерина официально вступили в брак. Анна и Елизавета выступали в качестве подружек невесты. Сами они еще не могли выполнять эту задачу, и две племянницы царя взяли на себя исполнение их обязанностей. Анна и Елизавета присутствовали и на коронации матери в 1724. В остальное время они росли во дворце в Коломенском, окруженные заботой служанок — русской, Ильиничны, и финки Лизаветы Андреевны. Только по случаю Петр приказывал, чтобы его «маленькая курочка» Елизавета пришла и танцевала перед гостями.

Позднее Петр и Екатерина отдали дочерей под надзор Прасковьи Федоровны. Петр не любил Прасковью, потому что она в своем брюзгливом милосердии оказывала помощь всевозможным паломникам и бездомным, больным и нуждающимся, чем многие и пользовались. Но Прасковья была почитаемая вдова Ивана V, и Петр до определенной степени слушался ее, если речь шла о соблюдении династических интересов. Поэтому он передал ей дочерей и позаботился о том, чтобы им наняли французских, итальянских, немецких и греческих учителей. Это был первый случай в русской истории, чтобы в воспитании и образовании царских дочерей столь интенсивно участвовали иностранцы.

«Я не хочу быть, как другие принцессы...»

Петр рано приобщил Елизавету к своим желаниям связать династию Романовых с западноевропейской аристократией. Когда в 1717 году он посещал Париж, в неопределенной форме говорилось – в интересах улучшения французо-русских отношений – о возможном будущем браке Елизаветы и французского короля Людовика XV. Французский двор воспринял эту идею скептически. Елизавета была рождена вне брака и не была католичкой! Петр I похоронил этот план только тогда, когда Людовик XV обручился с испанской инфантой. Одновременно Петру предложили герцога Шартрского, сына французского регента, в качестве жениха для Елизаветы в надежде, что Петр поддержит его кандидатуру на польский престол. Но Петр I не хотел выдавать Елизавету замуж только после смерти польского короля Августа II. Продолжительные переговоры не принесли результата.

Императрица Екатерина I также проявляла заботу о выборе мужа для Елизаветы. Сестра Анна в 1725 году была выдана замуж за герцога Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского. Екатерина I заинтересовалась маркграфом Карлом Бранденбургским из прусской королевской фамилии. Узнав, что помолвка Людовика XV с испанской инфантой вновь расторгнута, Екатерина вновь устремила свои надежды в направлении Франции. Вновь прошли месяцы ожидания. Когда, наконец, Санкт-Петербурга достигла новость о том, что Людовик XV обручился с Марией Лешинской, дочерью низложенного

польского короля Станислава Лещинского, Екатерина была в ярости. Как могли во Франции отвернуть дочь российской императрицы! Из Парижа поступил вежливый отказ. Принадлежность Елизаветы к православной церкви посчитали решающим препятствием для женитьбы.

Императрица была по-прежнему решительно настроена выдать Елизавету замуж за представителя европейской высшей аристократии. Когда был предложен Мориц Саксонский, которому прочили герцогство Курляндское, Елизавета резко протестовала: «Я не хочу быть, как все другие принцессы, которых приносят в жертву государственным соображениям. Я хочу заключить брак по любви и наслаждаться тем, что люблю мужчину, за которого выхожу замуж». В этом пункте она встала против до сих пор беспрепятственно действовавшей традиции. Она имела в виду конкретного мужчину: Карла Августа Гольштейнского, брата короля Швеции и принцессы Анхальт-Цербстской. Екатерине I идея понравилась, и она пригласила Карла Августа в Петербург. Он прибыл в октябре 1726 года. Елизавета испытывала симпатию к 22-летнему мужчине. Екатерина наградила его орденом Святого Андрея, и французский посланник сообщал в Версаль о том, что свадьба якобы дело решенное.

7 января 1727 года было официально объявлено о помолвке Елизаветы с Карлом Августом. Накануне Екатерина тяжело заболела. Обручение было отложено до ее выздоровления. Императрица оправилась, однако в апреле произошел рецидив. Врачи опасались скорой кончины. Екатерина умерла, и на престол взошел Петр II. До достижения Петром совершеннолетия правил состоявшийся из девяти членов регентский совет. Анна Петровна и Елизавета были самыми титулованными его членами. В случае, если бы Петр не оставил после себя детей, обе сестры, в соответствии со своим возрастом, занимали первые места среди наследников престола.

Екатерина оставила дочерям богатое наследство. Елизавета получила свыше миллиона рублей и годовое содержание 100 тысяч рублей за передачу права престолонаследия Петру. Личное имущество Екатерины — драгоценности, мебель, экипажи и столовое серебро — сестры поделили между собой. Елизавета искренне оплакивала мать и находила утешение у Карла Августа. О ее обручении было объявлено 27 мая 1727 года. Однако

мечта осталась неосуществленной. В тот же день Карл Август заболел и слег в постель. У него была оспа, и четыре дня спустя он умер. За скорбью следовало несчастье. Меншиков обманом лишил дочь Петра части материнского наследства. Елизавета отвоевала себе скромный придворный штат, но достаточно часто бывала без средств. Полные лишения годы, которые продолжались при императрице Анне Ивановне, наложили на нее сильный отпечаток. Много позднее она упрекнула однажды будущую императрицу Екатерину II, «что должно избегать расходов, пока владеешь малым. Если она делала долги, то боялась бы вечного проклятия, потому что она умерла бы и не было бы никого, чтобы оплатить ее долги, а ее душа попала бы в ад, и этого она боялась. По этой причине она при каждом удобном случае носила дома и на выходах простые платья с верхом из белой тафты и черное пальто поверх. Так она сэкономила деньги, потому в стране и во время путешествий она стремилась не носить ничего дорогостоящего и ценного».

Анна в 1727 году переселилась в Киль. Елизавета осталась одна и сознательно сблизилась с Петром II. Оба они были привязаны друг к другу, и Елизавета не могла скрывать своей неприязни к Меншикову. Когда Петр заболел, она заботилась о нем и уговаривала его удалить Меншикова от двора. Родовитые дворяне, как Долгорукие, разделяли это желание. Участие Елизаветы в свержении Меншикова бесспорно. 25 сентября 1727 года Меншиков был схвачен по обвинению в том, что тайно состоит на шведской службе. Он был сослан вместе со всей семьей.

Елизавета выходит на дистанцию к трону

1728 год принес события, имевшие решающее значение: Петр II был в Москве коронован императором. В Киле Анна Петровна произвела на свет сына Карла-Петра-Ульриха. Вскоре после этого она умерла. Елизавета очень близко приняла смерть сестры и даже временно удалилась от официальной дворцовой жизни. Она сблизилась с почти ровесником ей графом Семеном Нарышкиным и переехала в подмосковное Измайлово. Ее сопровождали среди прочих Михаил Воронцов, Александр и Петр Шуваловы, французский врач Арман Лесток и Семен

Нарышкин. Все эти мужчины позднее принадлежали к тем, кто возвел Елизавету на трон и оказывали значительное влияние на ее политику.

30 января 1730 года умер Петр II. Накануне ночью врач Лесток хотел уговорить Елизавету тотчас же заявить о своих притязаниях на престол. Елизавета отклонила это предложение. Она исходила из того, что она и без того является ближайшей претенденткой на престол и могла представить себе только единственный иной вариант: малолетний сын умершей сестры Анны Карл-Петер-Ульрих провозглашается наследником престола и она, Елизавета, осуществляет регентство.

Но ситуация была запутанной. Со смертью Петра II на престоле прекратилась мужская линия Романовых. Существовали притязания Елизаветы и маленького гольштейнца. Кроме того, о себе заявил Алексей Долгорукий. Его дочь Екатерина должна была-де стать императрицей и лишилась этой чести только из-за смерти Петра. Поэтому следует учитывать ее притязания на трон. Вместо этого Верховный тайный совет поставил в список кандидатов обеих дочерей Ивана V — Анну и Екатерину. Последняя отпала. Она покинула своего мужа герцога Карла Леопольда Мекленбург-Шверинского и вместе с дочерью Елизаветой Екатериной Кристиной прибыла в Россию. Опасались, что в случае, если выберут Екатерину, ее супруг может появиться в Москве и заявить свои притязания на престол.

Против кандидатуры Елизаветы возражал граф Остерман. Он подозревал, что дочь Петра не согласится с его политическими действиями. Когда в Верховном тайном совете дошло до голосования, Остерман сказался больным. Он осознавал степень претензий Елизаветы на престол. Оставалась дочь Ивана Анна. Она приняла корону и как Анна I Ивановна прибыла из Митавы в Москву. В деревне Всесвятское она приняла Елизавету, чтобы разобраться, как восприняла решение потенциальная соперница в борьбе за престол. Елизавета показала себя искренней и веселой. Анна пришла к убеждению, что Елизавета не является ее соперницей на престол, и великодушно обещала выплатить Елизавете присвоенную Меншиковым часть ее наследства. Она не выполнила своего обещания. Елизавета вновь удалилась в Измайлово и вела скромную, но свободную жизнь. Ее новый любовник положил конец беспечной

жизни на природе: Елизавета связалась с молодым солдатом Алексеем Шубиным. Анна злилась из-за этой любовной связи, она отправила солдата на Камчатку и вызвала Елизавету в Москву. Императрица контролировала Елизавету, а Елизавета наблюдала за императрицей. Первый шаг к длительному противостоянию между обеими женщинами был сделан.

В 1732 году двор вновь переехал в Санкт-Петербург, и Елизавета заняла собственное помещение в Летнем дворце. Она видела, что приток немцев ко двору нарастает и что иностранцы получают высокие и высшие посты при дворе: Бирон, Миних и Остерман, а также барон Менгден, братья Левенвольде или генерал Манштейн. Елизавета не боялась критических высказываний по поводу протекции всему немецкому и пробудила недоверие императрицы. Анна окружила ее сетью шпионов и доносчиков. Было удивительно, что Бирон оставался одним из немногих влиятельных лиц, которые обращались с ней вежливо и уважительно. Елизавета воспринимала невежество двора с кажущимся спокойствием, однако она пришла в ярость, когда вновь встал вопрос о ее замужестве.

Она нашла мужчину, который сопровождал ее всю дальнейшую жизнь. Алексей Розум родился 17 марта 1709 года в казачьей семье. За свой интерес к образованию и врожденный ум он был награжден фамилией «Разумовский» и сохранил эту фамилию. Он был не только умен и очень красив, но хорошо учился и обладал прекрасным голосом. Отец долго избивал сына, пока тот не убежал из дома. Он укрылся у Чемерского дьячка, своего учителя. Тот отдал его петь в церковный хор, и там его заметил проезжавший мимо полковник Федор Степанович Вишневский, который направлялся из Венгрии в Санкт-Петербург с грузом токайского вина для двора императрицы Анны Ивановны. Вишневский взял юного казака с собой в столицу и отдал в придворный хор, где на него обратила внимание цесаревна Елизавета Петровна. Вскоре Разумовский стал камер-юнкером цесаревны, управляющим ее именьями, а затем и всего ее небольшого двора.

Анна выполнила желание Елизаветы, но ее недоброжелательство к кухне росло. Этим воспользовалась сестра Анны Екатерина, герцогиня Мекленбург-Шверинская. Ее дочь Елизавета Екатерина Кристина приняла православие и стала именоваться Анной Леопольдовной. После смерти матери она по-

лучила собственный дом, и поговаривали, и не без оснований, что она может стать для Анны Ивановны предпочтительной кандидаткой в будущие наследницы престола.

Елизавета с недоверием наблюдала за развитием событий вокруг Анны Леопольдовны. Она отметила, что в 1739 году назначенный французским посланником Иоахим Жак Тротти де Шетарди после приема у императрицы нанес визит сначала ей, Елизавете, и только затем пошел к Анне Леопольдовне. Елизавета точно так же наблюдала за событиями после того, как Анна Леопольдовна родила сына. Императрица приказала тут же принести ребенка в свои покои и позаботилась о том, чтобы его назвали Иваном — по имени ее отца, царя Ивана V. Через четыре недели после рождения Ивана с императрицей случился удар, от которого она сумела оправиться и провозгласила Ивана наследником престола. Граф Остерман приказал родителям Ивана, Елизавете и офицерам высшего ранга присягнуть на верность наследнику трона.

Тихая дуэль с регентшей Анной Леопольдовной

После смерти императрицы Анны власть захватил Бирон. С Елизаветой он обращался великодушно и предупредительно. Бирон был осторожен. Царская семья состояла из множества членов, и он хотел собой пополнить царскую семью! Он попытался выдать Елизавету замуж за своего старшего сына и заплатил ее долги. Елизавета видела его насквозь, но была благодарна ему за отношение к ней. Анна Леопольдовна была лишена регентства, ее муж вынужден был отойти от руководства армией, а оба они отстранились от общественной жизни. Она нашла союзника для свержения Бирона. Вместе они свергли Бирона в ноябре 1740 года. Анна Леопольдовна приступила к исполнению роли регентши, объявила себя «императорским высочеством». Кончилась власть Бирона, но не господство немцев при дворе.

Анна Леопольдовна не замечала, что в стране и гвардейских полках распространяется настроение, враждебное по отношению к немцам. Это было роковым для нее самой, потому что в Европе наметились политические изменения: австрийский император Карл VI умер едва ли не одновременно с Анной Ивановной. В начале декабря 1740 года Пруссия за-

няла Силезию. Началась Война за австрийское наследство, которая разделяла Европу на протяжении 15 лет и окончилась Семилетней войной. Россия обещала Австрии защиту в случае войны. И теперь Россия стояла в центре европейских конфликтов.

Елизавета в это время слыла в глазах общественного мнения простой и общительной и пользовалась расположением многих офицеров гвардии. Когда военные свергли Бирона, под рукой тут же был аргумент, что действуют они от имени «матушки Елизаветы Петровны». Елизавета сначала возражала против таких заявлений. Еще много лет спустя, возвращаясь к событиям вокруг 1740 года, она говорила: «Я искренне рада, что не сделала этого (еще раньше осуществить мое право на престол). Я была слишком молодой, мой народ не принял бы меня». Но личные отношения между Елизаветой и регентшей не были прочными. Вскоре дочь Петра стала позволять себе появляться при дворе только по официальным поводам. К февралю 1741 года относятся первые видимые признаки отчуждения между двумя женщинами. Анна Леопольдовна оставляла без внимания предостережения о том, что следует считаться с популярностью Елизаветы, и вместо этого окружила ее сетью доносчиков. Французский посланник де Шетарди и врач Лесток воспользовались возможностью. В июне 1741 года оба встретились с Елизаветой, и, возможно, при этом говорилось о смене престола. Де Шетарди сообщал в Версаль, что Елизавета верит, что «в качестве дочери Петра Великого действует в соответствии с желаниями отца, когда доверяется дружбе с Францией и полагается на помощь Франции при осуществлении своих законных притязаний». Французский посланник и врач уговаривали Елизавету взойти на престол.

Летом 1741 года отношения Елизаветы с регентшей заметно ухудшились. Петербург посетил Людвиг Брауншвейгский. Он хотел получить герцогство Курляндское и просить руки Елизаветы. Анна Леопольдовна и граф Остерман грозили ей монастырем, если она не выйдет замуж за брауншвейгца. С другой стороны, французский король требовал от Швеции нападения на Россию, с тем чтобы Елизавета вступила на престол и вернула Швеции земли, завоеванные Петром I. Швеция действительно напала на Россию, хотя и без видимых успехов. Остерман откровенно говорил английскому посланнику Финчу:

«Любовь и верность Елизаветы России слишком велики, чтобы она чуть приблизилась к распространяемым в виде слухов проектам». Слухи возникли, и Остерман вынужден был согласиться с тем, что Елизавету повсюду любят и ценят, «в то время как регентша не использует верные методы для достижения этого, но внутри двора больше нет полного спокойствия».

Влиятельные русские аристократы и политики превратили традиционный страх перед всем иностранным в национально-русский изоляционизм. Их ненависть против правящих «немцев» росла. Антинемецкие тенденции настолько работали на руку Елизавете, что ей самой не приходилось предпринимать особых усилий. Регентша не обращала внимания на предостережения о том, что французские агенты подготавливают ее свержение. Вместо этого она готовилась к демонстрации власти. Анна Леопольдовна хотела 7 декабря 1741 года провозгласить себя императрицей России.

Дочь великого Петра свергает регентшу

20 ноября 1741 года Анна и Елизавета вели разговор, имевший решающее значение. Анна обвиняла великую княжну в заговоре с Францией и Швецией с целью захвата престола. Елизавета решительно отвергала все упреки. Анна сообщила Елизавете, что приказала схватить Лестока. Де Шетарди вооружил свое посольство и вынудил Елизавету объявить себя сторонницей государственного переворота. Елизавета чувствовала себя загнанной в угол, она дала согласие и назначила действие на Крещение. До него оставалось еще шесть недель времени. Но 24 ноября Лесток поставил Елизавету перед альтернативой: либо она захватывает власть немедленно, либо ей грозит монастырь. Часть преданных Елизавете гвардейских полков была уже удалены из столицы.

Около полуночи Елизавета в сопровождении Лестока, своего секретаря Шварца, Михаила Воронцова, братьев Шуваловых и двух офицеров пошла в расположение Преображенского гвардейского полка. Солдаты были уже готовы возвести Елизавету на престол. 300 гренадеров шли маршем по ночному Петербургу, занимали важные здания, арестовывали тщательно отобранных лиц – среди них Остерман и Миних. Они застали врасплох охрану Зимнего дворца и продвигались в

спальню Анны Леопольдовны. При словах Елизаветы «Сестрица, пора вставать» она проснулась, увидела, что спасения ей нет, и попросила пощады для сына Ивана и своей семьи. Елизавета все обещала.

Арестованные – семья Анны Леопольдовны, Остерман, Миних, канцлер Головкин, братья Левенвольде и барон Менгден – были доставлены в Летний дворец и обвинены в лишении дочери Петра Великого ее законных наследственных прав. В первой декларации своего правления, обнародованной в 8 часов утра 25 ноября 1741 года, Елизавета заявляла, что «в силу законных притязаний на наследство своего отца заняла престол и приказала арестовать узурпаторов». «Брауншвейгцам» гарантировалась личная безопасность. Этот миролюбивый жест существенно способствовал симпатиям к Елизавете. Государственные служащие и войска петербургского гарнизона немедленно принесли клятву верности императрице Елизавете Петровне. В этот же день она информировала монархов Европы о своем вступлении на престол. Французскому королю Людовику XV она написала личное письмо. Елизавета завершила царственного брата в своей сердечной дружбе.

Императрица Елизавета Петровна

Для Западной Европы Елизавета прежде всего была загадкой. Знали о многочисленных неудачных брачных проектах. Она считалась красивой, жизнерадостной и похожей на родителей – крупной и сияющей. О ее политических планах было известно немного. Сами русские жаждали национально-патриотического правительства, которое вытеснило бы влияние иностранцев. Прежде всего Елизавета вознаградила тех, кто помогал ей в восшествии на престол. На преданных друзей посыпались повышения в звании и ранге, пожалования, титулы, крепостные, деньги, поместья и должности. Один лишь фаворит Алексей Разумовский сохранил меру. Когда его должны были назначить генерал-фельдмаршалом, он отклонил этот проект, заметив, что не годится даже в капитаны. Многие сосланные вельможи, в том числе и пресловутый Бирон, были помилованы.

За награждением добра последовало наказание зла. Императрица объявила, что освободит своих подданных от господства иностранцев. Драма Анны Леопольдовны и Ивана VI шла

своим чередом. Все лица, которые служили регентше на высоких государственных должностях, должны были предстать перед судом. Все вещи, которые носили имена или портреты Анны и императора, должны были быть уничтожены. Остермана, Миниха, Головкина, Менгдена или (так в тексте. — Т.Г.) братьев Левенвольде суд приговорил к смертной казни. Елизавета после сознательно долгого промедления изменила приговоры на ссылку, о чем преступникам было сообщено уже на плахе.

С самого начала Елизавета демонстрировала главную черту своего правления: еще больше, чем ее великий отец, она зависела от советов непосредственных доверенных лиц. Она придавала огромное значение умелой политике отдельных лиц. Елизавета окружила себя способными советчиками и интересными личностями, которые позволили времени ее правления превратиться в одну из самых значительных эпох в русской истории. В начале ее правления на сторону Елизаветы встал человек, которому суждено было оказывать решающее влияние: Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. Лесток порекомендовал этого много путешествовавшего и умного человека. В качестве первой задачи императрица поручила ему заключение мира со Швецией. Этот мир был необходим для равновесия с Францией и Пруссией. Елизавета не опасалась Швеции, но была не готова отдать ни пяди тех земель, которые завоевал Петр Великий. Она не хотела впутываться в европейскую войну, но также и не признавала прусских завоеваний. С учетом обязательств помощи в отношении Австрии ситуация была сложной.

Французский посланник де Шетарди вынужден был уйти в отставку. Король Пруссии Фридрих II способствовал отставке де Шетарди и воспользовался ею, и в марте 1743 года был заключен прусско-русский дружественный союз. Король Фридрих даже официально учел неодобрение Елизаветой завоевания Силезии и в благодарность наградил императрицу орденом Черного орла. Бестужев должен был справиться не только с русско-пруско-французскими проблемами. Вновь и вновь возникали дипломатические стычки со Швецией. Настоятельной необходимостью было русско-английское равновесие. Елизавета возражала против предложения Бестужева о возобновлении договора о дружбе с Англией. Она надеялась на предложение из Франции. Другие силы отдавали предпо-

чтение более тесным связям с Пруссией и на основании этого работали над свержением Бестужева.

Когда Георг II в декабре 1742 года признал за Елизаветой титул императрицы, Бестужев мог записать это на свой счет. Елизавета одобрила русско-английский договор о дружбе. Она учитывала возмущение Франции. В Париже волновались в связи с победами русских войск в Финляндии. Когда Швеция запросила мира, Лесток продолжил интриги против Бестужева и достиг того, что Елизавета пошла на территориальные уступки Швеции. Но мир бы восстановлен — в Або, в 1743 году.

Сильнее, чем внешнеполитические проблемы, Елизавету беспокоило чувство, что она окружена заговорщиками. Она тщательно расследовала каждый слух и применяла драконовские меры против мнимых врагов. Возглавляемая Александром Шуваловым тайная полиция получила дополнительные средства, чтобы иметь возможность бороться с любым негативным высказыванием против императрицы. Елизавета не опасалась за свою персону и не испытывала страха перед смертью. Она боялась за престол, за порядок наследования, за судьбу России. Поэтому она с такой жестокостью преследовала австрийского посланника Ботта или графиню Лопухину. Оба держали мятежные речи против императрицы! Поэтому она, не зная покоя, ездила по своим дворцам и русским монастырям, не умея и не желая найти покоя.

Забота о престолонаследии

Елизавете быстро стало ясно, что у нее не будет детей. Молодой гольштинский племянник Карл Петер Ульрих, сын сестры Анны, по личным качествам мало подходил на роль правителя России. Но она упорно держалась за него и успокаивала собственные страхи шаткой надеждой, что он обретет характер и получит образование, и если для него найдут подходящую женщину, она сможет оказать на него положительное влияние. Елизавета забрала юного герцога Карла Петера Ульриха Гольштейнского в Петербург и стала искать такую женщину. Фридрих II Прусский посоветовал Софью Августу Фредерику Анхальт-Цербстскую. Когда осенью 1743 года Елизавета заметила, как скучает, как слабеет Петр психически и телесно от

того, что он один и потому, что обязанность учиться превосходила его силы, она велела Софье с матерью прибыть в Россию.

Женщины встретились в Москве 9 февраля 1744 года. Софья была захвачена блеском, роскошью и величием императрицы, ее патриотическими убеждениями и открыто демонстрируемой любовью к России. София обладала практическим умом. Девушка без средств, из провинции, она смогла распознать шанс своей жизни. С присущим ей тактом, умом и ловкостью она сумела интуитивно использовать те формы выражения, которые понравились императрице. Наградой были богатые подарки и доверительное расположение. Елизавета так никогда и не поняла, насколько целеустремленна и коварна София. Обе женщины казались абсолютно равными. Елизавета передала Софии решающее оружие, которое дало той возможность стать после Петра I второй Великой в России.

Несмотря на спорность позиции великого канцлера Бестужева в этих властных играх, несмотря на то, что его взгляды противоречили взглядам Елизаветы, она могла ему доверять. Бестужев был важный для нее человек, потому что Елизавету не воодушевляла напряженная деятельность по управлению страной. Советникам была известна ее склонность оттягивать решение важных вопросов или обходить их. Она долго советовалась сама с собой, охотно уединялась в монастырях или в личных покоях. Если была настоятельная необходимость, действовала решительно, не страшась жестоких мер. Дорога первых лет ее правления вымощена смертными приговорами и телесными наказаниями, причем и аристократам также. Сравнительно мягко отделался де Шетарди. Постепенная утрата положения фаворита вынудила его к непочтительным выпадам против императрицы. Тайная полиция перехватила рискованные письма. Французский посланник, лишенный всех почестей и подарков, был отослан домой. То же произошло и с принцессой Анхальт-Цербстской, матерью Софьи, которая шпионила для прусского короля.

Елизавета не переставала заботиться о престолонаследии. Императрица употребила много личных сил для перехода Софии в православную веру. Переход в другую веру совершился 29 июня 1744 года, и с этого момента девушка носила имя Екатерина — в память матери Елизаветы. Императрица лично организовала и состоявшееся на следующий день обручение ве-

ликого князя Петра с Екатериной. Сказочные подарки сопровождали оба торжества.

Четыре недели спустя императрица с великим князем и великой княгиней отправилась в путешествие. Целью была Украина. Будущие правители должны были познакомиться со своей страной. Для Елизаветы инспекция была одновременно и паломничеством в Киево-Печерский монастырь, и все это вместе доставляло ей радость и успокоение. Счастливые киевские дни прошли, а будни принесли новые заботы. Англия угрожала Франции в Нидерландах, Пруссия захватила Прагу. Удовлетворяло то, что французский король наконец признал императорское величие Елизаветы и Мария Терезия также добивалась взаимной дружбы. К политическим добавились личные проблемы. Великий князь Петр после возвращения из Киева заболел малярией, затем корью и под конец еще и оспой. Тем, что он вообще остался жив, он обязан только самоотверженной личной заботе императрицы, которую не могло сдержать даже то, что оспа обезобразила и изуродовала наследника престола. Екатерине не разрешали посещать его во время болезни, но она каждый день писала ему сердечные письма на прекрасном русском. Послания имели только один изъян: писала их не сама Екатерина, а учитель Ададулов. Екатерина только аккуратно переписывала их.

Европа находилась в состоянии войны, и эта война уже стояла у ворот России. Поэтому императрица разрабатывала тщеславный план устроить Петру и Екатерине самую блестящую свадьбу, какую только видел континент. Она соединила в одном дворце великолепие Дрездена и Версаля и превзошла их обоих блеском. Это был первый случай, когда в Санкт-Петербурге должна была справляться подлинно императорская свадьба — с княжеской парой, которая доказала прямую связь с западноевропейской аристократией, причем наследник престола имел русское происхождение. Елизавета была в восторге от мысли, что вскоре получит наследника престола.

В предвкушении будущего Елизавета устраивала одно торжество за другим, танцевала. Смеялась и с чистым сердцем предавалась русскому ощущению жизни. Юная Екатерина окружила Елизавету любовью и вниманием. Великий князь Петр часто бывал болен и нуждался в особой заботе. Неделя проходила за неделей, а из спальни Петра до ушей императрицы не

доходило сообщения об успехе. Она стала нетерпеливой и раздражительной, обвинила Екатерину в супружеской несостоятельности и впала в ярость, когда 7 марта 1746 года в Холмогорах скончалась от неудачных родов Анна Леопольдовна. Свергнутая регентша оставила пятерых детей! Внезапно в Елизавете вновь ожил страх перед заключенным в тюрьму Иваном VI.

Этот страх, растущее недовольство Екатериной и Петром, гнев в связи с прусскими территориальными завоеваниями в Богемии и требованиями Бестужева к сближению с Австрией — все это тесно переплелось. Екатерина и Петр находились теперь под строгим присмотром и приучались к дисциплине, правда, ожидаемого успеха не было. Австрия получила военную помощь, и царица приказала армии князя Репнина выступить против Пруссии. Европа была так напугана этим, что спешно позаботилась об урегулировании континентальных споров. Следствием был Ахенский мир 1748 года.

Последние мучительные годы: Россия в Семилетней войне

Политическая напряженность и личные проблемы, связанные с престолонаследием, а также полный излишеств образ жизни привели к тому, что в 1749 году Елизавета серьезно заболела. Бессонница, страх перед заговорами, депрессия, нежелание принятия важных решений сменяли друг друга. Императрица предоставила Бестужеву свободу действий, несмотря на то, что ее ближайшие советники, к числу которых принадлежали брат Алексея Бестужева Михаил, три брата Шуваловы, Алексей и Кирилл Разумовские и Михаил Воронцов, не всегда были согласны с политикой великого канцлера. Предметом постоянных споров оставалась прежде всего приверженность Елизаветы к Франции.

Проходили годы. Только в 1754 году наступило столь страстно ожидаемое событие. Екатерина пережила два выкидыша, когда наконец 20 сентября 1754 года произвела живым на свет третьего ребенка — мальчика, которого Елизавета сразу же забрала к себе и которому она дала имя Павел. Ребенок воспитывался под надзором императрицы: наконец-то появился с таким нетерпением ожидавшийся наследник престола. Для

императрицы он означал новое счастье и новые страхи. Она не устранилась полностью от насущных политических дел, но большую часть своего времени проводила в заботе о маленьком Павле Петровиче. Здоровье Елизаветы таяло на глазах. Внутри страны и за границей начали задумываться о времени, которое наступит после ее кончины. Елизавета знала, чем может грозить возведение малолетнего принца в наследники престола. Именно в этот момент – в 1757 году – она велела на короткое время доставить в Шлиссельбург Ивана VI и говорила с ним.

Елизавету мучили не только личные заботы. 1 февраля 1756 года русская императрица подписала договор с Англией. Не успели высохнуть чернила на бумаге, как Англия и Пруссия заключили договор, который одним ударом опрокидывал систему союзов Европы. Согласно Вестминстерскому договору, Англия была обязана оказать военную помощь в случае вторжения в Пруссию иностранных войск. Бестужев осознавал, что это соглашение противоречит англо-русскому союзу. Елизавета была в ярости. Она видела себя втянутой в войну против Франции, не считала себя больше связанной договором с Англией. Короли в Лондоне и Потсдаме пытались действовать трезво. Как во Франции, так и в Австрии и России были едины в том, что Вестминстерский договор открывает новый этап европейской политики.

Елизавета реагировала резко. Политическая система Бестужева разрушилась. Елизавета создала Конференцию при высочайшем дворе. Алексей Бестужев входил в коллегия, однако рядом с ним сидели его противники Михаил Воронцов, братья Шуваловы, князь Никита Трубецкой и граф Апраксин. Императрица своим указом закрепила новые внешнеполитические принципы: возвращение Силезии Австрии и восстановление Пруссии в прежних границах, военная поддержка Австрии и нейтралитет Франции в кажущейся неизбежной войне. Но Франция 1 мая 1756 года заключила в Версале договор о союзе с Австрией. Лишь позднее договор был распространен на Россию и Швецию. Тем самым была нарушена традиция европейского баланса, так же как и Вестминстерским договором.

Пруссия начала Семилетнюю войну вторжением в Саксонию. В тот же год у Елизаветы случился удар, от последствий

которого она медленно оправлялась. России угрожала война. Следовало выполнить договор с Австрией, приобрести союзника в лице Франции. Елизавета поставила во главе армии графа Апраксина. Апраксин затягивал с выступлением. Между тем Елизавета завязывала новые контакты с Францией. До конца 1756 года был заключен русско-французский договор, который закрепил раскол Европы. Англия и Пруссия противостояли коалиции Франции, Австрии, Саксонии и России.

Ни Елизавета, ни Бестужев не подозревали, что Людовик XV не признает Россию в качестве полноценного партнера по союзу, потому что Франция традиционно была связана обязательствами по отношению к Польше и Швеции и что австро-французский договор исключал Россию при будущем территориальном переустройстве. Мнения на этот счет при русском императорском дворе расходились: Алексей Бестужев официально служил императрице, но втайне он препятствовал осуществлению союза с Францией. Великий князь Петр был предан Пруссии, а Екатерина испытывала определенные симпатии к Англии. Еще ни один русский солдат не был втянут в военные действия, а при петербургском дворе ширились конфликты, которые были устремлены на возможную кончину Елизаветы. Она была серьезно больна, едва могла двигаться и лишь изредка покидала свои личные покои. Но она желала твердо придерживаться союзнического долга по отношению к Австрии и Франции. Для Апраксина военный поход был неудобен. Только постоянные депеши императрицы, Бестужева и Екатерины заставили его в мае 1757 года перейти русскую границу. В июле он взял Мемель и Тильзит. 30 августа 1757 года русские одержали победу при Грос-Егерсдорфе. Австрийские войска вторглись в Лаузиц и Верхнюю Саксонию, в то время как французы наступали в Ганновере и Гессене.

19 сентября 1757 года во время богослужения в Царском Селе с императрицей случился второй тяжелый удар, который привел к временной потере речи, и хотя она достаточно быстро оправилась, страх скорой смерти усилился.

Апраксин отступил от Тильзита, а Фридрих II изгнал русских из Мемеля. Алексей Бестужев-Рюмин был обвинен в заговоре. Елизавета вышла из себя. Она приказывала Апраксину продолжать борьбу, но не могла этого добиться. Пруссия вос-

пользовалась моментом. Французы были разбиты при Росбахе, а австрийцы – при Лейтхен-Лиссе. Бестужев стал козлом отпущения.

Помимо этого, Елизавету все более преследовала тревога о престолонаследии, однако она была не способна к последовательным выводам. В конце концов она приняла решение. Апраксин был снят со своего поста и арестован. Екатерина была также втянута в игру. Она писала письма Апраксину, в которых она, по желанию Бестужева, настаивала на наступлении. И теперь она обратилась в бегство, бросилась императрице в ноги, заверила в своей невинности и просила о том, чтобы ей разрешили вернуться в Цербст. Императрица простила ее, но невинной не признала. Апраксин после пережитого апоплексического удара избежал приговора. Только Бестужев поплатился. Он был приговорен к смерти – наказанию, которое Елизавета заменила ссылкой в его имение Горетово (Можайского уезда. – *Прим. ред.*).

Война продолжалась. Летом 1758 года русские взяли Кёнигсберг и продвинулись до Бранденбурга. 25 августа 1758 года произошла великая встреча в Цорндорфе. Ожесточенная борьба обошлась русским и пруссакам в более чем 10 000 убитыми с каждой стороны. Русских считали победителями, но они не смогли воспользоваться победой. Императрица была возмущена тем, что Австрия не вступила в борьбу. Она возложила вину на Марию Терезию и обвинила ее в лицемерии. Та перекладывала всю ответственность на французов. Тем не менее русская императрица твердо решила вести войну против Пруссии до конца.

Телесные страдания теперь чрезвычайно тяготили ее. Елизавета едва могла передвигаться. Ее внушающее опасения состояние здоровья побудило многолетних друзей императрицы все более и более склоняться к пропрусским позициям Петра. Судя по положению вещей, они видели в гольштинце будущего императора. Новый великий канцлер Михаил Воронцов не делал тайны из смены своих симпатий. Елизавета еще требовала продолжения войны. Она настаивала на том, чтобы Австрия и Франция принимали участие в походах 1759 года. Но ее призыв не имел успеха, вслед за чем и генерал Фермор остановил продвижение русских войск. Императрица была так разгневана, что сняла с должности Фермора и заменила его Петром

Семеновичем Салтыковым, главнокомандующим, который презрительно отзывался о Фридрихе II как о «самом глупом среди всех русских дураков». Рядом с Салтыковым стоял молодой генерал Румянцев, и вдвоем они продвинулись до Франкфурта-на-Одере, пересекли Лаузиц и одержали победу при Кунерсдорфе. Поддержку русским оказал скорее символический австрийский воинский контингент.

В этой битве пали 45 000 пруссаков — в живых остались только 3000, среди них — король Фридрих II. На его счастье, русско-австрийский альянс вновь оказался несостоятельным. Войска Марии Терезии отказались участвовать в преследовании пруссаков. Русские солдаты, правда, смогли в октябре 1760 года на четыре дня войти в Берлин, но вскоре вынуждены были вновь отойти к Висле. Первым шагом к миру явился подписанный в 1760 году Елизаветой и Марией Терезией договор, где стороны условились, что Россия при заключении мира получает области в Восточной Пруссии. Людовик XV тщательно протестовал против участия России в разделе военной добычи.

В начале 1761 года Елизавета представляла собою развалину в физическом и психическом смысле. Неподвижность, мрачное настроение и меланхолия следовали непрерывной чередой. Тем не менее она продолжала войну, назначила графа Бутурлина главнокомандующим и поставила Фридриха II в безвыходное положение. 23 июля 1761 года Елизавета приказала отвезти ее в Петергоф и подгоняла Бутурлина. Однако только в октябре (Елизавета тем временем вновь находилась в Санкт-Петербурге) Бутурлин взял крепость Швайдниц, а Румянцев занял Кольберг. Для Пруссии положение казалось безвыходным.

В 1761 году с наступлением в Петербурге зимы здоровье Елизаветы улучшилось. Это была последняя вспышка воли к жизни. 20 декабря казалось, что кризис преодолен, императрица посетила театральное представление и держала на коленях Павла, сына Петра и Екатерины. Некоторые придворные сделали из этого вывод, что она отдает Павлу предпочтение в качестве наследника престола. Спустя три дня, в ночь на 23 декабря, у Елизаветы случился новый удар. Она едва восприняла известие о победах при Швайднице и Кольберге. Фридрих II Прусский с нарочным получил срочное известие о состоянии императрицы и обрел новую надежду.

Ни братья Разумовские, ни Екатерина, ни великий князь Петр не отходили от постели умирающей. Время от времени императрица приходила в сознание. Она причастилась и заклинала Петра мирно обходиться с ее друзьями. Великий князь обещал ей. Во второй половине дня 25 декабря 1761 года императрица Елизавета скончалась. Из последних сил она назначила своего племянника, великого князя Петра наследником престола. В Европе, пожалуй, был единственный человек, который вздохнул с облегчением, — Фридрих II Прусский. По обычаю Елизавета была похоронена в Петропавловском соборе, рядом с родителями. Закончилась эта эпоха русской истории.

Историческое наследие Елизаветы

Елизавета Петровна по своим характерным наклонностям была в высшей степени противоречивой женщиной. Она, правда, была малообразованной, но отличалась умом, добросердечием и набожностью. Эти качества противоречили ее лености, своеволию и расточительности. Елизавета, как и другие русские правители, независимо от пола, временами была склонна к жестокости. К ежедневным государственным делам она относилась сдержанно, но действовала политически умно. Она любила великолепие и роскошь, проводила умелую политику в отношении отдельных личностей. Тем самым она имела большие заслуги в формировании нового поколения государственных деятелей, полководцев и политиков, подлинное значение многих из них проявилось только при Екатерине II. Наряду с Петром Великим и Екатериной Великой Елизавету причисляли к ярким личностям русского XVIII века. Екатерина II оставила интересное психологическое замечание о своей предшественнице на императорском троне: «Леность удерживала ее от того, чтобы посвятить себя образованию ума... Лыстцам и тем, кто распространял только сплетни, удалось создать вокруг княжны настолько бессодержательную и мелочную атмосферу, что ее повседневное времяпрепровождение состояло только из удовлетворения своих капризов, религиозных занятий и расточительства. И так как у нее отсутствовала какая бы то ни было дисциплина и она никогда серьезно не занимала свой ум ничем конструктивным и здравым, в по-

следние годы жизни на нее нападала такая скука, что в конце концов она больше не видела другого выхода из депрессии, как спать, сколько возможно». Екатерина считала Елизавету добродушной, обладавшей природным достоинством и полной желанием нравиться: «По моему мнению, ее внешняя красота и природная леность очень повредили ее характеру. Эта красота не избавила ее ни от зависти, ни от чувства соперничества со всеми женщинами, которые не были прямо-таки отталкивающе безобразны. В то же время озабоченность, что другая могла бы превзойти ее по красоте, делала ее часто настолько ревнивой, что это было недостойно ее величия».

Екатерина II писала эти слова с позиций абсолютной монархии, заботящейся о собственном историческом величии преемницы и, не в последнюю очередь, конкурирующей женщины. Другие видели это иначе. Лорд Гиндфорд восторгался интеллектом Елизаветы, фельдмаршал Миних — ее умом и личным мужеством. Елизавета любила жизнь, мужчин и еду. Приоритеты с возрастом менялись. Наряду с Алексеем Разумовским ей приписывают семерых любовников — Екатерина II только снисходительно посмеялась бы. Она охотно сама готовила и часто сама угощала гостей. По четвергам и воскресеньям Елизавета давала приемы. Два вечера в неделю устраивались концерты, дважды на неделе — придворные балы. На маскарадах императрица иногда появлялась одетой голландским матросом и называла себя в память об отце Михайловой.

С годами мрачные настроения и скука императрицы усилились. Никто точно не знал, где и когда она захочет есть. Дамы и кавалеры ее свиты должны были быть готовы в любую минуту. После долгого ожидания они бывали так утомлены, что засыпали за едой. Это вызывало гнев императрицы. В поздние годы за столом нельзя было разговаривать ни о Фридрихе II Прусском, ни о Вольтере, болезнях, смерти, красивых женщинах, французских обычаях или о вопросах науки. И гости молчали и тем вновь вызывали раздражение государыни.

Хотя Елизавета обладала красотой матери, темпераментный и неистовый нрав она унаследовала от отца. Она была более добродушной, чем Петр, и, в отличие от него, любила детей, возможно, потому, что своих у нее не было. Она отказалась от заключения брака из династических интересов и тем самым сохранила свободу для того, чтобы править самой. В качестве

славной супруги мелкого немецкого князька она никогда не достигла бы русского императорского трона. Анна Леопольдовна была ей хорошей учительницей.

Взойдя на императорский престол, Елизавета хотела продолжить основные направления политики Петра Великого. Она хотела избежать войн и вернуть церкви ту независимость и власть, которую отнял отец. Несмотря на это стремление и образ действий, она не достигла величия своего отца, но ориентировалась на его достижения. Елизавета распустила с выгодой для себя созданные Анной Ивановной Государственный совет и кабинет и вернула Сенату прежние полномочия. Она возглавляла Сенат и принимала участие в его заседаниях. Она предоставила Священному Синоду полную независимость и подчинила себе Коллегию иностранных дел, армию и флот. Елизавета правила самодержавно.

Разумеется, она занималась также и духовными, и социальными проблемами. В 50-х годах императрица Елизавета основала в Москве первый русский университет. Крестьяне, напротив, находились в угнетенном положении. Восстания подавлялись с применением военной силы. Тем не менее сельское хозяйство находилось на подъеме. Рост численности населения вел к заселению неосвоенных земель на юге и в Сибири. Улучшились технологии обработки земли. Около 1760 года в России начали сажать картофель. Хотя Елизавета и облегчила положение крестьян за счет подушной подати, однако аннулировала закон Петра Великого, согласно которому крестьяне, добровольно являвшиеся на военную службу, получали свободу. В 1754 году был обнародован указ, по которому только признанному потомственному дворянству было разрешено владеть целыми деревнями. Тем самым мелкопоместное дворянство было ограничено в правах владения. В 1760 году правительство обнародовало закон, который, среди прочего, разрешал помещикам за тяжкие проступки ссылать в Сибирь крепостных в возрасте до 40 лет. Помещики могли произвольно решать, кого они считают виновными в «тяжких проступках». В то время как некоторые настоящие преступники могли откупиться от высылки, калеки и лишние едоки отправлялись в далекую Сибирь.

Возможно, историческое значение императрицы Елизаветы для России заключалось именно в том, чтобы создать важные

политические и общественные предпосылки для позднейшего просвещенного абсолютизма Екатерины II. Елизавета была последней подлинной представительницей дома Романовых на русском царском троне. В истории русского самодержавия ее место находилось точно между Петром I и Екатериной II не только хронологически, но и по содержанию — в смысле прогрессивного развития государства. В период ее правления великая держава Россия сделала новый шаг в сближении с Европой в династическом, политическом, военном и духовно-культурном смысле. Если строго спросить о ее достижениях, то императрица Елизавета Петровна была первой женщиной на русском императорском престоле, которая правила действительно самодержавно. Екатерина I и Анна Ивановна носили блестящий сан, но в большей или меньшей степени были зависимы от соперничающих придворных группировок. Они не понимали системы Петра Великого и более склонялись к московской традиции, чем к петербургскому новому началу — независимо от своих личных качеств правительниц. Елизавета Петровна обращалась к наследию отца и создавала основы для современной политической и абсолютистской системы, создание которой завершила Екатерина II. В русском «веке женщин» императрица Елизавета заняла значительное место. Фавориты и советники всегда были при дворе. С Петром I возникла новая правящая элита, где доминировали иностранцы, мутировавшие в спрута после смерти Петра. Императрица Елизавета свела систему квалифицированных советников на русскую национальную основу, сохраняла ее таковой, однако в качестве поддержки собственного господства. И в этом вопросе она объединяла Россию с Европой.

Глава 10

Екатерина II Великая: Россия на пути в Европу

Екатерина II Алексеевна – София Фредерика Августа,
принцесса Анхальт-Цербстская
[2 мая (новый стиль) 1729 года – 6 ноября 1796 года],
замужем с 21 августа 1745 года за великим князем Петром
Федоровичем, позднее императором Петром III –
Карлом Петером Ульрихом Гольштейн-Готторпским
(убит 5 июля 1762 года),
императрица России (28 июня 1762 года –
6 ноября 1796 года)

После Ивана Грозного и Петра Великого Екатерина II считается самой значительной личностью на российском престоле. Ее прославляли как выдающегося просветителя и реформатора. Ее осуждали за эгоизм, половинчатость реформ и в дальнейшем — отказ от реформаторских идеалов. Ее рассматривали как узурпаторшу на царском престоле. Она не смогла избавиться от позорного пятна убийства Петра III и Ивана VI. Ее сын Павел I, нелюбимый, унижаемый и презираемый матерью, жестоко мстил за это. Личность, которую так по-разному оценивают, должна быть интересной. В одном потомки едины: в России правили многие женщины или, в качестве регентш и царских жен, оказывали влияние на культурное и политическое развитие династии и страны в целом. Екатерина II превосходила их умом, смелостью, характером, усердием, решимостью и удачей. В ее лице представлена вершина способности женщины править в стране, где патриархальное самодержавие относилось к основным элементам традиционного понимания правления. Екатерина II как женщина и как личность была исключительным явлением на русском престоле. Великой силой и слабостью отмечен ее путь.

София Августа Фредерика Анхальт-Цербстская в юности имела мало шансов оставить заметный след в истории. Анхальт-Цербст был незначителен, отец — обычным офицером (князь Христиан Август был генералом прусской службы. — *Прим. ред.*). Именно из-за такого происхождения прусский король Фридрих II порекомендовал Софию русской императрице в качестве невесты наследника престола Карла Петра Ульриха Гольштейн-Готторпского.

Принцесса родилась 2 мая 1729 (21.4. 1729. — *Прим. ред.*) года в Штеттине. Отец Софии Христиан Август служил там в качестве прусского генерала. Князь был вынужденно бережливым. Позднее в своих мемуарах София писала, что отец ее был «бережлив», а мать — «расточительна». Христиан Август, по-видимому, отличался всеми книжными добродетелями прусского офицера: порядком, дисциплиной и благочестием. Его супруга Иоганна Елизавета была принцессой Гольштейн-Готторпского дома. Она была бедна, но Гольштейн считался знатным, потому что был связан со шведским королевским домом. Имело вес и то, что дочь Петра Великого Анна с 1725 года бы-

ла замужем за Карлом Фридрихом, герцогом Гольштейн-Готторпским. От этого брака произошел российский император Петр III (Карл Петер Ульрих). София Анхальт-Цербстская была в родстве со своим будущим супругом уже тогда, когда еще не была с ним знакома.

София считалась волевой, бойкой, смышленной и уверенной в себе. Казалось, она обладала задатками для утверждающей себя личности. С малолетства она воспитывалась в условиях придворной жизни. Мать прилагала все усилия к тому, чтобы выбить из дочери упрямство, но успеха почти не имела. Большое влияние на девушку оказывала гувернантка Бабетта Кардель. Екатерина II до конца жизни с большим уважением говорила об этой дочери бежавшего в Германию французского гугенота. Бабетта Кардель раскрыла ей богатство французского языка, литературу и историю и заложила базу для позднейшей симпатии французскому Просвещению.

София была обычной маленькой девочкой, по своим внешнему виду и характеру она лучше чувствовала себя среди оборванных деревенских детей, чем среди «утонченных» отпрыско придворных особ. Отец проявлял понимание, и София могла играть на улице с себе подобными. В одном пункте и родители и воспитатели не шли на уступки: пастор Фридрих Вагнер обучил Софию в строгом соответствии с лютеранской верой, и она точно придерживалась связанных с нею манер поведения и запретов.

Так София подрастала до 10 лет, беспечно и без особых проблем и тягот. К этому первому отрезку жизни относились две характерные особенности: София была необычайно самоуверенна и располагала к себе внешней непривлекательностью. Возможно, она стыдилась своей некрасивости и развила сверх всякой меры способность к проницательности.

Бросающаяся в глаза некрасивость прошла, как только Софии исполнилось 10 лет. Она выросла в прелестную, стройную обаятельную девушку. В 1739 году родители взяли ее с собой в Киль на семейное торжество гольштинцев. Там она впервые встретила юношу, который должен был стать в будущем спутником ее жизни — Карла Петра Ульриха Гольштейн-Готторпского, одного из претендентов на шведский и русский престол. Хотя позднее, обращаясь к тому времени, она изображала своего кузена красивым, любезным и благовоспитанным,

но не переоценивала его. Там, где доминировали взрослые родственники, дети, взятые с собой на смотр, солидаризировались, и София не избежала того, что ее мать и тетки шушукались о более или менее скрытых намеках на будущую связь между анхальтеринкой и гольштинцем.

София уже тогда задумывалась о своем будущем, о браке, о своем месте в обществе. Она ни в коем случае не желала опустаться до бедных сумерек угловатого провинциального двора. Почему не Карл Петр Ульрих? Королева — не самая плохая цель на земле! Мать посетила в Любеке своего брата, который был назначен воспитателем осиротевшего герцога, и когда Елизавета I Петровна в 1741 году взошла на царский престол, мать Софии вспомнила о фамильных связях. Она приложила все усилия, насколько возможно, предложить своего ребенка, не зная, будет ли оправдана ее ставка.

Иоганна Елизавета не понимала, почему императрица Елизавета Петровна ликвидировала преобладание немецких политиков при своем дворе. Для нее шло в счет только то, что вскоре после коронации Елизаветы все явные и тайные признаки говорили о том, что Карл Петр Ульрих, сын Анны Петровны, избран наследником престола. В 1742 году он переселился на Неву. Иоганна Елизавета послала портрет своей дочери в Санкт-Петербург, и София об этом знала. Надежды получили богатую пищу, когда 1 января 1744 года пришло письмо о том, что мать и дочь должны немедленно прибыть в Россию. Иоганну Елизавету охватил страх от собственной смелости, князь Христиан не хотел отпускать дочь так далеко. Решение не стало для родителей более легким, когда пришло письмо от Фридриха II Прусского, который требовал, чтобы мать предприняла все, чтобы София вышла замуж за Карла Петра Ульриха и вела в России пропрусскую политику. Для Софии проблема решалась проще, чем для ее родителей. Она стремилась стать императрицей России. Если это должно быть с Карлом Петром Ульрихом, пусть с ним.

Методы сватовства здесь отличались от способов, применявшихся позднее. Как Петр I для сына Алексея, так и императрица Елизавета подыскивали, соответственно, невесту и жениха, исходя из конкретных политических целей. Это относилось и к Софии. Пруссия нуждалась в хороших отношениях с Россией. Для этого существовало немного различных

вариантов. Позднее, на рубеже XVIII и XIX веков, на передний план вышли муки выбора: царевич получал список с 10–15 именами девушек. Во время своего образовательного путешествия он посетил отмеченные дворы и принимал решение в пользу одного из предложений – или высматривал девушку, не вошедшую в предварительный выбор, тогда требовались более серьезные возможности для осуществления. В случае Карла Петра Ульриха и Софии мнения кандидатов не играли вообще никакой роли, как ни различны они были. Гольштинец с самого начала предал себя в руки судьбы, Екатерина была готова ко всему, если только это могло добыть ей корону.

София погружается в другой мир

В Берлине Фридрих II давал последние инструкции к путешествию. Фридрих обязал мать действовать в качестве тайного агента в интересах Пруссии. Для прусского короля был вопросом самого существования нейтралитет в европейском споре великого соседа на востоке. Фридрих занимался девушкой, пригласил ее за свой стол и был приятно удивлен наличием самоосознания 14-летней дамы. Ему самому было 30 лет, и он в свою очередь произвел впечатление на Софию своим шармом и грацией.

Началось путешествие без возвращения. В Штеттине отец и дочь попрощались. Генерал больше никогда не видел свое дитя, он умер в 1746 году. «Графиня Райнбек» – так, инкогнито, – с дочерью ехала на восток княгиня Иоганна Елизавета, чтобы поблагодарить русскую императрицу за оказанное благодеяние! В путь отправились из Штеттина 15 января 1744 года. Путешествие, должно быть, длилось пять недель. В Риге графини были встречены императорским камергером Семеном Нарышкиным и окружены княжеской роскошью. В спешном темпе приближались к Петербургу. Внушительный прием остался лишь эпизодом, двор находился в Москве, где должен был торжественно отмечаться день рождения великого князя Петра. 20 февраля дамы прибыли в Москву и в тот же день были приняты императрицей Елизаветой. София сильно напомнила Елизавете своего несостоявшегося жениха Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского и тронула чувства императрицы. Потекли слезы умиления. Петр присутствовал при встрече.

София рассматривала его с двойственным чувством. София вознаградила радость Петра от того, что он нашел в ней равную по возрасту собеседницу. Но его несдержанная болтливость оттолкнула ее. Петр уже при первой встрече сообщил своей будущей жене, что влюблен во фрейлину Лопухину, но женится на Софии — так хотела царственная тетка.

София быстро вошла в свою роль. Она строго следовала наставлениям умного и терпимого духовника Симона Тодорского (архиепископ Симон, в миру Симеон Федорович Тодорский (1700—1754), был правящим архиереем Псковской и Нарвской епархии в 1745—1754. Как один из лучших богословов своего времени был определен наставником и законоучителем для великого князя Петра Федоровича и его невесты Екатерины Алексеевны. — *Прим. ред.*). Тодорский долго жил в Германии, знал пиетизм и не был поборником консервативного православия. София увидела, что терпимость Тодорского значительно превосходит терпимость ее лютеранина-отца. Софии нелегко далась смена веры.

С таким же усердием София занималась русским языком, историей и культурой — к радости Елизаветы и двора. Когда София, занимаясь по ночам, простудилась и тяжело заболела, императрица сама ухаживала за ней и была восхищена тем, что София потребовала к себе не протестантского пастора, а Симеона Тодорского. В этом кризисе была реальная опасность того, что трудности новой родины окажутся для девушки непосильными. Но здоровая природа Софии сопротивлялась болезни. Ее молодость и врачи сделали остальное, и на свой шестнадцатый день рождения она смогла вновь появиться перед обществом. Две недели спустя она писала отцу, что готова «...перейти в новую веру...». На 28 июня 1745 года был назначен переход в православие. София принимала религию из внутреннего убеждения и придала церемонии естественное достоинство, что вызвало одобрение императрицы и двора. С этого момента она звалась Екатериной Алексеевной и имела ранг великой княжны.

Непосредственно за этим днем последовало обручение Екатерины с великим князем Петром. Императрица Елизавета обставила блестящее торжество восточной роскошью. Мать Екатерины описывала событие очень подробно. Только обручальные кольца она оценивала в 50 000 талеров. Действительно, юная великая княгиня была завалена дорогими подарками. Елизавета отвела девушке собственный двор. И отноше-

ния с Петром вначале и правда складывались неплохо. Екатерина рассматривала Петра не только как идеального будущего супруга, она хотела формировать его по своему образу и подобию. Порой они бывали скорее товарищами по играм, чем будущими русскими правителями. Эту роль они играли и когда она вскоре после обручения с юным Петром отправилась в направлении Киева. Екатерина и Петр познакомились с широкими русскими просторами и жизнью русского народа из окна кареты и во время церковных процессий. Екатерина вбирала в себя впечатления и радовала императрицу, которая ценила юную девушку выше, чем племянника из Гольштейна.

Вскоре юное счастье встало перед первым испытанием. В декабре 1744 года по пути из Петербурга в Москву великий князь Петр заболел оспой. Императрица Елизавета самоотверженно ухаживала за наследником престола. Екатерина стояла на распутье: если бы Петр умер, она вынуждена была бы похоронить свои надежды на трон. Великий князь не умер. Тем не менее все изменилось. Болезнь обезобразила наследника престола. Екатерина пришла в ужас от его внешнего вида. Если раньше она испытывала к Петру большую симпатию, то теперь с обеих сторон началось стойкое отчуждение и последовавшая затем открытая вражда.

Екатерина смиряется с необычным браком

Елизавета чувствовала жалость, испытываемую Екатериной к самой себе, и стремилась не дать великой княгине уйти. Она осыпала ее доказательствами своей милости и укрепляла ее волю к самоутверждению. Императрица удвоила свои усилия: Петр и Екатерина как можно быстрее должны пожениться. Вопреки всем советам врачей она назначила свадьбу на 21 августа 1745 года. Престолонаследие должно быть обеспечено. Для Петра и Екатерины заключение этого брака представляло большой риск. Петр ненавидел Россию, но инстинкт самосохранения у Екатерины волшебным образом принимал странные формы приспособленчества, Анна Леопольдовна и Иван VI жили в ссылке, Елизавета была незамужней и бездетной. Что произойдет, если первое в императорской России заключение брака останется без последствий для престолонаследия? Никто летом 1745 года не отваживался задать такой вопрос.

Елизавета послала сообщение в Версаль и Дрезден, велела шить дорогие одежды, в день свадьбы обоих молодых людей, сплошь покрытых золотом, серебром, жемчугом и драгоценными камнями, вели на церемонию бракосочетания в петербургский Казанский собор. За венчанием следовал торжественный обед и бал. А императрица уже торопила молодых в отделанные бархатом и шелком спальне покои. При распутном петербургском дворе в отношении церемонии брачной ночи проявляли необычайную деликатность. Несмотря на чрезмерные затраты, юный супруг не высказывал намерения приблизиться к молодой жене. По-видимому, неискушенная Екатерина не обиделась на него за это.

За ночь последовали полные радостей недели. Смеялись, танцевали, если и пили. Елизавета провозгласила тост за традиции своего отца и поездкой по Неве в собственноручно изготовленном Петром Великим боте воскресила память о наследии России. Свадьба миновала, и только теперь Екатерина заметила свое одиночество. Елизавета некоторое время ожидала плодов супружеских отношений молодых и изменила свое поведение в отношении многообещающей пары. Как бы исполнив свой долг организацией свадьбы, она окружила теперь Петра и Екатерину растущим недоверием, несправедливостью и неприязнью. Екатерина укрылась защитной оболочкой: «Я сказала себе: если ты любишь этого человека, ты будешь самым несчастным существом на земле, потому что ты требуешь взаимного расположения; этот человек почти не обращает на тебя внимания, он разговаривает с тобой, как с куклой, и оказывает любой другой женщине больше внимания, чем тебе; ты слишком горда, чтобы жаловаться, итак, сдерживай свою нежность по отношению к этому господину: подумайте о себе, мадам». Обоюдная ревность по мелочам, непонимание и доносы стали обычным явлением. В треугольник Елизавета – Петр – Екатерина закрадывалось некое отсутствие рифмы тем сильнее, чем дольше не появлялся наследник престола. И по прошествии семи лет брак не принес результатов. Во время драматического столкновения с глазу на глаз Елизавета обвинила Екатерину не только в супружеской несостоятельности, но и в шпионаже в пользу Пруссии. Екатерина ожидала даже, что императрица ее ударит. Но Елизавета предоставила делать конкретные выводы своему канцлеру – Бестужеву.

Бестужев приказал преданным ему людям наблюдать за Петром и Екатериной. С этого момента Екатериной занималась Мария Чоглокова, кузина императрицы. Ее обязанности были определены однозначно: «Ее императорское высочество было избрано быть достойной супругой нашего любимого племянника, его императорского высочества великого князя и наследника империи, та же самая (названная Екатерина) как ее императорское высочество была воспитана исключительно для этой цели: чтобы ее императорское высочество своим поведением... и добродетелями пробудила в его императорском высочестве (великом князе) искреннюю любовь, согрела его сердце так, чтобы таким образом был произведен столь страстно желаемый наследник империи и отпрыск нашего высокого дома». По этим правилам Екатерина до сих пор не оправдала ожиданий окружающих. И хотя она вынуждена была держаться на расстоянии от всех политических дел и не имела права отправить за границу ни одного письма без цензуры, в ее взглядах на жизнь ничего не изменилось. Петр Федорович также страдал от этого режима. И его тоже Бестужев считал сомнительным. Канцлер не рассматривал Екатерину как личного врага. Он только подчинил ее основным правилам своей политики и благодаря этому нашел ее симпатичной. Политические интересы Екатерины в последующие годы были постоянно связаны с личностью Бестужева. Во взлетах и падениях чувств, интригах и меняющейся политической конъюнктуре ее отношения принимали изменчивые формы. Екатерина не смогла бы найти лучшего учителя, чем Бестужев.

Ее супруг оставался в России чужаком. Екатерина, напротив, казалась беззаветно набожной и с чрезвычайной педантичностью следовала православному уставу. Она учила русский язык и историю и знавала обычаи русского народа. Это приносило ей симпатии современников. Но Екатерина была лицемерной. Позднее она писала: «Императрица сама любила чрезмерное расточительство... и ее примеру следовали все; день был наполнен карточной игрой и переодеваниями. Я, которая принципиально хотела понравиться миру, в котором жила, приняла этот стиль жизни...» Но мнимое бесплодие Екатерины было для Елизаветы не единственным камнем преткновения. Екатерина все более и более убеждалась, что по обществу положению стоит в России на третьем месте, что

она считается политической персоной, которая должна занять определенную позицию. Лишь с трудом иностранка смогла пройти через сплетение интриг и политических лагерей. Она шла своим путем осторожно, однако в целом беззаботно. Благосклонность императрицы можно было завоевать, заняв патриотическую русскую позицию. Петр был явным другом Фридриха II. Политические интересы при петербургском дворе разделились, и «иностранцы» вели борьбу с канцлером Бестужевым, который пользовался доверием императрицы, который разыгрывал австрийскую, саксонскую и английскую карты и который был умным и дальновидным русским.

Екатерина не дала опутать себя пропрусской паутиной. Она хотела жить и смеяться. Медленно просыпалось понимание ее нового положения при дворе. Может быть, она скучала, может быть, многие традиции являлись чуждыми ее природе: за годы ожидания она превратилась в целеустремленную личность. Перспектива пусть и далекого господства отодвигала все неприятности на задний план. Позднее Екатерина писала: «В течение 18 лет я вела жизнь, при которой десять других на моем месте сошли бы с ума, а двадцать других — умерли от горя». Она не стала сумасшедшей, не умерла. Она очень много бывала одна, читала бесчисленное количество книг и после многих лет верности нелюбимому человеку искала утешения в любви. По меньшей мере в этом пункте Екатерина не отличалась от своего окружения.

Сначала она читала романы. Ее интересовала жизнь французского короля Генриха IV. Она натолкнулась на работы знаменитых современников Монтескье, Вольтера и Бейля. Ее представления о будущем побуждали ее с пользой для себя читать труды о законах, морали, политике, религии, о философских мечтах просветителей. Это чтение заложило основу ее позднейшего правления. Екатерина охотно передала бы свои жизненные знания супругу, она искала партнера. Однако после десяти лет безуспешной миссионерской работы Екатерина осознала свое поражение: «Сильный человек создан не для того, чтобы помогать советами слабому, потому что тот неспособен последовать или просто одобрить то, что предлагает ему другой в соответствии со своим характером». Екатерина постепенно вращалась в политические интересы. Но оставалось решающее препятствие: и после восьми лет брака наследника престола не было.

Растущее самосознание великой княгини Екатерины

Екатерина превратилась в красивую женщину, которая не только вызывала всеобщее восхищение. Она влюбилась в женатого камергера Сергея Салтыкова, которого она обожала, как самого красивого и желанного мужчину при дворе. Сергей Салтыков был повесой, циничным и тщеславным. Он хотел завоевать Екатерину. Она покорилась ему и была счастлива. Конечно, Петр сразу узнал об этой любовной связи. Он ни в коем случае не обиделся на жену за неверность, но обрадовался, что Салтыков провел супругов Чоглоковых. Салтыков опасался, что любовная связь откроется. Это был бы не первый молодой человек из окружения Екатерины и Петра, который был наказан за то, что поддерживал особые отношения с великокняжеской четой. Он мог не беспокоиться. Императрица Елизавета не хотела дольше ждать. Ей нужен был наследник престола — любой ценой. Салтыков казался надежным средством для этой цели.

Началась игра, которая в конце разрешала различные варианты появления на свет будущего императора Павла. Сергей Салтыков сблизился с прекрасной Екатериной. Одновременно кузина Елизаветы Чоглокова сосватала великому князю некую фрау Гроот, вдову художника. Екатерина забеременела. В то время как фрау Грот не смогла представить доказательств способности Петра, у Екатерины в декабре 1752 года произошел выкидыш. В своей любви к Салтыкову Екатерина сделала шаг, который имел далеко идущие последствия для ее жизни как женщины и будущей императрицы. Она попросила у Бестужева помощи и защиты для возлюбленного. Она велела сообщить Бестужеву, что недалеко от его взглядов. Канцлер знал, что происходило в спальне Екатерины, и мрачно смеялся: великая княгиня и ее бывший заклятый враг оказались союзниками. Поскольку Петр оставался неспособным к зачатию, а Бестужев открыл новые симпатии, мадам Чоглокова упрасивала Екатерину усилить старание, все равно, в руках ли Сергея Салтыкова или придворного Льва Нарышкина. Великая княгиня вновь забеременела.

В июне 1753 года у нее опять произошел выкидыш. Но страсть Екатерины и усердные старания господ ее окружения привели, наконец, к успеху. В феврале 1754 года вновь ожидали наследника престола. Салтыков и Нарышкин входили в прочный круг друзей великокняжеской пары. Никто ничего

не подозревал, и императрица казалась бесконечно счастливой. 20 сентября 1754 года Екатерина разрешилась от бремени мальчиком. Едва ребенок родился, его тут же унесли прочь. Императрица забрала мальчика в свои покои. Наконец империя получила нового наследника. Великий князь Петр по-прежнему был сомнительным кандидатом, и императрица сама заботилась о ребенке. Екатерину оставили лежать одну. Она выполнила свою миссию. Помимо этого Елизавета демонстрировала свое злорадство. Салтыков должен был доставить послание о наследнике престола к шведскому двору!

Екатерина после разлуки с сыном, которому при крещении было дано имя Павел, держалась спокойно. Трудно решить, в интересах ли собственных властных амбиций она отказалась от ребенка, или она была не слишком к нему расположена, или она скрепя сердце переживала свою тоску. Екатерина видела мальчика лишь эпизодически. До восьми лет жизни Павел не знал родителей. Екатерина догадывалась о намерениях Елизаветы. В той же мере, в какой речь шла о Павле как претенденте, снижались шансы Екатерины на престол. Из осознания этого не могла вырасти сердечная материнская любовь.

Помимо этого начался период пренебрежения и унижения Екатерины со стороны императрицы. Обычными стали дешевые подарки и растущее неуважение. Екатерина замкнулась в себе. Она чувствовала себя отвергнутой Сергеем Салтыковым. Тем не менее по его совету она вновь появилась в обществе. Эту уступку она связывала с детским упрямством: «Я решила дать понять тем, кто часто причинял мне горе, что теперь от меня зависело, позволю ли я безнаказанно оскорблять себя». Она показала себя способной актрисой, и вдобавок унижения вызвали в ней характерные изменения.

При дворе впервые испытали страх перед Екатериной. Возможно, она могла бы быть чем-то большим, чем только супругой великого князя? Если Екатерина стремилась к новой роли, ей нужно было изменить отношения с Петром. Петр видел перемены в своей жене, но не понимал их. Он продолжал детскую игру с предоставленными ему гольштинскими гвардейцами. Пребывание этой гольштинской гвардии стало камнем преткновения. В то время как офицеры русской гвардии называли наследника престола предателем России, Екатерина считалась русской патриоткой. Она проявляла по отношению к

мужу столько практического здравого смысла, что Петр ничего не замечал и за любым советом обращался к Екатерине. Она пользовалась его доверием. До сих пор Екатерина считалась добродушной, достойной любви и сдержанной женщиной. Теперь она превратилась в целеустремленную придворную интриганку, которая изучила окружающий ее мир и могла развить его же оружием.

Екатерина оценивала себя вполне реально. Она знала свои сильные и слабые стороны: «Мое несчастье в том, что без любви мое сердце не может радоваться ни одного часа». Ей не нравилось, что в мире о ней существует несколько мнений. Мир — это европейские дворы. Там отношения с Салтыковым и рождение Павла создали ей репутацию женщины, которая становится жертвой привлекательности красивых мужчин и в этой связи может быть использована в политических целях.

Весной 1755 года приступил к исполнению обязанностей в России британский посол сэр Чарлз Генбюри Уильямс, который воспользовался этими особенностями Екатерины, а также ее постоянной нехваткой денег, чтобы подчинить ее интересам британской политики. Он использовал красивого польского аристократа Станислава Понятовского и добился того, что Екатерина в него влюбилась. С политической точки зрения сначала удача сэра Чарлза была невелика, так как влияние Екатерины в те годы, когда Европу волновала Семилетняя война, было очень скромным.

Станислав Понятовский происходил из древней польской аристократической семьи. Это был красивый человек, остроумный, образованный и обаятельный. Он не был ни смельчаком, ни циником, не был он и тем человеком, который обольщает женщин. Екатерина осталась единственной женщиной его жизни. Он так смотрел на любимую Екатерину: «Ее волосы были черными, лицо — ослепительно белым, колорит — очень свежий, у нее были большие говорящие синие глаза, рот, который, казалось, звал к поцелуям, великолепно вылепленные руки и кисти, гибкий стан, скорее большой, чем маленький, походка, свободная и тем не менее исполненная благородства, и смех, такой же безоблачный, как и ее настроение». Екатерина любила Понятовского, однако неизвестно, что имело для нее большую привлекательность — обаяние юного Станислава или деньги стареющего сэра Чарлза. Екате-

рина более конкретно оценивала свое политическое будущее, и в любви она нуждалась как в хлебе насущном. К денежным вопросам она относилась легкомысленно. Из-за любви к роскоши ее долги подскочили до астрономических высот.

Первые бои за наследование престола

В те месяцы русский двор более или менее скрытно надеялся, что Елизавета объявит юного Павла наследником престола и отошлет его родителей обратно в Германию. Екатерина защищала свою жизнь. С сентября 1756 года Россия вела войну с Пруссией. Что произошло бы, если бы Елизавета умерла и Петр добрался до престола? Бестужев был серьезно озабочен. Он побуждал Екатерину к политическим действиям. По его совету она написала тайные письма русскому маршалу Апраксину о том, что тот должен энергичнее действовать против Пруссии. Бестужев втянул Екатерину в собственные политические цели. Если Петр был не способен править, править должна Екатерина, он сам, Бестужев, намерен был довольствоваться руководством важнейшими министерствами и командованием гвардейскими полками.

Екатерина, хотя и не приняла амбиций Бестужева, тем не менее тайную переписку с Апраксиным продолжала. Как легко можно было это счесть заговором против императрицы! И действительно, она попала в ловушку: Апраксин занял Мемель и в августе 1757 года разбил пруссаков при Грос-Егерсдорфе. Затем он поспешно отступил. Скандал повлек за собой расследование. Екатерина в это время была беременной и произвела на свет девочку — Анну. Говорили, что отцом был Станислав Понятовский. И этого ребенка Елизавета взяла к себе. Екатерина опасалась осложнения своего положения в связи с делом о государственной измене вокруг генерала Апраксина. Бестужев так глубоко был вовлечен в интригу, что предстояло его свержение. 14 февраля 1758 года императрица велела его арестовать.

Екатерина ощущала растущую изоляцию. Она сторонилась двора и вынуждена была узнать, что Петр разразился тирадами ненависти против нее. Великая княгиня обратилась в бегство, она написала императрице прочувствованное письмо и потребовала, чтобы ее отпустили на родину. Она хотела бы

жить в своей немецкой семье. Она догадывалась, что Елизавета не допустила бы такого скандала. Екатерина выжидала и от волнения заболела. Она велела позвать духовника, который был также и духовным отцом Елизаветы. Духовник склонил императрицу принять Екатерину. И тогда возникла ситуация, ставшая ключевой для дальнейшей жизни Екатерины. По воспоминаниям Екатерины, в ночной встрече наряду с Елизаветой принимали участие братья Александр и Петр Шуваловы, а также великий князь Петр. Екатерина встретила лицом к лицу со своими злейшими врагами. Петр поносил жену. Екатерину упрекали во властолюбии, неверности и непокорности, сговоре с Пруссией, заговоре против императрицы и т.д. Доказательств не было. Екатерина безудержно рыдала и рассчитывала на слабость Елизаветы. В конце концов Екатерина вышла из столкновения с победой. Елизавета обещала новый разговор с глазу на глаз. Проходили недели, и Екатерина неутомимо требовала возвращения на родину. Она действовала столь умело, что Елизавета стала чувствовать себя виновной в ссоре, представила все свидетельства своего расположения и даже разрешила великой княгине доступ к детям.

Во время разговора с глазу на глаз обе дамы поклялись в своей искренности и окончательно скрепили уже давно неявно существовавший союз. Елизавета поняла невозможность совместного правления великокняжеской пары. Екатерина обладала весомым залогом. Она была матерью наследника престола Павла. Отцовство оставалось спорным. Однако все это не могло отменить решения Елизаветы относительно наследования престола Петром. Она лишь подавила заговор Апраксина—Бестужева. Принимавшие в нем участие мужчины отделались незначительным наказанием. Екатерина вновь оказалась в милости и могла посещать своих детей. Из этой истории она сделала вывод, что может быть только один путь в будущее и что она, независимо ни от кого, должна вступить на него. Она стремилась к единоличному правлению.

В те недели Екатерина искала знакомства со служившими в гвардии братьями Орловыми. Григорий Орлов выдвинулся в новые любовники. Орловы пользовались репутацией отчаянных вояк, неотесанных и необузданных. Буйство и задиристость были традицией семьи. Дед при Петре Великом служил в стрельцах и стоял в центре легендарного восстания. Свою

**Женский
костюм XVII в.**

**Вдовый костюм
конца XVII в.
(Царица Наталья
Кирилловна)**

Костюм боярышни XVII в.

Инокня Марфа, Шуйский и патриарх подтверждают смерть царевича Дмитрия

Борис Годунов

Марина Мнишек

Портрет царицы Марфы Матвеевны

Великая княжна
Наталья Алексеевна

Царица
Прасковья
Фёдоровна

Портрет правительницы Софьи Алексеевны

Царица Наталья
Кирилловна
Нарышкина

Евдокия
Федоровна
Лопухина

Петр I и Евдокия. Миниатюра

**Император Иван Антонович и правительница
Анна Леопольдовна**

Императрица Анна Ивановна

Великий князь Петр Федорович и великая княгиня
Екатерина Алексеевна

Императрица Елизавета Петровна

Императрица
Екатерина II

Великая княгиня
Мария Федоровна

Мария Федоровна

Мария
Александровна

Екатерина Долгорукая

Александра Федоровна

жизнь он спас потому, что взошел на эшафот с таким бунтарским негодованием, что произвел впечатление на Петра. Его внук Григорий Орлов с отчаянной смелостью сражался против пруссаков при Цорндорфе.

Орлов видел больную императрицу и странного наследника престола — Петра. Он понимал, почему великая княгиня прилагает усилия к тому, чтобы объединить в себе дух и чувства великой России. Орловы пользовались преимуществом. Низкого происхождения, они не принадлежали к той части аристократии, которая была многочисленными нитями связана с династией, и при любом переполохе рисковали судьбой своей семьи. Лейтенанту было все равно, кто сидел на троне, если только он хорошо платил и обещал приятную жизнь. Если это к тому же была красивая женщина, полная чувственности русская патриотка, — тем лучше.

Екатерина ждала своего часа. Россия вела успешную войну, но Елизавета слабела, и ее конец явно приближался. Возникла оппозиция против великого князя Петра. Граф Никита Панин, с 1760 года гофмейстер Павла, стремился возвести его на престол, регентский совет должна была возглавить Екатерина. В армии враждебное настроение против Петра приняло угрожающие размеры. Петр хотел править и знал, что императрица точно не изменила бы порядок наследования. Он готовился принять корону, и почитаемый им Фридрих II нетерпеливо ждал смерти Елизаветы. Аристократические фамилии России — Панины, Шуваловы, Воронцовы и другие — напротив, все более и более склонялись к правлению Екатерины. Екатерина жила уединенно. Она демонстрировала, что не принимает участия ни в каких интригах и заговорах, и сумела скрыть от света свою новую беременность. Однако приближался судьбоносный день, которого столь многие ожидали и которого все боялись. В Рождественский сочельник 1761 года умерла императрица Елизавета. В четыре часа пополудни князь Никита Трубецкой объявил о смерти императрицы и начале правления императора Петра III.

Екатерина Алексеевна завоевывает престол

С этого дня между новым императором и его супругой началась упорная борьба за власть. Петр вызывал ненависть у церкви и в армии, демонстрируя симпатии ко всему прусскому. Супругу

свою он намеревался отправить в монастырь и жениться на Елизавете Воронцовой. Екатерина вступила на противоположный путь. Во время траурных торжеств по Елизавете она подчеркивала свое православное благочестие и часами стояла в слезах на коленях перед открытым гробом. 11 апреля 1762 года она произвела на свет сына Алексея. Петр ничего даже не заметил. Это была только одна из многочисленных обид, которая ускорила его свержение. Решающим был тот банкет, на котором император отмечал свой союз с Пруссией. Дело дошло от открытого скандала. Петр разразился тостом за императорскую фамилию. Екатерина осталась сидеть. Петр изволил спросить, почему она не встает во время тоста. Она ответила, что как член императорской фамилии имеет право оставаться сидеть. Петр назвал ее «идиоткой»: на его взгляд, только он сам и присутствовавшие герцоги Гольштейнские в этом кругу принадлежали к императорской семье. Позднее Екатерина отмечала: «После этого я начала принимать предложения, которые мне делали после смерти императрицы». Екатерина знала, что в гвардейских полках у нее есть почитатели, готовые к свержению Петра: братья Орловы, Пассек и Бредихин стояли во главе заговора, для участия в котором можно было собрать 10 000 солдат.

28 июня 1762 года подготовка переворота вступила в последнюю фазу. Братья Орловы и княгиня Дашкова захватили инициативу. Федор Орлов информировал командира Измайловского полка Кирилла Разумовского. Тот потребовал от директора академической типографии Тауберта немедленно издать манифест, в котором торжественно объявлялось о свержении Петра и вступлении на престол Екатерины. В утренние часы 28 июня Алексей Орлов разбудил Екатерину. В карете они помчались из Петергофа в направлении Петербурга. По пути к ним присоединился Григорий Орлов. В деревне Калинкина они достигли расположения Измайловского гвардейского полка. Екатерина вышла из кареты, и офицеры преклонили колени: «Ура, матушка наша Екатерина!» Они принесли присягу верности императрице и самодержице Екатерине.

Но государственный переворот еще не свершился. Кирилл Разумовский и полковое духовенство присоединились к новой императрице, и вместе они продолжили путь. За Измайловским к мятежу примкнули Семеновский и Преображенский полки. Солдаты эскортировали вступившую в Казанский собор Екате-

рину. Там духовенство ожидало новую императрицу и в ходе торжественной церемонии благословило ее. Одновременно наследником престола был объявлен «царевич Павел Петрович». В этот час у Екатерины появилась новая забота. На престоле еще сидел император Петр III, а она уже была провозглашена «единоличной правительницей», тут же массы возгласами ликования уже приветствовали маленького мальчика, которого «мать-императрица» Екатерина держала за руку, как будущего императора Павла. Екатерина вынуждена была считаться и с сыном.

В целом ее позиция была слабой. Ей следовало перетянуть на свою сторону гарнизон Кронштадта, чтобы флот не мог угрожать Петербургу, она должна была изолировать дислоцированные Петром под Нарвой для похода против Дании части, разоружить гольштейнскую гвардию и разлучить Петра с его советниками. Однако проблемы в конце концов разрешились без существенных осложнений, потому что Петр беспомощно скитался по окрестностям и наконец в Ораниенбауме примирился с судьбой. Екатерина велела ему прибыть в Петергоф и затем отправила его в Ропшу, где он 6 июля был убит.

Виновна ли и насколько виновна Екатерина в насильственной смерти своего супруга, этот вопрос с неослабевающим упорством занимал современников и потомков. И она сама вновь и вновь обращалась к этой теме. Доказано не было ничего. Смерть Петра III не явилась для России и Европы препятствием для того, чтобы видеть в Екатерине «Великую». Никогда жизнь Екатерины не рассматривали, не поднимая по меньшей мере вопрос о ее ответственности. Компромисс между правдой и фантазией, как кажется, заложен в формулировке, что она не отдавала приказа об убийстве.

Екатерина захватила власть. Сначала было много увлекательных идей об организации государства и общества. Екатерина в течение длительного времени самостоятельно знакомилась с проблемой правления. Ее этому не обучили. Все свои знания она приобрела самостоятельно: как Екатерина I рядом с Петром, как Софья, которая не хотела жить монахиней, как Елизавета, которая осознала свою роль дочери Петра. Самообразование зависело от многих случайностей. В начале своего правления Екатерина II стремилась к славе, счастью, благосостоянию, справедливости и нравственному величию подданных. Но как? Екатерина намеревалась применить в России

моральные принципы Просвещения. Она была против крепостного права, однако отменять его в России не хотела. Она едва ли имела реальное представление о его подлинном характере. Религиозная терпимость по отношению к нерусским, соответственно, нехристианским народам империи — это была благородная цель. Она не могла представить себе мир, в котором жили, например, коренные народы Дальнего Востока.

Пока искусства государственного управления было достаточно только для дворцовых переворотов, совершаемых с помощью гвардейских офицеров. Екатерина II управляла Российской империей. Первый и единственный раз немецкая женщина сидела на самодержавном императорском престоле России. Это осталось для России абсолютным исключением, хотя и привело к далеко идущим последствиям.

Екатерина аннулировала установления Петра III. Церковное имущество больше не изымалось. Война против Дании не состоялась, и договор о союзе с Пруссией не был утвержден. Екатерина должна была придать своей власти абсолютный характер. Первым шагом была поспешная коронация в Успенском соборе в Москве, где венчали на царство Ивана Грозного. Коронация должна была быть настолько роскошной и впечатляющей, чтобы она продемонстрировала тождественность правительницы русской истории. Екатерина старалась доказать, что она является законной правительницей. Она вникала в любого рода государственные дела. Ее протестантская любовь к порядку и усердие без разбора перетрясали русскую систему управления — без решающего успеха. Екатерина обладала западноевропейской практической деловитостью и знала, что государственная казна не может быть наполнена призывами к гражданам о благоразумной экономии. Она пришла к заключению о новых источниках доходов. Она нуждалась в доверии к ее способности управлять страной и должна была стать кредитоспособной как правительница. Это была лучшая инвестиция на будущее. Для этого она должна была сделать первую инвестицию, например в коронационные торжества. Россия и Европа должны знать, что на царском престоле сидит молодая и красивая русская женщина, полная энергии, провозглашенная самодержицей и главой православной церкви. Никто не уклонился от блеска этого момента, и тем не менее многие аристократы смотрели на монархиню с недоверием.

Древнерусская традиция видела в ней только мать царя в качестве регентши великого князя Павла, который, собственно, и должен быть коронован. Екатерина осознавала эту проблему, однако не предавала ей сначала чрезмерного значения. Петр I оповестил о начале нового времени. Екатерина была молодой и сильной и не помышляла ни о каком отказе от власти.

Новому положению должен был соответствовать и внешний вид. Ее французский секретарь Фавье нарисовал реалистичный образ, далекий от лстивости прежних лет: «Красивой ее назвать нельзя; ее фигура стройная и породистая, но слишком прямая, манера держать себя аристократическая, но походка чопорная и лишенная грации, грудь узкая, лицо вытянутое, особенно подбородок, она непрерывно смеется, губы сжатые, нос с небольшой горбинкой, глаза маленькие, взгляд симпатичный... роста среднего и довольно худая». Частый смех как знак дружеского внимания к каждому противоречил образу русских самодержцев. Во время публичных выходов они выступали с отсутствующим видом и как посланцы Бога. Только великий Петр являлся исключением. Так шарм Екатерины проявлялся особенно выигрышно, но французский посол не был слишком несправедлив, когда писал: «Она, должно быть, чувствует себя довольно неуверенно».

Все люди в ее окружении — Воронцов ли, Бестужев, Петр Шувалов или Никита Панин — даже Орловы — преследовали корыстные интересы. Благодаря этим людям она стала императрицей, и каждый полагал, что она должна следовать его воле. Екатерина писала: «Последний гвардеец, глядя на меня, воображал, что я — дело его рук». Ее верный властный инстинкт позволил ей принять необходимые решения. Она, правда, богато вознаградила руководителей заговора деньгами и поместьями, но в то же время Екатерина отстранилась от них. Екатерина Дашкова, которая открыто хвасталась своим влиянием на императрицу, была поставлена на место. Кирилл Разумовский получил только почетный пост гетмана Украины и вынужден был двумя годами позднее сам отказаться от него.

Сложнее была проблема с Орловыми. Они мнили себя истинными господами России. Григорий верил, что Екатерина выйдет за него замуж. Братья переоценивали свое влияние на государыню. Двору они казались вездесущими. Но Екатерина не дала любовнику пасть. Десять лет она держалась Григория

Орлова. Она любила его, но медленно низводила до роли подчиненного. Он стал одним из богатейших людей России. Его мечта о браке с Екатериной не исполнилась. Алексей Орлов, предполагаемый убийца Петра III, напротив, служил своей императрице верно и преданно. Он выполнял любое ее поручение и пережил ее и в политическом отношении.

Екатерина хотела осмыслить и привести в порядок множество дел. Если она оказалась Великой, то за счет осуществляемой ею практической деятельности в самых различных политических и духовных областях. Когда она взошла на престол, перед ней стояли не терпящие отлагательства вопросы: лозунгом «Империи прежде всего нужен мир» она привлекла внимание Австрии и Франции. Она не стала возобновлять военные действия, которые вела Елизавета против Пруссии. Империя должна была сосредоточиться, накопить силы и приобрести тот вид, который мысленно представляла себе Екатерина.

Упорядочить расстроенные финансы, лишить продажную бюрократию ее привилегий или реформировать налоговую и законодательную системы — многое следовало привести в порядок. Внешнюю политику после выходов Петра III следовало поставить на прочные рельсы. Екатерина стремилась все переработать и решить. Императрица привлекла на свою сторону ряд талантливых государственных деятелей. Имена князей Вяземского, Шаховского или Репнина пользовались большим уважением; вновь приобрел влияние Бестужев, но никогда императрица не выпускала из рук всю полноту власти. Следствием был поток наскоро сочиненных декретов, которые дождем обрушились на государственные учреждения и о которых в провинции мало заботились. Императрица ничего не упускала из виду: она «регулировала» дорожное строительство, образование для акушерок, структуру управления, расчеты по накладным расходам чиновников или государственную монополию на важные продукты и статьи экспорта. С аналогичной бесцеремонностью она вмешивалась в политику. Невзирая на протест немецких князей, Екатерина завладела Курляндией. Она аргументировала это тем, что Курляндией правили прежняя императрица Анна и барон Бирон. Курляндия, правителем которой был саксонский принц, без борьбы сдалась русским войскам. Екатерина смотрела на себя в свете Петра Великого: «Теперь у России в кармане триста миль балтийского побережья». Терри-

ториальное приобретение было важным, однако не настолько в сравнении с успехом, которого Екатерина добилась после смерти Августа III. В 1764 году удалось посадить на польский королевский трон Станислава-Августа Понятовского. Понятовский упирался всеми силами, но Екатерина не считалась ни с какими аргументами. Понятовский покорился и в качестве короля Станислава II Августа сослужил своей стране большую просветительно-реформаторскую службу. Его образ в истории проявился в той роли, которую он играл в польской политике Екатерины и которая привела к трем разделам Польши. Нельзя отрицать его доли объективной ответственности за это.

Императрицу занимали новые проблемы. В 1764 году произошло убийство Ивана VI. В связи с родством Ивана VI с Брауншвейгским домом Европа насторожилась. Положение Екатерины после двух лет правления было несколько сомнительным: к власти ее привел военный переворот, ее считали причастной к смерти супруга – и теперь еще в заточении умер номинальный император. Оппозиционные силы придавали убийству Ивана VI значение национальной катастрофы, угрожали узурпаторше и вели подготовку активных мер по освобождению детей и мужа Анны Леопольдовны, которые все еще жили в ссылке. Екатерина молчала, ничего не делала в этой связи и посвящала себя делам правления.

Екатерина любила великолепие, она выделяла крупные суммы на роскошь, но сама жила скромно. Ее тип роскоши отличался от елизаветинского. И при Екатерине были пышные балы, празднества и подарки. Но она вкладывала деньги в предметы искусства. Она любила книги и библиотеки: «Непросвещенная нация – стадо овец без барана-вожака». Слово было жизненной максимой и политической программой. Екатерина постоянно читала, отмечала важные мысли и сама активно писала и в различных жанрах. Самым большим богатством, которое она дала стране и людям, была ее политика в области образования. Императрица основала школы различного уровня образования и по многим профессиям. Она осознанно связала образовательную политику с общими политическими целями: военные академии подготавливали завоевание новых областей, высшие коммерческие училища усиливали европейскую интеграцию России, горные институты способствовали открытию и освоению залежей полезных ископаемых. Большое значение Ека-

терина придавала качественному усовершенствованию флота.

Не было ни одной области политики, экономики или морали, к которой Екатерина не приложила бы руку. Ее трудовой энтузиазм и, в паре с хитростью, способностью к управлению государством обеспечили Екатерине то выдающееся положение, которого не добивался ни один русский царь и которое позволило ей наряду с имперскими завоеваниями достичь исторического величия. Министры были хорошо оплачиваемыми советниками императрицы. Она одна руководила министерствами, Сенатом, полицией, издавала законы, строила дворцы, собирала произведения искусства и справляла пышные празднества. Она одна несла ответственность за (в основе своей лишь относительно успешные) усилия по реформированию самой сущности государства.

Просвещенная монархия

Екатерина II вошла в историю как великая просветительница на царском престоле. Просвещенный абсолютизм имел место в тех западноевропейских государствах, где высказывание «государство — это я» наталкивалось на неприятие стремящегося к гражданским правам третьего сословия. Екатерина могла не опасаться того, что русский крестьянин или купец поймет ее филантропические представления о морали. Правда, аристократия как социальный класс мало размышляла о просвещении, но во второй половине XVIII века правление Екатерины способствовало появлению в аристократии противоречий с духовными проблемами времени. Именно женская часть аристократии открыла в философии, изобразительном и театральном искусстве и в литературе и музыке богатое поле деятельности, предоставляющее отличные возможности для эмансипации, тем более что политические сферы для нее по-прежнему оставались закрытыми. Екатерина стремилась войти в историю как просвещенная монархия и в соответствии с этим приукрашивала свой портрет. Благодаря своей умелой тактике при дворе, аристократии и даже верхушке администрации, а также с помощью моральных и деловых качеств прибывших из-за границы масонов и отчужденных литераторов Екатерина добилась необходимой внутриполитической свободы действий. «Великий наказ» и Уложенная комиссия, которые она создала в на-

чале своего правления, должны были служить стабилизации ее правления и великим идеям реформ. Для этого императрица сосредоточила небольшую и компетентную группу аристократов, политиков и практиков в области управления, которую она поставила на службу своим целям.

Екатерина II восхищалась идеями Просвещения, в том числе и освобождения крестьян из крепостной зависимости. Когда же идеалам нужно было придать вид реформ, императрица капитулировала перед практическими проблемами. Тем не менее она хотела, чтобы на Западе ее считали Вольтером России. Ее партнер по переписке Вольтер, который издавала лести ей, представляя ее «великим мужем, которого зовут Екатериной», хотел собственными глазами увидеть, что Екатерина сделала с просветительскими идеями при переносе их в далекую Россию. Екатерина была умна и отказалась от встречи. В России не было возвышенных идеалов, на которые следовало бы посмотреть. Крепостное право стало четко организованным, права дворянства были расширены, а самодержавие усилилось.

Так просветительские претензии Екатерины порой являлись аргументом против упреков в узурпации престола. Екатерина знала, что русских гвардейских офицеров и консервативную земельную аристократию можно удовлетворить не общечеловеческими или гражданско-конституционными поучениями, а монетой, землей и «душами». Поэтому ее портрет в истории является в виде головы Януса, лица которого смотрят и на Запад, и на Восток. Екатерина никогда не посягала на свою максимум: «Русская империя настолько обширна, что любая другая форма правления кроме самодержавия только повредила бы ей, потому что все остальные более медленные в осуществлении и содержат в себе бесчисленные различного рода пристрастия, которые приводят к разделению власти и силы, в то время как правитель, который смотрит на всеобщее благо как на свое собственное, имеет все средства для искоренения вреда».

Желание осуждать Екатерину за сохранение принципа самодержавия свидетельствовало о малом понимании русской истории. Как немка она вынуждена была особо тщательно охранять традиционные представления о правлении. Она нуждалась в просветительской тенденции для укрепления власти и использовала ее. Когда в 1765 году Екатерина своим «Великим наказом» намеревалась приступить к реформе русского зако-

нодательства, она в 635 параграфах прописала те основные правила, которые ранее сформулировал Монтескье в «De l'esprit des lois» («Дух законов»). Граф Никита Панин прочел проект Екатерины и признал: «Это принципы, которые пригодны, чтобы разрушить стены». Этого не должно было случиться. Комиссия, созванная Екатериной для проверки документа, половину параграфов вычеркнула полностью и изменила так много, что она рассматривала свою честолюбивую бумагу только как «правила, на которых можно основывать мнение, но не как закон...». Это был скромный успех для просветительницы, когда она подвела итог: «Наставление внесло много больше единства во все правила и точки зрения, чем это было раньше. Теперь многие знали по меньшей мере волю законодателя и начали согласно ей действовать». Екатерина совершенно серьезно относилась к этому предложению.

Исправленный документ должна была обсудить и утвердить Уложенная комиссия. Около шестисот депутатов от сословий, городов, казаков и государственных крестьян совещались с 30 июля 1767 года в Московском Кремле. Длившиеся месяцами дебаты приносили императрице обширную информацию о внутреннем состоянии империи, но она должна была признать, что не таким путем следует осчастливить Россию. Более чем через год, в сентябре 1768 года, разразившаяся война против Турции дала ей благопристойный повод распустить собрание. Важный просветительский элемент ее политики потерпел поражение. К сожалению, Екатерина уже отправила свое творение для обсуждения в главные города Западной Европы. Оттуда пришел позитивный отклик. Фридрих II назвал основные принципы человеческими. Представление о русской просветительнице было столь доброжелательным, что за границей никто не хотел принять к сведению конечное фиаско. Нельзя было наносить ущерб репутации русской императрицы.

Все же Екатерина была честна и писала Вольтеру из завоеванной еще Иваном IV Казани: «Те законы, о которых так много говорят, еще не составлены, и кто может поручиться за их пригодность?.. Представьте себе, что Вы должны служить Европе и Азии. Какие различия в климате, людях, обычаях, а прежде всего в понятиях. Я хотела увидеть это собственными глазами, и вот я в Азии. В этом городе проживают 20 народов, не похожих ни в чем, и, несмотря на это, для них должна быть сшита юбка,

которая одинаково хорошо сидит на всех. Легко найти всеобщие правила, но детали? И какие детали? Это почти так же трудно, как создать целый мир, объединить его и сохранять».

Тем временем существовали другие законы. Члены Сената, однажды призванные Петром I для представительства, слушались все еще только приказов императрицы. Екатерина II осуществила то, чего не делал ни один другой правитель до нее — провела секуляризацию церковных владений. Государство платило духовенству, монастырские крестьяне как государственные перешли в крепостную зависимость. Любое сопротивление жестоко подавлялось. Архиепископ Ростовский Арсений Массевич (Arseni Masejewitsch) назвал Екатерину разбойницей на престоле и возложил на нее вину за смерть Ивана VI. В 1772 году отец Арсений, как и Иван VI, окончил жизнь «безмянным заключенным» в крепости.

Однако Екатерина не рассматривала отношения в стране как неизменные. В Вольном экономическом обществе (1765 год), в создании которого она принимала участие, шло обсуждение проблем. Там возникла инициатива модификации крепостного права в интересах помещичьего хозяйства. С 1763 года в страну стали переселяться иностранные колонисты. Льготы для переселенцев могли толковаться как предрешение сохранения на длительный срок зависимого положения всех русских крестьян. Движимая материнской заботой, императрица в своем письме Вольтеру от июля 1769 года совершенно серьезно верила в то, о чем писала: «Впрочем, оброк у нас настолько скромный, что в России нет ни одного крестьянина, который не имел бы курицы в горшке, если ему это угодно».

Пугачевский бунт приводит к государственному кризису

В стране же все выглядело по-другому. Крестьян, башкир, казаков, раскольников, всех недовольных сплотил слух: Екатерина приказала убить Петра III, потому что он хотел дать свободу крестьянам и всем угнетенным народам. Достаточно было искры, и разразилась гроза. Эту роль взял на себя вольный человек с Дона — Емельян Пугачев. Будучи беглым казаком, он продвигался от польской границы до Урала. Казак был уволен из армии из-за постоянных нарушений дисциплины. Пугачев знал о заботах и

нуждах людей в деревнях и городах. Он умело использовал мятежный дух и ловко вошел в роль Петра III. Осенью 1773 года как счастливо воскресший царь (Петр III) Пугачев поднял восстание, которое в течение нескольких недель охватило бассейн Волги и Урал. Люди всех низших слоев бежали к нему. Он обещал каждому то, что он хотел услышать. Самара, Пенза и Саратов стали жертвами мятежников. Помещиков, офицеров и государственных чиновников убивали вместе с женами и детьми.

Екатерина был несказанно удивлена разразившимся кризисом. Чернь с убийством и пожаром проникла в светлый мир просветительских идеалов и придворных церемоний. Екатерина быстро очнулась от своих грез. Но не проблема социальной несправедливости тронула ее. Она не понимала бунта. Екатерину не интересовало то, что страна была в огне. Она была уверена, что в течение короткого времени восстание будет подавлено. Ее размышления шли в двух направлениях: как мятежники могли отважиться посягнуть на образ Екатерины как единственной хранительницы всеобщего блага? И что подумают за границей о «Семирамиде Севера»? 10 декабря 1773 года Екатерина писала близкому ей губернатору Новгорода Иоганну Якобу Сиверсу: «Два года назад я имела чуму в сердце империи, на границе у Казани я имею чуму политическую, которая загадывает нам загадку... В любом случае это закончится повешением. Но какая это перспектива для меня, которая не любит вешать. Европа в своем мнении отбросит нас во времена царя Ивана Васильевича, именно такой чести нам следует ждать от этой презренной подлости». Генерал Александр Бибииков, которому было поручено подавление восстания, получил приказ «уничтожить этих преступников, которые позорят нас перед всем миром». На запросы со «всего мира» о том, какая опасность исходит от «пугачевщины», Екатерина пыталась разыгрывать уверенность в себе: это только газеты подняли так много шума вокруг разбойников, которых ежедневно ждет веревка! Только после того как в июле 1774 года после заключения мира с Турцией в распоряжении оказались опытные части, войско «Петра III» смогло разбить восставших под Царицыном на Волге. Пугачев был выдан его же людьми. 10 января 1775 года в Москве он был публично обезглавлен.

Никто не смел больше упомянуть имени мятежника. Связанные с этими событиями места, как, например, Яицкий го-

родок, получили новые названия (Уральск). Последовали массовые репрессии против участников восстания. После Пугачевщины Екатерина окончательно оставила свои обширные помыслы о либерально окрашенных и обязанных духу просвещения реформах. Она ограничила просвещение только собственным духовным чтением, личной ученой перепиской с европейскими просветителями и настоящим потоком бумаги, которую она исписывала более или менее блестящими мыслями. Екатерина, как и другие русские цари, имела первый период реформ, который в ее конкретном случае был тесно связан с просвещением. Этот период сменился в 1775 году консервативным правлением.

В последующие годы царица сохраняла высокую работоспособность. Ее служба России и собственному историческому величию распространялась не только на мечту о просветительской европеизации России. Ни одна дата не запечатлелась в ее сознании более отчетливо, чем 7 августа 1782 года, тот день, когда на Сенатской площади Санкт-Петербурга был снят покров с конной статуи, которую украшала программная надпись: «Petro Primo Catharina Sekunda» — «Петру Первому Екатерина Вторая». Понятие «Великая» было предложено Екатерине относительно рано, в связи с подготовкой Уложенной комиссии. Действительно великой она стала позднее. На Босфоре она открыла дверь к «язычникам», а в Польше создала европейский палисадник для русского дома. В этом она нашла самую активную поддержку просвещенных умов Европы.

Личная радость от власти и остроумного разговора, пышность и блеск, патриархальная благотворительность для русских подданных и величие империи — это были максимы Екатерины, которым подчинялось все ее правление. Империя должна была расти и выйти из изолированного положения, присоединившись к Европе. Петр I приступил к делу с традиционно древнерусской целью о побережье Балтийского моря. Екатерина по духу и воспитанию была европейкой, которая сделала традиции России своим делом и стремилась поднять Россию до уровня всеми признанной великой европейской державы. Для нее большие места на пути России в Европу находились в Польше и Турции. Оба проблемных поля оказались тесно переплетенными.

Польшу делят

На почве славянского менталитета едва ли имелся большой политический антагонизм, чем между аристократическим республиканским королевством с выборным королем и московским самодержавием. Польская аристократическая республика действовала между просвещенным монархом Фридрихом II и Екатериной II как флюгер. Национальное государственное сознание польской знати демонстрировало дегенерационные явления. Демократизация Польши достигла болезненного состояния, а автократы в Потсдаме и Санкт-Петербурге не пытались ничего изменить. В октябре 1763 года умер саксонский курфюрст и польский король Август III. Екатерина протезировала Понятовскому в качестве кандидата на польскую корону. Его сопротивление она преодолела благодаря миролюбивому согласию Фридриха II. Развертывание русских войск оказало давление, и 7 сентября 1764 года Понятовский как Станислав II взошел на польский королевский трон. Екатерина покровительствовала Понятовскому, «потому что он из всех претендентов имел наименьшие права и в дальнейшем должен был чувствовать себя больше обязанным России, чем любой другой». Понятовский проявил стойкость и мужество, когда попытался потребовать для польского короля самостоятельности. То, что Понятовский при этом не только боролся против коалиции Фридрих–Екатерина, но и бросил вызов части польской аристократии, вскоре обнаружилось.

Католическая Польша дискриминировала православных верующих всех слоев. Екатерина требовала равноправия и подкрепила свое желание приказом русским войскам под командованием князя Репнина вступить в Варшаву. В 1768 году парламент вынужденно принял требования Екатерины. Одновременно князь Кароль Радзивилл формировал в городе Бар в Подолии (ныне это Винницкая область Украины) Конфедерацию против православных. Четыре года свирепствовала в Польше гражданская война. Внутривнутриполитическая борьба привела к вводу русских войск. Вскоре положение Польши стало настолько безнадежным, что она представляла опасность для соседей.

Екатерина стремилась подчинить всю Польшу русскому влиянию. Фридрих хотел видеть Пруссию, Бранденбург и Померанию объединенными в территориальный блок. Для этого необ-

ходимо было благосклонное отношение германского императора Иосифа II. Вскоре единство было достигнуто. Польшу следовало разделить. 5 августа 1772 года три стороны заключили в Петербурге соответствующий договор. Россия получала белорусские области восточнее Западной Двины и Днепра, Пруссия получила Западную Пруссию, а Австрия взяла себе Галицию до Вислы. Принятие столь решительных мер было обосновано угрожающей Польше анархией. И в Польше тоже бродил дух либерализма и просвещения. Но спокойствие и порядок не наступили. В последующие десятилетия Россия, Пруссия и Австрия вновь должны были заниматься Польским вопросом.

Взгляд Екатерины на Константинополь

В XVIII веке Польша и Османская империя граничили друг с другом в Бессарабии. Турецкий султан не остался равнодушен к развитию событий в Польше, тем более что Екатерина бросала взгляды на северную часть Черного моря. Его побережьем владели татары и турки. Екатерина намеревалась взять Черное море в свои руки и через Константинополь добиться доступа к Средиземному морю. Турецкий султан перехватил инициативу, чтобы остановить натиск русских на юге. В сентябре 1768 года султан Мустафа III разорвал дипломатические отношения с Россией и следующей весной велел крымским татарам совершить нападение на южные русские приграничные земли. Юная императрица пришла в замешательство, но нашла в себе мужество и вскоре в письмах вновь сыпала цветистыми словами: «Видит Бог, не я начала... Сейчас я чувствую себя хорошо, я смею делать то, что могу... Россия может многое, а Екатерина II между тем строит воздушные замки, сейчас больше нет ничего, что тормозит ее движение, и вот разбудили кошку, которая спала, теперь кошка будет охотиться на мышей...» Неуверенность оставалась и исчезла только тогда, когда она заметила, что Вольтер одобряет не только ее военные действия в Польше, но и войну против турок: «...если только турки когда-либо будут изгнаны из Европы, то, я думаю, это произойдет благодаря русским», — писал Вольтер Екатерине в ноябре 1768 года.

В распоряжении императрицы были выдающиеся военачальники, такие, как генералы Румянцев или Суворов. В 1770 году они вынудили турок отойти обратно за Дунай. Екатерина

послала кронштадтскую эскадру в Средиземное море. Греки поднялись против турок. Верховное главнокомандование осуществлял адмирал Алексей Орлов – тот человек, который был ответственен за убийство Петра III. В июне 1770 года русская эскадра одержала победу над турецким флотом при Хиосе и Чесме. Екатерина была довольна успехами своего оружия. В Европе, правда, были голоса, которые с боязливой осторожностью следили за ростом власти Екатерины и приростом ее территорий, но в целом прежде всего доминировало одобрение победы над мусульманами. Гёте в «Вымысле и правде» даже торжественно заверял, что русская победа над «нехристианами» и горящие турецкие корабли в Чесменской бухте вызвали в просвещенном мире всеобщее торжество радости. Австрийское вторжение на Балканы было своевременно предотвращено первым разделом Польши.

10 июля 1774 года Кючук-Кайнарджийский мирный договор закрепил окончание Русско-турецкой войны. Россия получила Керчь в Крыму и территории между Днепром и Южным Бугом. Русские торговые суда свободно могли проходить по Черному морю, через Босфор и Дарданеллы. Крым был освобожден от турецкого господства и в 1783 году аннексирован Россией. Екатерина, исполненная гордости, писала Вольтеру: «Из каждой из своих войн Россия выходит еще более цветущей...» Этими успехами императрица была обязана в первую очередь действиям выдающихся государственных деятелей и военачальников, среди которых особую роль сыграл князь Григорий Потемкин.

Царские и императорские советники и политики со времен Михаила Федоровича и его отца патриарха Филарета всегда играли большую роль. Были времена, когда при императрицах Екатерине I, Анне или Елизавете, советники имели доминирующие функции в русской политике. Благодаря Екатерине II картина изменилась. С такими личностями, как Бестужев, Салтыков, Румянцев, Суворов, Безбородко или Потемкин, она имела в своем распоряжении людей необыкновенных способностей для осуществления имперской политики.

Князь Потемкин был человеком совершенно особых достоинств и дарований. Как военачальник он успешно сражался с турками. Государственный деятель, блестящий организатор и сведущий в вопросах хозяйства человек, он заселил южные «новорусские» области и создал там после значительных труд-

ностей успешную хозяйственную структуру. Центрами приложения его усилий стали города Херсон, Севастополь и Екатеринослав. Он был эксцентричным человеком, которому в жизни все удавалось. Потемкин принадлежит к ряду великих личностей Европы XVIII века. Его успехи в делах были столь велики и неоспоримы, что завистникам и противникам оставалось только одно средство — создавать низменные легенды. Никогда князь Потемкин не ставил себя выше своей императрицы.

Екатерина не имела теоретически продуманной общественно-политической концепции. Она стремилась поднять международный престиж России. Но она не шла на политический риск. С князем Потемкиным связаны недобрые слова о «потемкинских деревнях». Эти слова покоятся на злостной клевете. Между 1797 и 1800 годами в Гамбурге выходил журнал «Минерва». Журнал опубликовал без указания автора статью «Потемкин Таврический». Она возродила слух, что князь Потемкин в качестве генерал-губернатора южной России велел соорудить бутафорские дома, когда императрица в 1787 году путешествовала по новым землям. Тем самым он хотел ввести правительницу в заблуждение существованием цветущего ландшафта, а она в это поверила.

Автором считался Георг фон Гельбиг, который с 1781 по 1796 год был секретарем саксонского посольства при дворе в Санкт-Петербурге. Саксонец принес легенду в Западную Европу и в значительной степени ответственен за то, что «потемкинские деревни» с началом XIX века стали нарицательными. Вскоре историческое исследование выявило, что князь Таврический и с одним глазом был лучше, чем навязанная ему репутация. Сомнительный ореол Потемкина как мастера обмана был изобретением тех русских политиков, которые осуждали восточную политику Екатерины и видели в князе Потемкине ее творца.

В действительности же Потемкин проводил в целом успешную колониальную политику. Он слегка приукрашивал несколько слабые стороны, а сильные благодаря этому представлял в тем более блестящем свете. На маршруте парада, который в 1787 году принимала царица, он велел выкрасить имеющиеся дома. Многие новые поселения в степных районах представляли настолько возможно привлекательными. Императрица держала своего князя за дельного человека. «Обман», «фальсификация» — это были слова, которые не соответствовали истине,

а служили политической цели. Екатерина была восхищена: «Усилия князя Потемкина превратили эту местность в цветущую страну». И если император Иосиф II в союзе с французским посланником Сегюром были настроены скептически и критично, на что у них были политические мотивы. Они придерживались мнения: «Когда Екатерина уедет, все это великолепие, украшательство и приукрашивание исчезнет. Потемкинский театральная трюк кончится, и он займется созданием других декораций – в Польше или в Турции». Польша или Турция – французский сторонник турецких интересов искал в Потемкине недостатки и указывал на нечто само собой разумеющееся, считающееся обычным для государственных визитов.

Екатерина не поддавалась влиянию подозрений. Потемкин был великим и много сделал для процветания России. Нововведения, которые императрица видела в Новороссии и в Крыму, она представляла себе и по всей России под ее мудрым и благотворным руководством. Потемкин коснулся самой чувствительной струны своей госпожи, когда приказал молодому Черноморскому флоту пройти парадом перед Севастополем, и, наконец, еще и воссоздал легендарную битву под Полтавой. Иосиф II был совершенно прав, когда сообщал из Севастополя: «Императрица умирает от желания начать войну с турками». Турки сами предоставили повод. Они потребовали, чтобы Россия вновь оставила Крым. Екатерина отказалась, и появилась желанная война. Противостояние продолжалось четыре года, пока в декабре 1791 года Ясский мир не утвердил поражение Турции и владения России. Тремя годами позже Екатерина основала город Одессу – символ свободной русской торговли на Черном и Средиземном морях. Потемкин умер в 1791 году в Яссах. Цели не достиг ни он, ни его императрица: османы не были вытеснены из Европы.

Внешняя политика Екатерины служила защитой внутреннему развитию. Территориальное расширение пространства и духовно приблизило Россию к Европе. Разделение польских областей в 1772 году было в то же время и примером для внутренней губернской реформы 1775 года. Екатерина рассматривала свою внешнюю политику как общеевропейское дело. Она сама была лучшим в России и Европе интерпретатором и пропагандистом своих намерений. Семилетняя война показала военный вес ее страны. До 80-х годов Россия смогла добиться того, что-

бы в европейской системе считались с ее интересами. И в дальнейшем Екатерина придерживалась достигнутых в Польше приобретений и завершила их в 1795 году. После короткой войны в 1790 году она защитила статус-кво со Швецией. В немецких делах вес России имел значение во всех спорных случаях.

Но политика Екатерины встречала растущее сопротивление, исходящее от Англии и Пруссии. Гегемонистские претензии против Турции в «Греческом проекте» переросли в концепцию христианско-европейского возрождения на Босфоре под русским управлением, которая не вдохновляла европейские державы и скорее относилась к сфере идеологической риторики, чем к области политической практики.

Литератор по собственному призванию

Такая правительница, как Екатерина II, чьи просветительские идеалы разбились о русскую действительность, чей истинный вклад в величие России заключался в войнах и завоеваниях и которая осуществляла честолюбивый план самой определять приговор истории о личности Екатерины — просвещенной абсолютной монархини, отдающей себя без остатка общему благу населения, неизбежно должна была взяться за перо. Этого требовали повседневная работа, избранный ею стиль правления и забота об имидже просветительницы. Екатерина ощущала себя поэтом, писателем и журналистом. Она не только публиковала собственные литературные произведения с пока еще не подходящими для России морально-философскими сентенциями, но и вступала в полемику со своими оппонентами.

Она оказывала протекцию журналу «Всякая всячина», для которого писала анонимные статьи по общефилантропическим вопросам. Критики, например Николай Новиков, острый на язык помещный дворянин, издававший сатирический журнал «Трутень», посмеивались над поверхностным (с точки зрения литературной и духовной) анонимом. Екатерина совершила ошибку, давая отпор острой общественной сатире с помощью принципов самодержавного государственного авторитета и попала в невыгодное положение, потому что в литературе она отличалась меньшими способностями, чем масон Новиков. Духовная свобода останавливалась перед священной особой императора. Издание «Трутня» было прекра-

шено. Духовное, культурное и литературное многообразие простиралось в России, насколько хватало руки императрицы. Масонам, хотя и связанным с Просвещением и привезенным Екатериной в Россию, запретили деятельность лож, как только они уклонились от прямого доступа контроля.

Екатерина II написала много комедий, веселых и легкомысленных. Критики были беспощадны к пьесам. С годами легкость прошла. Пугачевский бунт всерьез обеспокоил Екатерину, сделал ее недоверчивой и обидчивой. Комедии приобрели обостренную духовную направленность и позднее были нацелены против тех сил, которые стремились избежать контроля со стороны верховного цензора — Екатерины II. Камнем преткновения вновь был Новиков. Благодаря друзьям и значительному состоянию он смог добиться того, чтобы стать относительно независимым. В 1787 год, в год своего величайшего триумфа, когда императрица на глазах Европы увеличила территории Юга России, на империю обрушился голод. Новиков начал кампанию акций помощи и подрывал тем самым в глазах Екатерины благотворительность, осуществляемую через государство. Обращение с Новиковым показало, как Екатерина обходится с непокорными умами: сначала литературная полемика, затем полицейский надзор, запрет на публикации, поиск «религиозных ересей» и «бессмысленных нововведений» в печатных работах; наконец (после разразившейся во Франции революции) в 1792 году — арест. Царица даже не знала, в чем обвинить Новикова. Она считала его «опасным преступником», которого следует приговорить к смерти. Только благодаря своему «природному человеколюбию» она ограничилась 15 годами заключения в Шлиссельбургской крепости. Четыре года провел Новиков в тюрьме, прежде чем его освободил самый рьяный противник Екатерины — ее сын Павел.

Так же, как с Новиковым, произошло и с другим дворянином — Александром Радищевым, который в 1790 году опубликовал книгу «Путешествие из Петербурга в Москву». Она была наполнена таким возмущением нетерпимым положением в крепостнической России и таким бунтом против абсолютной монархии, что Екатерина считала, что автор заслуживает смертную казнь, к которой приговорен судом, но «по милосердию и для всеобщей радости», по случаю заключения мира

со Швецией, смертная казнь заменена была ссылкой в Сибирь. Для императрицы тоненький томик дышал не только духом Французской революции. Она считала Радищева более опасным, чем Пугачев.

Особое разочарование Екатерине приносило не только то, что протесты служили помехой миру ее собственных представлений о России, но и то, что выразителями мятежных настроений становились представители дворянства — того сословия, которое она считала своей опорой, всеми силами содействовала и предоставляла привилегии. Дворянству служило как учрежденное в 1775 году губернское устройство, так и Жалованная грамота 1785 года. Привилегии дворянства и его влияние на местное управление усилились. Через дворянские общества оно получило право относительного сословного самоуправления. С этого времени дворяне сами определяли, кто может принадлежать к избранному сословию. Дворянское звание стало наследным, его носители не должны были платить персональных налогов и им было разрешено иметь крепостных. Дворянин мог покупать деревни, возводить фабрики, разрабатывать месторождения полезных ископаемых в своих владениях. Если он не хотел, он не обязан был служить государству. Жалованная грамота выражала лишь всеобщее моральное обязательство, что дворянин, если самодержавное государство попадет в беду, должен тотчас же и всеми силами спешить на помощь. Несмотря на то что Екатерина в том же 1785 году Жалованной грамотой ввела Городской устав, Россия под ее правлением оставалась дворянским государством, которое и дальше связывало крепостных крестьян.

Ссоры вокруг престола

Самодержавный ум Екатерины определял и императорский порядок престолонаследия. Со дня своего восшествия на престол Екатерина знала, что по достижении Павлом совершеннолетия она должна будет передать престол ему. Павел же все более и более перенимал манеру поведения Петра III, он начал ненавидеть свою мать. Екатерина, в свою очередь, обходилась с сыновьями Павла Александром и Константином так, как в свое время Елизавета с ней и Павлом. Не только при дворе поговаривали о том, что императрица исключит Павла из насле-

дования престола в пользу Александра. С годами на Екатерину все больше давил страх перед законными притязаниями Павла на престол. Этим объясняется то, что она в своих воспоминаниях не упускала возможности внушать читателю, что Павел — сын Сергея Салтыкова и не имеет права на престол. Но императрица не приняла окончательного решения, а Александр был не готов украсть у отца корону.

В сентябре 1796 года у Екатерины случился легкий удар. Она была разочарована тем, что шведский король Густав IV отказался от брака с ее внучкой Александрой. Императрица быстро оправилась. 6 ноября 1796 года последовал второй удар — он был смертельным. Только спустя часы императрицу нашли в коридоре перед ее гардеробной. Она прожила еще несколько часов, едва приходя в сознание, и хотя каждый ждал, — решающее слово о престолонаследии больше не вырвалось из умирающих губ. Тайну своей воли она унесла с собой в могилу.

«Великий муж, которого зовут Екатериной»

Дело жизни Екатерины оспаривается по сегодняшний день. Оно не допускает никаких идеализирующих преувеличений. Остается интересным вопрос, чего в действительности для России и Европы достигла она, в отличие от других русских царей. Какое значение следует придавать тому факту, что она была женщиной, и какова ее историческая роль в соотношении с другими правившими царицами? Екатерина II была выдающейся, абсолютной и самодержавной правительницей России. Ее смерть символизировала окончание целой эпохи. Позднее тривиальная месть ее сына не умалила достижений Екатерины II. В историческом смысле она добилась державно-политического величия. Ее общественно-политические идеалы коренились в Западной Европе и были мало пригодны для России. Методы правления Екатерины не отличались от методов ее «коллег-мужчин». В противоположность столь многим царям она была энергичной и волевой личностью. Своих предшественниц на троне она превосходила, не в последнюю очередь, по вошедшему в легенды числу любовников. Она расширила принцип фаворитизма до политического размера, не подчиняя себя при этом воле своих фаворитов. По сравнению с Екатериной I, Анной Ивановной или Елизаветой

Петровной Екатерина II отличалась важными личными достоинствами. Она не была игрушкой в руках жаждущих власти сановников. Не могла она и сослаться на прямые исконно русские традиции. С протестантской основательностью она подчинялась общей русской традиции правления и проводила ее с железной волей, умелой политикой в отношении персоналий и едва ли не чрезмерно преувеличенным сознанием величия своей исторической миссии. Петр I сделал возможным вхождение России в Европу. Екатерина II окончательно закрепила положение России как великой европейской державы.

На русском императорском троне Екатерина II, как обладающая индивидуальностью женщина, была единственной в своем роде. Взгляд на историю правления в России с Ивана IV объясняет один интересный феномен: начиная с регентства Софьи с перерывом на правление Петра I, почти столетие, последовавшее затем, женщины-самодержицы по восходящей линии вносили свой вклад в реформирование, имперскую экспансию и европеизацию России. Екатерина II отметила одновременно вершину и окончание этого развития. После Екатерины II в семье Романовых больше никогда не было женщин со столь яркой индивидуальностью. Ни одна из женщин не предпринимала больше попыток дворцового переворота, чтобы самой занять престол. Никогда больше не было женщин-регентш.

Глава 11

Новый образ русской императрицы. Женщины «безумного» Павла Петровича

Наталья Алексеевна – принцесса
Августина Вильгельмина Гессен-Дармштадтская
[25 (по новому стилю) июня 1755 года –
15 апреля 1776 года], первая жена (с 1773 года)
великого князя Павла Петровича,
позднее императора Павла I.

Мария Федоровна – принцесса
София Доротея Августа Вюртембергская
[25 (по новому стилю) октября 1759 года –
24 октября 1828 года], вторая жена (с 1776 года)
великого князя Павла Петровича,
позднее императора Павла I.

После 1762 года Екатерина II прежде всего занялась воспитанием своего сына Павла. Она стремилась завоевать его сердце и доверие. Поначалу это прекрасно удавалось. Некоторая духовная и личная свобода окрылила Павла. Мальчик был достаточно умен и видел не только блестящий фасад своей могущественной матери. Прежде всего Павлу мешали любовники императрицы, а именно Григорий Орлов. К тому же Орлов ревновал мальчика и тем самым поддерживал его в своенравном отношении к матери. В окружении Павла были люди, которые указывали ему на его собственную роль императора. В Павле крепла мысль, что мать сознательно лишает его трона. Он сжился с ролью, которая походила на положение Петра III. Павел подражал не только его склонности к военным играм. Однако имелось существенное различие: Петр был упорен в своей ненависти к России, Павел же осознавал свое положение русского великого князя, был жестким, нетерпеливым и раздираем сомнениями относительно своего будущего.

Екатерина II заметила, что сын ускользает от нее, что он отвергает ее высокие духовные и литературные увлечения. В день государственного переворота Екатерина обещала, что отречется от престола сразу же по достижении Павлом совершеннолетия. Это должно было произойти самое позднее в 1772 году. В этом году Екатерина приблизилась к вершине расцвета своего могущества и великолепия. Поэтому она больше нисколько не думала о том, чтобы сдержать свое обещание. Вместо этого она насколько могла ослабляла и без того неустойчивую личность Павла. Неблагоприятными замечаниями о внешности такого маленького, невзрачного человека, как Павел, легко можно было довести до крайности. Каждый чувствовал растущее напряжение между матерью и сыном. Благосклонно относящиеся к матери придворные внушали Павлу, что ему недостает «энергии логичного мышления», что он страдает «от пагубной склонности к болезненной, преувеличенной экзальтации».

Августина Вильгельмина — «выгодная сделка» для Гессен-Дармштадта

Однако Павел оставался законным наследником престола, и Екатерина должна была устроить его брак. Теперь выбор не-

весты происходил как нечто само собой разумеющееся по установленному Петром I обычаю и концентрировался на Западной Европе. До сих пор в круг семьи Романовых принимали княжеские дома из Брауншвейг-Вольфенбюттеля, Мекленбург-Шверина, Гольштейн-Готторпа и Анхальт-Цербста. Екатерина расширила поле династических связей. Ее усилия, направленные на женитьбу Павла Петровича, вскрыли порой шокирующим образом то, что начало брачных отношений для всех участвующих сторон было подчинено не только политическим, но прежде всего финансовым соображениям, с идеальными мечтами просвещенная Европа не хотела иметь дела.

Находящийся в катастрофическом положении с точки зрения финансов Гессен-Дармштадт еще при восшествии на престол Екатерины II предпринимал отважные попытки для будущего союза с Россией. Прежде всего была установлена династическая связь с Пруссией, которая могла служить свидетельством почтения по отношению к России. Когда Екатерина искала невесту для Павла, она оказывала предпочтение Гессенскому дому, с которым Россия уже десятилетия имела контакты: ландграф Фридрих II Гессен-Хомбургский в 1670 году женился на принцессе Луизе Елизавете Курляндской. В результате брака в эту гессенско-курляндскую семью вступила дочь царя Ивана V Анна. Петр Великий принимал гессенских принцев на службу в русскую армию. Гессен-Хомбургский наследный принц в 1741 году принимал участие в свержении Анны Леопольдовны и за это получил от императрицы Елизаветы звание генерал-фельдмаршала. Лишь вожделенную Курляндию Гессен не смог получить на длительный срок.

Список невест для Павла содержал 15 имен потенциально подходящих принцесс из Гессен-Дармштадта (всего 6), Мекленбург-Шверина, Нассау-Саарбрюкена, Саксен-Готы, Саксен-Майнингена, Саксен-Саальфельда и Вюртемберга. Барон Ахатц Фердинанд фон Ассебург по императорскому поручению посетил юных дам и остановил свой выбор на Августине Вильгельмине Гессен-Дармштадтской. Екатерина II первоначально бросила благосклонный взгляд на Софию Доротею Вюртембергскую. Правда, она в свои 13 лет была слишком юной даже в тех условиях.

Екатерина II имела предубеждение против Августины Вильгельмины Гессен-Дармштадтской, так как бедность двора и

многочисленные братья и сестры предвещали высокие расходы. Но тем не менее императрица приказала изготовить портрет Августины Вильгельмины в полный рост. Портрет доставили в Петербург в январе 1772 года, и он встретил высочайшее одобрение. Как уже однажды в случае с Екатериной, в качестве посредника выступил Фридрих II Прусский. Так прошел 1772 год. К январю 1773 года ландграф Людвиг IX Гессен-Дармштадтский сумел добиться того, что в случае женитьбы Павла на принцессе Россия окажет ему финансовую поддержку. Речь шла пока о льготном кредите и прежде всего о взыскании двух миллионов гульденов, которые Габсбургский дом задолжал Гессену со времен 30-летней войны. До февраля 1773 года пожелания и условия, выдвигаемые Гессеном, возрастали до поразительной высоты. Россия среди прочего должна была помочь ландграфу урегулировать в Вене вопрос о долгах и освободить его от воинских обязанностей в качестве фельдмаршала габсбургской армии — предусматривалось равноценное возмещение чина в русской армии. В качестве «точки защиты» от «наглых требований» венского императорского двора ландграф добивался генерал-губернаторства в Эстляндии. Русский кредит в целом составлял один миллион рублей и предоставлялся на 10 лет. Гессенских принцев должны были принять на русскую службу, разумеется, с соответствующим содержанием. В качестве ответной услуги ландграф обещал поддержку России по всей Германии.

Несмотря на основательные сомнения своих доверенных лиц относительно реальности этих требований, ландграф уже видел себя герцогом богатой Курляндии. Его супруга Каролина, которая отправилась на переговоры в Россию, была ближе к действительности. Она любой ценой стремилась к династическим связям с Петербургом — только бы дети были надежно пристроены. 26 июня 1773 года Каролина с тремя дочерьми — Амалией, Луизой и Вильгельминой — была принята императрицей в Гатчине. Фридрих II снабдил ее по пути деньгами и добрыми советами. О преувеличенных желаниях своего супруга Каролина даже не заговаривала. Между ней и Екатериной сразу же воцарилось взаимопонимание, и двумя днями позднее Павел Петрович сделал выбор в пользу Вильгельмины! Людвиг IX издалека все взвинчивал требования от России денег, титулов, земель и людей и угрожал, что в случае отказа в предоставлении он откажется от своего согласия на переход

невесты в другую веру. Это была пустая угроза. Когда его министр 28 августа 1773 года прибыл в Петербург, невеста уже перешла в православную веру, звалась теперь великая княгиня Наталья Алексеевна, а молодые люди были обручены.

Екатерина и Каролина приняли решение не заключать официального брачного договора, которого желал ландграф. За это он получил патент генерал-фельдмаршала и пансион в 7000 рублей. Только один из гессенских принцев получал в виде вознаграждения должность полковника в одном из русских полков. Ожидаемый кредит отложили на неопределенное время, сославшись на расходы русских в войне против Турции. Только в венских делах Россия была готова оказать любую необходимую поддержку — после предварительной консультации и согласования с прусским королем. Курляндия, как аргументировала Екатерина, не находилась в ее распоряжении. Курляндия — независимое герцогство и ленное владение польской короны! Людвиг IX вынужден был признать, что его обманули не только жена, но и проводивший переговоры министр Мозер. Ничего изменить он не мог и сделал хорошую мину при плохой игре. Ландграф не должен быть разочарованным. Его территориальные желания, правда, не исполнились, но в политическом и финансовом смысле замужество Вильгельмины явилось для Гессен-Дармштадта полным успехом. Все гессенское посольство, которое гостило в Петербурге, получило возмещение издержек, денежные подарки, украшения, мебель и другие предметы стоимостью в несколько сотен тысяч гульденов. Деньгами можно было заплатить долги и возродить отечественное ремесло. Вильгельмина могла отказаться от предлагающихся ей на свадьбу от представителей выборных органов 20 000 гульденов. Деньги были потрачены. Выигрыш был в другом. В политическом отношении ландграфство стало тесно связано с великой Россией. Император Иосиф II вынужден был согласиться на выторгованное возмещение долгов.

Свадьба прошла в Петербурге в том же 1773 году. Августине Вильгельмине было тогда 17 лет. Она считалась своенравной, и брак не обещал быть счастливым. Павел любил свою юную жену и хотел видеть в ней моральную поддержку против могущественной матери, но Наталья слабо откликнулась на это. Она была вульгарной, заурядной и обманывала его. Екатерина II вынесла о своей юной невестке весьма плохое суждение и утверждала, что та вечно больна и живет только крайностями:

«...за 18 месяцев она не выучила ни одного слова по-русски. Она, правда, говорит, что намеревается его учить, но это всегда только слова... ее долги уже вдвое превысили годовое содержание, и это при том, что в Европе едва ли найдется принцесса, которая получает так много, как она...» Наталья не прижилась в России. Когда стало известно, что она ожидает ребенка, в Дармштадте надеялись, что вскоре русские денежные источники забьют более обильным ключом. Ожидание обмануло. Наталья умерла родами уже 15 апреля 1776 года. Вокруг ее смерти вились многочисленные слухи. Говорили, что Екатерина воспрепятствовала оперативному вмешательству.

Сначала Павел впал в отчаяние. В последующие годы императрица и князь Потемкин еще много раз обильными денежными пожертвованиями помогали оздоровлению гессенских государственных финансов, но династическая связь пока была прервана. Екатерина представила впавшему в глубокую депрессию после смерти Натальи Павлу тайные любовные письма умершей близкому знакомому графу Андрею Разумовскому и изобразила образ гессенской принцессы в самых черных тонах. Она была бессердечной, однако исходила из соображений здравого расчета для обеспечения естественного порядка наследования.

Мария Федоровна: Ты счастлива под крылом России!

Павел избавился от охватившего его отчаяния и в том же 1776 году по желанию матери женился второй раз. Без труда смогли вновь вернуться к кандидатуре к тому времени уже 17-летней принцессы Софии Доротее Вюртембергской, которая после перехода в православие получила имя Марии Федоровны. Этот выбор был встречен одобрением. Ему не повредило даже то, что Павел по случаю обручения издал меморандум, в котором диктовал невесте желательные для него жизненные правила: «...Принцесса должна проявлять терпение, чтобы сносить мои капризы и настроения... Она не имеет права вмешиваться в государственные дела... Ей не разрешается принимать советы членов придворного совета... Необходимо, чтобы ее поведение было таковым, что исключало малейшую возможность быть втянутой в интриги».

Невеста, как дочь немецкого князя и прусского генерала, была воспитана скромной, богобоязненной и дисциплинирован-

ной, получила прекрасное образование.. Как и Екатерина II, она родилась в Штеттине, куда занесла ее отца герцога Фридриха Евгения Вюртембергского Семилетняя война. Мать, Фредерика София Доротея – урожденная принцесса Бранденбург-Шведская, происходила из этой местности. Только в 1769 году семья переместилась в расположенный по левому берегу Рейна вюртембергский Монбельяр. Родители со своими 12 детьми жили по большей части в расположенном под Монбельяром маленьком замке Этупе (Etupes) в полной гармонии и согласии. Они много читали, отец переписывался даже с Руссо, а мать с самоотверженностью посвящала себя благотворительности. Дочь действительно была хорошо подготовлена к выполнению своих будущих задач. Она сыграла большую роль в судьбе Павла и всей России, особенно после смерти Павла в 1801 году, и явила доказательство того, каким высоким политическим авторитетом могли пользоваться вдовствующие императрицы. Племянница прусского короля Фридриха II, она имела блестящую репутацию, которая чего-то стоила для Екатерины II. Поскольку девушка в свое время была обручена с принцем Людвигом Гессен-Дармштадтским, братом умершей Натальи, Екатерина уплатила «отступное». Все было урегулировано без проблем. Мария стала первой супругой русского императора, которая без страха вмешивалась в политику. Правила, установленные Павлом при обручении, настолько устарели, что Мария их не придерживалась. Ее позиция усилилась благодаря тому, что ее братья Вильгельм и Карл поступили на русскую службу и взяли на себя выполнение важных задач в военной и административной сфере.

Сваха Екатерина была сначала очень довольна выбором и писала: «Я признаю... что я страстно распложена к этой очаровательной принцессе, страстно в полном смысле слова. Она именно такая, какой мы ее желали: стройная как нимфа, белолица как лилия, высокого роста с соответствующей полнотой и очень легкой походкой. От нее исходят мягкость, добросердечие и искренность. Все в восторге от нее, и неправы те, кто не любит ее, потому что она создана для этого и делает все, чтобы стать любимой. Одним словом, моя принцесса соединяет в себе все, чего я желаю, и я удовлетворена этим». И великая княгиня Мария первое время была счастлива тем, что выбор пал на нее: «Я даже более чем удовлетворена, большего я никогда не смогла бы иметь; великий князь любезен насколько возможно и объединяет в се-

бе все лучшие качества. Я могу себе польстить, что очень любима своим женихом; это делает меня очень, очень счастливой». Даже английский посол, который руководствовался скорее собственными политическими интересами, чем династическими чувствами, сообщал своему правительству: «Придворное общество с большой похвалой говорит о принцессе Вюртембергской; превозносят ее красоту и ее манеры. Великий князь, как кажется, испытывает к ней нежную любовь, так что принцесса будет иметь над сердцем своего супруга такую же власть, как и ее предшественница, только при своем выдающемся уме она, бесспорно, найдет этому лучшее применение».

Мария и Павел любили и доверяли друг другу, несмотря на простой меморандум. Помимо этого при сложном характере Павла супруге никогда не было с ним легко. Несмотря на все превратности, она держалась его и вдобавок подарила ему 10 детей. Естественный порядок наследования в династии мог быть гарантирован. В 1777 году родился первый сын — Александр, двумя годами позже появился Константин. Екатерина II была очень довольна. Герцог Фридрих Евгений в далеком Вюртемберге был вознагражден добрым пансионом. Юная пара получила недалеко от резиденции Царское Село поместье, которое по имени великого князя Павла было названо Павловском и на землях которого вскоре после этого был сооружен великолепный дворец. Мария Федоровна обустроила в небольшой усадьбе уютный домашний очаг и оказывала особое влияние на оформление обширного ландшафтного парка, который должен был ей напоминать о вюртембергской родине. Более того, после осмотра в 1782 году замка Хохенхайм под Штутгартом она даже велела построить в Павловске, по образцу увиденных там, искусственные руины, водопады и хижинки.

Но с обоими сыновьями началась игра, которая повторяла ту, что практиковала однажды Елизавета: Александра и Константина забрали у родителей и воспитывали под надзором императрицы. После того как в 1783 году родился третий ребенок — дочь Александра, императрица подарила своему сыну замок в Гатчине под Санкт-Петербургом. Она будто бы сослала его от двора. Павел создавал в Гатчине собственный военный гарнизон. Оказалось, что постоянное чередование петербургского Зимнего дворца, Петергофа (где воспитывались Александр и Константин) и Гатчины имело негативные последствия

для воспитания мальчиков. Однако влияние Марии Федоровны недооценивали, не отдавали должное тому, что двор в Гатчине, так же как и «большой двор» в Петербурге, стал местом встречи литераторов, художников и ученых. Великая княгиня поддерживала свои просветительские воззрения в рамках существовавших финансовых возможностей. Она была инициатором кругосветной экспедиции Крузенштерна или научной экспедиции Отто фон Коцебу. Российская академия наук избрала Марию Федоровну своим почетным членом.

Помимо этого она была известна своими литературными интересами, которые ориентировались главным образом на французскую и немецкую литературу. Друг Шиллера Максимилиан фон Клиндер жил при дворе в Гатчине в качестве чтеца великого князя Павла. Он позаботился о том, чтобы в 1787 году в театре в Гатчине был поставлен «Дон Карлос». Великодушному содействию Марии Федоровны и активной работе Максимилиана фон Клингера обязана немецкая литература своим оживлением и внимательным отношением в Гатчине. Она достигла того уровня, какого не знал петербургский двор. И напротив, когда в 1795 году Екатерина II составила список книг, которые финансировались и приобретались для Гатчины, среди них не было ни одной работы Шиллера.

Мария вынуждена была вместе с Павлом переживать периоды пессимизма. Но пессимизм не переходил в абстрактное сомнение о смысле господства и правления. Из него выливалась ненависть к матери, ярость по отношению к узурпаторше трона и воля однажды распространить на всю Россию установленную в Гатчине военно-консервативную власть. В этом отношении Мария не могла умерить эмоции своего супруга. Не требовалось опыта Французской революции, чтобы отучить его от мысли о либеральном реформировании России в духе Просвещения. Об этом его мать позаботилась сама. В свои 30 лет Павел был твердо убежден в самодержавии. Согласно его пониманию Россия не нуждалась в реформаторских законах. Жалованную грамоту дворянству Петра III он считает излишней. Дворянство следовало скорее вернуть к его должностным обязанностям. Духовенство должно было отстаивать чисто православное учение, крепостное право следовало укрепить.

Способы видения Павлом перспективы оказывали отрицательное влияние на весь его образ жизни. Тем не менее вокруг

его личности стал различим новый для истории династии Романовых элемент. Все браки царей и наследников престола заключались из династически-политических соображений. Михаил Федорович и его сын Алексей еще заботливо скрывали от общественности свои семейные связи. Благодаря Петру I западноевропейские принцессы торжественно вступили в императорский дворец Российской империи. Ни у Алексея Петровича, ни у Анны Леопольдовны, ни у Екатерины II браки не отличались гармонией или обоюдной теплотой. Анна I и Елизавета I не были замужем. Брак Павла и Марии Федоровны в первые годы в основном был относительно гармоничен, за чем можно увидеть старание супруги связать западноевропейскую аристократическую семейную культуру с просветительскими и культурными жизненными проявлениями, которых достиг русский двор, и дать в семье разрываемому внутренними противоречиями супругу и детям защиту и убежище. Без сомнения, в течение XVIII века брак и семья в русском дворянстве развивались в направлении все более видимой открытости к Западной Европе. Природа, романтика, литература и искусство торжественно вступали во дворы знати. С Марией Федоровной эта тенденция получила новое практическое развитие за счет того большего акцента на политической ответственности императрицы и более глубокой интеграции западноевропейской дворянской культуры в жизнь двора. В этом отношении Мария Федоровна начала новый этап в истории русской царской семьи, начало которого оказалось таким трудным, потому что характер у Павла был тяжелым, а отношения с императрицей очень сложными.

С течением лет Екатерина II давала понять, как мало она считает Павла пригодным для трона. Вместо этого она протезировала внуку Александру и его брату Константину. Павел и Мария замечали, что императрица оттесняет их от двора. Весь тот милитаристский спектакль, который наполнял течение дней в Гатчине, был настолько ориентирован на прусско-гольштейнские традиции Петра III, что мог быть воспринят императрицей как упрямство наследника престола. В результате Екатерина устанавливала еще большую дистанцию. Но она никогда однозначно не высказывалась за Александра как кандидата на трон.

В ноябре 1796 года пришло время решения. С Екатериной случился второй удар. Павел вместе с Марией находился в Гатчине. Сначала к смертному ложу бабушки привели Александр-

ра. Но вопреки всем слухам ни с ее стороны не было сказано решающего слова, ни Александр не предпринял каких-либо шагов, чтобы захватить власть. Он сразу же послал доверенного своего отца Федора Ростопчина в Гатчину, а сам спокойно ждал прибытия Павла.

Вступление на трон и благотворительность

В качестве нового императора Павел вступил на трон. С этого момента желание мести сопровождало его. Было удивительно, как маленький, гонимый, презираемый и удаленный от искусства правления человек сразу же взял в свои руки бразды правления государством. Он занимал помещения рядом с комнатой, в которой умерла императрица. Каждый придворный для доклада должен был пройти мимо умирающей императрицы. Едва мать умерла, император Павел дал свободу своим убеждениям. Страну наводнил поток предписаний. Павел указывал, какие шляпы следует носить, сколько лошадей впрягать в карету, кто когда может давать какие приемы, и т.д. Наконец-то Павел мог перед обществом проводить парады своих солдат. Наконец-то ему было разрешено командовать гвардией. Наконец свершилась его воля. После всех лет презрения Павел наслаждался своим положением самодержца.

С особым презрением он относился к матери. Отныне все дворцы, в которых проживали Екатерина и ее фавориты, стояли пустыми. Останки Петра III были выкопаны, уложены в новый саркофаг и установлены рядом с Екатериной для торжественного прощания. Павел лично наблюдал за приготовлениями к погребению обоих «императорских величеств». В траурной процессии Алексей Орлов должен был нести царскую корону за гробом Петра III. Многие зрители, в том числе и сыновья, втайне спрашивали себя, достаточно ли тщательно продумал новый император свои действия. Но что подумает супруга, что подумают дочери?

В апреле 1797 года двор поехал на коронацию в Москву. На торжествах было строго, трезво, по-военному и очень религиозно. Павел режиссировал. Были и банкеты, и балы, но никто не отваживался весело и беззаботно наслаждаться жизнью. Высшим наслаждением для императора было то, что в день коронации, 24 апреля 1797 года, указ лишил силы постановле-

ния Петра Великого, согласно которым только император ответственен за порядок престолонаследия. Теперь корона вновь могла переходить естественным порядком наследования к первому рожденному сыну. Если он не оставлял наследников мужского пола, корона по праву первородства переходила к братьям. На практике такое регулирование наследования престола было стабильнее, чем решения Петра I. До Николая II указ применялся без особых проблем.

Вместе с коронацией Павла Александр был официально провозглашен наследником престола, хотя Павел и не должен был опасаться сына, видя в нем соперника и конкурента. Император распределил задачи и не исключил при этом супругу. В то время как Мария Федоровна до сих пор уединенно жила с мужем в Павловске и Гатчине или в тесном семейном кругу, императрица теперь предстала перед обществом все более значимой. Павел I возложил на нее ответственность за общую благотворительность. Мария Федоровна приняла под свое покровительство и оказывала финансовую поддержку госпиталям, сиротским приютам, учреждениям для малолетних преступников, образовательным заведениям, кухням для бедных, ночлежкам и разнообразным учреждениям, в которых благодаря благотворительным пожертвованиям императорской семьи можно было несколько облегчить жалкую жизнь самых бедных слоев населения. Для этого Павел I ежегодно предоставлял в ее распоряжение один миллион рублей, часть которого для умножения капитала вкладывалась в банк, ведающий содержанием сиротских домов, и вдовьи кассы. На протяжении всей своей жизни императрица прилежно трудилась в этой социальной сфере, развивая уже существовавшие традиции. Своих дочерей она воспитывала в духе ответственности за людей, нуждающихся в поддержке. С особым вниманием она относилась к детям. От нее исходили решающие импульсы для развития культурной, литературной и музыкальной жизни при дворе, и она определяла направления брачной политики дома Романовых. Даже при том, что, согласно существующему праву, последнее слово всегда было за императором, императрица имела определяющее влияние на подготовку всех решений при воспитании и вступлении в брак своих детей. Она использовала свое влияние не только в отношении наследника престола, но и в отношении дочерей.

Благодаря лучшим ученым и поэтам, приглашенным ко двору, дочери получили превосходное образование и воспитание. Они были равно образованы как в правовой, так и в политической и музыкальной областях. Этих девушек ожидала миссия, которая была основана Петром I и с тех пор претворялась в жизнь во все возрастающих масштабах: сыновья и дочери русских императоров должны были охранять властно-политические интересы дома Романовых на всем европейском континенте и обеспечивать тесные связи с европейской аристократией. Наследник престола Александр в 1793 году женился на Луизе Марии Августе (Елизавета Алексеевна) Баден-Баденской. Великий князь Константин в 1796 году женился на Юлиане (Анна Федоровна) Саксен-Кобургской. Правда, брак распался. Великая княжна Александра Павловна в 1799 году вышла замуж за Иосифа — наследного герцога Австро-Венгерского. Великая княжна Елена Павловна в 1799 году вышла замуж за Фридриха Людвига — наследного герцога Мекленбург-Шверинского. Точно так же еще при жизни Павла I был решен вопрос о браке великой княжны Марии Павловны с Карлом Фридрихом — наследным герцогом Саксен-Веймар-Айзенахским. После убийства Павла I в 1801 году Мария Федоровна усилила однажды избранную брачную политику, придав ей еще большую ответственность. Великая княжна Екатерина Павловна первым браком в 1809 году вышла замуж за Георга Петера — наследного принца Гольштейн-Ольденбургского. Второй брак — с кронпринцем и позднее королем Фридрихом Вильгельмом Вюртембергским — заключен в 1816 году. Неопределенный план сочетаться браком с Наполеоном I Мария с возмущением отклонила. Великая княжна Анна Павловна в 1816 году вышла замуж за нидерландского кронпринца и позднее короля Вильгельма I. Великий князь Николай в 1817 году был обвенчан с Луизой Шарлоттой (Александра Федоровна), дочерью короля Пруссии, а великий князь Михаил женился в 1824 году на принцессе Фредерике Шарлоте Марии (Елена Павловна) Вюртембергской.

Все дети Павла и Марии — за исключением «белой вороны» Константина, который после развода жил в морганатическом браке с польской дамой (графиня И. Грудзинская — позже княгиня Лович. — *Прим. ред.*) и добровольно отрекся от престола, — были связаны с европейскими княжескими домами. Это был династический прорыв в Европу до сих пор невидан-

ного масштаба. Без сомнения, инициатором в особой мере была императрица Мария Федоровна. Предпосылки для этого лежали в политической и финансовой сферах. После Французской революции немецкие и европейские княжеские дома видели в Российской империи основную силу, которая могла их защитить, и со своей стороны стремились к династическим связям с семьей Романовых-Гольштейн-Готторпских. Она же использовала возможность укрепить свое политическое влияние в Центральной Европе. Оба пласта интересов были связаны друг с другом, даже если порой могло возникнуть впечатление, что внешняя политика Павла I противодействует этому.

В то время как Мария Федоровна выполняла свои благотворительные и семейные задачи и составляла брачные планы для детей, Павел I с наследником престола инспектировал армию. Пристрастие Павла ко всем формам военной дисциплины было известным. Тем не менее в России надеялись, что он продолжит реформы. Эти надежды не оправдались. Александр отмечал в октябре 1797 года: «Когда мой отец вступил на престол, он хотел реформировать все. Начало времени его правления было многообещающим, но позже вложенные в него ожидания не исполнились». Важнейшее различие с Екатериной II состояло в недостатке чутья в реальных властных отношениях и средоточия интересов различных общественных групп внутри империи и за ее пределами. Он недооценил оппозиционные течения поместного дворянства и среди офицеров гвардии. Он не потерял необходимого глазомера для финансовых возможностей Российской империи.

Павел дал сигнал к повороту в крестьянской политике. Времени для завершения начинаний было недостаточно, но многое оказалось вполне реальным. Свободомыслия и сословного стремления к автономии Павел не понимал. Независимые идеи считались изменой. Мечты о либеральной конституции он считал чистым якобинством.

С осени 1797 года появились первые слухи о заговоре в гвардии. Императрица слышала их, так же как и ее муж. Павел принял решение построить в центре столицы хорошо укрепленную крепость, которая защитит его в случае заговора, — Михайловский дворец. В 1797 году начались строительные работы. Многие современники связывали строительство крепости с прогрессирующей у Павла манией преследования.

Отец Павла был лишен жизни в результате офицерского мятежа. Было восстание Пугачева и Французская революция. Павел пережил все это, и события тех лет не прошли для него бесследно. Но император Павел I не был сумасшедшим. Он был здоров телесно и вел со своей супругой, по меньшей мере до вступления на престол, хорошую и здоровую семейную жизнь. Павел I стремился укрепить международное положение России как великой державы. Он хотел изгнать дух Французской революции. Находящаяся в руках Марии Федоровны брачная политика была лучшим тому доказательством.

Характер Павла и возникшая на этой основе политика были неуравновешенными, скачкообразными. Вся Европа тогда была неуравновешенной и иррациональной. Ни один монарх или политик не мог сказать, каким будет положение в Европе после революции во Франции. Павел стремился проводить политику невмешательства и одновременно напал на революционную Францию. Павел ощущал себя оплотом европейской аристократии, с которой он благодаря своей супруге смог установить семейные связи. Когда в 1798 году Наполеон занял Мальту, Россия вступила во вторую войну коалиции против Франции. Коалиция вновь потерпела поражение, и Павел I искал нового союзника. Он нашел его во Франции. Очевидно, император не смог привести своему окружению достаточных доказательств для изменения политического курса. На это повлияли слухи о заговоре. Первоначально они основывались на стихийном произволе царя, на урезании прав дворянства, на введении прусской дисциплины в армии и на навязчивом стремлении все регламентировать и контролировать. Недоверие Павла не останавливалось и перед собственной семьей, перед женой и наследником престола, у которых, конечно, не было недостатков в доказательствах лояльности.

Император все более и более переносил на супругу скрытую злобу, которую некогда испытывал к матери. Он лишал Марию Федоровну своего доверия, все дальше отстранял от управления. Говорят, он публично унижал ее: «Вы имеете намерение, Мадам, завести друзей и готовитесь играть роль Екатерины II, так знайте, что Вы не найдете во мне Петра III». Дневники Марии Федоровны позднее были сожжены, а писем тех месяцев почти нет. Существуют лишь некоторые свидетельства о ее душевном состоянии в умирающем браке, факты, которые содержат достаточную информативность.

Еще до вступления на престол Павел избрал себе в качестве метрессы придворную даму Марии — Екатерину Нелидову. Настойчивые жалобы Марии Екатерине II ничего не изменили. Императрица только поставила перед невесткой зеркало и успокоила её, сказав: «Соперница — всего лишь маленькое чудовище». В 1793 году Павел удалил Екатерину Нелидову, и Мария вздохнула свободно. Теперь, когда реакция императора была все более ужасной, Мария Федоровна привела Нелидову обратно ко двору. Павел до известной степени слушался бывшей метрессы. Мария Федоровна и Екатерина Нелидова, объединившись, пытались удержать императора от бесчисленного числа решений и тем самым пробуждали его недоверие. В 1798 году он уничтожил «заговор». Екатерина Нелидова была выслана от двора. Друзья Марии попали в немилость и также были вынуждены покинуть двор. В ярости император лишил супругу руководства сиротскими домами и тем самым надавил на одну из самых болезненных точек. По древнерусскому обычаю ей грозила ссылка в монастырь.

Весной 1800 года идеи заговора получили конкретные очертания. Назывались имена Никиты Панина, адмирала Дерибаса (в тексте — *de Ribas*) и все чаще военного губернатора Петербурга графа Петра фон Палена. Панин посещал наследника престола и говорил с ним о необходимости отстранения Павла от престола. В свете дальнейшего развития событий остается под вопросом, сообщал ли Александр матери о своих наблюдениях и высказывал ли свое мнение.

В 1800 году дочери Павла I Александра и Елена уже были выданы замуж в Австрию и Мекленбург, и продолжались переговоры с Саксонией-Веймаром о бракосочетании Марии. Александр и Константин были критично настроены по отношению к отцу. Мария Федоровна не делала тайны из своих антинаполеоновских взглядов. Маловероятно, что Мария по меньшей мере не догадывалась о планах заговора. Внешне она хранила молчание и покорялась воле супруга.

13 февраля 1801 года Павел I с женой и детьми отправился в Михайловский дворец. Посреди Петербурга императорская семья жила в средневековом замке, способном защитить и дать отпор врагу. Рвы с водой, подъемные мосты, надежно защищенные двери и прекрасно организованная система охраны, которую Павел лично и регулярно проверял, должны были

обеспечить желанный покой и защиту от покушений. Павел потребовал, чтобы и оба великих князя Александр и Константин проследовали во дворец. 5 марта они въехали вместе с семьями.

В конце февраля Александр провел совещание с графом Паленом. Царевич потребовал, чтобы в ходе переворота его отцу не было причинено никакого вреда. Однако в России не существовало опыта обращения со свергнутым царем. Если при Елизавете и Екатерине II все ставила на карту горстка гвардейцев, обладавших большими способностями к импровизации, то здесь фактически вся петербургская аристократия совершенно открыто с наслаждением готовилась к свержению деспота. Александр дал свое согласие, но старался не думать о возможных последствиях.

Переворот произошел в ночь на 11 марта 1801 года и завершился убийством императора Павла I. Граф Пален поспешил к Александру с новостью, что Павел I скончался от удара. Александр, казалось, был в отчаянии, жена Елизавета призывала его к стойкости. Александр поехал в Зимний дворец и показался гвардейским полкам. Он сказал, что его отец умер от удара. Шотландский врач Джеймс Вили засвидетельствовал эту причину смерти. Родилась легенда. Император Павел I был мертв. Редко в России раздавался такой крик ликования. Все надежды возлагались теперь на Александра. Хотелось как можно скорее забыть тяжкие годы правления Павла I.

Вдовствующая императрица в имперской политике

Мария Федоровна за годы совместной жизни с Павлом I показала себя экономной, жизнелюбивой, корректной, порядочной и всегда такой же доброжелательной, как и вежливой. Как княжеская дочь, она была воспитана для княжеского брака и придерживалась правил игры, соответствующих своему положению. Постоянные беременности, авторитет Екатерины II и причудливый нрав супруга хотя и ограничивали возможность ее политического движения, но не парализовали его. В связи с заговором против Павла имя Марии не упоминалось. Представляется правдоподобным, что она не знала о подготовке к убийству. Об этом рассказывает и в течение многих лет близкая к ней и ее детям графиня Ливен.

Убийство Павла I открыло Марии сферу ответственности, как и поле деятельности, которые она до сих пор и не могла и не

должна была использовать. Ее положение вдовствующей императрицы обеспечило значительное влияние, которое она широко использовала по мере того, как потребности коалиционной войны с Наполеоном и оформление европейского послевоенного порядка вынуждали ее к тому, чтобы действительно применять в интересах России и монархической Европы составленный ею проект династической сети. Молодой император Александр I был противоречивым человеком, мечта которого заключалась в новом политическом порядке в Европе в соответствии с христианско-этическими представлениями об идеалах. Итогом был «Священный союз». Мария Федоровна имела большое влияние на всех детей, в том числе и на Александра.

Мария Федоровна стала вмешиваться в действия сына после того, как в декабре 1805 года была проиграна битва под Аустерлицем. Она подвергла критике решение Александра самому выступить во главе армии и с большим скепсисом отнеслась ко встрече Александра с Наполеоном в Тильзите летом 1807 года, потому что рассматривала русские обязательства перед Пруссией как преувеличенные, признала ошибкой присоединение России к континентальной блокаде и считала нетерпимым союз с узурпатором Наполеоном. Когда в 1807 и 1808 годах возникла идея вступления в брак ее дочери Екатерины с Наполеоном, она выразила жесткий и основательный протест. На Эрфуртской встрече в 1808 году Александр точно следовал желаниям матери и в письме подтвердил ее взгляды: «Час, когда мы со спокойствием будем наблюдать за гибелью Бонапарта, недалек». В годы после Венского конгресса Мария Федоровна много раз путешествовала по Европе. Она сопровождала своего сына на мирных конгрессах и навещала заключивших брак за границей детей, которые, со своей стороны, регулярно совершали визиты в Петербург. Двусторонние посещения были семейными встречами, темы разговоров которых общественности не сообщались, но в любом случае они были связаны с важными политическими решениями для дома Романовых. Это дал понять и великий герцог Саксен-Веймар-Айзенахский Карл Август. Саксен-Веймар после принятых в 1817 году в Карлсбаде решений о его либеральной позиции имел политическую репутацию «гнезда якобинства». В ноябре 1818 года Мария Федоровна поехала в Ваймар и внесла свой вклад в то, чтобы тамошний двор не выскользнул из структуры «Священного союза». Но и ее дочь Мария Павловна

проявила достаточно собственной смелости, не опираясь на традиции классического Веймара. Она выбрала другой путь. Вместе с учрежденным ею «Патриотическим институтом женских союзов» она подчинила своему патриархально-самодержавному контролю все общественные благотворительные учреждения и вдобавок ко всему гарантировала княжескому дому надежный источник дохода, который, кроме того, был связан с петербургской государственной казной.

Итак, после убийства супруга Мария Федоровна не ушла в частную жизнь. Напротив, она оказывала прямое влияние на конкретную политику и прочно закрепила дом Романовых в Центральной Европе. Этой цели были посвящены даже последние годы ее жизни. В 1824 году в Санкт-Петербург приехал веймарский наследный герцог Карл Фридрих с супругой Марией Павловной и детьми Марией и Августой. Во время этого посещения обсуждались вопросы обручения дочерей с прусскими принцами. В 1825 году умер Александр I. За его смертью последовал «великодушный спор» между сыновьями Марии Константином и Николаем за престол, уладить который существенно помогла Мария Федоровна за счет своего личного авторитета.

Вдовствующая императрица умерла в 1828 году. Цель ее петербургской жизни была достигнута. Династические связи с европейской аристократией, которые не удалось установить в XVII веке и которые были редкими в XVIII веке, превратились в норму дома Романовых и продолжались до конца династии на русском престоле в 1917 году.

Личность Марии Федоровны вызывала спорные оценки современников. Некоторые, отзываясь о ней, говорили, что она постоянно сплетничала, говорила обо всем и всяком, была ненасытна в своем тщеславии, была выскочкой и жаждала быть в центре всеобщего внимания. Другие считали ее замечательной, занимающейся благотворительностью женщиной, которая не обладала большими дарованиями, была ограниченной, «немкой», проникнутой всеми возможными аристократическими предрассудками. Она любила во всем порядок, но соответствовала тому месту, на которое ее поставили. Она любила немецкую литературу, и если в начале XIX века произведения Гёте, Шиллера или Виланда и других немецких поэтов нашли в России широкое распространение, в этом немалая доля участия Марии Федоровны.

Глава 12

Тихая страдальица героического времени: императрица Елизавета Алексеевна

Елизавета Алексеевна – принцесса
Луиза Августа Баден-Баденская
[13 января (по новому стилю) 1779 года – 4 мая 1826 года],
жена (с 28 сентября 1793 года) великого князя
Александра Павловича, позднее
императора Александра I.

Принцесса Луиза Баден-Баденская вышла замуж за Александра Павловича в 1793 году. Великий князь Александр постоянно разрывался между бабушкой и отцом, и только мать, Мария Федоровна, заботилась о спокойствии и согласии. Дом Романовых с большим размахом расширял свои династические связи с Германией. Принцесса из Бадена заслуживала всяческих похвал, однако происходила не из великой аристократической державы. Кроме того, баденцы жили в непосредственной близости от мятежной Франции. Для невесты все это являлось плохими предварительными условиями, да и избранник, несмотря на сияющую молодость, обладал некоторыми сложными чертами характера.

Александр под присмотром Екатерины II рос в спартанских условиях и получил хорошее воспитание и образование. Среди прочих она в 1783 году пригласила домашним учителем умеренно-либерального швейцарского ученого Фредерика Сезара Лагарпа. Екатерина II рано готовила наследника престола к задачам правления. Мальчик делал, что от него требовали и ожидали. Влиятельные придворные и иностранные дипломаты предполагали, что Екатерина в обход естественного порядка наследования будет форсировать женитьбу Александра. Но свадьба Александра с принцессой Луизой не была логическим косвенным доказательством возможного лишения наследства Павла Петровича. Как говорят, императрица знакомила Павла и его жену с брачными планами, когда Луиза уже пребывала в Петербурге. Луиза была тогда очаровательной 14-летней девушкой. Она была дочерью маркграфа Карла Людвига Баденского. Мать Амалия происходила из Гессен-Дармштадского дома и была сестрой первой жены Павла Петровича. Таким образом, Луиза как племянница этой умершей первой супруги Павла была по меньшей мере в непрямом родстве со своим женихом Александром. Великий князь Павел и Мария Федоровна никоим образом не таили зла на свою будущую невестку за решение Екатерины, хотя отношение Марии Федоровны к Луизе в последующие годы значительно ухудшилось.

Екатерина перенесла свойственное ей восторженное отношение к Александру и на его жену. После «превращения» Луизы в православную Елизавету Алексеевну и бракосочетания

Екатерина писала: «Все сказали, что здесь поклялись в верности два ангела. Нет ничего более трогательного, чем видеть этого 15-летнего жениха со своей 14-летней невестой». (Александр родился 12(23).12.1777, а Луиза — 13(24).1.1779. — *Прим. ред.*) Александр охотнее молчал, был вежлив и сожалел, что волнения удерживают его от занятий. Возможно, он был слишком молод и неопытен, чтобы видеть девушку такой, какой воспринимали ее современники: «Ей еще не было 16 лет; ее черты были красивы и правильны, а овал лица безупречен: чудесный свет ее облика не имел четких очертаний, а бледность гармонировала с выражением, кротость которого позволяла ей походить на ангела...»

После того как 9 октября (по новому стилю) 1793 года была отпразднована свадьба, юная пара удалилась к родителям в Гатчину. Александр и Елизавета жили в полной семейной гармонии. Но проходил месяц за месяцем, а ожидаемое с нетерпением появление наследника не происходило. Екатерина II стала нетерпеливой, и больше чем ирония таилась в повторяющихся расспросах Марии Федоровны, не находится ли добрая Елизавета в интересном положении. Потому что Мария Федоровна была «сознательнее в отношении к престолу». Она производила на свет одного ребенка за другим, среди них в 1796 году сына Николая — позднее императора Николая I. При жизни Екатерины II Александр и Елизавета не выполнили желаний в отношении наследника, которые им высказывали. Вследствие этого ощутимо нарушено было их семейное единение, и по этой причине к концу жизни интересы Екатерины были направлены не на Александра. Она вновь искала определенного сближения с сыном Павлом и послала к нему Лагарпа с просьбой о содействии. Швейцарец действительно завоевал расположение и, очевидно, в том, что Павел в 1796 году без противодействия взшел на престол, есть и его доля.

Под деспотией Павла I

Павел I взшел на престол в декабре 1796 года, а за этим последовали раздираемые противоречиями годы его правления. Александр и его супруга продолжали вести почти незаметную жизнь наследной четы. В то время как Александр должен был все-таки выполнять многочисленные официальные обязанно-

сти, о жизни Елизаветы между 1797 и 1801 годами можно сообщить лишь о трех примечательных событиях. В мае 1799 года она произвела на свет своего первого ребенка. Однако девочка, Мария, умерла уже в июле 1800 года. Наследник престола и далее заставлял себя ждать. Император Павел распространил свою патологическую недоверчивость и на невестку и так же, как и своей жене, грозил ей монастырем. В начале марта 1801 года Елизавета вынуждена была последовать за мужем за стены Михайловского дворца в Санкт-Петербурге и была по меньшей мере косвенным свидетелем заговора. В конце концов император Павел I был убит. Наследник престола обессилел и плакал: о смерти отца, что произошло то, чего он стремился избежать, и о том, что он, который никогда не мог окончательно решиться, теперь вот должен править. Жена в эти тяжелые часы уговаривала его. С начала их брака она верно стояла на его стороне, доверяла ему и оставалась ему надежной спутницей. Александр отправился в Зимний дворец, говорил с гвардией и приступил к правлению с сознанием того, что у его начала стояли заговор и отцеубийство.

Не вместе, но рядом с императором Александром

Кончина Павла вызвала бурю восторга. Ожидали, что молодой император откроет новую эру либеральных реформ. Если Александр подчеркивал, что хочет так править народом, «как доверил ему Господь всемогущий, в согласии с законами и в духе Нашей почитаемой, почившей бабки Екатерины Великой», это хотя и предвещало большую свободу в духовной сфере, но не отступление от самодержавия и дворянских привилегий.

Александр отозвал Лагарпа, но новый Государственный совет сильно напоминал последние годы правления Екатерины II и принес императору популярность среди дворянства. С друзьями своей юности – Чарторыйским, Новосильцевым, Строгановым и Кочубеем – Александр в кружке «молодых друзей» обсуждал все общественно-политические проблемы России и Европы. Кроме расширения духовного горизонта участников дискуссий из этого мало что выходило. Друзья в основном приходили лишь к убеждению, что современные общественные теории в России неприменимы. Конституция – для императора это было в лучшем случае собрание законов или устав

строевой службы военного покроя. Елизавета принимала в дебатах духовное участие. Она много читала и знала и имела с друзьями Александра очень хорошие личные отношения. Злые языки говорили, что умершая дочь была плодом отношений с Адамом Чарторыйским. В действительности ее отношение к Александру все более и более переходило на путь товарищества.

В сентябре 1801 года в Москве состоялась церемония коронации. Александр и Елизавета строго придерживались предписанного ритуала — вплоть до паломничества к могиле Сергия в Троице-Сергиевой лавре. Они вздохнули с облегчением, когда в конце октября смогли вновь вернуться в близкий им Санкт-Петербург и отдохнуть от напряжения.

Внутри страны и за границей ждали, как Александр поступит с отцовским наследством. Могущество Наполеона заметно усилилось. Первые сигналы указывали на то, что Александр чувствует себя призванным наряду с Наполеоном выступить в качестве господина Европы. Благодаря инициативе Марии Федоровны произошло сближение с королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом III. В июне 1802 года император встретился в Мемеле с прусским королем. Встреча закончилась без заключения формального соглашения. Тем не менее Александр был доволен. У него установились нежные отношения с прусской королевой Луизой, которые сопровождали его в последующие годы. Императрица Екатерина II была известна своей любовью к мужчинам. Павел I, хотя и был благонравно и плодovито женат, имел любовницу. Александр I не разорвал эту традицию. В то время как Елизавета самоотверженно пребывала в России, он любил многих женщин — среди них и прусскую королеву.

В это же время при петербургском дворе наблюдали первые перемены настроения. Императрица Елизавета вынуждена была постоянно соответствовать своим общественным обязанностям. Ей это давалось все с большим трудом, так как, в отличие от времени после убийства Павла, император начал заметно отстраняться от нее. Она чувствовала, и не напрасно, что он обращается с ней холодно, самовластно, что он отвергает её. Причина лежала прежде всего в любовных отношениях с польской графиней Марией Нарышкиной. Эта история продолжалась уже несколько лет. Из-за Польского вопроса, а

также из жалости к императрице она временно прерывалась, но не заканчивалась. Любовница была обольстительной, умной и пребывала замужем за одним из богатейших мужчин Петербурга. В 1803 году она ожидала ребенка от Александра. Она надеялась на развод императора и открыто и провокационно выставляла беременность на всеобщее обозрение. Мария Федоровна окружила любовницу своего супруга Павла, по взаимному согласию, дружбой и расположением. Так было принято при царском дворе, и в конце концов сама Мария Федоровна произвела на свет десять детей! Императрица Елизавета находилась в другой ситуации. Она не обладала ни физической, ни моральной стойкостью своей свекрови. Первый ребенок Елизаветы Алексеевны умер, вторая дочь, названная Елизаветой, появилась на свет в 1806 году, но не прожила и двух лет. Часто императрица не чувствовала себя в России в полной безопасности. При дворе и в политике, даже в отношении к супругу Мария Федоровна отодвигала ее на задний план. Тем не менее Елизавета любила мужа ради него самого. Нарышкина была для нее вульгарной девкой, которая хотела разрушить гармоничный брак. Несмотря на это, Елизавета приложила силы, чтобы добиться хорошего отношения с Марией Нарышкиной. Когда любовница Александра произвела на свет дочь Софию, Елизавета усиленно заботилась об этом ребенке и была так же опечалена, как и император, когда девочка умерла.

Но Нарышкина была не единственной любовницей Александра. Елизавета упражнялась в терпении и жила в отважной вере, что она единственная понимает неуравновешенного императора, который еще узнает ее великодушие и однажды полный раскаяния вернется к ней.

Действительно, отношения императора и императрицы носили товарищеские доверительные отношения. Постоянство этих отношений помогало обоим справляться с трудными задачами, которые должна была решать Россия в предстоящие годы.

Уже в 1803 году Наполеон распознал в России опасного соперника в господстве на континенте. В русско-французских отношениях наступил кризис. Похищение и казнь герцога Энгийенского привели в ужас петербургский двор. Прямо-таки оскорбительно было, когда Наполеон принудил к отречению

маркграфа Баденского. Императрица Елизавета происходила из Баденского дома. Наполеон тем самым совершил антирусский жест и провоцировал немедленный разрыв дипломатических отношений. Когда в 1804 году Наполеон провозгласил себя императором, России единодушно не признала это незаконное притязание. В мае 1805 года Наполеон короновал себя и королем Италии. Англия, Австрия и Россия объединились в третьей коалиции.

Аустерлиц и европейская война

В то время как императрица Елизавета, беспокоясь, ждала в Петербурге, Александр отправился на войну. Россия и Пруссия заключили тайный договор, который австрийский посланник Клеменс фон Меттерних назвал «катастрофой». Пруссия намеревалась представить Франции мирные предложения. Если бы Наполеон их отклонил, Пруссия в конце 1805 года вступила бы в третью коалицию. Перед тем, как 5 ноября уехать, Александр с прусским королем и Луизой инсценировал спектакль. В ночной час три монарха при горящих факелах поднялись в крипту гарнизонной церкви в Потсдаме. Перед гробом Фридриха Великого они обнялись и поклялись в вечной дружбе. Значение этого жеста вскоре обнаружилось.

Александр отправился дальше к своей сестре в Веймар. Она уже добрый год была замужем за наследным принцем Карлом Фридрихом Саксен-Веймар-Айзенахским и усиливала благодаря энергичной поддержке матери, а также невестки Елизаветы русские позиции среди немецких малых государств. Обе русские императрицы не отказывали во внимании классическому Веймару. Во время своего визита Александр возобновил контакты и поспешил в Бёмен к преследуемому австрийскому союзнику.

2 декабря 1805 года произошла битва при Аустерлице. Русские военачальники, такие как Кутузов, Багратион, Милорадович, великий князь Константин или Ф. Ф. Буксгевден, вместе со своими офицерами и солдатами демонстрировали примеры боевого духа, желания сражаться и безрассудной отваги. И все-таки они были побеждены военным искусством Наполеона. К вечеру битва для коалиции была проиграна. Александр надеялся на вмешательство Пруссии. Австрийцы потеряли всякую

надежду на спасение. Император Франц просил Наполеона о сепаратном мире.

Русский император отправился в Санкт-Петербург. Он намеревался продолжать войну от заключения почетного для России мира. В Петербурге никто не встретил его с упреками, хотя жертвы были велики — 20 000 человек убитыми, ранеными и пленными. Появились сомнения. Императрица Елизавета писала своей матери: «Мама, лучше не упоминать об Аустерлице, об этой неисчерпаемой теме следовало бы так много сказать, что не знают, где начать об этом писать». Тем не менее в семье усиленно искали причины поражения. Критически исследовались состояние армии, политические советники и даже нерешительность царя. Александр вынужден был выслушать от Марии Федоровны горькие слова. Анализ событий при Аустерлице упирался в кризис правления, который характеризовался также и снижением популярности императора. Он ушел в себя, был угнетен, безрадостен и цеплялся, как и его предшественники на троне, за самодержавное правление, окруженный гневным сопротивлением матери. Только Елизавета предпринимала усилия, чтобы вновь вернуть ему душевное равновесие. Она не упрекала его и помогала, как только могла. Но он вновь плохо отблагодарил ее за понимание. После сокрушительного поражения при Аустерлице он хотел выиграть время. Александр спасался бегством в объятия любовницы своей Нарышкиной. Французские газеты иронизировали, что в Петербурге политическая жизнь подчинена буйным капризам вдовствующей императрицы, в то время как «коронованная императрица проявляет только незначительное честолюбие, чтобы вновь завоевать сердце своего супруга». Мать Елизаветы послала дочери соответствующие газетные статьи. Императрица понимала истинное содержание иронии, но была слишком гордой и терпимой, чтобы обременять скандалом вдовствующую императрицу и супруга. Весной 1806 года у нее под сердцем был спрятан еще один козырь. Впервые за семь лет она вновь была беременна и страстно надеялась на наследника престола! Если Елизавета в последующие драматические месяцы не появлялась перед обществом, то это происходило не потому, что она, возможно, пренебрегала супругом, а потому, что ей настоятельно необходим был покой. В то время Александр заботился о жене и был рад, когда она 15 ноября

1806 года произвела на свет девочку, Елизавету. Но тень оставалась. Елизавета писала матери: «У меня все хорошо, моя самая любимая мама, и моя маленькая Элиза здорова, и она просит извинения за то, что она девочка, а не мальчик».

Когда родилась маленькая дочь, в Центральной Европе происходили решающие изменения. 14 октября прусская армия была разбита под Йеной и Ауэрштедтом. Поражение Пруссии чрезвычайно обеспокоило императорскую семью. Мария Федоровна приказала дочери Марии уехать из Веймара и почти на год удалиться в эмиграцию в Шлезвиг. Богатое приданое Марии Павловны было доставлено в Россию, сокровища православной церкви предусмотрительно спрятаны в тайном месте в Веймаре. Наполеон требовал незамедлительного возвращения Марии Павловны в Веймар, однако безуспешно. Александр стремился к войне «за самое благородное и справедливое дело» мира. Русская и французская армии встретились у Пултуска и Прёйсиш-Эйлау.

Александр вновь мечтал о том, чтобы самому скакать во главе своего войска. Мать отговаривала его не только от этого намерения, но и в целом от пропрусских обязательств. Александр не слушал ее. 14 июня 1807 года произошло решающее сражение при Фридланде. Русские смогли спасти лишь 5000 человек, переправив их через Неман. Наполеон победил, исход войны был определен. Александр решил на немедленное заключение мира. 21 июня было подписано четырехнедельное перемирие. Наполеон также хотел мира. Германия, Италия и Англия — это были его цели.

Тильзитский мир

25 июня 1807 года состоялась знаменательная встреча обоих императоров в Тильзите. Больше ночи наводились мосты братско-императорской любви. Сестра Екатерина предостерегала Александра: «Пока я живу, я просто не могу свыкнуться с мыслью, что ты дни проводишь с Бонапартом... Вся та лесть, которой он засыпал эту страну, только обман, потому этот человек сам есть смесь коварства, тщеславия и самонадеянности...» Она выражала мнение вдовствующей императрицы, а также и императрицы. Александр не прислушался к этим размышлениям. 7 июля 1807 года договоры были подписаны.

Центральное место занимал русско-французский договор о мире. В то время как Наполеон и Александр после заключительных парадов, присуждения орденов и продолжительных застолий поспешили в свои столицы на Западе и Востоке, прусская королевская пара с новыми разочарованиями возвратилась в Мемель.

В петербургских дворцах императора встретил ледяной холод. Мария Федоровна приняла сына только на минуту. Дворянство отказывалось согласиться на дружбу с Наполеоном. Пакт с Наполеоном был еще более непопулярен, чем тесные отношения с прусским королем. Континентальная блокада навлекла на императора гнев занимающегося экспортными операциями дворянства, предпринимателей и купцов в прибалтийских губерниях. Но Александр после поражений под Аустерлицем, Прёйсиш-Эйлау и Фридландом добился освобождения России от территориальных уступок. Мир был почетным, и никто точно не знал, какие дальнейшие цели преследует император.

Императрица в этот момент была лояльна к супругу и обороняла его самого от Марии Федоровны. В одном из писем Елизавета с беспощадной озлобленностью писала: «Чем больше царь показывает, как велико его единение с новым союзником... тем громче поднимается крик против него, и до сих пор это все принимает вызывающие озабоченность пропорции. Императорская вдова, женщина чрезмерного тщеславия, оказывающая предпочтение льстецам, которые умеют к ней подольститься, была первой, кто подал пример недовольства и открыто высказался против политики своего сына... Вдовствующая императрица, которая как мать должна была бы защищать интересы сына, в действительности стала лидером мятежников... У меня нет слов, чтобы сказать тебе, как меня это злит... Добрый император, самый порядочный из всей своей семьи, кажется мне, предан и продан своими родственниками. Несомненно, он несчастный человек, но чем труднее становится ситуация, тем большую симпатию я испытываю к нему, возможно, даже вплоть до того, что я несправедлива к тем, кто не по-дружески с ним обходится». Конечно, эти мысли были субъективными, но они дают представление о ситуации при дворе и передают душевные порывы русской императрицы.

Россия придерживалась тильзитских договоренностей. Не было и заговора против императора. Когда Наполеон предложил совместный военный поход через Константинополь в Азию, российский император был воодушевлен и инициировал новую встречу для раздела мира между собой. Встреча должна была состояться в тюрингском Эрфурте. Политическая ситуация после Тильзита изменилась. Александр не нуждался в поисках мира. Он одержал верх над всяким сопротивлением в России, в том числе и исходящим из собственной семьи, и вел победоносную войну против Швеции.

Конфликты вокруг встречи князей в Эрфурте

До последнего дня перед своим отъездом в Эрфурт Александр вынужден был бороться прежде всего против Марии Федоровны. Он приводил доводы: «Россия нуждается в определенном времени, чтобы свободно вздохнуть, с тем, чтобы во время этой передышки суметь собрать силы и средства. Мы вынуждены работать в полной тайне, и никто не смеет знать о нашем вооружении и подготовке. Также и на того, кого мы собираемся вызвать, нельзя напасть открыто и вслух... Если все будет по воле Божьей, мы сможем совершенно спокойно ожидать его свержения... Мудрость политики в выжидании, чтобы затем действовать в подходящий момент». Он никого не убедил, но и не позволил удержать себя от своего образа действий, даже матери Марии Федоровне, которая советовала ему не встречаться с «идолом», который и так вскоре будет свергнут. От последствий этого внутрисемейного диспута персонально пострадал один из ее членов. Веймарская наследная герцогиня Мария Павловна, с июня 1808 года находившаяся с визитом в Петербурге, не хотела сердить мать и на время Эрфуртской встречи осталась на Неве. Александр не хотел втягивать сестру в противоречия с матерью и также отговаривал от возвращения в Веймар.

27 сентября 1808 года началось совещание в Эрфурте. Дни, казалось, проходили в той же полной гармонии, как и в Тильзите. Наполеон не заметил, каким прекрасным актером был Александр. Из Веймара он писал сестре Екатерине: «Наполеон держит меня за дурака, но хорошо смеется тот, кто смеется последним». Наполеон очнулся лишь тогда, когда заметил, что

Александр возражает против совместной военной акции против Австрии. Он кричал, но русский император оставался спокойным: «Вы очень вспыльчивы, а я упрям. Со мной яростью ничего не добьешься. Лучше, если мы побеседуем и обговорим дело — в противном случае я уеду».

Заключенный 12 октября 1808 года в Эрфурте русско-французский тайный договор не содержал ни одного параграфа, который закреплял бы за обеими странами конкретные действия в случае серьезных европейских проблем. Потерпевшей была Пруссия. Французская оккупация сохранялась. Блестящая демонстрация силы, которую Наполеон обещал перед эрфуртской встречей, удалась только во внешнем ритуале. С содержательной точки зрения событие было скорее двойственным. Наполеон действовал против Александра осторожно по очень личным причинам. Уже долгое время он носился с мыслью о разводе с Жозефиной. Наследник престола не появлялся, и в поиски новой супруги оказывалась замешанной и сестра Александра Екатерина. Этот вопрос сыграл свою роль уже в Тильзите. В этом случае Александр был един со своей матерью Марией Федоровной. О том, чтобы одна из Романовых стала супругой Бонапарта, не могло быть и речи. Наполеон велел Талейрану и Коленкуру предпринять тайное наступление. Тема была для Александра настолько нелепой, что он лишь в общем сформулировал Наполеону, что император французов, несомненно, увенчает дело своей жизни новым браком и основанием династии. Имя Екатерины не прозвучало — к счастью для Наполеона, потому что острая на язык и имевшая политические амбиции Екатерина не довольствовалась бы тем, чтобы обогатить династию Бонапарта лишь наследником престола. В этом отношении Екатерина походила на свою мать Марию Федоровну, и императрица Елизавета считала ее грубой интриганкой. Александр оценил политический диалог и совет Екатерины. Чтобы избежать всех дальнейших расспросов, вскоре после эрфуртской встречи было сообщено, что Екатерина в недалеком будущем выходит замуж за принца Гольштейн-Ольденбургского.

В Эрфурте наряду с Екатериной во внимание приняли и ее родившуюся в 1795 году сестру Анну. В 1809—1810 годах французская сторона вернулась к этой теме. Ответ сочинила Екатерина, которая к этому времени была замужем за принцем

Гольштейнским и имела резиденцию в Москве. Императору в Париже было очень тактично заявлено, что Анна еще слишком молода для брака. Предложением-де очень польщены и надеются на согласие Наполеона подождать еще два года. Однако Бонапарт сочетался браком с дочерью императора Франца I эрцгерцогиней Марией Луизой.

Решающим, однако, было то, что Россия страдала от континентальной блокады. Она была наводнена французскими предметами роскоши, а жизненно необходимые товары нельзя было ни экспортировать, ни импортировать. Правительство советовало ослабить ограничительные торговые предписания, когда стало известно, что Наполеон намерен аннексировать герцогство Гольштейн. Повод был дан. В последние дни 1810 года появился указ о таможенных тарифах. По этому указу ввозной пошлиной облагались лишь все товары, ввозимые по суше. Экспортных пошлин больше не было, и прибывшие морским путем товары можно было разгружать беспошлинно. Это означало выход из континентальной блокады.

Тильзит, Эрфурт и таможенный указ — узловые пункты на нисходящей линии русско-французского союза. Император России осознал ситуацию: «Если император Наполеон начнет со мной войну, то возможно, даже вероятно, что мы будем разбиты. Но это, однако же, не принесет ему мира... Мы никогда не подпишем компромисса; у нас глубокий тыл, и мы сумеем сохранить хорошо организованную армию... Я не буду первым, кто обнажает меч, но последним, кто вложит шпагу в ножны... Я охотнее удалюсь на Камчатку, чем откажусь хотя бы от одной провинции или подпишу в своей покоренной столице договор, который был бы ничем иным, как перемирием».

Конфликт был неотвратим. В конце 1811 года посол Куракин из Парижа предостерегал: «Недалеко время, когда мы с мужеством и решимостью должны будем защищать наше национальное наследство и наши нынешние границы». В декабре 1811 года Наполеон уже считался «порождением дьявола, проклятием всей человеческой расы». Россия вооружалась к войне. В марте 1812 года обе стороны полным ходом разворачивали войска. Россия требовала от Франции отказаться от неограниченной торговли и не допускала присутствия французских войск в Восточной Пруссии и герцогстве Варшавском. Правда, обе стороны торжественно заверяли, что верят в

мирное решение конфликта, но начало войны больше сдерживать было нельзя.

21 апреля Александр поехал вслед за продвигавшимися к западным границам русскими войсками, сопровождаемый патриотизмом своих подданных: «Вчера после обеда в два часа император отъехал под крики и добрые пожелания огромной толпы, которая, сильно напирая, стояла от Казанского собора до городских ворот. А так как этими людьми не командовала полиция и крики «Ура!» не были инспирированы агентами, он был — и это понятно — очень тронут этими знаками расположения нашего замечательного народа!..» «За Бога и императора!» — так они кричали. «Ни в своем сердце, ни в своих молитвах они не делают разницы...» — писала императрица Елизавета своей матери в Баден.

Отечественная война

Французское вторжение началось 12 июня 1812 года через Ковно и Тильзит. Русские войска были сильно растянуты и не имели надежного сообщения. Первые оценки положения показали неожиданное превосходство французских сил. Император обратился к народу и армии с манифестами и призвал к борьбе, пока последний вражеский солдат не покинет русскую землю. Ответом ему была буря патриотического воодушевления. По желанию своих генералов Александр отправился в Москву. Москва была сердцем России, оплотом патриотического духа. В течение четырех недель смогли сформировать семь новых полков. В начале августа император возвратился в Петербург.

В последовавшие недели императорская семья действовала сосредоточенно и напряженно. Сообщения о ходе войны становились все более тревожными как относительно французского продвижения, так и не кончающихся непрерывных споров среди русских полководцев. Не Мария Нарышкина, а Елизавета была в эти тяжелые недели решающей моральной поддержкой для императора и империи. Елизавета писала тогда матери: «Как мучительно, что я не в состоянии сообщить тебе, что постоянно днем и ночью занимает мой ум, все равно, бодрствую я или сплю. Привет от моей дорогой и превыше всего любимой России, к которой я в этот момент питаю чув-

ства, как к любимому ребенку, который тяжело болен! Я уверена, что Бог ее не оставит, но она должна вынести страдание, и я терплю вместе с ней и разделяю каждое ее тревожное вздрагивание». Должен был быть найден радикальный выход. Генерал Кутузов был назначен главнокомандующим. Решение последовало в момент крайней опасности. Наполеоновская армия стояла в 240 километрах от Москвы. 7 сентября 1812 года у деревни Бородино, в 124 километрах западнее Москвы, главнокомандующий вынудил французов пойти на открытое сражение.

Это была опустошительная баталия, при которой должны были отдать свои жизни свыше 70 000 русских, французов и их союзников. Победителем можно считать обе стороны. Кутузов не возобновил битвы, исход которой не был решен в первый день. В ночной темноте он вывел остатки своей армии к Москве и маршем прошел через Москву. Французы последовали за ним и заняли древнюю русскую столицу. Наполеон поселился в Кремле.

Известия о ходе и результатах Бородинской битвы доходили до Санкт-Петербурга медленно и отрывочно. Елизавета с ликованием встретила «великую победу». Когда горькая действительность приняла четкие очертания, воцарился ужас. За патриотизмом последовало оцепенение. Но война не терпит бездействия.

В конце октября начались первые ответные действия русских. Кутузов атаковал французов в Москве, казаки и партизаны досаждали растянутым французским коммуникациям, а на западе под Полоцком совершил нападение корпус Витгенштейна. Это произвело впечатление звука трубы, когда 27 октября в Петербург пришло известие: Наполеон вынужден отступить из Москвы. Маршалы Наполеона отходили назад, прочь из России. Наполеон покорился и вел свою Великую армию к гибели.

Под влиянием Елизаветы император в это тяжелое время особенно интенсивно предавался духовному очищению. «Я погрузился в Библию, и я нашел, что слова дают моему сердцу неизведанный мир и утоляют жажду моей души». Первые успехи в войне, отступление Наполеона, рано наступившая зима и склонность к мистицизму вновь пробудили в Александре желание самому командовать армией. Его супруга, мать и со-

ветники смогли его удерживать, пока французы после переправы через Березину спешно не покинули страну. Но 19 декабря 1812 года Александра больше ничто не удерживало.

Император возвышался в религиозном опьянении, интенсивность которого больше не коренилась в набожности его супруги: апокалиптический бог мести летел над Европой: «Всю мою победу я посвящаю преуспейнию власти господина нашего Иисуса Христа». Этому настроению временно способствовала и забота о Екатерине. Сестра оказывала на императора более сильное политическое влияние, чем Мария Федоровна или Елизавета. В конце декабря 1812 года умер Георг Ольденбургский, и 24-летняя вдова не переставала упрекать себя в том, что супруг, которому недоставало заботливости, был принесен в жертву ее собственному неутомимому честолюбию. Несколько недель спустя Екатерина обнаружила, что ей идет черное траурное одеяние. Она отправилась в Петербург и окунулась в придворные интриги, которыми она докучала своему брату на поле сражения до тех пор, пока он довольно резко не ответил, что должен заниматься более важными вещами. Вообще же эти месяцы были в меньшей мере дамским временем. Мария Федоровна, императрица Елизавета, а также и вышедшие замуж в Европе сестры Александра волновались за судьбу Отечества. Только после Битвы народов под Лейпцигом в октябре 1813 года они смогли немного вздохнуть.

Россия смогла провести среди союзников свой лозунг: «Давайте вести переговоры о мире, но продолжать продвижение вперед! Мы должны завоевать сердце Франции так же, как 15 месяцами ранее она завоевала сердце России!» Тем не менее правительство России вынуждено было следить за тем, чтобы такие реальные политики, как князь Меттерних или министр Британии лорд Каслри, не выторговали собственного соглашения. Когда Меттерних предложил продвигавшемуся к Парижу царю, что для устройства будущего Европы можно бы созвать в Вене конгресс, Александр согласился с этой идеей.

Из-за изменившегося военного счастья союзники во главе с российским императором Александром I 31 мая 1814 года вошли в Париж. Тильзит, Эрфурт и Москва были далеко в прошлом. 2 апреля французские сенаторы сместили императора Наполеона и призвали Людовика XVIII Бурбона королем на французский трон. После того как 6 апреля Наполеон отрекся

от престола, 11 апреля в договоре, подписанном в Фонтенбло, договорились относительно его будущего. Наполеон поставил свою подпись и отправился на остров Эльба.

На Венском конгрессе

После временной остановки в Англии Александр, возвращаясь из Парижа, вновь встретился в Брухзале, резиденции баденской маркграфской семьи, со своей супругой Елизаветой. Вместе они поехали в Санкт-Петербург. Они категорически отклоняли победные парады и торжества. Только вдовствующая императрица смогла дать банкет. Александр в уединении готовился к Венскому конгрессу. Должно было появиться новое королевство — Польша, с конституцией и собственным управлением, однако в личной унии с Россией. Кроме того, на конгрессе следовало подыскать нового супруга для Екатерины и выдать замуж за западноевропейского князя сестру Анну. Однако это решала Мария Федоровна. После того как Александр получил ее согласие на кандидатуру Фридриха Вильгельма Вюртембергского, а также кронпринца Вильгельма Оранского, 20 сентября 1814 года он вместе с императрицей Елизаветой доставил сестер и большой штат советников в австрийскую столицу. Он мог быть уверен, что в Вене его будут чествовать как великого спасителя и рыцаря Европы.

Венский конгресс был блестящим общественным событием, собравшим знаменитые головы, богатое экспериментальное поле различных тайных служб и образцовая школа для высокого искусства дипломатических игр — «панорама Европы». Александр I, а также его супруга Елизавета погрузились в водоворот «танцующего конгресса». Среди многих развлечений было трудно привести свои политические притязания к верной цели — европейскому мирному устройству. Территориальные пожелания России сводились среди прочего к простой формуле: Польша — России, Саксония — Пруссии. В этом натолкнулись на энергичное сопротивление почти всех великих держав и на месяцы рассорились с великим режиссером конгресса — князем Меттернихом. Александр не понимал определяющего пункта враждебности: союзники и Франция блокировали русские требования, потому что они стремились заставить Александра отказаться от абстрактного видения — он как умиротворитель Европы.

Итак, конгресс затянулся. У императрицы Елизаветы также было множество дел. Она играла свою общественную партию в переговорах и поддерживала интересы находившихся в Вене Анны, Екатерины и Марии относительно Нидерландов, Вюртемберга и Саксен-Веймара. Кроме того, она великодушно закрывала глаза на то, что и Мария Нарышкина появилась на конгрессе в Вене и что Александр делил свою императорскую милость на полячку Нарышкину и обеих политических куртизанок — княгиню Екатерину Багратион и герцогиню Вильгельмину Саганскую. Елизавета на протяжении жизни в России вела дневник. Она распорядилась, чтобы после ее смерти этот дневник был сожжен. Император Николай I исполнил распоряжение, так что известными стали только некоторые фрагменты записей. Следующее замечание не ограничивается только Венским конгрессом, однако могло быть использовано в этой связи: «Если бы он (Александр. — *Прим. авт.*) по-настоящему любил только кого-нибудь, мне было бы легче. Но у него не одна любовь, а несколько их. Жены купцов, адъютантов или станционных смотрителей, актрисы, немки с льняными волосами... И к этому еще бесконечные балы, маскарады, концерты, торжественные обеды, посещения всевозможных родственников, 40 000 родственников — из Вюртемберга, Ораниена, Веймара и русские — все они тяготят меня. Я должна ко всем быть любезной, однако как только они уходят, я падаю как загнанная лошадь». Несмотря на все хлопоты, Елизавета не уходила: «И однако же, я нигде не смогла бы жить по-другому, чем в России... И умереть я хотела бы в России». К сожалению, желание Елизаветы дружеской и спокойной семейной жизни с Александром никогда не исполнилось.

В середине декабря 1814 года внезапно наступил видимый перелом в настроении, в результате которого договорились также и об одобренном всеми сторонами компромиссе в отношении Польши и Саксонии. Так возникла «Венская Польша». Много говорили о перемене образа мыслей русских. Это связывали с намечавшимся браком Екатерины Павловны с кронпринцем Вюртембергским и попыткой России усилить влияние на основанный в Вене Германский союз, венерическую болезнь императора, а также на вспыхнувшую в Вене страсть между Елизаветой и советником Адамом Чарторыйским. Мотивы действий Александра находились в области религиозной

мистики. Посланный Богом правитель не имел права торговаться с каким-то Меттернихом из-за Галиции! Его представление о своей миссии было возведено в абсолют. У Александра был греческий личный секретарь Стурдза, сестра которого Роксана служила при императрице Елизавете в качестве придворной дамы. Брат и сестра были приверженцами популярной тогда идеи покаяния Юлианы фон Крюденер, остзейской баронессы. Госпожа фон Крюденер писала Роксане в Вену письма, в которых она характеризовала Александра как человека, «которому Бог передал власть большую, чем мир в целом заметил». В долгих беседах с Роксаной Александр все более утверждался в своем уже ранее имевшем место мистицизме и был готов дать Европе нравственный пример. Александр не скрывал своих мыслей от Елизаветы. Она чувствовала, что у него есть известное чувство вины перед ней за свои многочисленные любовные связи. Тем не менее Елизавета пользовалась каждой минутой единения и помогала супругу советами — изменить его она не могла.

7 мая 1815 года искусная паутина Венского конгресса была разорвана одним ударом. Наполеон бежал с острова Эльба! Александр мобилизовал свою армию и предложил себя в качестве командующего союзными силами. Меттерних не отреагировал. В течение многих месяцев единения достигнуто не было. Но теперь, когда «Чудовище» вновь стояло у ворот, Англия, Россия, Австрия и Пруссия сразу же объединились в совместном военном походе против Франции. Второпях формулировались решения Венского конгресса. Заключительный договор намеревались подписать до июня 1815 года.

Последняя война против Наполеона

Александр до конца мая оставался в Вене, Елизавета отправилась в Баварию. Они вновь встретились в Мюнхене и провели там вместе несколько дней. Пока Елизавета еще не покинула Мюнхен, Александр встретился с госпожой фон Крюденер. Баронесса смогла присоединиться к императорской свите и вместе с освободителем мира двинулась в поход. В окружении Александра отнюдь не все были убеждены в честности этой женщины. Но она сказала Александру: «Будь преисполнен божественного творения! Сделай жизнь Христа нравственным

примером своей духовной жизни!» Александр доверял ей и действовал в соответствии с ее советами.

В Гейдельберге император получил известия о битве при Ватерлоо. Герцог Веллингтон с английскими и голландскими частями, а также прусскими солдатами под командованием Блюхера и Бюлова одержал победу над Наполеоном. Союзники вновь двигались маршем на Париж. На этот раз главными героями войны были Веллингтон и Блюхер. Во время мирных переговоров Александр проявлял сдержанность и предоставил дипломатам ведение переговоров. Сам он читал Библию и размышлял.

Из этого экстатического настроения вырос проект договора, который должен был объединить властителей континента в добродетельном союзе. Заповеди христианской религии должны были стать всеобщим критерием для политических действий. Монархи и политики покачивали головами. Они были верующими людьми, но этот род моральной этики в политике превосходил их жизненный опыт. Император Франц I считал императора Александра I сумасшедшим. Князь Меттерних создал из документа консервативно-практический договор о союзе. Название «Священный союз» было разрешено оставить.

Александр подписал договор, который обязывал «Совет князей» действовать в соответствии с «основными принципами справедливости, христианской любви к ближнему и согласия». За ночь влияние баронессы фон Крюденер рассеялось. При написании проекта она водила рукой Александра и натолкнулась на желанную готовность к религиозному экстазу. Но госпожа Крюденер совершила одну ошибку. Она требовала, чтобы он отдал себя во власть ее эксцентричности. К этому император не был готов. Они поспорили, и произошли неприятные сцены. Проект для «Священного союза» был вершиной и концом их отношений. Александр уехал. В течение месяцев он путешествовал по Франции, Швейцарии и Германии. Он намеревался принести Европе новый христианский порядок. Когда же теперь он собирался домой, от его идеалов мало что осталось. Вместо победных парадов были торжественные богослужения. Ожидали, что он сейчас же примется за многочисленные нерешенные проблемы внутри страны. После войны и периода бесхозяйственности Россия находилась в упадке. К тому же русские офицеры и солдаты познакомились

с жизнью в западных странах. Они надеялись, что теперь свободолюбивые реформы нагрянут и в их страну. Александр назначил генерала Аракчеева главным начальником Отдельного корпуса военных поселений. Аракчеев должен был установить в стране дисциплину и навести порядок. И только благодаря этому вообще был ликвидирован ущерб, причиненный войной, и произошла определенная модернизация.

Последние годы жизни и позднее примирение

Первоочередными задачами императорской семьи было сохранить мир внутри страны, поставить «Священный союз» на прочный династический фундамент и неустанно заботиться на его конгрессах об укреплении собственного влияния в Европе. Усилия всей семьи были тем более успешными, в то время как силы и воля императора в последовавшие годы заметно убывали. Наряду со стареющей Марией Федоровной Елизавета должна была принимать на себя более активную роль в обществе, какой она до сих пор не могла и не смела играть. Император вынужден был отказаться от отношений с Марией Нарышкиной. Александр пошел на этот шаг в 1818 году и писал в позднем раскаянии Роксане Стурдза – графине Эдлинг: «Это соответствует действительности, что я, когда было разрушено мое домашнее счастье, искал утешения у другой женщины. Я считал, ошибочно, что я в глазах Бога свободный человек, так как я был связан с супругой без своего участия только из формальных соображений. Мы сочетались браком только в глазах людей. Мое высокое положение требовало от меня уважать приличия, но я полагал, что могу подарить свое сердце, кому захочу, и многие годы я был верен Нарышкиной. Она, находившаяся в том же положении, что и я, также заблуждалась». Александр остался верен самому себе. Так он писал, размышлял об этих отношениях, но просил Марию Нарышкину о разрыве: «Так и произошло, что я принял на себя жертву, которая разбила мне сердце, которое и в этот момент не перестает кровоточить». Император простым способом облегчил свою совесть и полагал, что без ущерба предстанет перед женой. Она вынуждена была покориться. Разрыв с Марией Нарышкиной относился к усилиям, направленным на урегулирование всех семейных дел.

На Венском конгрессе было положено начало в отношении нескольких брачных планов. В 1816 году сочетались браком великая княгиня Екатерина и вюртембергский кронпринц Фридрих Вильгельм. В том же году великую княгиню Анну выдали замуж за голландского кронпринца Вильгельма Оранского. Это были значительные династические успехи для дома Романовых, временная вершина которых была достигнута в 1817 году, когда великий князь Николай женился на прусской королевской дочери Шарлотте. В последующие месяцы Александр, Елизавета и Мария Федоровна посещали родственников в Бадене, Штутгарте, Веймаре и Берлине и использовали свое влияние с тем, чтобы вся большая семья присягнула карлсбадским решениям.

Снова дома император был неутомим, неудовлетворен, подавлен, укрывался за Библией и казался неспособным ни на одно государственное решение. Внезапная смерть Екатерины повергла его в глубокую депрессию. Елизавета еще некоторое время оставалась в Бадене. Она со все возрастающей озабоченностью следила за развитием состояния своего супруга. Вместо апатичного царя бразды государственного управления взяла в свои опытные руки вдовствующая императрица. Не было случайностью, что в этой ситуации в семье впервые открыто был высказан вопрос о престолонаследии. Младшему брату Николаю было сообщено, что естественный наследник престола Константин решил передать права наследования Николаю и его детям.

Когда в 1820 году в Испании, Португалии и Италии разразились революции, Александр инициировал проведение конференции союзников в Тропау. Ни в Тропау, ни на последовавшей за ней конференции в Лейбахе Александр не сумел провести свою европейскую идею. Он намеревался разрешить растущие европейские конфликты на конференциях в Вене и Вероне. Теперь Елизавета настойчиво отговаривала его от поездки. Она прямо-таки клялась ему, что его присутствие в России значительно важнее. Тем не менее русский император отправился в путешествие. Конференции не принесли результата, который бы заставил его активно действовать. Александр болел, чувствовал себя обессиленным, измученным предчувствием смерти и пребывал в глубокой депрессии.

Александр пережил свой миф. Летом 1823 года он составил бумагу, в которой назначал Николая законным наследником престола. В последний год своей жизни Александр заботился только об урегулировании незавершенных семейных дел. Он беспокоился о своих братьях Константине, Николае и Михаиле. Михаил в 1824 год женился на вюртембергской принцессе Фредерике (Елене Павловне). Мария Федоровна и Николай не были особенно расположены к девушке, но Александр и Елизавета любили юную невестку, а ее приветливый нрав в эти последние месяцы способствовал решению важнейших проблем, примирению Елизаветы с супругом.

Елизавета всегда хранила спокойную и дружескую верность мужу. Он редко в полной мере воздавал ей за это расположение. Александр был бонвиваном и любил женщин. Теперь же он считал себя старым и обессиленным. Он вновь почувствовал симпатию к своей жене, и она отблагодарила его за это искренней любовью. Елизавета все еще была красивой женщиной. У нее был мягкий голос, слегка меланхоличная форма рта, она твердо придерживалась веры, была одухотворенной, и ее фигура все еще напоминала нежного ангела.

В это время обоюдного сближения Александр тяжело заболел, и жена самоотверженно ухаживала за ним. За первым несчастьем последовало второе — Елизавета также страдала от малообъяснимой лихорадки. Инфекция вредно действовала на сердце, и она вынуждена была несколько недель провести в постели. После долгих размышлений императорская пара решила еще до осени 1825 года переселиться в Таганрог на Азовском море и провести зиму на теплом юге. Елизавета охотнее поехала бы с мужем в родной Баден, но она подчинилась государственным интересам.

Они путешествовали порознь, с тем чтобы Елизавета могла ехать медленнее и беречь себя. Император преодолел расстояние от Петербурга до Таганрога за 13 дней. Его супруга прибыла десятью днями позже, 5 октября 1825 года. Помещения для Елизаветы были обставлены со всевозможным уютом, и она прекрасно себя чувствовала, прежде всего потому, что впервые за свой брак беззаботно, свободно от условностей и доверительно могла общаться с супругом. Однако идиллия в Таганроге недолго удерживала Александра. Он посетил Крым и собственными глазами увидел красоты природы полуострова.

В конце он почувствовал себя плохо, его знобило, и он не мог ничего есть. Он поехал назад в Таганрог. Лихорадка не проходила, и конец угрожающе приближался. Елизавета с помощью врачей как могла заботилась об Александре. Одновременно, как резюме своей жизни и страданий, она писала матери 23 ноября: «Император все еще не избавился от лихорадки. Как печально, что он не может пользоваться самой прекрасной погодой, какая только есть на земле, и что и у меня нет привилегии радоваться этому, хотя я каждый день выхожу из дома! Где в этой жизни можно найти покой? Полагают, что делали все во благо и могли радоваться, но внезапно приходит неожиданное испытание, которое отнимает у нас возможность радоваться счастьем...» Еще теплилась известная надежда, но четырьмя днями позже и она была разрушена: «О, мама, если Бог нам не поможет, я вижу большое несчастье. Сегодня рано утром греческий священник причастил Александра...» Все попытки спасения были тщетны. 1 декабря 1825 года император Александр скончался в Таганроге от «крымской лихорадки». Елизавета стояла у его смертного одра и в эту минуту не подозревала, как близок был и ее конец. При всех волнениях того времени и при всех страданиях, которые уготовил ей супруг, он был смыслом ее жизни.

В последовавшие шесть недель Елизавета молилась у гроба мужа, исполненная страдания и самобичевания. В письмах матери одна многократно выражала надежду на скорое соединение с мужем. Она была слишком слабой, чтобы самой руководить подготовкой перевоза Александра в Петербург. Тело прибыло в столицу только 25 марта 1826 года. Волнения у престола и восстание декабристов уже было историей. Император был погребен в Петропавловском соборе. Императрица Елизавета никогда не увидела могилы мужа. Шок от смерти Александра был настолько глубоким, что она не могла отправиться в путь и вынуждена была до весны оставаться в Таганроге. Она не хотела вновь ехать в Петербург, а стремилась вернуться в родной Баден. 4 мая 1826 года она выехала из Таганрога в направлении Харькова. Спустя 11 дней она прибыла в маленький город Белёв недалеко от Орла. На следующую ночь ее сердце перестало биться. Императрица Елизавета последовала за супругом в вечность — почти незаметно, как и жила.

Глава 13

Прусская принцесса при русском императорском доме

Александра Федоровна – принцесса
Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская
[12 июля (по новому стилю) 1798 года –
19 октября 1860 года], супруга великого князя
Николая Павловича (с 1 июля 1817 года),
позднее императора Николая I

Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская, дочь короля Фридриха Вильгельма III и королевы Луизы Августы Вильгельмины, родилась в сложное для детей коронованных особ Германии время. Прусскую принцессу должна была ждать полная страданий юность. Пруссия, правда, после Базельского сепаратного мира 1795 года в течение 10 лет не принимала участия в коалиционных войнах против Франции, однако скрытая угроза войны сохранялась, да и внутри самой Пруссии имелись серьезные силы, которые стремились выступить против Наполеона. Битва под Аустерлицем в декабре 1805 года, несмотря на все политические виражи прусского королевского дома, привела к решению. Прусская «партия войны» под решительным руководством королевы Луизы настаивала на вооруженном противостоянии с Наполеоном, убежденная в непреодолимой силе армии Фридриха. В сентябре 1806 года Фридрих Вильгельм III направил Наполеону имевший тяжкие последствия ультиматум, а 14 октября 1806 года Пруссия потерпела сокрушительное поражение в двойной битве под Йеной и Ауэрштедтом. Крепости и гарнизоны капитулировали, 27 октября 1806 года Наполеон вступил в Берлин.

Для королевской семьи оставалось только бегство. Сначала она отправилась в Штеттин, затем в Кенигсберг и, наконец, в Мемель. Для оккупированной, исключенной из Рейнского союза и вынужденной держать сторону Наполеона Пруссии наступили трудные времена. Страна в большей или меньшей степени опустилась до состояния игрушки великих держав. Сопrotивление этому или воля к реформам обновления государства нарастали очень медленно, находясь под отрицательным влиянием слабого на решения короля. Только продвижение союзников в 1813 году вызвало освободительную войну, открыло ворота политическим и социальным реформам. Пруссия очень быстро вновь добилась роли ведущей и объединяющей силы в образованном на Венском конгрессе Германском союзе.

Прусско-русские отношения в период между 1806 и 1815 годами имели особый характер. Многочисленные немецкие политики и офицеры поступили на русскую службу. Для Пруссии Россия была единственной континентальной силой, на кото-

рую можно было надеяться для защиты от Наполеона. Германские князья смотрели на русского императора как на освободителя Европы. В конце XVIII века дом Романовых — Гольштейн-Готторпов начал распространять свои династические связи на Центральную и Западную Европу в неслыханных до сих пор масштабах. Анхальт-Цербст, Гольштейн, Вюртемберг, Гессен-Дармштадт, Брауншвейг-Вольфенбюттель, Саксен-Кобург, Саксен-Веймар и Мекленбург-Шверин были втянуты в систему династических отношений. И хотя король Пруссии Фридрих II принимал активное участие в отправке в Россию будущих императриц Екатерины II и Елизаветы, семьи Гогенцоллернов и Романовых не были связаны друг с другом по прямой линии.

Во время войн против Наполеона император России Александр I поддерживал сердечные отношения с прусской королевой Луизой. Обязательства Александра перед Пруссией при дворе оспаривались и наталкивались на резкую критику со стороны «ответственной» за брачную политику вдовствующей императрицы Марии Федоровны. После войн Пруссия с новыми притязаниями вернулась в круг континентальных держав. Русский императорский дом считал настоятельно необходимым включение Пруссии в сферу своих династических интересов и в последующие годы с различных сторон разрешал проблему. Свою роль играло и то, что родившийся в 1796 году Николай Павлович достиг брачного возраста.

Николай был третьим сыном Павла I. Отец придавал большое значение приучению своих детей к военной дисциплине. Николай был воспитан так же, как и его братья Александр и Константин. Тем не менее имелись два различия: на его воспитание и образование больше не оказывала влияния просвещенная бабка Екатерина II, и Николай не был подготовлен к роли наследника престола.

Он редко появлялся в обществе. Не много известно о его детских годах: они проходили без особых волнений, за исключением недоверия, с которым Павел относился ко всей семье, и того факта, что в 1801 года отец был убит. Николай был настолько в тени, что неизвестно даже, как он, тогда пятилетний, реагировал на внезапную смерть отца. Воздействие не было особенно глубоким. Свидетели того времени сообщают, что маленький Николай был трусливым и коварным, а иногда

разражался немотивированными и агрессивными приступами гнева. Он не обладал чутким или восприимчивым характером, которому смерть Павла I могла причинить серьезный ущерб.

После смерти отца мальчик целиком находился под влиянием своей матери Марии Федоровны. Она определяла его воспитание. Александр I не заботился о младшем брате. Николай был почти на 20 лет моложе его. Наследие Павла сильно сказывалось, вдобавок это были годы, когда брат-император находился на полях сражений Европы, а Россия участвовала в коалиционных войнах против Наполеона. В стране царило патриотическое настроение, и царская семья не была исключением. Николай не получил ни основательного общего образования, ни специальной подготовки к государственной службе. Уровень его знаний был ужасающе низок.

Заграничные визиты должны были расширить его горизонт и помочь выбрать невесту. Он объехал Германию, Швейцарию и некоторые части Франции. Дыхание истории повлияло на юного Николая неожиданным для него самым образом. Поскольку визиты не были связаны с военными спектаклями, они его не интересовали. Николай любил армию на парадах и во время маневров. Солдат — это был порядок, дисциплина и патриотически-патетическая любовь к Отечеству.

Николай посетил также Потсдам и Пруссию. Там он встретил прелестную Шарлотту, с которой Александр I уже познакомился во время своих посещений прусского правящего дома. Шарлотта обладала шармом своей покойной матери Луизы. Несмотря на горький опыт войны и унижения, которые испытала прусская королевская семья, она была прекрасно воспитана и образована. Следуя веянию времени и традициям европейской аристократии, Шарлотта имела хорошие познания в истории, литературе и искусстве, а также в тех областях домашнего хозяйства, которые должна знать управительница аристократической семьи, мать детей, которые должны занять и наследовать монарший трон. Правда, биографы Шарлотты довольствовались общими упоминаниями этих положительных предпосылок и ограничивали исходящее от нее влияние на русский императорский двор ролью преданной супруги, заботливой матери и благотворительной монархини, которая высказывалась в защиту своего правящего супруга по всем государственно-политическим пробле-

мам. Так выглядел идеал русской историографии в XIX веке, и Шарлотта во всей своей красоте и скромности соответствовала этому идеалу.

Прусская принцесса привыкает к России

Мария Федоровна всегда скептически относилась к тесным связям Александра с Пруссией, хотя она их первой и инициировала. С Шарлоттой она вела себя иначе. Она сразу же одобрила ее вступление в семью. Так и были обручены «самый красивый принц во всей Европе» и сверх всякой меры прекрасная Шарлотта. Оба были совершенно поглощены своей симпатией и любовью. Не только прусская принцесса, но и Николай, который в семейном кругу считался холодным, надменным, язвительным и жестоким, сочетал в отношении к своей невесте приятные манеры с сердечностью и весельем — в полной противоположности со своим фанатизмом в военной службе. Там он никогда не признавал своих ошибок, никогда не понимал шуток. Павел I любил жену и детей. Александр I превратился в обаятельного любовника. Константин был циничен. Николай долго оставался ребенком, скованным и жестоким в обществе, но беззаветно нежным со своей невестой и, позднее, в семейной жизни.

1 июля 1817 года, после того как Шарлотта перешла в православие и приняла имя Александра Федоровна, в Петербурге состоялась торжественная свадебная церемония, все участники которой стремились осуществить очень разные желания. После свадьбы пара поехала на зиму в Москву. Александра под руководством поэта Жуковского усиленно учила русский язык, правда, не достигла в нем особого схода. Это не было виной Жуковского, а, скорее, обуславливалось способностями Александры. Императрица также мало понимала творчество поэта, но она настолько боготворила Жуковского как сильную и одухотворенную личность, что не могла представить лучшего учителя и воспитателя для своих детей. В апреле 1818 года точно в срок на свет появился Александр Николаевич — первый сын и будущий император Александр II; Жуковский стал одним из основных его воспитателей. Поэт был пленен юной великой княгиней и ее грацией и красотой. Он написал стихотворение «Лалла Рук». Первоначально так назывался костюм, который носила на маскараде в Берлине героиня стихо-

творения Томаса Мура. В России «Лалла Рук» благодаря стихотворению Жуковского стало поэтическим прозвищем Александры Федоровны. Пушкин использовал тему в наброске к поэтическому роману «Евгений Онегин»:

И в зале яркой и богатой,
Когда в умолкший тесный круг,
Подобно лилии крылатой,
Колеблясь, входит Лалла Рук,
И над поникшею толпою
Сияет царственной главою,
И тихо вьется и скользит
Звезда — харита меж харит,
И взор смешенных поколений
Стремится, ревностью горя,
То на нее, то на царя...

К сожалению, этот гимн не вошел в окончательную редакцию «Евгения Онегина». Но в ссылке Пушкин не имел особого повода льстить великому князю и царю. Александра Федоровна, возможно, никогда не читала эти прекрасные строки. Однако она и без того была сильно занята. Богатый урожай на детей не прекращался. До вступления в 1825 году Николая на престол на свет появились три дочери: Мария (в 1819 году), Ольга (в 1822 году) и Александра (в 1825 году). Затем последовали три сына: Константин, Николай и Михаил. Для Александры Федоровны годы до 1825 были временем семейного счастья, заботы о детях и неомраченной гармонии с супругом. Юная великая княгиня могла отдаваться литературным занятиям и художественным склонностям, жила относительно беззаботно, вела обширную переписку с друзьями и знакомыми и выполняла возложенные на нее обязанности по укреплению династических связей с Пруссией и Германией. Там после карлсбадских решений 1817 года наступило время реакции, когда Пруссия вступила в борьбу за политическое доминирование в Германии, когда усилились противоречия с тенденциями экономического и демократического прогресса. У царского двора было полно дел, родственники в Берлине, Штутгарте, Веймаре, Шверине или в других малых германских государствах полагались на ведущую роль России в «Священном союзе». Александра Федоровна прилагала все уси-

лия, чтобы выполнить возложенные на нее ожидания, однако не каждому могла угодить. Она не была блестящей личностью. Поэтому традиционная антипатия к Пруссии и к «немцам» сосредотачивалась и на ее персоне. Некоторые русские считали ее холодной, высокомерной и замкнутой. Соглашались с тем, что она была образцовой матерью и женой, но «истинно русской» она никогда не стала бы. В сущности, критики использовали те же аргументы, какие десятилетия спустя приводились в отношении второй Александры Федоровны, супруги императора Николая II: немецкие женщины на русском престоле, вероятно, важны для династии, для народа они остаются нелюбимыми иностранками. Различие между первой и второй Александрями Федоровнами состояло в особых исторических условиях. В начале XIX века Пруссию и Россию связывал переменчивый союз. В начале XX века Германская и Российская империи противостояли друг другу во враждебных блоках. Было и субъективное различие: прусская принцесса Шарлотта пользовалась протекцией почти всесильной вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Гессенская принцесса Аликс не могла быть уверена даже в преданности чудо-целителя Распутина.

Очень скоро первая Александра Федоровна столкнулась с вопросом возможного наследования ее супругом престола. Великий князь Константин торжественно заверил в своем отказе от престола. Николай сочетался браком с Шарлоттой, потому что Александр I принимал в расчет возможность наследования престола братом Николаем. По меньшей мере он должен был как-то заявить об этом Гогенцоллернам, так как это засвидетельствовал принц Фридрих Вильгельм Прусский. Если Александра Федоровна после рождения первого сына, Александра Николаевича, вздохнула, что-де невозможно даже в воображении «увидеть в этом маленьком ребенке императора России», то это, разумеется, не было косвенным доказательством решения Александра I. А поскольку от этого брака, как и ранее, не появлялось наследника престола, казалось только естественным, что сын Николая однажды смог бы достичь престола.

«Великодушный спор»

В 1819 году Александр I высказался определенно. В январе в Вюртемберге умерла его сестра Екатерина. Александр хотел от-

речься от престола и заставил себя принять решение. Он посетил брата Николая и Александру Федоровну летом в Красном Селе под Санкт-Петербургом. Там стоял Измайловский гвардейский полк, которым командовал Николай. Александр похвалил брата за понимание своего долга, «поскольку однажды на него ляжет бремя ответственности». Александра Федоровна запечатлела эту сцену: «Он считает его (Николая) человеком, который должен стать его преемником. Это произойдет гораздо быстрее, чем кто-либо может себе сегодня представить, поскольку наступит еще при его жизни. Мы сидели, как две статуи, с открытым ртом и совершенно оглушенные. Император продолжал: “Вам кажется удивительным, но позвольте мне вам объяснить, что мой брат Константин, который не беспокоится о престоле, твердо решил отказаться от него, поэтому он готов передать свои права брату Николаю и его детям. Что касается меня, то я решил сложить с себя обязанности и удалиться от мира...” Когда он увидел, что у нас близки слезы, он попытался нас утешить и заверил, что это произойдет не тотчас же и продлится, возможно, еще несколько лет, прежде чем он осуществит свой план. Затем он оставил нас одних, и можно себе вообразить, в каком душевном состоянии мы находились».

У молодой пары оставалось еще достаточно времени освоиться в новой ситуации. В 1820 году Константин развелся, его супруга Анна вернулась в Германию, а он женился в Варшаве на графине Иоанне Грудзиньской. Николай медленно свыкался со своей новой ролью. Императрица Елизавета отмечала в те дни, что у него в голове не было других мыслей, кроме «править». В январе 1822 года Александр получил от Константина письмо с заявлением, что он «отказывается от положения, право на которое он имел по рождению». Император не торопился. Только более чем через полтора года он составил бумагу. В ней были закреплены добровольный отказ Константина от престола и законное наследование престола Николаем. Хотя бумага держалась в строгой тайне и была передана на хранение митрополиту Московскому, очевидно, все причастные к этому в основных чертах были в курсе решения.

Известие о смерти Александра I в Таганроге 1 декабря 1825 года достигло Петербурга через неделю. Семья как раз была в часовне Зимнего дворца, когда прибыл курьер. Сразу же возникла сумятица, а вдовствующая императрица Мария Федоровна

лишилась чувств. Николай быстро взял себя в руки. При содействии священника он тут же принес присягу верности Константину как новому императору. Формально он действовал логично. Александр говорил о наследовании престола Николаем. Тайная бумага не была публично представлена, и Константин сделал официальное заявление только Александру. В день прибытия новости из Таганрога на руках у Николая не было письменного документа о наследовании престола. По всему, что известно о характере Николая, не следует допускать, что скорым принесением присяги он стремился уклониться от ответственности правителя. Он был военным и, как и его отец, подчинялся дисциплине. Еще одна точка зрения может быть более вероятной: отец был убит в результате заговора военных. Николая в армии ненавидели. В те годы для сопротивления самодержавию сформировалась группа офицеров — «декабристы». Было неизвестно, знал ли он об этой группе в день принесения присяги. Но тем не менее страх перед мятежом, вероятно, был одним из мотивов его действий.

За принесением присяги последовал возглас пришедшей в себя Марии Федоровны: «Но, Ники, что ты наделал? Ты же знаешь, что ты наследник нашего ангела...» Николай возбужденно отреагировал: «Мы все знаем, что мой брат Константин — наш повелитель, наш законный суверен. Мы исполнили наш долг, пусть будет, что будет». Тем самым Константин пока официально считался русским императором. Николай защищался от потока упреков. Он оправдывался, приводя официальную точку зрения, и сделал только одну оговорку: он готов носить корону в случае, если Константин отречется от престола. Курьеры поспешили в Варшаву и доставили ответ Константина, он не может отречься от престола, так как он заявил о своем отказе и не был императором. «Великодушный спор» принял гротескные формы. Николай распорядился о приведении к присяге государственных чиновников, но затем аннулировал приказ до возвращения Константина из Варшавы: «Я ожидаю, что он сразу же покинет Польшу». Константин не думал о возвращении на родину. Пересланные ему государственные бумаги нераспечатанными возвращались в Петербург. Он писал, что это была воля Александра — посадить Николая на престол, и так и должно произойти. Три недели сохранялось междуцарствие. Развязало узел радикальное событие. Офице-

ры-декабристы воспользовались неразберихой вокруг престола для восстания. Утверждают, что Николай получил информацию о планировавшейся акции. Он подозревал офицерский заговор, которого и опасался. Его охватил смертельный страх. Но Николай не был трусом. В одном из офицерских собраний он без пафоса заявил: «Если я хотя бы час был императором, я проявил бы себя достойным этой чести». Он пошел в Сенат и глухим голосом объявил, что принимает престол.

14 декабря 1825 года чиновники, Сенат и гвардия должны были присягнуть в верности императору Николаю I. Этот день декабристы выбрали для восстания. Молодые идеалисты, воодушевленные прошедшими революциями в Испании, Италии и Греции, требовали для России конституционной монархии. Организация была малочисленной, не имелось и социальной базы для восстания. Лишь немногие умные головы, как поэт Рылеев, формулировали стратегические цели. 14 декабря восставшие полки выстроились на Сенатской площади Санкт-Петербурга и отказались приносить присягу на верность императору Николаю. Они требовали не конституции, а Константина!

Николай находился в расположенном рядом Зимнем дворце и верхом поехал на Сенатскую площадь. Он велел верным присяге полкам построиться. Его жизнь была под угрозой, восставшие уже застрелили генерала Милорадовича. Николай был спокоен и не отступил с площади. Только когда он увидел, что другого пути нет, он приказал ввести в действие артиллерию. Нескольких залпов было достаточно, и восставшие разбежались во все стороны.

Восстание было первым в России заговором офицеров, которые стремились не только заменить одного правителя другим. Восстание было направлено против самодержавия как политического принципа. Для Николая здесь не было разницы. Он вернулся в Зимний дворец внутренне собранным, хотя колени у него дрожали. Император Николай выдержал первое испытание своего правления. Супруга своей уверенностью и прекрасной прусской дисциплиной укрепила его уверенность в себе.

Вопреки настоятельным просьбам супруги Николай сам проводил допросы декабристов. Он не пытал, но его настроение было таким же, как у Петра Великого во время казни стрельцов. Оно колебалось между бешенством и жестокостью.

Тяжелейшим шоком для него был тот факт, что заговорщики почти исключительно принадлежали к высшей знати. Страх перед новыми заговорами и революционными идеями точил его изнутри, стал определяющим для всего правления. Первоначально царь приказал назначить тяжкие наказания. В исполнение были приведены пять смертных приговоров, сотни человек на десятилетия отправились в ссылку. Кроме этого Николай велел тщательно изучить политическое содержание материалов участников восстания. Созданием «Комитета 6 декабря» (1826 года) он даже стремился устранить ставшие заметными недостатки.

Николай закрыл являющие опасность военные поселения. Он уволил резко консервативных политиков в сфере образования и инициировал проведение законодательной и правовой реформы: Александру Пушкину разрешили вернуться из ссылки. Николая упрекают в том, что он, несмотря на эти меры, несмотря на свою почти образцовую семейную жизнь, несмотря на необъятный объем работы и несмотря на свою военную прямолинейность, с самого начала обнаруживал черты ограниченного деспота. В доказательство приводят такие высказывания: «Я никому не могу позволить оказывать сопротивление моим желаниям, если таковые известны». Он был самодержцем — не менее, чем Екатерина II, Павел I или брат Александр I. Если Николай навязывал всем чиновникам униформу, то он следовал примеру своего отца. Если он разрешал бороды только духовенству, торговцам и крестьянам — это соответствовало методам Петра Великого! Различие заключалось в том, что он копировал самодержавно-деспотические методы от Петра I до Александра I по мере надобности и не привносил в эту деятельность для России собственных идей.

Благотворительность — старые задачи новой императрицы

В эту картину гармонично вписывалось развитие Александры Федоровны. И для императрицы жизнь переменилась. Внезапно умер не только Александр I. Смерть его супруги Елизаветы последовала столь же неожиданно. Вдовствующая императрица Мария Федоровна заметно постарела после смерти Александра. Ответственность за целую сеть дворянских благо-

творительных организаций и учреждений, на протяжении многих лет создававшуюся и постоянно расширявшуюся, должна была принять на себя Александра Федоровна. Политическое развитие в «Священном союзе» и в Германии вынуждало урожденную прусскую принцессу действовать не напрямую. Непосредственно после смерти Александра в Петербурге состоялось семейное совещание Романовых с участием представителей всех зависимых княжеств Западной Европы. Семейные встречи повторялись и в последующие годы и сопровождали политическое развитие Пруссии, Австрии и Германского союза так же, как и самой России. На внешней арене императрица Александра Федоровна не выступала. Это была обязанность ее супруга. В этом отдельном случае императрица безусловно подчинялась основным принципам действий императора.

Женщины императорской семьи предоставили государственную политику, международную дипломатию и ведение войн мужчинам, однако со своей стороны предпринимали не меньшие усилия по укреплению позиций империи в «Священном союзе». Двустороннее согласование касалось даже деталей. Наследная герцогиня Саксен-Веймарская Мария Павловна организовала и проводила в великом герцогстве целую систему княжеской благотворительности через основанный в 1817 году «Патриотический институт женских союзов». Патриотические и благотворительные женские институты были и в России той организационной формой, за счет которой императрица распределяла финансовые поступления на благо нуждающихся. После вступления на престол Александра взяла на себя покровительство и над отдельными благотворительными учреждениями, например в 1827 году в Полтаве. С кончиной в декабре 1828 года Марии Федоровны императрица несла единоличную самодержавную ответственность за всю организационную сеть в России. Это была всеобъемлющая и напряженная деятельность, поскольку руководство и контроль над многочисленными учреждениями и союзами нужно было осуществлять сравнительно небольшими вспомогательными силами. Финансовые средства из частных доходов династии и тех государств, которые имели родственные связи с Российской империей, поступали в благотворительные учреждения. В России к ним относились общество по воспитанию благо-

родных девиц, воспитательные дома в обеих столицах со всеми приданными им учреждениями, Екатерининский институт, Александровское училище в Москве, школа для девочек при доме сирот войны, институт благородных девиц в Харькове, школа дочерей солдат лейб-гвардейских полков, петербургские и московские коммерческие училища, а также многочисленные больницы, дома для престарелых и т.д.

Императрица приказала государственному секретарю регулярно сообщать ей обо всех текущих делах и сама насколько могла часто посещала различные благотворительные учреждения. Она любила принимать экзамены в учебных заведениях и тщательно проверяла соблюдение уставов. Внимание к образованию женской части дворянской молодежи и благотворительность по отношению к нуждающимся было важной ролью, которую она должна была играть и которую добросовестно выполняла служившая ей примером Мария Федоровна. Однако ее яркой индивидуальностью Александра не обладала.

Следуя традиции, император предоставил супруге в этом направлении свободу действий, но, правда, из-за своего тяжелого характера и политических целей не сделал ее жизнь более легкой. Для Николая выдающимися примерами были Петр I и Екатерина II, потому что они получили Балтийское море и начали завоевание Черного моря. Он стремился прославиться в истории благодаря расширению границ империи. В 1826 году Персия вторглась в Закавказье. Поход (Русско-персидская война 1826—1828. — *Прим. ред.*), правда, закончился успехом для России; но Николай предавался большим иллюзиям относительно русских сил. Объединенные Персией закавказские народы объявили России «священную войну». Одновременно в 1828 году император отважился на войну с Турцией. Она закончилась миром в Адрианополе. Николай продолжил восточную политику своей бабки. Война против Турции протекала благоприятно для России, хотя состояние русских войск вызывало беспокойство. Позднее, в 1833 году, благодаря Ункяр-Искелесийскому договору удалось даже укрепить позиции России на Балканах.

В июле 1830 года во Франции разразилась революция. Бурбонов свергли. Царскую семью возмутило это разрушение династических традиций. Революционная волна достигла Голландии. Николай I приказал великому князю Константину на-

править в Нидерланды польских рекрутов. В польском подполье образовалось «патриотическое движение». При первом известии о принудительном призыве оно поднялось. Мятеж (Польское восстание 1830–1831 годов. — *Прим. ред.*) превратился в охватившее всю страну восстание против русского господства. В октябре 1830 года генерал Дибич направил против Варшавы 80 000 человек. Двумя месяцами позже сейм объявил Николая «узурпатором польской короны» и провозгласил Польшу независимой республикой, было создано правительство во главе с Адамом Чарторыйским.

Русское наступление было отбито польскими войсками. Между тем великий князь и наместник Царства Польского Константин Павлович умер от холеры. Николай откомандировал генерала Паскевича. В декабре 1831 года русские взяли Варшаву. Восстание продолжалось уже долго, на польской стороне не было единства, и силы были раздроблены. Николай мстил. Не счесть было мертвых и депортированных в Сибирь. Польша превратилась в русскую колонию (конституция 1815 года была ликвидирована, был провозглашен органический статут Королевства Польского. — *Прим. ред.*).

В пределах России император Николай I работал много и усердно. Он создал административный аппарат для претворения собственных представлений о правлении: за счет создания императорской личной канцелярии («Его Императорского Величества собственная канцелярия») он сконцентрировал все дела правления в своих руках. Образование Третьего отделения и усиление цензуры должны были подавить в зародыше все проявления, которые ставили под сомнение самодержавное правление. После Французской революции 1830 года из германских государств поступали тревожные известия об обостряющихся противоречиях между либеральными и стремящимися к реставрации политическими силами. Пруссия наращивала усилия по включению германских малых государств в национальный и экономический блок под своим руководством. Однако несмотря на все усилия, нельзя было поддаться иллюзии того, что Николай действительно распознал механизмы государственного управления. Прямолинейный монарх также не смог ликвидировать коррупцию своих чиновников.

Императрица разделяла взгляды супруга на самодержавие и поддерживала их. Были даже сферы за рамками семьи и офи-

циального представительства, где император и императрица дополняли друг друга. Число образовательных учреждений во многих необходимых областях во время их правления существенно выросло. Но они были подчинены строгому государственному и самодержавному контролю и ограничивались защитой от наступления любой либеральной идеи на ценности государственной идеологии: «Самодержавие, православие, народность». Распространение образования шло параллельно с усилиями по углублению определяющих государство ценностей. В этом политическом контексте выросло и значение православной церкви. Она превратилась в духовную защиту самодержавия.

Императрица проявляла интерес ко всем этим внутренним и внешним проблемам. Однако пережитые в детстве военные годы, восстание декабристов, многочисленные роды и сложное душевное состояние императора оказали отрицательное воздействие на здоровье императрицы. Ее способность к действию вновь и вновь прерывалась необходимым по рекомендациями врачей пребыванием на курорте. Ее общее состояние здоровья очень заметно ухудшилось где-то с середины 30-х годов. В 1837 году она полгода провела в Крыму. В 1840 году она вынуждена была посетить курорт Бад Эмс. Путешествия по Италии были так приятны, а Италия в середине XIX века была подлинной Меккой для людей со всей Европы, интересующихся культурой и историей, что Александра Федоровна в 1845–1846 годах в Италии и прежде всего на Сицилии пыталась восстановить свое здоровье. Однако же усилия приносили не радикальное улучшение, а лишь временное облегчение. По этим причинам императрица не принимала активного участия в решающих помыслах и действиях своего супруга.

Возможно, это были усилия императора по стабилизации внутреннего положения империи, которые порой едва ли встречали понимание и симпатию в народе. В его деспотическом поведении после войны было что-то успокаивающее, что нравилось русским. Император обладал харизматическим даром, который давал русским ощущение стойкости и величия нации. Он усердно занимался мелкими тяготами жизни. Кроме того, он был красив и вел добропорядочную и образцовую семейную жизнь, причем здесь он мог быть уверен в полной поддержке и помощи Александры Федоровны. Прусская

принцесса объединила позитивные традиции Марии Федоровны в сфере образования и благотворительности с интересами императрицы Елизаветы в области искусства и литературы и добавила сюда получившие распространение уже при Павле I идеи прусского почитания семьи. Все эти положительные явления были поставлены на службу правящей династии и преследовали многочисленные цели, причем политический смысл в любом случае был очевиден.

В одном пункте Николай и Александра отошли от традиций русских правителей: никто не мог упрекнуть их в какой-либо супружеской неверности или разных постыдных любовных отношениях. Правда, шептались, если император проявлял пристрастие к посещению пансионов для девочек или балетные школы. Но он делал это по согласованию или даже по поручению супруги. Что вообще предосудительного, если проникший своей исторической миссией монарх окружает себя красивыми женщинами? Кроме того, Николай слишком любил обвенчанную с ним императрицу, скрупулезно следил за скромностью в личной жизни и, сверх того, не имел времени заниматься разорительными историями. Он охотнее заботился о чистых воротничках своих служащих или о насущно необходимом образовании своего поместного дворянства. Разумеется, Николай тревожился и о Европе.

Россия и Европа — в те десятилетия эта тема широко обсуждалась. Александр I во время Наполеоновских войн установил между Западной и Восточной Европой обширные, как никогда до сих пор в истории, связи. Дом Романовых под давлением Наполеона успешно осуществлял династическое наступление невиданного ранее масштаба. Это продолжили Николай и Александра. Возможно, для императора абстрактное видение «Священного союза» было не столь важно. Но он вошел в урезанную Меттернихом конструкцию. Николая упрекали в отсутствии концепции во внешней политике. Это, наверное, не было ошибочно. Николай продвигался обходными путями для осуществления своих основных принципов: «Верховенство над Босфором должно принадлежать мне...» Чтобы добиться дружественных отношений с Англией, император в 1844 году отправился на Британские острова. Визит был неудачным. Несмотря на то что Николай хотел отдать англичанам Дарданеллы, его план по разделу Турции отклонили как нереалистичный.

Россия находился в изоляции. Даже с Пруссией, родиной императрицы Александры, росла дистанция. Чем опаснее усиливались в германских государствах либеральные и демократические течения и чем активнее призывали к новому общественному прорыву, тем более назидательно действовал Николай. Он ругал правительства и менторски добавлял: «При мне такая опасность никогда не наступит». Императрица Александра была слишком занята, слишком больна и недостаточно сильна характером для того, чтобы призвать супруга к здравому смыслу. Под консервативным нажимом из Санкт-Петербурга со временем расшатались отношения с «материнским домом» даже живших в государствах Германского союза великих княгинь и близких родственников. Посещения и семейные встречи происходили все реже. В Веймаре сестра Мария Павловна, при всем уважении традиций династической солидарности, много раз отклоняла предписания и правила петербуржцев. Пруссия на пути к национальному доминированию и без того не позволяла себе указывать, как действовать, и сама была достаточно консервативной.

Когда в 1848 году во Франции разразилась революция, русский императорский дом пришел в ужас. Монарх предпринял многочисленные репрессивные меры против собственных интеллектуалов. Проблема революции представлялась в Петербурге чисто властно-политической. Находившийся в Европе в изоляции император стремился продемонстрировать прочность русского самодержавия. Никто другой не обрисовал с такой точностью точку зрения императора, как тогдашний цензор русского Министерства иностранных дел Тютчев: «Уже давно в Европе есть только два настоящих силовых центра — Россия и революция... Между ними невозможны никакие переговоры, никакие договоры, существование одной одновременно означает смертный приговор для другой». Вторжение России в 1849 году в Венгрию и союз Австрии, Пруссии и России для освобождения Польши, казалось, еще раз возвратили дух «Священного союза», но в действительности нанесли ему окончательный смертельный удар, потому что еще более углубили могилу западноевропейских конституционных государств. Даже в Пруссии король в 1848 году вынужден был снимать шляпу перед павшими на баррикадах в дни Мартовской революции, а в герцогстве Саксен-Веймар-Айзенахском вели-

кая княгиня Мария Павловна прятала от собственной полиции разыскивавшегося композитора Рихарда Вагнера.

В России, напротив, началось «мрачное семилетие» — семь лет, до смерти Николая I, в которые было задушено общественное мнение. Это годы чрезвычайно отчетливо продемонстрировали общественно-политическую дистанцию между склонными к парламентаризму западноевропейскими нациями и самодержавными государствами Восточной Европы. Они подчеркнули намечающуюся слабость самодержавной системы как целого.

Но самую низшую точку правления Николая I характеризует Крымская война. В войне речь шла о господстве над проливами и старой русской мечте — убрать Турцию с политической карты. У западных держав антитурецкие планы Николая нашли немного сочувствия. В 1853 году Россия заняла княжества Молдавию и Валахию, Турция выразила протест, и Россия объявила Блистательной Порте войну. После первых боев в ноябре 1853 года на помощь султану поспешили Англия и Франция. Отчаяние Николая было глубоким. Ни одно европейское государство не поддержало священный «русский крестовый поход» против «неверных». Поражение следовало за поражением. Русский император не видел выхода. Он сам привел страну к безысходности.

Прекрасная незаметная императрица

В конце 1854 года Николай в состоянии растерянности отправился в Гатчину. Он приехал совсем один в уединенный замок — место его собственной изоляции. Еще однажды он побывал в Петербурге, а 18 февраля 1855 года умер. Никаких страданий, никакой болезни, никаких исполненных предчувствия видений, никакого спора за наследование престола. Сын Александр Николаевич вступил на престол как Александр II. Хотя Александра Федоровна уже много лет была больна и слаба и никогда не была той сильной, оформившейся и неудобной личностью, какую представляла собой ее свекровь Мария Федоровна, она была искренне привязана к своему супругу. Внезапная и одинокая смерть Николая I еще более пошатнула ее здоровье. Необходимы были новые поездки на мягкий юг на отдых. Зимой 1857 года императорская вдова провела в Ницце и Риме. Двумя годами позже она отправилась на курорты в Бад Эмс и Швейцарию.

Все было бесполезно. 19 октября 1860 года Александра Федоровна спокойно уснула в Царском Селе. С ней умерла теплая, без политических амбиций, мать. Жизнь Александры Федоровны подтвердила наметившуюся тенденцию: после великих женщин-правительниц XVIII века Мария Федоровна доказала государственно-политическую компетентность и открыла для династии ворота в немецкие и западноевропейские дворы шире, чем это когда-либо удавалось Екатерине II. Ее дочери Мария и Екатерина активно развивали эту политику. Вдовствующая императрица Мария Федоровна добилась того, чего не был в состоянии добиться Павел I. В династическом отношении она действовала политически грамотно. Елизавета и Александра оставили как есть факт существующих династических отношений. Они возвратились к сфере семьи, отведенных им задач в образовании и благотворительности, к искусству, культуре и литературе, а также к необходимым представительским обязанностям. Они исполняли свои обязанности незаметно, дисциплинированно, самоотверженно и одновременно ангажированно. Ни Елизавета, ни Александра не были личностями ранга Екатерины II или Марии Федоровны. Александра никогда не противоречила мужу и считала правильным то, что он делал. Создавалось по меньшей мере впечатление, что ее личность полностью растворилась в супруге.

Когда Николай умер, дочь Мария плакала, а императрица утешала ее: «Господь взял твоего отца к себе и избавил его от ужасного будущего». Перед лицом поражения России в Крымской войне это замечание свидетельствовало о глубоком политическом понимании момента. Александра никогда не забывала об унижениях, которые причинили Пруссии и ее королевскому дому Франция и Наполеон. В ее присутствии нельзя было говорить на французском языке. Николай I любил жену. Однако деспотический император любил в ней верное эхо, которым он сделал ее на протяжении лет, хотя она и была надменной прусской принцессой.

Глава 14

Больная императрица и возлюбленная княгиня: супруги Александра II

Мария Александровна – принцесса
Максимилиана Вильгельмина Августы София Мария
Гессен-Дармштадтская
[8 августа (новый стиль) 1824 года – 22 мая 1880 года],
первая жена (с 16 апреля 1841 года) великого князя
Александра Николаевича, позднее
императора Александра II.

Екатерина Михайловна Долгорукая, княгиня Юрьевская
(2 февраля 1849 года – 1922 год),
вторая жена (с 19 июля 1880 года) императора Александра II
(в морганатическом браке).

В поисках общего и особенного в жизни русских императриц XIX века новый интересный вариант находят в Марии Александровне, принцессе Максимилиане Гессен-Дармштадтской. Мария Федоровна как вдовствующая императрица приобрела собственный государственно-политический профиль. Елизавета тихо терпела свой брак и самоотверженно хранила верность. Александра полностью, без собственного тщеславия, подчинилась супругу. Несмотря на восторженный брак по любви, гессенская принцесса Максимилиана — после нескольких счастливых и проведенных в гармонии лет — в атмосфере «мрачной набожности» оказывала пассивно-консервативное сопротивление «царю-освободителю» и его программе реформ, так что император, жизнь которого находилась перманентно под угрозой повторяющихся покушений, искал утешения в любовных отношениях и обратился к княгине Екатерине Долгорукой, на которой он после смерти Марии Александровны женился вопреки воле детей.

Александр родился в Санкт-Петербурге 17 апреля 1818 года. Правил тогда его дядя Александр I. Великий князь Николай Павлович еще не играл политической роли в Российской империи. Спустя семь лет Николай вззошел на престол. Накануне восстания декабристов 14 декабря 1825 года мальчику сообщили, что он является наследником престола Российской империи. Днем позже он слышал отдаленную канонаду, и его привезли в Зимний дворец. Он видел, как его отец, запыхавшийся и непреклонный, прибыл с Сенатской площади, где в декабристов стреляли картечью. Александр видел появление отца — в два метра ростом, в парадном мундире. Он сам был одет в гусарский мундир. На него накинута ордена Святого Андрея Первозванного, и едва придя в себя, он уже стоял во дворе. Гвардейский батальон дворцовой стражи присягнул на верность победоносному императору и наследнику престола. Он был свидетелем тревоги, ночью, в Зимнем дворце. Это вступление в официальную жизнь империи он не забывал никогда.

Спустя добрых полгода после этих событий Александр во второй раз появился публично, когда в конце июля 1826 года отец был коронован в Москве. Восьмилетний наследник престола радостно и уверенно участвовал во всех торжествах. Вос-

питание и образование мальчика было отдано в руки поэта Жуковского, который напутствовал наследника престола: «Будь убежден, что власть царей исходит от Бога, но твоя вера в это должна быть такой же, как у Марка Аврелия. И Иван Грозный был в этом убежден, но он сделал из этого убийственную насмешку над Богом и людьми. Чти закон и своим примером научай других чтить его. Если ты преступишь закон, то и народ твой также не будет следовать ему. Учи ценить образование и способствуй его распространению. Чти общественное мнение... Люби свободу, это значит, справедливость... Свобода и порядок — одно и то же. Если царь любит свободу, подданные живут в послушании. Подлинная сила правителя покоится не на множестве солдат, а на благополучии его народа...»

Детские и юношеские годы наследника престола проходили в успехах и неудачах учебы, духовном развитии и официальных представительских обязанностях. Только важнейшая цель императора не была достигнута: Николай настаивал на военном образовании сына, а достиг обратного. Александр, правда, увлекался орденами и мундирами, упражнялся в искусстве парадов, но военное ремесло мало интересовало его. Конечно, Александр не стремился уклониться от необходимой дисциплины. К этому его вынуждало положение наследника престола. В апреле 1834 года Александр присягнул в верности короле и армии. Волнение и умиление сдвигали ему горло во время каждой торжественной церемонии.

Особые приемы сватовства

В конце 30-х годов наследник престола предпринял продолжительное путешествие по России. Оно не оставило неизгладимых впечатлений. Вместо этого Александр заболел, был бледен, и родители тревожились за быстро растущего, мечтательного, чувствительного и эмоционального юношу. Ему было 20 лет. Вопрос его женитьбы давно назрел. Правда, непосредственной проблемы наследования престола у семи детей, зачатых Николаем, не было, но Александр был достаточно взрослым для брака. Он должен был жениться на принцессе из немецкого княжеского дома. В 1838 году его послали в путешествие по Европе. В багаже лежал утвержденный императором список пригодных для женитьбы принцесс, среди которых молодой человек якобы

должен был выбрать невесту. Через Швецию и Данию Александр поехал на отдых в Бад Эмс. Затем он сразу поехал в Веймар и Берлин, осмотрел поле Битвы народов при Лейпциге, достиг Мюнхена и поехал дальше в Италию. Александр был пленен итальянским искусством. На обратном пути он добрался до Вены и подружился с князем Меттернихом и его супругой. Жуковский сопровождал цесаревича и в марте 1839 года лаконично резюмировал его появление: «Он всеми любим, каждый ценит его чистое сердце, ясный ум и достоинство, которое он выражает самым непосредственным и тактичным образом».

Не было только невесты! Александр предавался всем возможным удовольствиям, однако не предпринимал никаких мер для серьезного выбора супруги. Он послушно поехал в Баден, Вюртемберг и Дармштадт. Со времен Екатерины II Гессен-Дармштадт и Петербург имели прочный опыт в организации династических браков. Великий герцог Гессен-Дармштадтский Людвиг и прежде всего его супруга принцесса Вильгельмина Луиза Баденская уже предпринимали настойчивые усилия для вступления в брак своей дочери Максимилианы с русским наследником престола. Поговаривали, правда, что Максимилиана была внебрачным ребенком барона Августа Сенарклена фон Гранси; кроме того, до осуществления своих брачных планов великая герцогиня Вильгельмина умерла от туберкулеза, но до 1839 года приготовления зашли так далеко, что Александр мог посмотреть на 15-летнюю невесту. К сожалению, девушка заболела в самый неподходящий момент. Возможно, действительно никто не диагностировал начинающийся туберкулез. В любом случае она кашляла так сильно, что ее скрыли от Александра и он вынужден был ехать дальше, даже не посмотрев на девушку и не поговорив с ней. Николай I переступил через этот пункт, рассматривавшийся как особо критический: «Отважится ли кто-нибудь сказать, что русский наследник престола обручился с внебрачной девушкой! Поскольку великий герцог Дармштадтский об этом не беспокоится, я не вижу оснований заявлять протест». Хотя самодержавные филистеры прошлись по поводу мнимого мезальянса, Николай дал сыну официальное разрешение на брак. Нужно было только немного подождать и пройти испытательный срок – невеста была еще слишком молода. Но подлинной причиной промедления была, скорее, ее болезнь, так

как в апреле 1840 года Александр вновь прибыл в Дармштадт. На этот раз он нашел маленькую невесту восхитительной и достойной любви. Он подарил ей украшенный бриллиантами браслет, который она от сильного волнения потеряла при первой же прогулке. За эту оплошность ее вновь удалили от жениха, но благодаря усердию придворных драгоценность смогли найти, а Марию возвратить Александру.

В сентябре 1840 года император Николай I представил в Санкт-Петербурге в сопровождении эффектного военного парада нежную и застенчивую Максимилиану и ее поступившего на русскую службу брата Александра Гессенского и Рейнского. Невеста сразу начала усиленно учить русский язык, переход в православную религию не доставлял ей внутренних проблем, и 5 декабря 1840 года состоялось обращение и присвоение имени: великая княгиня Мария Александровна — как ее теперь называли — могла готовиться к намеченной на апрель 1841 года свадьбе. Смена Дармштадта на Петербург вскрыла серьезные проблемы в области здоровья. Возобновился мучивший Марию кашель, она удалилась от общества и вызвала новые сомнения в ее способности править. Признаки болезни своевременно приглушили, помог и теплый весенний воздух, и 16 апреля 1841 года смогли отпраздновать свадьбу. Дармштадтские родственники облегченно вздохнули. В свое время брак принцессы Августы Вильгельмины с Павлом Петровичем оказал благодатное в финансовом отношении влияние.

Император устроил грандиозный праздник, который представил новобрачным мир, полный счастья, богатства и вечной радости. Но то, что начиналось на седьмом небе, вскоре должно было упасть на землю и в конце концов умереть в холоде. Первоначально все участники были довольны. Юную великую княгиню приняли радушно. Оценили ее искренность и уравновешенность. Правда, уже тогда находились люди, которые считали Марию слишком строгой, слишком верующей и слишком преданной властям. Она следила за непременным соблюдением придворного этикета. Новобрачные любили друг друга спокойно и искренне, Александр окружил Марию уверенностью и вниманием. Она могла быть уверена в том, что достигла счастья, если бы только здоровье не расстраивало ее планы. Николай щедро обустроил молодую пару и ввел сына в различные учреждения империи. Наследник престола посе-

шал заседания Государственного совета или Совета министров и в каждом случае разделял мнение отца. Император посылал его на представительские мероприятия внутри страны и за границей. Оба, Александр и Мария, долго и терпеливо готовились к своим будущим задачам в качестве правителей.

Полные перемен годы

В первый год семейной жизни Мария родила дочь Александру. Рождение девочки вызвало критические взгляды и первую напряженность. Брат Марии Александр так решительно защищал сестру, что император на год удалил его от дома — Николай не намерен был терпеть никаких ссор в семье. Позднее Александр Гессенский поступил на австрийскую службу. Правда, Мария вела с Александром постоянную переписку, интересную для оценки ее политических взглядов и личностных воззрений, и они работали рука об руку, но не брат был причиной ее медленного отдаления от русского императора.

В 1848—1849 годах Александр Николаевич и Мария поддерживали политику императора по подавлению революций в Польше, Венгрии и по всей Европе. В 1849 году умерла первая дочь — Александра. Появившемуся на свет в 1843 году Николаю также не суждена была долгая жизнь. Крымскую войну наследная пара рассматривала как посягательство на законные интересы России. В январе 1855 года Николай I заболел. На смертном одре он еще раз сказал сыну: «Держи все в своих руках, держи все в своих руках!» 18 февраля 1855 года император Николай I умер. В русской истории наследование престола сыном редко происходило так беспрепятственно, как в случае Александра.

Император Александр II вступил на престол. В Европе ожидали скорого окончания Крымской войны. Первое политическое заявление Александра II оставляло открытым пространство и для другого развития: «Я настаиваю на принципах, которые служили правилом моему дяде и отцу. Эти принципы — в “Священном союзе”... Но если переговоры, которые должны открыться в Вене, не приведут к приемлемому для нас результату, тогда, господа, тогда я вступлю в борьбу во главе моей верной России и всего моего народа». Он считал невозможным прекратить борьбу против французского императора Наполеона III. Это был вопрос нацио-

нальной чести и традиции. Александр II отдал приказ о новом наступлении в Крыму. В августе 1855 года русские вынуждены были оставить Севастополь. Александр сам отправился в Крым. Повсюду его встречал боевой оптимизм. Зимой 1855/1856 года он не принадлежал к числу тех, кто стремился к заключению мира. Однако известно, что русское правительство использовало династические связи в Европе, чтобы добиться окончания войны, в бессмысленности которой, вопреки высказываниям Николая I и Александра II, была убеждена императрица Мария. Своей фрейлине Анне Тютчевой она убежденно и взвешенно заявила: «Наше несчастье в том, что мы должны молчать. Мы не можем сказать людям, что эта война началась совершенно бессмысленно с бесцеремонной аннексии Дунайских княжеств, что она ведется вопреки здравому смыслу, что страна была не подготовлена к подобному конфликту, что у нас нет ни вооружения, ни боеприпасов, что все ветви власти плохо организованы, что наши финансы истощены и все это вместе привело нас в состояние, в котором мы находимся». Мадам Тютчева оценила эту откровенность так, что император не найдет выхода из кризиса. Императрица Мария объяснила ей причину оторванности от реальности: «Царица также недостаточно находчива. Возможно, она святая, но ни в коем случае не правительница. Ее жизненный круг — мир морали, а не развращенный мир земной действительности».

Александр продолжал войну, но после австрийского ультиматума в феврале 1856 года в Париже начались мирные переговоры. Русские посредники добились приемлемого мирного договора. Севастополь оставался за Россией, Турция получала обратно Карс. Молдавское княжество получало устье Дуная и часть Бессарабии. Таким образом, Россия больше не граничила непосредственно с Османской империей. Черное море объявили нейтральной зоной. Но самый важный результат заключался в осторожном французско-русском сближении.

Коронация императорской пары и окончание крепостного права

После заключения мира Александр осторожными шагами внутри страны увеличил политические свободы и ослабил цензуру

в прессе. А в апреле 1856 года он провозгласил: «Теперь, когда счастливый мир подарил России благотворный покой, мы решили последовать примеру наших благочестивых предков, надеть корону и принять святое помазание. В эти торжества включена и возлюбленная супруга Мария Александровна». Торжественное событие состоялось в августе 1856 года в Москве. Традиция и новаторство тесно соседствовали. Впервые в русской истории императорская пара отправилась на коронацию на поезде! Как и все его предшественники на престоле, Александр, прежде чем въехать в Первопрестольную, на несколько дней остановился, чтобы собраться с мыслями, перед воротами Москвы (в Петровском замке). Коронация проходила согласно утвержденному чину. Пожалуй, самую меткую краткую формулу для описания торжеств оставило острое перо человека по имени Хомяков: «Это было как сказка. Все в золоте, азиатские народности, прекрасные мундиры и старые парики, напудренные на немецкий манер. Это было как “Тысяча и одна ночь”, но рассказанная Эрнстом Теодором Амадеем Гофманом».

Церемония коронации состоялась 26 августа 1856 года в Успенском соборе Кремля — традиционном со времен Ивана Грозного месте коронаций. Александр II занял место на троне великого князя Московского Ивана III — деда Ивана Грозного, его супруга — на троне царя Михаила и его мать — на троне царя Алексея — отца Петра Великого. В этом событии оживила вся русская история. После длительной церемонии император принял из рук духовенства украшенную бриллиантами корону. В то же время митрополит Филарет произносил судьбоносные слова: «Это зримое украшение есть символ невидимого венца, который с благословением временно вручает тебе как главе всех земель русских Господь наш Иисус Христос, честной царь, чтобы тебе досталась высшая и безграничная власть над твоими подданными». Александр был взволнован и со всей серьезностью воспринимал важность минуты. Он короновал супругу меньшей короной. Из-за неловкости она упала у нее с головы. Незначительный эпизод, но в этот судьбоносный момент и мелочь полна мистической символики. Марии Александровне сразу же пришло на ум мрачное пророчество: «Это значит, что я не долго буду ее носить». Она не могла предполагать, насколько была права! Но в эту минуту Александр плакал, выпрашивая божественного благословения своему

правлению: «Ты избрал меня царем и высшим судьей Твоим человеком. Я склоняюсь перед Тобой и прошу Тебя, Господи, мой Боже, не оставь меня в моих намерениях, научи меня и веди меня в моих деяниях на службе твоей. Кладу сердце мое в руку Твою». Хор пел хвалу Господу, и митрополит помазал царя: «Пусть меч царя всегда снаряжен будет для защиты правого, пусть только присутствие его уменьшает несправедливость и зло». Александр и Мария осознавали величие момента. Они чувствовали груз ответственности, который лежал на их плечах! На Ходынском поле у палаток с напитками и закусками толпились около двухсот тысяч человек. Ливший как из ведра дождь привел к массовым дракам за оставшийся хлеб. Это был плохой знак — беда пришла в дом!

В то время в России из 61 миллиона человек 50 миллионов жили в условиях крепостной зависимости. Из года в год росло число крестьянских восстаний. Среди русской интеллигенции с 40-х годов «западники» и «славянофилы» дискутировали о будущем России. Даже в императорской семье находились защитники отмены крепостного права. Александр взывал к совести дворянства: «Они, конечно, сами поймут, что нынешняя система крепостных душ не может остаться неизменной. Однако лучше упразднить ее сверху, чем ждать того момента, когда она будет ликвидирована снизу». Император обращался к общественности. Отмена крепостного права превратилась в открыто обсуждаемую проблему. Постепенно прагматично мыслящая группа чиновников признала: реформа позволит укрепить социальный мир, урегулировать правовые отношения между крестьянами и помещиками и повысить цену на землю!

Император нашел политически дальновидных компетентных людей, таких как высокообразованный Николай Милютин. Тот собрал еще ряд деятелей: Соловьева, Самарина, князя Черкасского и других. Однако споры между противниками и защитниками реформ не кончались. 26 января 1861 года Александр категорически заявил: «Я желаю, я требую и я приказываю, чтобы все это было завершено к 15 февраля. Вы не смеете забывать, господа, что в России законы разрабатывает и провозглашает власть государя». Три дня спустя император подтвердил в Государственном совете: «Дело отмены крепостного права — вопрос выживания, от которого зависит упрочение силы и мощи России». 19 февраля 1861 года император

подписал положение об отмене крепостного права. Несмотря на все противоречия, обманутые надежды и раздоры, в России начался новый век. Александр был горд своими достижениями, хотя совершенно ясно представлял себе все ловушки.

Императрица Мария отрицательно отзывалась о Крымской войне. В 1861 году она уже 20 лет была замужем за Александром. Она не вмешивалась активно в разработку аграрной реформы. Можно предположить, что до начала 60-х годов она являлась моральной поддержкой супругу и по-своему способствовала делу реформ, продолжая традиционную благотворительную работу. Но самые трудные задачи были еще впереди. Крестьянскую реформу следовало понимать как исходную точку обширной сети политических и административных реформ. Император опасался волнений. Первоначально народ приветствовал его ликованием. Возник ореол благодетеля, «царя-освободителя».

По всей стране шел дележ. За каждый квадратный сантиметр земли боролись, торговались и обманывали. Крестьянские восстания вспыхивали и подавлялись с применением военной силы. Студенты жаловались на отсутствие академических свобод и наталкивались на радикально-социалистические идеи, которые высказывали такие идеологи, как Александр Герцен или Михаил Бакунин. Александр был столь же мало подготовлен к такому развитию событий, как и администрация. Он, правда, склонялся к терпимости, однако выйти из затруднительного положения умел только за счет репрессивных мер. Прием в университеты был сокращен, консерваторы пришли на место либерально мыслящих реформаторов. Всем следившим за русской внутренней политикой казалось, что назначение Петра Валуева министром внутренних дел было сигналом того, что рассматривавшиеся в качестве либеральных реформы будут пушены по умеренно-консервативному руслу.

Императрица была в страхе, опасалась нововведений и поддерживала консервативные силы. Когда в Москве и Петербурге дело дошло до поджогов, а в Польше разразилось восстание, она предостерегала, что «это начало выполнения революционной программы». Она требовала энергичных мер восставших. Царь Александр действительно приказал схватить нарушителей спокойствия и вплоть до 1863 года жестоко подавлял Польское восстание. Императрица Мария также опасалась

Польского восстания, потому что русские акции по его подавлению вызвали протесты Австрии, Пруссии, Англии и Франции. Кроме того, «неполитизированная» царица видела угрозу отношениям, осуществлявшимся с английскими предпринимателями благодаря строительству железной дороги от Москвы до Севастополя. Барон Ротшильд также намеревался участвовать «50 миллионами в нашем займе». Поэтому необходимо было «окончательно закончить с Польшей». Брат Марии Александр Гессенский и Рейнский выполнил свое русское поручение, успокоил Англию и Австрию, не было европейской войны, поляки умирали под градом огня русских пехотинцев, а международный консорциум смог финансировать железнодорожное строительство, отсутствие которой ранее внесло свой вклад в поражение русских в Крымской войне!

Политика реформ Александра послужила причиной развития общества и вызвала появление движений, которые в долгосрочной перспективе могли поставить под сомнение принцип самодержавия. После упорной борьбы университеты получили полную автономию. Школы освободили от надзора Священного Синода. Возникли ориентированные на будущее реальные гимназии. Государство назначало стипендии способным ученикам и студентам. 20 ноября 1864 года после двухгодичной подготовки была проведена судебная реформа. Реформа соответствовала многим отличительным чертам современного западноевропейского судопроизводства. В 1864 году появились земства — собрания, заседавшие наряду с прежними дворянскими собраниями, председатели которых избирались на три года и которые заботились о многочисленных региональных проблемах в сфере образования, здравоохранения и социального обеспечения. Подобные местные структуры были созданы и в городах.

Вместе с реформами шла индустриализация. Строительство железных дорог мобилизовало хозяйство. Рядом с государственными монополиями развивались частные промышленные предприятия. В страну начался приток иностранного капитала. Происходили невиданные до сих пор структурные изменения в экономике. Крестьяне устремились в города и промышленные поселки, они выходили из деревенской общины и создавали ядро будущего промышленного пролетариата. Сопровождавшие реформу структурные изменения неизбежно оказывали воздействие и на армию. Александр нашел в Дмитриих

Милютине выдающегося человека для военной реформы: срок службы был сокращен до 16 лет, введена всеобщая воинская повинность.

Реформы подняли вопрос о центральном и выборном парламентском органе. Было разработано предложение о некоем учреждении для обсуждения важных законов и стратегий, члены которого должны были частично выбираться из народа. Эта мысль была единогласно отвергнута Советом министров, и император пока отказался от нее. Реформа натолкнулась на свои же границы.

Противодействие реформам

Императорская семья находилась в замешательстве в связи с реакцией на реформы. Столь же шумными, как и нигилистические листки, были и патриотически-консервативные органы, и впереди всех издатель «Московских ведомостей» Михаил Катков. Он презрительно-иронически упрекал императора в том, что теперь он видит последствия своих бессмысленных реформ. Несмотря на аресты, выступления и реакцию, сражение неумолимо продолжалось и настолько взволновало императорскую семью, что наметились новые черты в личностном развитии императора, его супруги и в их браке.

После 1862 года у императрицы усилился туберкулез, но распознан в этом качестве не был. Александр выказывал по отношению к супруге подобающее почтение, однако все в большей степени обращался к молодым и красивым женщинам. Совесть он успокаивал болезнью Марии. Они вместе отправились на лечение в Бад-Киссинген, Дармштадт и Ниццу, но все незначительные улучшения здоровья сводилась на нет заботами о больном наследнике престола. Противоборство Австрии и Пруссии в шлезвиг-гольштейнском вопросе и предстоящее объединение немецких малых государств достигло Петербурга. Императрица Мария видела для Германии альтернативную перспективу — «гражданская война или демократический парламент» — и не принимала бисмарковскую политику объединения рейха, тем более что все без исключения сестры ее супруга были выданы замуж в немецкие малые государства. Аристократическое родство, эффективно налаженное Екатериной II и Марией Федоровной в конце XVIII века, принесло

грандиозные политические результаты, и императрица России при этом не стояла в стороне.

Оставались заботы в собственной стране. 4 апреля 1866 года Александр II пошел на прогулку в петербургский Летний сад. Когда он покинул территорию недалеко от Михайловского дворца, к нему подошел молодой человек и вынул револьвер. Прохожий, заметив опасность, мгновенно ударил по вооруженной руке — прозвучал выстрел и не попал в цель. Это было первое покушение на Александра II. Люди бросились на преступника и скрутили его, прежде чем он смог выстрелить второй раз. Император пошел в Казанский собор и возблагодарил Бога за то, что еще жив. Покушение утвердило императрицу в ее православных убеждениях, и она оказывала давление на духовенство, чтобы оно побудило царя к более консервативному образу мышления.

Империя пришла в волнение. Федор Достоевский не мог постичь катастрофы. Впервые в русской истории простой русский поднял руку на императора — и на том основании, что при освобождении крестьян народ обманули. Во всеобщее подогреваемой атмосфере Дмитрий Каракозов мог считаться преступником-одиночкой. Александр назначил Петра Шувалова военным министром и генерала Трепова — обер-полицмейстером Санкт-Петербурга. Генерал Муравьев, «вешатель Польши и Литвы», руководил расследованием дела Каракозова. Стрелявший был приговорен к смерти и повешен перед Петропавловской крепостью на глазах у огромной толпы.

Покушение на священную жизнь императора явилось поворотным пунктом. Реформы приобрели новое направление. 13 мая 1866 года вышел рескрипт: «Провидение стремилось наглядно показать России, куда может завести безумное усердие некоторых людей, которые борются против всего, что есть священного в нашей стране: веры в Бога, основ семьи, права на собственность, повиновения законам и уважения правительства... Чтобы гарантировать успех мероприятий, предпринимаемых против этих темных учений, которые получили развитие в обществе и угрожают подорвать основы религии, морали и общественного порядка, руководство важнейших институтов государства должно позаботиться о том, чтобы получили признание консервативные элементы, те живые и здоровые силы, которых, слава Богу, сегодня еще много в

России». Персональные перестановки в министерствах, ужесточение цензуры в прессе, репрессии против земств и дум — завоевания реформ пошатнулись. Но «нигилизм» неудержимо ширился. Император стал замкнутым и недоверчивым. Он хотел дать России конституцию, но был убежден в том, что она будет означать предательство традиций самодержавия. На кого ему следовало опереться? На супругу Марию Александровну, которая настойчиво внушала ему, что в России нельзя ничего менять, в противном случае империя разрушится? Возможно, ему следовало опереться на Православную церковь и «славянских фундаменталистов». Но мог он ориентироваться и на утопистов с их писателями, художниками и поэтами, на Тургенева, Гоголя, Льва Толстого или Достоевского. Все было возможно и ничего не случилось. Император оставался в одиночестве, предавался мрачным настроениям и лишь с огромным усилием выполнял общественный долг.

Императрица между тем из-за восьми беременностей и туберкулеза преждевременно состарилась, была больной и слабой. Она вынуждена была все чаще искать прибежище в лечебных ваннах в стране и за границей. Не одни беременности и болезнь были причинами разрушения. Это была вся изнуряющая жизнь при императорском дворе. Крымская война, прусско-австрийские противоречия, заботы о Дармштадте в борьбе за объединение Германии и реформы были решающими политическими событиями, которые отдалили Марию от мужа. За дело взялись гонка и спешка, и императорская чета изматывала себя в представительских обязанностях. Если даже император все более замыкался в себе от этого давления, насколько же противоречили они существу Марии. В те годы ее описывали как женщину печально-грациозную, со стройной хрупкой фигурой и темно-голубыми глазами. Анна Тютчева писала: «В ней было что-то одухотворенное, что-то чистое, абстрактное. Она напоминала мадонну Дюрера или книжную миниатюру... Каждый раз, когда я за ней наблюдала, у меня было впечатление, что ее душа находится бесконечно далеко от нас и что у нее нет дела с пестрой земной толпой, которая ее окружает... Она собранна, не оказывает большого воздействия, чужда своему окружению, совершенно не подходит в качестве матери, жены и царицы. Она прилагает усилия, чтобы быть достойной своего положения, но ей недостает естест-

венности... Поскольку у нее отсутствует всякий темперамент, она не кажется созданной для того, что ей дала судьба. Она постоянно, все для нее — повод, старается страдать. Отсюда возникает нервное напряжение, которое в конце концов лишает ее всякой энергии и заставляет ее становиться некой пассивной фигурой. Она святая или кусок дерева?»

Действительно ли Мария предъявляла чрезмерные требования, не хотела ли она больше содействовать политике императора или не могла? Формально она придавала значение тому, чтобы постоянно быть на стороне императора. Это относилось не только к обязательному представительству, но и к обсуждению политических и социальных вопросов. Ее принципиальной позицией оставалась ориентация на триединство самодержавия, православия и народности, причем православие стояло в центре. Мария понимала переход в другую веру не как необходимость с прагматической точки зрения — прусская принцесса Шарлотта и в качестве императрицы Марии Александровны проводила в своих покоях часы духовного очищения в пиетистском духе, — она жила под давлением того, что должна стать воплощением православия. Религиозность и набожность царя были вне всякого сомнения. Но Мария под влиянием своих подруг Анастасии Мальцовой и Антонины Блудовой возвысилась до «ханжеского и направленного вспять» фарисейства, которое находилось в противоречии с задачами императорских реформ. По ее мнению, Россия может спастись, только утвердившись в своих консервативных ценностях. Царь все больше или больше молчал, когда она распространяла подобные сентенции, а министр народного просвещения отмечал в дневнике: «Царица сказала мне, что надеется, что я не готовлю для нее неожиданностей, что в ее устах означает конституционные реформы или уступки в отношении религиозных меньшинств и иноверцев... Это был уже не первый раз, когда я констатирую, что она оказывает губительное, если и незаметное влияние на богослужebные дела. *Gutta cavat lapidem* («капля точит камень» — первая часть строки стихотворения «Овидия *Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo*» — «капля точит камень не силой, но частым паденьем». — *Прим. пер.*). Царь очень слушает ее. Из ее высказываний о земствах я понял, что она видит средство в том, чтобы избежать появления конституции».

Мучительная смерть наследника престола и кризис брака

Мария действительно была женщиной, способной к политическому мышлению. Она развивала свои воззрения не только напрямую в отношениях с императором, его министрами и представителями церкви, но и особенно при воспитании наследника престола.

В 1843 году родился первый сын — Николай. Мальчик унаследовал сдержанную натуру матери, и она была всерьез привязана к нему. Николай страдал от сначала необъяснимой болезни. Его отправили для поправки здоровья в Голландию и обручили в надежде на скорое выздоровление с принцессой Датской Дагмар. Но болезнь прогрессировала. Перемена места на Ниццу также не помогла. Там врачи диагностировали туберкулез. Императорская семья появилась в Ницце. Весной 1865 года Николай заболел еще и тяжелой формой менингита. В апреле 1866 года он умер в присутствии родителей, сестер и невесты. Император и Мария чрезвычайно тяжело восприняли смерть наследника престола. Жестокий удар судьбы, правда, не подвиг их к тому, чтобы преодолеть начинающееся между ними отчуждение и вновь найти друг друга.

Император провозгласил наследником престола родившегося в 1845 году Александра Александровича. Александр был крупным, мужиковатым, неуклюжим, добродушным и диким. Поскольку первоначально не он должен был наследовать престол, его воспитанием несколько пренебрегали. Но император знал, что сын Александр отвергал либеральные реформы и под влиянием воспитателя Константина Победоносцева выступал поборником традиционных ценностей. В этом отношении мать стояла ближе к сыну, чем отец. В последующие годы в столкновениях между родителями он в политическом и моральном отношении был на стороне матери. Прежде всего наследник престола должен был жениться. Говорят, Николай на смертном одре просил его позаботиться о его нареченной Дагмар Датской. У императора не было оснований отбросить эту мысль, и, таким образом, в 1866 году Александр Александрович женился на датской принцессе.

Для императора и императрицы это был необходимый в династическом отношении политический шаг. Они осуществили его

во время усиливающегося охлаждения в их взаимных отношениях. Мария была больна. Что бы она ни делала, видела, имела и переживала, материальный мир казался ей противным. Под руководством своего духовника она шаг за шагом уходила от «унизительного давления плоти», чтобы целиком себя «посвятить стремлениям своей души». Удивительным при этой растущей отрешенности от мира был острый политический ум в суждениях обо всех немецких делах. Сопrotивление делу реформ своего супруга она мотивировала пресыщением роскошной жизнью и отвращением к любовным связям императора, который ищет развлечений у все новых женщин. Александр был мужчиной с выраженной чувственной привлекательностью и желаниями. Он, правда, по-прежнему был полон уважения к супруге, регулярно с ней обедал и пытался приобщить ее к своим политическим идеям и деяниям. Он занимался с детьми и стремился быть хорошим мужем и отцом. Не удавалось. В конце концов жена отказала ему в близости, политически и духовно. Скоро они перестали находить какие-либо подходы друг к другу.

В некоторых отношениях Александр II походил на своего дядю Александра I. Он любил красивых женщин и мог, полный восторга и удовольствия, предаваться их радостям. Его супруга молча терпела это — метрессы являлись традицией петербургского двора и не считались чем-то безнравственным. Прежде всего Александр даже выбрал женщину из окружения своей супруги — Александру Долгорукую. Она была маленькой, капризной и избалованной особой. Флирт с императором нравился ей, и она бросающимися в глаза жестами повсюду обращала на это внимание. Александра даже публично восторгалась либеральными реформами своего покровителя и любовника. В действительности она только внешне с ним соглашалась. Она вышла замуж за старого генерала Альбединского, и это отвечало желаниям скорее императрицы, чем Александра.

Екатерина Долгорукая

Александр не долго печалился об окончании любовной интрижки с Александрой Долгорукой. Он нашел в Екатерине, также происходившей из древнего рода Долгоруких, новую девушку и вторую большую любовь своей жизни. Он знал Екатерину уже много лет. Имущество князей Долгоруких находи-

лось под императорской опекой, потому что глава семьи не умел беречь ни имущества, ни денег. Екатерина закончила находившийся под покровительством царицы Смольный институт для молодых дворянок. Во время одной из прогулок в Летнем саду девушка вновь встретила Александра и узнала его с первого взгляда. Екатерина была удивительно красивой, и он влюбился в нее с восторженной преданностью. Он был зрелым мужчиной, а Екатерина 17-летней девушкой, которая от смущения не знала, как сопротивляться домогательствам Александра. Екатерина защищалась, как могла, и сначала не поддавалась натиску Александра.

Покушение Каракозова явилось и в этих отношениях поворотным пунктом. Александр II его пережил, а для Екатерины Михайловны началась новая жизнь. Она ответила на его любовь, отдалась ему, и в июле 1866 года во время тайной встречи в парке Петергофа он торжественно поклялся, что смотрит на нее как на свою жену. Пошел слух, что Екатерина подвозила императора от маркизы Вульчано Черчемаджоре. Маркиза была умной женщиной и не хотела компрометировать Екатерину при дворе. Она отправила девушку в Неаполь. Из-за разлуки император впал в депрессию. Только спустя полгода он вновь встретил Екатерину.

В то время как в России реформы более или менее продвигались вперед, в Европе происходили серьезные политические изменения. Отношение России к Франции из-за Польского восстания охладело. Пруссии удалось усилить свою мощь. После войны 1856—1866 годов между Данией и Австрией объединение Германии под эгидой Пруссии стало зримым. Императрица Мария, которая в каждом случае имела свое мнение по политическим вопросам и, несмотря на свое дурное настроение из-за Екатерины Долгорукой, со знанием дела давала советы супругу, верно замечала: «Бисмарк, как кажется, очень уверен в своей позиции в отношении парламента в Германии в целом, что ему не мешает бояться даже только видимости сближения между Францией и нами». Министр иностранных дел Горчаков считал рациональной поездку Александра во Францию. В июне 1867 года Александр прибыл в Париж для посещения Всемирной выставки. Наполеон III дружески приветствовал его, однако общественное мнение разделилось. Русский император вновь и вновь наталкивался на неприкрытую враж-

дебность, и призыв «Да здравствует Польша!» раздавался неоднократно в его присутствии. 6 июня он с Наполеоном и обоими сыновьями Александром и Владимиром в открытой карете ехал через Булонский лес. Вновь раздался призыв: «Да здравствует Польша!» Он исходил от молодого человека, который без предупреждения дважды выстрелил в царя из пистолета. Только благодаря присутствию духа кучера, который оттолкнул императора в сторону, выстрелы не достигли цели. Это было второе покушение, которое пережил Александр. Поляк Антон Бerezовский был приговорен к пожизненному заключению.

Александр уехал разочарованным. Все путешествие не стоило бы ничего, если бы в Париже Александр вновь не встретил Екатерину Долгорукую. Вместе с ним Екатерина вернулась в Петербург. Император назначил возлюбленную придворной дамой своей супруги и, одарив многочисленными дорогими подарками, поместил ее в Зимнем дворце рядом со своими покоями. Решение, которое Мария Александровна восприняла молча и с ледяной улыбкой. Она по-прежнему считала девушку преходящим капризом своего охваченного «полуденным демоном» супруга. От публичного скандала спасало благоразумие Екатерины, которая препятствовала тому, чтобы император постоянно официально представлял ее и тем самым компрометировал себя самого. Она жила уединенно и избегала вмешательства в придворные порядки.

Правда, Екатерина не могла и не хотела помешать тому, что все более и более становилась советчицей Александра. Вскоре больше не было ни одной государственно-политической проблемы, о которой он сначала не поговорил бы с Екатериной, а потом с Марией. Это касалось не только семейных или внутриполитических вопросов. Когда в критические дни 1870 года Александр находился в Бад Эмсе и вел переговоры с прусским королем Вильгельмом I об отношениях обеих стран с Францией, рядом с ним была Екатерина, а не Мария. Она чувствовала его радость по поводу германского продвижения против Франции и смогла глубоко заглянуть в душу Александра, когда он написал ей письмо: «Я придерживаюсь мнения, что если они придут туда (немецкие войска в Париж. — *Прим. авт.*), Наполеон больше не будет императором французов и что французы в Париже объявят о его свержении, и что он получит только то, что заслуживает за все несправедливости к нам

и многим другим... Я все думаю о Севастополе, что было причиной смерти моего отца, ты же знаешь, как я его почитаю и по сей день. Во всех этих событиях я вижу руку Бога, которая карает несправедливость».

В то время как Мария беспокоилась о судьбе своей дармштадтской родины, Александр отклонил роль посредника в мирных переговорах между Германией и Францией. Однако он придерживался только кажущегося нейтралитета. В октябре 1870 года Горчаков объявил об одностороннем расторжении Россией Парижского мирного договора, который принес окончание Крымской войне. 13 марта 1871 года Англия вынуждена была одобрить договор, который освободил от оков русский флот на Черном море. Император Александр II извлек выгоду из немецко-французской войны и мог почтить память отца.

В апреле 1872 года в Зимнем дворце Екатерина Долгорукая произвела на свет сына Георгия. Роды были тяжелыми, и император опасался за свою любовницу. Ребенка определили к русской кормилице и отдали под присмотр французской гувернантке. Император имел внебрачного сына и создавал тем самым новую династическую проблему. Сначала семья Романовых была растеряна и не знала, как подступить к императору. Мария Александровна хранила обычное молчание. Ее приближенные утверждали, что в этом, 1872 году, она отказалась от борьбы с затяжной болезнью. Ее друзья поносили императора за его бесцеремонность в отношении собственной жены. Когда Екатерина в 1873 году родила еще и девочку, Ольгу, начальник корпуса жандармов генерал Шувалов возмущенно кричал: «Я сломаю эту дерзкую девчонку!» Его послали в качестве посла в нелюбимую им Англию.

В приливе счастья Александр думал о возрождении «Священного союза». Действительно, в сентябре 1872 года в Берлине встретились императоры Германии, России и Австрии и договорились о конвенции трех императоров. По воле канцлера Отто фон Бисмарка, с которым многократно лично беседовала императрица Мария, конвенция должна была за счет Германии предотвратить русско-французское сближение. Александр II был удовлетворен: вновь девизом русского императора была «священная Европа».

Однако в середине 1870-х годов он озабоченно смотрел на Балканы. В 1875 году активизировались Болгария и народы

Боснии и Герцеговины. Для подавления восставших Турция ввела в действие национальные вспомогательные войска. Сербия и Черногория объявили Турции войну. Великие державы пытались ослабить давление в балканском котле, однако отстаивали различные интересы. Мария писала брату Александру: «Восток вызывает у нас все большую озабоченность, снисходительное терпение Европы только делает непокорной Турцию... Я надеюсь, что последняя турецкая подлость — желание напасть на Черногорию — напомнит, наконец, Европе о ее христианском долге». Россия принимала прямое участие: верховным главнокомандующим сербской армией был русский генерал Черняев. В октябре 1876 года он потерпел поражение при Алексинаце и тем самым открыл турецкой армии путь на Белград. Император Александр призвал султана к немедленному перемирию. Турецкое правительство пошло на уступки, и Сербия пока была спасена.

Войны и восстания на Балканах привели в России к появлению национально-патриотической освободительной волны. Теперь священная война против неверных должна быть удачной! Императрица Мария принадлежала к самым ревностным сторонникам войны с Турцией. Александр II поддался национальной эйфории. С членами императорской семьи он занимал все руководящие военные посты. В Петербурге он протиснулся с женой холодно и по-деловому, с Екатериной, напротив, страстно. Но Мария в своей эйфории была полна оптимизма. Уже в августе 1876 года она предсказывала: «Турция идет к своей полной дезорганизации». 12 апреля 1877 года император объявил: «Будучи глубоко убеждены в справедливости нашего дела, Мы смиренно доверяемся милости и помощи Божьей, молим о Его благословении нашим мужественным армиям, которым Мы отдали приказ перейти границу с Турцией». 15 июня 1877 года русские войска перешли Дунай. Солдаты под командованием генерала Гурко продвинулись до болгарского перевала Шипка. Вскоре обнаружилась пропасть между боеготовностью солдат, неудовлетворительным качеством руководства и недостатками в организации снабжения. Император Александр мог только наблюдать, как турки возвратили себе Шипкинский перевал, трижды разбили русских у болгарского города Плевна и осуществляли продвижение на Кавказском фронте. Александр был близок к отчаянию. Он писал Екатери-

не: «Боже, приди к нам на помощь и закончи эту войну, которая приносит столько позора России и христианской отваге». Он повел вперед гвардию и удачно штурмовал Плевну. На Кавказе Россия вновь овладела Карсом и Арменией.

Чем дальше русские продвигались к Константинополю, тем энергичнее европейские политические силы настаивали на окончании войны. 19 февраля 1878 года была заключен договор в Сан-Стефано. Сербия, Румыния и Черногория становились независимыми. Турки выразили готовность к реформам в Боснии и Герцеговине. Россия получила дельту Дуная, Батум и Карс. Русские корабли могли в любое время проходить через Дарданеллы.

Австрия и Англия подвергли Сан-Стефанский мир яростным нападкам. Мария жаловалась, что Россию хотят лишить плодов победы: «Теперь, к сожалению, настала очередь европейской дипломатии, этих ужаснейших из всех выдумок, когда обсуждаются наши дела». Бисмарк был посредником в конфликте и свел соперничающие по поводу Балкан партии в Берлине. Россия была представлена Горчаковым. Победы на Балканах были бесполезными, солдаты были принесены в жертву напрасно. Россия сохранила Карс, Батум и Бессарабию. Сербия и Румыния остались независимыми. Болгария стала самостоятельным государством, правда, под руководством Александра фон Баттенберга — племянника русской императрицы Марии Александровны. Особенно болезненным для России было то, что Босния и Герцеговина попали под австрийский протекторат и что Англия завладела Кипром. 13 июля 1878 года был подписан Берлинский договор, который вызвал кризис в России. Император Александр II нес ответственность за политико-дипломатический провал. Для него после Берлинского договора начинаются самые тяжелые — и последние — годы жизни.

Покушения и смерть императрицы

Император во всех отношениях был стариком. Его не баловала судьба. В своих личных отношениях он ни на йоту не отклонился от прежнего образа жизни. Мария и Екатерина после Берлинского договора встретили его с пониманием и любовью. Покои Марии, которая едва могла подняться с инвалидной коляски, располагались рядом с его покоем, Екатериныны —

под ними. В 1876 году Екатерина произвела на свет сына Бориса, который через несколько дней скончался. В сентябре 1878 года родилась дочь Екатерина. Император жил фактически под одной крышей с двумя женщинами. С любой точки зрения он создал невозможную ситуацию. Екатерина пыталась избежать тягостного положения, находясь почти безвыходно в трех своих покоях. Туберкулез у Марии Александровны настолько прогрессировал, что она могла чувствовать только горькое сострадание к влюбленному императору: «Я извиняю ему ошибки по отношению к царице, но я не могу принять на себя прощение мучений, которые он причинил своей жене». Тем не менее она поддерживала его политические действия. Александр II не понимал, что причиняет страдания обеим женщинам, поскольку Екатерину настолько же презирали при дворе, насколько сочувствовали законной императрице. Но наследник престола ненавидел отца за эту бесцеремонность.

Страна и императорская семья стояли перед политическими потрясениями. 2 апреля 1879 года некий молодой человек многократно выстрелил в императора. Александр остался невредим. Сначала он пошел к Марии. Они вместе молились, и она советовала ему принять самые жесткие меры против преступника, однако добавила: «...я чувствую себя разбитой, жаждущей покоя». Преступник звался Александром Соловьевым и принадлежал к сторонникам тайного общества «Земля и воля».

Александр приказал ужесточить уже установленные законом наказания для политических активистов. Полиция имела право без приговора суда отправлять подозреваемых в Сибирь. В дальнейшем политические преступления рассматривали только военные суды. Ужесточение наказаний явилось поводом для новых нападений террористов, за которыми последовали новые ответные меры государства: 24 мая 1878 года в Киеве был заколот жандармский полковник Гейкинг. В августе 1878 года был казнен революционер Ковальский. 4 августа 1878 года прямо на улице был заколот генерал Мезенцев, шеф жандармов Петербурга. 9 февраля 1879 года некий Григорий Гольденберг убил князя Кропоткина, губернатора Харькова. Соловьев был повешен. Император был крайне обеспокоен. Он больше не мог смеяться над тем, что однажды в Париже ему предсказала гадалка, что он переживет семь покушений, и восьмое его убьет! Три нападения уже произошли. Меры по

его личной безопасности были усилены. Не только Екатерина, но и Мария просили его отказаться от легкомыслия неохранных пешеходных прогулок. Они не знали, что террористы уже открыли «охоту на медведя» — царя Александра II.

С мая Александр жил с женой и Екатериной Долгорукой в царском дворце в Ливадии на Черном море. Поскольку состояние здоровья Марии Александровны постоянно ухудшалось, в сентябре она поехала для поправки здоровья в Бад-Киссинген. Ее супруг мог полностью посвятить себя любовнице и ее детям. Во время возвращения в Петербург император по замыслу террористов должен был умереть. На южной Украине, около города Александровска (Запорожье) на железной дороге была заложена мина. Ночью промчались два поезда, один с императором, другой — с его свитой, но взрыватели отказали. На подъезде к Москве террористы выкопали сорокаметровую подземную штольню от своего укрытия до железнодорожных путей и в конце ее поставили следующую мину. Когда поезда пересекали это место, темноту разорвал мощный взрыв. Мина взорвалась под вторым поездом. Вагоны сошли с рельсов, были ранены, но император остался цел. Накануне по причине поломки машины порядок следования поездов был изменен. Император с Екатериной беспрепятственно проехали в первом поезде в направлении Санкт-Петербурга.

Император не понимал покушений на свою жизнь. Его инстинкт самосохранения усилился и оказывал влияние на отношения с обеими женщинами. Когда Мария сообщила ему из Канн, что страдает от приступов страха и удушья, он отвечал: «Получил твое известие в Туле. Сожалею, что ты находишься в таком состоянии. У меня все хорошо, я отдохнул. Нежно целую, Александр». Он не был бесчувственным по отношению к больной жене, однако смотрел на ее кончину со все возрастающим спокойствием. Более того: чем чаще террористы досаждали ему в жизни, тем более быстрым казалось ему скорое полное соединение с Екатериной. Он даже не подозревал, что смерть пришла в его собственный дом. Несколько недель в Зимнем дворце работал столяр Степан Халтурин. Он тайно носил в свою спальню во дворцовом подвале, которую делил с другими рабочими, небольшими партиями динамит. Вскоре он складировал в головах своей кровати 130 килограммов взрывчатого вещества! Фугас должен был пробить два пере-

крытия, чтобы достичь расположенной на втором этаже столовой и во время обеда увлечь императора в пропасть. 5 февраля 1880 года император ожидал визита Александра Гессен-Дармштадтского. Обед был назначен на шесть часов. Халтурин в подвале включил взрывной механизм. Минуты спустя все крыло дворца потряс мощный взрыв.

Царь не пострадал. Сугробы задержали прибытие поезда с гостями, и семьи не было еще в столовой. Убитые и раненые были в нижнем этаже, в комнате отдыха батальона лейб-гвардии Финляндского полка, несшего в этот день охрану. Императрица за несколько дней до этого вернулась из-за границы в Зимний дворец. Она хотела умереть в кругу семьи. Перед покушением Мария после приступа удушья находилась в глубоком обмороке, из которого ее не смог вывести даже сильный удар, сотрясший покои. Она узнала о преступлении только на следующий день. Екатерина точно так же находилась с детьми во дворце. Все они остались невредимы.

Взрыв в Зимнем дворце вызвал внутри страны и за границей бурю возмущения. Александр II действовал. 12 февраля 1880 года вышел декрет о Верховной распорядительной комиссии для защиты общественного порядка. Главным начальником ее стал харьковский генерал-губернатор граф Михаил Лорис-Меликов. Он получил право отдавать распоряжения всем правительственным службам и был ответственен только перед царем. Популярность Лорис-Меликова выросла, когда 20 февраля 1880 года он успешно предотвратил покушение на собственную жизнь. Он заявил, что пойдет на либеральные преобразования во внутреннем управлении государством. Действительно, сначала его «диктатура сердца» привела к некоторому усмирению. Террор временно пошел на спад.

Лорис-Меликов представлял, что следует предоставить народу все возможные в условиях самодержавия свободы и медленно двигаться к конституции. Сама идея вызвала у собравшихся вокруг императрицы и наследника престола консервативных сил бурю возмущения. Александр II не оказывал особого сопротивления такого рода мыслям, и Лорис-Меликов понял, что может направить царя по этому пути. Императрица и без того не могла больше оказывать влияния. Последние месяцы она проводила в постели, по большей части в бессознательном состоянии. После покушения в фев-

рале 1880 года она больше не высказывалась по политическим вопросам.

Императрица Мария Александровна умерла в ночь на 22 мая 1880 года в Зимнем дворце — незаметно и совершенно одна. Только утром ее обнаружила мертвой ее камеристка. Император с Екатериной находился в это время в Царском Селе. Он сразу же прибыл в столицу. Вместе с сыновьями императора нес открытый гроб к катафалку. Он неторопливо и с печалью выполнил все необходимое для достойного погребения императрицы в соборе столичной Петропавловской крепости. Все-таки Мария была его первой большой любовью и матерью его детей. Но его последний поцелуй на бледном челе был скорее признательностью за то, что она ушла.

Мария не обладала силой для того, чтобы быть моральной поддержкой реформаторским намерениям своего супруга. Напротив, она постоянно проявляла живой и активный интерес к внешнеполитическим проблемам, а именно немецким проблемам. Мария в своем чрезмерно завышенном православном усердии мало сделала для того, чтобы укрепить культурные связи и традиции между Россией и Западной Европой.

Бракосочетание царя с Екатериной Долгорукой

Уже на следующий после погребения день Александр возвратился к Екатерине Долгорукой в Царское Село. Царь был свободен и стремился жениться на Екатерине. Посвященный на начальном этапе министр двора Адлерберг пришел в ужас от плана этого морганатического брака, выразив тем самым общее мнение среди аристократии и при дворе. Адлерберг собрал все личное мужество и указал императору на риск немедленного брака. Что сказала бы семья и прежде всего наследник престола? Александр был полон слепой решимости — и из любви и верности слову, которое он дал Екатерине, и из страха, что его жизнь может в любой день закончиться насильственным путем. Когда он проинформировал о своих брачных намерениях сына и наследника престола Александра, тот — как и вся семья — сквозь зубы принял к сведению волю отца.

Екатерина возлагала конкретные надежды на будущее. Долгоруких с XII века относили к самым знатным аристократическим родам России. Они основали Москву. Еще никогда ни один

или ни одна из Долгоруких не достигали царского престола. Две попытки — при царях Михаиле и Петре II — потерпели поражение. Теперь эти желания могли осуществиться. Впервые царь выбрал жену только из любви и страсти. Жену, чье происхождение было воплощением старомосковской боярской традиции. Желание Екатерины видеть себя императрицей и своего сына Георгия основателем новой правящей династии было столь сильным, что она недооценила силу правящей семьи Романовых и ее переплетение с западноевропейской аристократией. Она даже не вспомнила о том, что сама Екатерина II не лишила наследования престола презираемого сына Павла Петровича.

18 июля 1880 года Александр и Екатерина поженились во дворце в Царском Селе. Это было тайное и тихое бракосочетание. Присутствовали лишь несколько свидетелей. Александр и Екатерина переживали самый счастливый день в своей жизни. Император принял серьезные меры предосторожности на будущее. Он присвоил жене, сыну Георгию, а также дочерям Ольге и Екатерине в память о родоначальнике Долгоруких Юрии титул князей Юрьевских. Вслед за тем он проинформировал графа Лорис-Меликова о свадьбе и присвоении титула. Тот знал, что Александр даже хотел приказать короновать Екатерину императрицей. В планах Лорис-Меликова было установление конституционного порядка в России. Он намерен был поддержать царя в его намерениях и при этом добиться согласия императора на большее участие в государственном управлении выборных представителей. В августе 1880 года Лорис-Меликов смог сопровождать супружескую пару в Ливадию. Лорис-Меликов без труда сделал Екатерину союзницей. Оба искали путь, который вел бы к конституции, но не угрожал верховной власти императора. Екатерина плела с Лорис-Меликовым политическую интригу, которая должна была привести ее на императорский трон. Александр выслушал предложения и созвал комиссию. Под руководством наследника престола она должна была представить на утверждение предложения о реформах, на базе которых император надеялся осуществить легитимную коронацию своей жены.

В то время как комиссия обсуждала реформы, террор усилился и привел к новым жертвам с обеих сторон. В это же время Александр II составил завешание. Он депонировал более трех миллионов рублей в государственном банке и материаль-

но обеспечил новую семью на случай своей смерти. Наследнику престола император писал 9 ноября 1880 года: «...в случае моей смерти я доверяю Тебе мою жену и наших детей. Дружба, которую Ты свидетельствовал со дня вашей первой встречи и которая была для нас большой радостью, надежное доказательство того, что Ты не бросишь ее на произвол судьбы и всегда будешь ее поддерживать и помогать советами... Моя жена ничего не наследует. Все, чем она владеет сегодня, движимое и недвижимое имущество, она приобрела сама. Ее родственники не имеют на это притязаний, и она может свободно им распорядиться. В целях предосторожности она доверила все свое имущество мне, и мы договорились, что если я буду иметь несчастье пережить ее, разделить все ее имущество на равные части между нашими детьми и что я передам его им по достижении ими совершеннолетия или если девочки выйдут замуж. Пока наша женитьба официально не обнародована, капитал, который я внес на депозит в государственный банк, принадлежит моей жене. Так говорится в документе, который я сдал на хранение. Это моя последняя воля. Я уверен, что Ты ее добросовестно исполнишь. Благослови Тебя в этом Господь. Не забывай меня и молись за души тех, кто Тебя так нежно любил». Это было воспринято как прощальное письмо. В ноябре император с семьей вернулся в Петербург. Мина под рельсами железной дороги была вовремя обнаружена. Перед Петербургом, в Колпино, семья приветствовала новую жену императора — молча, дисциплинированно и с полным неприятием.

Члены «Народной воли» обнаружили, что по воскресеньям император ездил на парады в Михайловский манеж. Его карета обычно быстро проезжала по Малой Садовой и на обратном пути ехала вдоль Екатерининского канала (ныне канал Грибоедова), в сопровождении лишь шести-восьми гвардейских казаков. 1 января 1881 года купец из Воронежа Евдоким Кобозев с женщиной, называвшейся его женой Еленой, занял подвал в доме Менгдена на Малой Садовой, расположенном прямо на углу с Невским проспектом. Они открыли торговлю сыром. Члены Исполнительного комитета «Народной воли» Юрий Богданович и Анна Якимова проложили штольню под Малой Садовой. Но полиция обнаружила террористов одного за другим. В феврале 1881 года остались только «Кобозевы», Андрей Желябов, Софья Перовская, Вера Фигнер и студенты Игнатий

Гриневицкий и Николай Рысаков. Они стремились «вынуть Россию из петли!».

В это самое время Лорис-Меликов верил, что сделал шаг вперед. После долгих переговоров он добился от царя и наследника престола того, чтобы представить проект закона для широкой дискуссии. Александр II не хотел ни вводить конституцию, ни устанавливать парламентскую систему. В каждом наступлении на существующий государственный порядок император видел шаг к пропасти. В этом он разделял мнение наследника престола, как и большинства своих сановников. Единственное, что двигало Александром в последние недели жизни, были традиция высшей власти и счастье его молодой семьи. Пока Екатерина не была коронована императрицей, как морганатическая супруга она по рангу стояла позади всех великих княгинь и даже не могла, например, сидеть за столом поблизости от императора. Александр приказал исследовать архивы и обнаружил, что царицы если вообще бывали коронованы, то только вместе с правителем. Единственным исключением была, как известно, Екатерина I. Екатерина Долгорукая-Юрьевская была согласна с планами коронации, так же как и с мыслью вслед за этим отречься от престола и вместе уехать на покой за границу, в то время как в России в порядок наследования вступит Александр Александрович.

Убийство Александра II

Террористы предполагали, что в воскресенье, 1 марта 1881 года, император поедет в Михайловский манеж. 22 февраля Александр II не выезжал, потому что получил информацию о новом покушении. 28 февраля Лорис-Меликов информировал его об аресте Андрея Желябова – руководителя «Народной воли». Это не было причиной для того, чтобы успокоиться окончательно, однако Александр намеревался в воскресенье поехать на парад. Лорис-Меликов настойчиво предостерегал его, но успеха не имел. Затем император подписал поданный Лорис-Меликовым манифест о созыве подготовительных комиссий для разработки законов. 4 марта Совет министров должен был окончательно утвердить документ.

Император осознавал весь риск проекта, но полагал, что дополнит значительной реформой дело своей жизни для России.

Кроме того, он еще на шаг приблизился к коронации Екатерины. Они в последний раз в жизни вместе поужинали. Александр отклонил ее настоятельную просьбу не ездить на следующий день в Манеж.

Утром 1 марта Александр вместе с семьей был на богослужении. Затем отправился на парад, Екатерина смогла по крайней мере убедить его не ехать через Малую Садовую, а сразу воспользоваться дорогой по Екатерининскому каналу. После общего обеда он попрощался с женой, увидел, как она боится за него. Тронутый этой великой любовью, он опрокинул ее на канapé и овладел, бурно и страстно, по меньшей мере так сообщала позже сама Екатерина. Затем без четверти час император сел в карету. Семь казаков и три офицера полиции составляли его эскорт. Кавалькада без происшествий достигла манежа. Император принял парад и отправился в обратный путь. Он нанес краткий визит своей кузине Екатерине в Михайловском дворце. Карета доехала до набережной канала. Можно было видеть только одного ребенка и одного молодого человека. Царь не обратил на них внимания. Так не видел он и пакета в руках мужчины. Карета поравнялась с ним — это был Рысаков — и он с силой метнул пакет под копыта лошадям. Последовал оглушительный взрыв. Это было седьмое покушение. Царь невредимым появился из обломков. Он нагнулся к Рысакову, которого схватили выжившие казаки и полицейские.

Император отвернулся, ища дорогу к Зимнему дворцу, и встал перед Игнатием Гриневицким, литовским мелкопоместным дворянином, который учился в Петербургском технологическом институте. Император взглянул на молодого человека и увидел, что тот поднял руку, и маленький металлический предмет упал на булыжную мостовую. Гриневицкий бросил вторую бомбу, непосредственно между собой и царем. Смертельно раненные и истекающие кровью, упали на землю преступник и жертва. Восьмое покушение достигло своей цели. Императора доставили в Зимний дворец. Гриневицкого принесли в больницу. Он еще много раз приходил в сознание, но не сообщил ни имени, ни происхождения.

В Зимнем дворце царили страх, ужас и смятение. Екатерина всеми силами пыталась помочь смертельно раненному. Тщетно. При проблеске сознания император принял последнее причастие и умер от ран. Наследник престола Александр

Александрович взошел на престол как император Александр III, исполненный ужаса перед тем, что его ожидает. Лорис-Меликов сохранял самообладание. Он спросил нового царя, опубликует ли тот документ о представительской форме правления. Александр III собирался исполнить последнюю волю отца, однако после обсуждения со своим ближайшим советником – верховным прокурором Священного Синода Константином Победоносцевым – пришел к выводу отложить обнародование. Сначала нужно было схватить преступников. Это произошло быстро. Народного восстания не случилось. В конце марта 1881 года преступники предстали перед судом: Андрей Желябов, Софья Перовская, Николай Рысаков, Тимофей Михайлов, Николай Кибальчич и Хesia Гельфман. Всех ожидала виселица. 3 апреля они были публично повешены, только беременная Хesia Гельфман была избавлена от веревки. Она умерла позднее, в тюрьме. «Народная воля» была разгромлена.

Александр II был похоронен 6 марта 1881 года в Петропавловском соборе в Санкт-Петербурге. Он умер как мученик. Через несколько дней княгиня Екатерина Юрьевская с детьми покинула родину. Она поехала в Ниццу и умерла там в 1922 году. Россию, где она обрела столько счастья рядом с императором и которую она покинула в великой печали, она больше никогда не видела. Мечта ее собственной жизни о царствовании Долгоруких не исполнилась. На этом заканчиваются исторические воспоминания об этой прекрасной, умной, блистательной и сознающей власть женщине: она была единственной женщиной, которая была связана морганатическим браком с русским правителем.

Глава 15

Датчанка рядом с Александром III

Мария Федоровна – принцесса
Мария София Фредерика Дагмара Датская
[26 ноября (новый стиль) 1847 года – 13 октября 1928 года],
(супруга с 28 октября 1866 года) великого князя
Александра Александровича
(позднее императора Александра III)

В русском императорском доме в XIX веке было две царицы по имени Мария Федоровна. Супруга Павла I происходила из Вюртемберга. Жена Александра III была дочерью датского короля Христиана IX. В отличие от императриц Елизаветы Алексеевны, Александры Федоровны и Марии Александровны, обе женщины на десятилетия пережили своих мужей и оказывали значительное и реальное влияние на политику своих правящих сыновей.

Несмотря на это существенное сходство, датчанка выделялась на фоне вюртемберженки личными достоинствами и качествами, которые оказывали позитивное воздействие на Россию, Александра III и его семью. Дагмара — при всем достоинстве и строгости — во внешних проявлениях была лояльной и дружелюбной женщиной, полной шарма, добродушия, уравновешенности и любви к своему неотесанному мужу и тяжелым по характеру детям. Ее вступление в семью Романовых было необычным. Наследник престола Александр Александрович не добивался расположения принцессы Дагмары, а в некотором роде принял ее от первого наследника престола Николая после его смерти в 1865 году. Разумеется, Дагмара заслужила эту честь.

Дагмара была единственной царицей России, которая воспитала и способствовала развитию своего супруга. Она смогла исполнить эту трудную задачу, потому что обладала требуемыми для этого чертами характера и таким династическим весом в России, каким ни до нее, ни после не обладала ни одна правительница. Брауншвейг, Цербст, Пруссия, Вюртемберг, Гессен или Баден были респектабельными странами для воспитания выдаваемых замуж принцесс. Но Дагмара была дочерью датского короля Христиана IX, супругу которого Луизу Вильгельмину называли «матерью всей Европы». Сестра Дагмары Александра была замужем за принцем Уэльским, который после смерти королевы Виктории стал королем Великобритании Эдуардом VII. Брат Фридрих наследовал своему отцу на датском троне, а брат Георг добился греческого королевского трона. Дети и внуки были связаны со всеми европейскими королевскими домами. Это была династическая сила, которая в самодержавной России оставалась вне конкуренции и которая являлась основой самосознания Марии Федоровны.

Марию Федоровну отличали чувство ответственности, стремление к успеху, цельность натуры и, в меру, индивидуальность, чего нельзя было найти ни у одной из русских правительниц. Это началось уже в то время, когда она была обручена с наследником престола Николаем. Связь была установлена, только когда Николай был неизлечимо болен. От восемнадцатилетней Дагмара требовалось много самоотверженности и дисциплины, чтобы утешать страдающего жениха. В час его смерти она с матерью была рядом с Николаем. Перед смертью Николай держал руки Дагмары и брата Александра в своих руках и просил брата не оставлять невесту. Это произошло в апреле 1865 года. 28 октября 1866 года новый наследник престола Александр Александрович женился на датской принцессе.

О жизни Дагмары в родительском доме в Дании, подготовке и привычках русская имперская историография умалчивает, не видя в этом смысла. Дагмара Датская как европейская княжеская дочь была добросовестно подготовлена к своей высокой миссии. Интерес к ее жизни, характеру, образованию возник лишь с ее вступлением в императорские будни России. Тут она очень быстро смогла проявить свои личные достоинства, поскольку ее венчаный супруг был в общем и целом простой и неотесанный чурбан. До смерти брата Александр находился в его тени. Он получил лишь посредственное воспитание и образование. Александр II не установил с детьми особо душевных отношений. Поэтому сын Александр любил и почитал мать, а ее консервативную набожность воспринимал как должное. Это нужно было учесть воспитанной в протестантизме Дагмаре.

Когда они поженились, Александр все же выбился в старшие. В сравнении с Николаем он всегда считался «более слабым кандидатом». В семье даже в течение некоторого времени всерьез подумывали отдать предпочтение в наследовании престола брату Владимиру Александровичу, который был моложе Александра на два года. Еще два года после смерти брата Александр наталкивался на неприятие части императорской семьи. В письмах другу детства Александр жаловался, что на 14 писем родителям, которые он писал из Дании, получил только один ответ «от государя». Князю Мещерскому он сетовал: «Ты знаешь, как тяжело, если желание большей близости не обоюдно. Даже если нет неудовольствия, то по крайней мере равноду-

шие». Отец с трудом привыкал к новому наследнику престола.

Учителя, к которым принадлежал и либеральный правовед Борис Чичерин, отвергали мысль о том, чтобы посадить на трон неотесанного и туго соображающего Александра. У царевича отсутствовали «внешний блеск, как и быстрое восприятие и понимание» его брата. Даже консервативный воспитатель Александра Константин Победоносцев в 1868 году иронизировал, что «непонятливый» наследник престола и его супруга жили «как дети в глуши, как овечки». По меньшей мере применительно к принцессе из Дании это был несправедливый приговор, поскольку она была не только образованна, но и обладала житейским умом. Только приблизительно в конце 60-х годов, после множества совместных поездок, интеллектуальные отношения между Победоносцевым и «парой учеников» – Александром и Марией – улучшились. Победоносцев был строгим, верующим и консервативным человеком. Уже в эти годы он имел большое влияние на наследника престола. Но его супруга обладала не меньшей властью. Она обладала «большим шармом в своих движениях, в глубоком, даже если и несколько хриплом голосе и прежде всего в ее прекрасных выразительных глазах. Она была очень маленькой, но ее манера держаться, благородная сильная индивидуальность и ум, которые исходили от нее, превращали ее в законченный образ княгини. Там, где она появлялась, она завоевывала сердца людей побеждающим смехом. Она была чрезвычайно любима в России, все питали к ней доверие».

Со всей своей индивидуальностью молодая женщина передавала наследнику престола достояние западноевропейского образования и культуры. Под ее руководством он научился систематически читать. Как несказанно мучительным воспринимал он изучение «трудных книг». Но он читал. Во время их частых совместных поездок в Данию она показывала ему старые замки, галереи и красоты природы. Характер Александра Александровича, правда, несколько не изменился. Но он стал более уравновешенным, вдумчивым и культурным, таким, как только могла желать его супруга.

Семья наследника престола жила в Гатчине, во дворце, где ранее обитал Павел I. Здесь, как считали Александр и Мария, они провели счастливейшее время своей жизни. Одновременно Мария стремилась к тому, чтобы не слишком удаляться от

придворной жизни. Она много раз очень энергично побуждала мужа выполнять обязанности правления на месте в Петербурге и не пренебрегать встречами в кругу друзей. Она сама со страстью и охотой танцевала на балах петербургского общества. В своих личных покоях они жили просто, почти по-спартански. Родители, а позднее и дети спали на жестких постелях, застолья проходили в деревенском стиле, и дети при всей любви родителей воспитывались в строгости.

Мария и Александр произвели на свет большое потомство. За наследником престола Николаем последовали его братья и сестры: Александр, который прожил только год, Георгий, Ксения, Михаил и Ольга. Михаил пал в 1918 году жертвой революционного террора, но обе сестры Ксения и Ольга прожили до 1960 года. Александр и Мария уделяли много времени детям. Особенно младшие, которых не готовили для наследования престола, могли рассчитывать на благосклонную снисходительность отца и матери.

Представительские и правительственные обязанности, которые должна была выполнять наследная пара, только частично затрагивали сферы большой политики. Это само собой полагалось наследнику престола по должности, лежало в характере и способностях Александра, однако основано было на том, что ни супруга, ни его учитель Победоносцев не были в состоянии закрыть пробелы в знаниях и умениях наследника престола. 23 октября 1876 года наследник престола писал из Ливадии своему учителю: «Я объясняю себе замешательство в Петербурге и России тем, что ничего не ясно и все так неопределенно, что даже здесь, откуда, собственно, должны исходить все приказы и решения, бывают дни, в которые никто ничего не знает и не понимает. В действительности, должна быть ясность, и я буду счастлив, если я на месте и мы узнаем, что нас в конце концов ожидает». Ему нужны были точные указания и приказы и политическая открытость, как в жизни никогда не бывает. Забота жены была тем единственно неизменным, что смягчало гложащие сомнения о политическом курсе императора. Однако время, когда можно было не взвешивать и не предусматривать заранее, внезапно и самым драматичным образом кончилось с убийством Александра II в марте 1881 года.

Вся семья стояла 1 марта 1881 года у постели умирающего императора. В этот час наследника престола менее ужасала

кончина отца и гораздо больше перспективы собственного правления. Лорис-Меликов совершил неловкость, сразу же спросив нового императора Александра III, готов ли тот опубликовать документ о созыве совещательных законодательных комиссий. После обстоятельного обсуждения с Победоносцевым Александр III отложил решение. Не менее неловким был последовавший несколькими днями позже ультиматум царю от террористов созвать национальное собрание и ввести конституционную монархию. Находясь под нажимом с обеих сторон, государь последовал принципам традиции и самодержавия. Политическая судьба Лорис-Меликова была решена – он отправился за границу.

Между передачей наследования престола и коронацией Александра III и его супруги прошло необычно долгое время. Безопасность царской семьи была важнее, чем коронование императора. Пока двор пришел в себя и смог подумать об интронизации новой императорской пары, прошло более двух лет. За это время подавляющее число террористов было арестовано и предстало перед судом. В апреле 1881 года главные виновники были приговорены к смерти и казнены. Это было началом консервативного господства традиционных ценностей – самодержавия, православия и народности.

Маленькая мужественная женщина

15 мая 1883 года состоялось помазание нового государя. Никогда прежде в царской империи так много великих княгинь и принцесс со всей Европы не выставляли на обозрение так много драгоценностей, как в этот день. Число и происхождение гостей, правда, было результатом более чем столетней обращенной к Европе брачной политики царской семьи, кульминационным моментом являлась, несомненно, сама новая императрица. Ради нее в Москве в блеске и великолепии собралась высшая аристократия из Англии, Германии, Австрии, Дании и Греции. Сверкало и блестело столько великолепных мундиров, что у юных дам не было шанса поразить еще более прекрасными нарядами и тем самым там заметно и эффектно представить свое природное очарование. На недели Москва превратилась в европейскую ярмарку тщеславия – Москва, где когда-то правил Иван Грозный, где Петр Великий сослал свою первую жену в монастырь.

За три дня до торжеств новый царь и Мария Федоровна по древнему обычаю через Спасские ворота въехали в Кремль и были торжественно встречены в Архангельском соборе молитвой «Тебя, Господи, славим». В первый из двух дней коронационной недели царская семья дала приемы, прежде чем утром собственно дня коронации 101 пушечный выстрел открыл церемонию. Настроение царя во время торжественного вступления в Кремль передал в дальнейшем муж дочери Ксении: «Я знаю, что это мой долг, но я не хотел бы оставить никаких сомнений в том, что мне будет тем лучше, чем скорее это будет позади». Царица была более заинтересованной и радовалась торжественности, великолепию и сменяющимся праздникам. В противоположность чудаковатости Александра III его жена была счастлива вновь видеть родных и иметь право стоять в центре сцены. Император сам водрузил себе на голову корону, а меньшей короной он возвел свою супругу в ранг императрицы России. Она позволила произойти этому без происшествий и страхов. Гости с ликованием встречали в те дни начало времени нового правления, которое хотя и привело к последней консолидации самодержавной власти, но также стало проявлением воли различных сил общества к обновлению.

Александр III сохранил самодержавную власть и не создал никаких конституционных институтов. Он стремился установить порядок и право в нынешней администрации. Освобождение крестьян было окончательным. Он создал не стратегию активных политических действий, а план сохранения традиционных ценностей. Современная и ориентированная на открытость миру Мария Федоровна последовала по этому политическому пути. Реакция московского и петербургского общества, интеллектуальной русской общественности и политизированных частей крестьянства на манифест была разобщенной. В то время как крупное помещичье дворянство и кружок славянофилов увидели в манифесте Александра III «луч света» «во мраке», либеральная Россия была разочарована: «Началась новая эра, эра национализма. Россия должна вновь стать Россией», — отмечал современный наблюдатель.

Но новый император не испытывал радости от принятия решений и не имел воли для их проведения. Он охотнее вел переписку. Дискуссий он по возможности избегал. Политическое невежество, склонность к лени, недостаток знаний или нелов-

кость толкали этого гиганта телом к уединенной, почти изолированной жизни, в которой разрешено было участвовать только семье и ближайшим советникам. В доверенном окружении в Гатчине или в Аничковом дворце Александр еще чувствовал ту радость и общительность, которые отличали его в юности. Здесь, укрывшись от общества, и Мария Федоровна развивала свое личное и внутрисемейное влияние. Этот супружеский союз был по сравнению с предшествовавшими императорскими парами так же необычен, как и сам путь к браку. Александр III был действительно первым русским правителем, у которого наряду с женой не было метрессы или возлюбленной. Он был полностью верен своей Марии, да и сами политические цели не мотивировали его к началу интимных контактов с другими женщинами. При этом можно было с трудом представить себе пару с более противоположными личными интересами и желаниями. Мария ненавидела прогулки в любую погоду. Александр должен был ежедневно бывать на свежем воздухе. Мария любила балы, украшения, красивые платья и постоянное общение. Мария испытывала отвращение к физической работе и непрерывно занималась своим придворным штатом со всеми возможными обязанностями и заданиями. Александр любил сам работать руками, как Петр I. Ему никогда не пришло бы в голову позвать камердинера, чтобы велеть одеть себя. Мария любила изящные искусства, Александр поощрял ее, потому что это был его долг как правителя. Все эти противоположности не вызвали раздоров, но переживались в гармонии, потому что партнеры по браку считались друг с другом. Они являли собой в известном смысле некий вид образцового буржуазного брака. Ничего подобного не было даже при Николае I.

Александр как глава большой семьи Романовых предпринимал также серьезные попытки воспитывать постоянно прибывающее число дядей, теток, сестер и братьев, племянников, племянниц и детей в духе консервативно-православных моральных ценностей. Это имело лишь скромный успех. Разработанный им новый семейный устав предусматривал, что только прямые потомки царя по мужской линии и их братья и сестры имеют права на титул великого князя. Все остальные должны удовольствоваться титулом князя. Документ вызвал сумятицу внутри семьи, многолетние интриги и бесконечные должностные перемещения с неизмеримыми финансовыми

расходами. Только Мария в каждом случае соглашалась с мужем при сохранении мелких личных свобод. Это касалось и общеизвестной бережливости Александра III. После щедрого и великодушного образа жизни Александра II многие избалованные сановники жаловались на скупость его императорского величества. Они могли радоваться, что им не подавали на стол любимые блюда царя — пшеничную или другую каши. На нежилые помещения теперь не следовало освещать. Александр III носил свою одежду, пока она не расплзлась по швам, и велел ремонтировать обувь. Посетители Гатчины едва могли скрывать свое изумление спартанской обстановкой в гостевых комнатах. Того, что было привычным для него, требовал он и от членов семьи и служащих. Тем не менее невозможно представить, что независимая умеренность Марии склонилась бы перед каждым перегибом бережливости. Впрочем, Мария оставляла супругу в его мании бережливости такую же свободу рук, как и в политике — она не вмешивалась.

Александр предпринял энергичные меры для сохранения самодержавной системы правления. Время его правления было периодом насильственной русификации национальных окраин. То, что иудеи стали жертвой новых ограничений, не удивляло. После погромов 1881 и 1882 годов новые правила запретили иудеям селиться в сельских местностях. Земельное владение им было запрещено. Помимо этого иудеи не должны были занимать официальные должности в административных, военных учреждениях и в университетах. Не разрешено было заключать браки с христианами. Александр III был убежден, что иудеи виновны в насильственной смерти его отца, и много раз бывало, что он в официальных бумагах употреблял для иудеев вместо нейтрального слова «еврей» пренебрежительное в русском языке обозначение «жид».

Реакционным распоряжениям противостояло, например, принятие первых законов об охране труда. С 1882 года Крестьянский банк помогал крестьянам покупать земли в кредит. В 1894 году смогли добиться того, что крестьянам разрешили покидать деревенскую общину и идти на заработки в города. В обращении с либеральной прессой позволял иногда увидеть в себе современного правителя. Эпоха империализма привела к экономическому подъему. Особенно близко к сердцу Александр принимал строительство железных дорог, которое должно было способст-

водить важнейшему сдвигу в модернизации России. В 1891 году началось строительство Транссибирской железной дороги.

Внешняя политика Александра осуществлялась в значительной степени его министром иностранных дел Гирсом. Правление Александра III впервые, со времени Павла I, прошло без большой войны. Доминировали ухудшившиеся отношения с Германией. Однако это не было связано с женитьбой на датской принцессе. Еще до своего вступления в должность, самое позднее с Берлинского конгресса, Александр испытывал подлинную неприязнь ко всему немецкому и особенно прусскому. Он запретил поставлять себе хлеб от немецких пекарей в Санкт-Петербурге. Александр не любил германского канцлера Бисмарка, но уважал его мастерство государственного деятеля. Первой ссоры между Россией и Германией еще можно было избежать. Это не в последнюю очередь объяснялось хорошими отношениями между Александром и новым германским кайзером Вильгельмом II. Вильгельм был высокого мнения о «прямом характере» Александра, как показал «благоприятный ход» визита Александра III в Берлин в октябре 1888 года.

Сохранение консервативных ценностей, гордость за самодержавную традицию и необходимая воля к реформам, в соответствии с особенностями характера Александра, определяли его место в русской истории. Историк Ключевский отмечал в своем дневнике: «Этот тяжелый по весу царь не желает зла своей империи и не хочет с этим просто играть только потому, что он не в состоянии оценить ее положение. Да, в целом он не любит трудные умственные комбинации, которых политическая игра требует не в меньшей мере, чем карточная». К постоянной досаде Марии Александр проявлял мало склонности к интеллектуальным дискуссиям. Те немногие романы, которые он действительно прочитал, он прочитал только благодаря упорству жены. Для него просматривали и вырезали из газет интересные статьи.

Дневники Александра позволяют увидеть занятого собой рантье. Он не обладал ни остроумием, ни юмором; напротив, постоянно подтверждалась его известная наивность. Одним из самых больших его пороков было пьянство. Сообщают, что Александр велел изготовить особую пару сапог, в которых он мог спрятать бутылку и сделать глоток, если жена на него не смотрит. Он был истинным «крестьянским царем», который пользовался симпатиями народа. Популярным его делали вы-

раженная склонность к семейной жизни без непристойных скандалов, мужиковатость и любовь к России. Ни одно событие не проявило образ Александра и его семьи так, как железнодорожная катастрофа в июне 1888 года в Борках, недалеко от Харькова. Когда царский поезд сошел с рельсов, семья находилась в вагоне-ресторане. Вагон был разрушен, но Александр удерживал могучими плечами падающую крышу, пока Мария Федоровна и взятые в путешествие дети не были спасены. Людям импонировала эта огромная русская сила, подобная силе Ильи Муромца или Петра Великого. Не менее сильное впечатление оставляла и религиозность всей царской семьи, почитание икон и православной веры. Посещения церкви и долгие молитвы входили в повседневное течение жизни. Александр избегал дорогостоящих заграничных поездок. Но в Дании он с супругой и детьми бывал очень часто. Они велели построить в Фредесборге дворец, где они, оставленные в покое, вдали от волнующегося Петербурга могли жить как мирные горожане. Александра прельщала надежный и уединенный покой, где ему никто не мог помешать, императрица поддерживала тесные отношения с родиной. Однако жизнелюбивая маленькая женщина должна была соблюдать высокую степень дисциплины, чтобы суметь переносить мужиковатость супруга.

Общее представление о силе царя и сдержанной надежности его семьи настолько укрепились в обществе, что ранняя смерть императора поразила. Александр страдал от нервного заболевания, которому алкоголь по меньшей мере способствовал. Он беззаботно относился к своему здоровью, а императрица в этом отношении имела мало влияния. Если она вообще что-то знала о тяжести заболевания, поскольку ее супруг по этому поводу мало что сообщал. Летом 1894 года болезнь усилилась, и врачи рекомендовали пребывание на сухом и теплом воздухе. Семья отправилась в Ливадию, на Черное море. Кратковременное улучшение было обманчивым. Внезапно слабость и боли вновь усилились, как ни ухаживали Мария Федоровна и врачи.

Символичным было то, что Александр еще вместе с женой приняли в Ливадии будущую супругу наследника престола Николая Аликс Гессенскую и дали согласие на брак. 1 ноября 1894 года император позволил усадить себя в кресло, и здесь он умер — совершенно мирно, довольный собой и миром, по-

ложив голову на плечо жены. Редко русский правитель покидал этот мир таким спокойным и недраматическим образом. Ни кровавого преступления, ни заговора, ни жаждущих власти претендентов, ни таинственных загадок не было вокруг его земной кончины. Его доставили в Петербург и похоронили рядом с предками в Петропавловской крепости.

Мария Федоровна прилагала все мыслимые усилия, чтобы сохранить самообладание. Она очень любила мужа, в России она превратилась в сильную личность, которая посвятила себя семье. Но во время похоронных торжеств силы ей отказали. «Ревущего медведя», «мужицкого царя» больше не было. Она всегда почти незаметно, но в довольстве жила в его тени. Ее горе было велико. Но это горе было ничтожным по сравнению с усилиями и ужасами, которые еще предстояли маленькой женщине.

Ей предстояло на 34 года пережить мужа. Как вдовствующая императрица она жила в Александринском дворце. Как вспоминала Сесиль, герцогиня Мекленбург-Шверинская и последняя кронпринцесса Германского рейха, мать которой была кузиной Александра III, посещения «тети Минни», как называли Марию Федоровну в семье, были чрезвычайно любимы. Но этот привлекательный образ вводил в заблуждение. В последующие годы Мария Федоровна вынуждена была приложить много сил и пережить немало огорчений, чтобы направить на верный жизненный путь и в политику своего сына Николая II и его непростую супругу. И она, «русская из Дании», не смогла сдержать развал империи, которой Александр III в последний раз придал видимость консервативной стабильности. Ей предстояло пережить войну с Японией, революцию и вновь войну и затем самое худшее: отречение от престола, конец династии Романовых и убийство столь многих детей, внуков и родственников. Она принуждена была испить горькую чашу до дна.

Мария Федоровна пережила Октябрьскую революцию и имела счастье получить разрешение вернуться на родину в Данию. Там она прожила еще 10 лет. Она была полна воспоминаниями о блестящем времени, о симпатичном шумном супруге и о жалком состоянии, в которое была ввергнута Россия.

Глава 16

Аликс из Гессена – добрый и злой дух последнего императора в Российском государстве

Александра Федоровна – принцесса Алиса (Аликс)
Виктория Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадтская
[биюня (по новому стилю) 1872 года – 17 июля 1918 года],
супруга (с 14 ноября 1894 года) великого князя Николая
Александровича (позднее императора Николая II).

Николай II не был незначительным, но был особенно трагичным правителем. К непростым страницам его жизни относили брак с принцессой Аликс из Гессен-Дармштадта. Он любил эту женщину и состоял с ней в образцовом браке. Однако Аликс обладала качествами, которые еще в прошедшем столетии патриотично настроенные русские критиковали во взятых в жены немецких принцессах: холодность, чопорность, неприступность. В конкретной исторической ситуации, накануне и во время Первой мировой войны, противники монархии, критики политики царя, недоброжелатели и борющиеся за большее влияние при дворе сановники смогли использовать политические и человеческие действия царицы для острых нападков на правящую династию. Александра Федоровна со своими очень субъективными взглядами, как ни одна другая супруга царя, вмешивалась в политику правительства. Она предоставила своим противникам столько возможностей для нападков, что было нетрудно переложить на нее ответственность за ошибочные решения ее супруга.

Все цари между Павлом I и Александром III были очень властными натурами. Супруги, следуя традиции, приспособлялись к образцу их поведения или подчинялись ему. Николай II не был сильной личностью. Его стремление подчиняться желаниям супруги было огромным. Этому способствовал и тот факт, что наследник престола Алексей был болен от рождения и нуждался в непрерывном уходе. К драматическим страницам истории русских правителей относится то, что последняя императрица связала свое стремление к действию с сомнительным чудотворцем Распутиным. Эту злополучную комбинацию можно было расценить как симптом упадка династии.

Родившийся в 1868 году Николай получил хорошее воспитание. В 1881 году он пережил убийство деда, и с тех пор у него как наследника престола появились новые задачи. Он был спокойным и дружелюбным мальчиком. Политика его не интересовала, и при Александре III не было никого, кто придавал бы значение мнению наследника престола. Его качественный скачок к взрослому состоянию последовал во время военной службы. В Преображенском гвардейском полку он расцвел. Николай любил повиновение и дисциплину, любил ясные директивы для всего жизненного ритма.

Николай рано влюбился в танцовщицу Матильду Кшесинскую. Отец намеревался положить конец чувствам сына. Он отправил его в заграничную поездку на Ближний и Средний Восток и на Дальний Восток. В октябре 1890 года началось путешествие на Балканы, в Египет, Индию, Сайгон и Японию. В Японии фанатик нанес Николаю сабельное ранение в голову. Японская императорская чета старалась успокоить цесаревича, но он прервал поездку. К его первой травме, к понятию революционер-убийца добавилась ненависть к Японии.

В августе 1891 года Николай вернулся в Петербург и к Матильде Кшесинской. Александр III вмешался энергично. Николай был отправлен в Западную Европу на общепринятый поиск невесты. Император пытался тогда стабилизировать русско-французское сближение путем свадьбы дочери Луи Филиппа графа Парижского Елены Луизы Орлеанской. Он не имел бы ничего против и Маргариты Прусской. Однако обе девушки отказались от перехода в православную веру. Николай сделал выбор в пользу родившейся в 1872 году Алисы (Аликс) Гессен-Дармштадтской, внучки королевы Виктории. Он был знаком с девушкой с 1884 года, когда ее сестра Елизавета вышла замуж за великого князя Сергея, дядю Николая, хотя английская королева питала отвращение к русскому самодержавию и рассматривала русские притязания на Константинополь как препятствие для нормализации русско-британских отношений. Уже тогда Аликс и Николай почувствовали симпатию друг к другу.

Аликс считали веселым и общительным ребенком, ее звали голько «Санни». Она воспитывалась строго по английскому образцу. Исполнение обязанностей считалось высшим жизненным принципом. От матери Алиса унаследовала серьезное отношение к жизни, религиозность, художественное чутье и антипатию к поверхностности, но также и склонность к тому, чтобы взять на себя ведущую материнскую роль по отношению к партнеру по браку. Мать умерла, когда Аликс было шесть лет, и это трагическое событие способствовало усилению в ребенке серьезности и набожности. Ей очень не хватало матери, и ее не могло заменить то, что бабушка Виктория почти ежедневно отправляла из Англии в Дармштадт письма с наставлениями в воспитании.

Зимой 1889 года Аликс посетила в Санкт-Петербурге сестру. Она почти каждый день встречалась с Николаем, оба испыты-

вали друг другу дружески нежное отношение, которое не вышло за рамки придворных приличий. Однако имела место влюбленность, которая переросла во взаимную любовь. На императрицу девушка не произвела благоприятного впечатления, от нее отмахнулись, как от чопорной и неловкой. Танцевать она не умела и смущенно краснела по каждому поводу.

Королева Виктория желала избавить Аликс «от захвата очередной из русских кузин». Аликс должна была выйти замуж за кузена — Альберта Виктора — и в дальнейшем стать королевой Англии. Аликс решительно отклонила это. Александр III и его жена также ничего не хотели знать о желаниях сына в отношении Аликс. Романовы были связаны с Гессен-Дармштадтским домом двумя несчастливыми браками. «Никакой немки больше!» — как говорят, воскликнул, император. Перед глазами императора стояла трагическая судьба его матери Марии Александровны. Кроме того, было известно, что через потомков королевы по женской линии передается по наследству гемофилия. Александр III, отец Аликс великий герцог Людвиг IV Гессенский и Рейнский (Гессен-Дармштадт) и королева Виктория так энергично проводили тактику создания препятствий, что Аликс и Николай едва ли имели надежду на счастливое соединение. Когда в 1890 году Аликс вновь посетила под Москвой сестру, ей и Николаю было запрещено возобновлять с ней контакты.

Два года прошли без изменений. В 1892 году умер великий герцог Людвиг IV, и Аликс вновь была в глубоком потрясении. Ее душевные страдания проявились в виде психосоматических болей. Она стала еще тише, более замкнутой. В декабре 1893 года она написала Николаю прощальное письмо. Она не желала ни при каких условиях отказываться от своей протестантской веры. Николай не отказался от надежды, и его терпение было вознаграждено. На апрель 1894 года было назначено бракосочетание нового великого герцога Гессенского и Рейнского Эрнста Людвиг с принцессой Викторией Мелитой Саксен-Кобург-Готской. Россия должна была быть представлена великим князем Сергеем и его супругой. Николай оказывал нажим на отца, чтобы направили его. В 1893 году Александр был серьезно болен. В предчувствии возможности неотвратимого он форсировал брачные планы для сына и сказал себе, что было бы лучше связать его с Аликс, чем оставить после себя неженатого наследника престола.

Николай поехал в Дармштадт и Кобург. Он взял с собой священника и учителя русского языка. С Аликс по-прежнему было трудно, когда речь заходила о переходе в православную веру. В серьезных разговорах с Николаем она в конце концов пришла к положительному решению: 8 апреля 1894 года смогли объявить о помолвке. Николай и «несравненная Аликс», несмотря на все противодействие, соединились. Он записал в дневник: «Светлый день, который я не забуду всю жизнь... О, Господи, какая тяжесть снята у меня с души; какое прекрасное известие для моего дорогого отца, любимой матери! Целый день я ходил как во сне, не осознавая до конца, что произошло. Я едва могу поверить, что у меня есть невеста». Событие таило и реально-политические стороны. Молва сообщала, что германский кайзер Вильгельм II наседа на нерешительного Ники с тем, чтобы тот облачился наконец в мундир с саблей и сделал девушке предложение по всем правилам! Королева Виктория сначала была испугана, но затем смирилась со ставшим неизбежным решением. Аликс прилежно писала будущей свекрови: Ники «сейчас в церкви, и пока он там преклоняет колени, мои мысли и молитвы о нем. С Божьей помощью скоро и я узнаю и полюблю его религию, и я уверена, что он мне в этом поможет». Жених и невеста были счастливы и вместе с тем несчастны, поскольку сначала должны были расстаться. Аликс отправилась к царственной бабке в Англию также и затем, чтобы облегчить частые болезненные приступы ишиаса и ревматизма. Ники ждали в России.

Николаю легко далось расставание с Матильдой Кшесинской. Кроме того, она стала прима-балериной Императорского театра. Истории было угодно, чтобы в 1921 году она вышла замуж за двоюродного брата Николая II Андрея Владимировича.

Николай не хотел больше находиться в разлуке с Аликс. Летом 1894 года он посетил ее в Англии. Они очень любили друг друга, но Аликс взяла на себя роль более сильного партнера. С самого начала она была для Николая советчицей и утешительницей. Тем же летом император Александр III заболел воспалением почек. Семья поехала в Ливадию в Крым. Состояние Александра драматически ухудшилось, и Аликс вызвали из Дармштадта. Адьютанты в волнении забыли отправить к границе специальный императорский поезд, так что будущая императрица России вынуждена была до Одессы ехать обычным, следовавшим

по расписанию поездом, там ее встретил Николай. У Аликс было чувство, что к ее жениху как наследнику престола проявляют недостаточно уважения. Она добилась того, чтобы врачи сначала сообщали ему, чтобы ни одно решение не принималось без него. Она, так сказать, взяла Николая за руку и настойчиво-бережно повела его к трону. Николай с благодарностью принял ее помощь. 20 октября 1894 года умер Александр III. Страна пребывала в трауре. Уже в тот же день Николай II вступил на престол, слабый и полный сомнений, дорос ли он до этой ноши.

Вступление в непонятную Россию

Днем позже Аликс перешла в православную веру. Момент был выбран с умом. Еще отягощенная страхом перед всем новым, охваченная печалью невеста императора приняла новую веру. Обращенная должна была у входа в церковь преклонить колени и подвергнуться соответствующему ритуалу. Аликс много раз отвечала Символ веры и повторяла догмы православной веры, прежде чем священник повел ее в церковь. Под песнопения и псалмы священник дал отпущение грехов и объявил о переходе в православную веру. Присутствующие молились за Александру Федоровну, которая с той же основательностью, с какой она до сих пор была протестанткой, стала православной. Император Николай II объявил через манифест по всей империи о переходе Александры Федоровны в другую веру.

7 ноября 1894 года Александр III был погребен в соборе Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге. 14 ноября придворный траур был прерван на один день, чтобы Николай и Александра обычным в России со времен Екатерины Великой образом вступили в брак. Она была одета в шитое серебром и усыпанное бриллиантами белое платье. На нее накинули тяжелую, отделанную горностаем, пурпурного бархата мантию и дали коронационные драгоценности. В сознании достоинства и серьезности момента Александра участвовала в церемонии, которая отражала блеск и историю Российской империи. После перехода в другую веру и торжеств по случаю крещения она переживала за короткий промежуток времени третью встречу с концентрированным представлением православного мира. Со свадебной церемонии через Казанский собор и до Аничкова дворца жениха и невесту сопровождали сказочные

декорации. Немецко-английская принцесса видела здесь выставленную напоказ неизвестную ей Россию! Могла ли она представить себе ее по-другому?

Затем начались будни. Николай вынужден был обратиться к делам правления. Лишь несколько дней в Царском Селе приносили иногда успокоение. Молодая пара жила в стесненных и натянутых отношениях в Аничковом дворце. Домом все еще правила вдовствующая императрица. Николай и Александра вынуждены были подчиниться власти матери, пока не будут готовы их покои в Зимнем дворце. После распоряжения Павла I от 1796 года вдовствующая императрица получала более высокий статус, чем супруга молодого царя. Мария Федоровна после смерти Александра III дала волю всем страстям, в которых ей отказывал супруг. Она любила большие торжества и вмешивалась в политические действия сына. У нее был совсем иной характер, чем у Аликс, и можно было предполагать, что рано или поздно обе дамы вступят в серьезный конфликт. Следовало надеяться, что император окажется достаточно сильным для того, чтобы уравновесить противоречие интересов. Исходные позиции были неравны: слово вдовствующей императрицы считалось законом — в семье, ведении дома, придворного этикета, воспитании детей, брачной политике, моде и даже в политике. Серьезная и застенчивая Аликс должна была отвоевывать свое место.

Она поддержала супруга в том, чтобы сразу издать программное заявление, в котором он объявлял о принципиальном отказе от всех конституционных намерений. Либеральные силы надеялись, что новый император обратится к реформистским традициям своего деда. Не только интеллектуалы, нигилисты или террористы стояли в оппозиции к руководству империи. На повестке дня в России стоял рабочий вопрос. Усиливалось социальное недовольство. Общество больше не ожидало реформ сверху — оно само пришло в движение: в виде стачек, первых объединений, студенческих волнений и спонтанных крестьянских движений.

У Николая было лишь несколько советчиков, субъективно по-настоящему убежденных: мать и Аликс, которые стремились усилить свой авторитет, Константин Победоносцев, который хотел спасти всевластие самодержавия, Сергей Витте, который намеревался вести самодержавную Россию в Европу.

Они из различных мотивов побуждали Николая к провозглашению его политической воли. 17 января 1895 года он выступил с речью перед представителями дворянства и произнес приставшие к нему надолго слова: «Я знаю, что в последнее время на собраниях земств стали громко звучать голоса мужей, которые питают безумные мечты об участии представителей земств в решении задач правления. Каждый должен знать, что я, который отдаю все свои силы благу нации, так же твердо и непоколебимо придерживаюсь принципа самодержавия, как и мой незабвенный отец».

Либеральная оппозиция отреагировала «Открытым письмом», которое, полагал публицист Петр Струве, царь должен воспринять как вызов. Николай не объявил войну никому. Его и не интересовала реакция на речь. Он выполнил данный ему Богом долг и был удивлен, что были люди, которые утратили связь с самодержавной традицией. Но он блестящей коронацией примирит их с монархией.

До этого момента прошло более года, поскольку в течение 1895 года Александра вынашивала своего первого ребенка. Весной она отправилась с Николаем в приветливое Царское Село, где у них была резиденция в Александровском дворце, который она велела обустроить на свой вкус. Оттуда Николай сообщал в письме матери: «...Светлый восторг наполнил нас, когда мы обустроились в этих чудесных покоях... Бледно-лиловая комната пленительна. Спрашиваешь себя, когда она смотрится лучше, вечером или при дневном свете. Спальня радостная и уютная. И первейшая комната Аликс — салон в стиле чиппендейл — совершенно прекрасен, весь в светло-зеленом... В моем рабочем кабинете и в столовой поставлены новые печи и повешены новые гардины. Дважды мы поднимались на будущий детский этаж, где помещения замечательно воздушные, светлые и уютные».

Александра чувствовала себя больной, но 15 декабря 1895 года произвела на свет здоровую девочку. Первое разочарование по поводу того, что не родился наследник престола, быстро прошло. Преобладало счастье от дочки Ольги. Александра с большей охотой была матерью, чем представительницей империи. Однако она сделала выбор, и следующей кульминационной точкой ее интеграции в эту православную империю должна была стать коронация царем и царицей всея Руси. Николай

сознательно использовал древний титул, не умаляя достоинства императорского сана.

Коронационные торжества состоялись в Москве в мае 1896 года. Коронация превратилась в драму. Причем начиналось все прекрасно. Царь и царица прибыли в Москву, народ с ликованием приветствовал их на улицах. Где бы ни появлялся Николай со своей юной, прекрасной женой, их заливали волны симпатии. Коронация была торжеством величия, блеска и традиций России. Среди гвардейских полков процессия российских и иностранных сановников шествовала в Успенский собор в Кремле. На Александре было древнерусское одеяние, белое платье с великолепным серебряным шитьем, Николай же надел простой мундир Преображенского гвардейского полка. В соборе было установлено возвышение с двумя тронными креслами. Для Николая подготовили отделанный бриллиантами и драгоценными камнями трон царя Алексея Михайловича, для Александры – трон из слоновой кости принцессы Софьи Палеолог, супруги великого князя Московского Ивана III. На расположенном сбоку третьем троне заняла место вдовствующая императрица Мария Федоровна. Коронационная церемония следовала традиционному чину вплоть до некоего символического жеста, когда коронованный Николай II сначала на краткий миг возложил на голову супруги свою корону, а затем малую. Великие князья положили ей на плечи тяжелую коронационную мантию, Николай украсил ее цепью высших орденов, помог ей, преклонившей перед ним колени, подняться и поцеловал – Александра стала императрицей и царицей всея Руси. Возглавляемые вдовствующей императрицей все члены семьи поцеловали ей руку. За выходом из собора и принятием поклонения народа следовал званый обед на набережной Москвы-реки для приблизительно 7000 приглашенных гостей.

Следуя традиции, народ угощали на Ходынском поле. Неумелость организаторов, давка сотысячной толпы и возникшая в результате паника привели в неконтролируемое движение огромную массу народа. Люди были затоптаны насмерть, падали в колодцы и канавы, их безжизненные тела сносила толпа перепуганных людей. На коронационных торжествах погибли тысячи людей. Когда императорская чета узнала о драме, она хотела тут же прервать празднества и удалиться в монастырь для молитвы. Но семья настояла на продолжении

всех приемов, парадов и балов. Николай и Александра подчинились воле дяди – великого князя. Император выдал каждой пострадавшей семье из своей кассы по 1000 рублей. Он с женой посетил выживших в больницах. Николай и Александра были глубоко несчастны. Император винил себя только в одном: когда расследование выявило, что основную ответственность за трагическую смерть столь многих людей несет великий князь Сергей, шурин императорской четы, Николай воспрепятствовал его наказанию: он опасался конфликта между женой и ее сестрой Елизаветой Федоровной. Император упустил шанс для прочной связи между собой и народом.

Вместо этого Николай с Александрой отправился за границу, представился в Вене, Берлине, Копенгагене, Лондоне и Париже. Путешествие не было лишено проблем в политическом отношении. Противоположные интересы Англии, Германии и Франции вынуждали к осторожным мерам, которые, однако, шли навстречу действиям русского императора, готового к уступкам в политических вопросах. В одном пункте Николай и Александра были едины: против германского кайзера Вильгельма II можно было действовать только осторожно и твердо.

В России начались собственно будни. Николай и Александра окончательно переехали в Царское Село. Зимний дворец они использовали только в официальных целях. Первоначальная популярность Александры уже тогда начала падать. Она отвергала компанейское легкомыслие и закрылась от привычной невинной веселости петербургской аристократии. Она отгородилась от придворного общества невидимой разделительной стеной. Александра вынуждена была день за днем вести позиционную борьбу с жизнерадостной и готовой властвовать свекровью, которой юная императрица с ее чопорностью и ограниченными дипломатическими способностями часто уступала. Вступление Александры в русскую жизнь из-за скорой последовательности перехода в другую веру, траура, свадьбы и коронации находилось под влиянием такого рода компактного и традиционно консервативного образа мыслей, что полученные при этом впечатления она принимала за подлинную жизнь и присвоила себе в семье и политике судейский морализм, который не только всеми отвергался, но и оказывал негативное влияние также и на супруга в его ограниченной готовности к

принятию решений. Александра не приспособивалась, как предшествовавшие ей императрицы, а придавала своей адаптации провоцирующую своенравность, которая значительно более отвечала ее характеру, чем осознанному эгоизму. Репутация чужеземки, которая колеблется между английским пуританизмом и немецкой мелочностью, быстро распространилась, и ее нельзя было исправить. Граф Масолов, в течение многих лет шеф петербургской придворной канцелярии, писал: «В это время стало очевидно, что горизонт царицы был горизонтом маленькой немецкой принцессы, чудесной матери, которая любит порядок и бережливость в доме, но которая по своей внутренней концепции не в состоянии быть настоящей царицей. Это особо достойно сожаления ввиду силы ее характера и воли, которыми она могла бы быть так полезна правителю. Однако, к сожалению, ее представления превосходили их у государя, и в дальнейшем ее помощь оказывала на него вредное воздействие». Царская вдова Мария Федоровна свела проблему в простое предложение: «Как ужасно, что царица не понимает, насколько царь нуждается в популярности!»

Царица с особой охотой уединялась в Царском Селе, в надежной защищенности своих жилых и рабочих комнат. Там она могла жить, как считала правильным, и почти неограниченно влиять на мужа. В 1897 году она произвела на свет дочь Татьяну, в 1899 году — Марию и в 1901 году — Анастасию. Все четыре девочки прекрасно развивались, были дружелюбны и жизнерадостны. Александра с осмотрительной заботой растворялась в семье, в качестве центральной точки которой она всегда рассматривала своего супруга. Конечно, у нее были обширные задачи. Как и все царицы, она пеклась о разнообразных сферах социальной благотворительности. Это была не только ее привилегия, но ее долг — оказывать милосердие за счет собственных финансовых средств. Но поскольку вдовствующая императрица тщеславно держалась за свои прежние прерогативы в этой области, дело дошло до споров и ссор.

Александра вновь сделала неверное заключение и еще более изолировалась от общественной жизни. В начале XX века она, кроме того, вместе со своей подругой Анной Вырубовой усиленно занималась мистикой и спиритизмом. Эта все усиливающаяся тенденция имела особую почву: императрица произвела на свет четырех дочерей, наследника престола все еще не

было. Чем дальше шло время, а сын не появлялся, тем неспокойнее становилась она. В то время как в Царском Селе обе дамы музицировали, молились или растворялись в маленьком счастье детей, император должен был решать большие и серьезные проблемы.

Он продолжил консервативную линию отца. Константин Победоносцев на несколько лет оставался важнейшим советником. Император осознавал, что Россия должна обновляться. Его отец назначил одаренного, неудобного и убежденного Сергея Витте министром финансов, и этот факт был для Николая гарантией того, что Витте не коснется принципа самодержавия. В остальном финансовая политика Витте за счет строительства железных дорог, индустриализации, монополии на торговлю водкой, валюты, имеющей золотое обеспечение, и зарубежных кредитов приносила выгоды государству. Несмотря на экономический подъем и первые законы по облегчению социального положения рабочих, угнетение крестьян усиливалось, и их недовольство находило выражение в бунтах. Студенты протестовали против урезания академических свобод, и рабочие осознали свою силу. Забастовки и демонстрации с середины 90-х годов усиливающимися волнами приводили страну в движение. Николай не понимал, почему народ возмущается. Он последовал совету Победоносцева и принял жесткие репрессивные меры. Боголепов в качестве нового министра образования душил полицейским террором студенческие волнения. Боголепов был убит студентом. Ничего не получилось и у назначенного для наведения порядка в стране министра внутренних дел Сипягина.

В то время как царские чиновники вели борьбу с внутренними мятежами, Николай сохранял сдержанность. Насколько отзывчивым он был в тесном семейном кругу, настолько же строго он соблюдал дистанцию по отношению к другим людям. Близкие к нему современники, такие как германский посол барон фон Шён, знали, что Николай живо интересуется политическими проблемами, хорошо о них информирован и обладает пониманием. Это редко выражалось в силу его природной застенчивости. Главная же проблема императора заключалась в том, что он хотел равно самодержавно править и быть любимым подданными. Это неразрешимое противоречие Сергей Витте облек в формулировку: «Характер его вели-

чества — корень всех несчастий. Государь, которому нельзя довериться, который сегодня что-то одобряет, а завтра отвергает, неспособен надежно править государственным кораблем. Его основная ошибка — прискорбный недостаток силы воли. Хотя он хороший человек и не глуп, но этот недостаток его полностью дисквалифицирует, в конце концов он — единоличный правитель, абсолютный монарх русского народа... Он не был рожден для значительной исторической роли, которую возложила на него судьба».

Николай избегал любого спора, никому не мог прямо высказать свое мнение, однако настойчиво претворял свою волю. В этом отношении Николай и Александра были полностью похожи. Поэтому Аликс вмешивалась в личные решения царя. Когда в 1900 году Николай заболел, царица приняла министров для доклада и отобрала информацию, которую следует представить царю. Николай не воспринял эту активность как неуместную. Он знал, что Аликс так же любит его, как и он ее. Он был терпим даже в отношении ее религиозных эскапад. Переход в православную религию дался ей тяжело. Она не понимала ни России, ни внутренней сущности православия. Но она любила обрядность. Русский фольклор с балалайкой и тройкой и сверкающий золотом иконостас в наполненных дымом церквях — это для нее была Россия. Бродячие паломники, подозрительные просящие подаяния монахи и ложные пророки встречали благосклонное отношение с ее стороны. Позднее Витте саркастически писал: «...легко понять, как вера подобной женщины, живущей в больной атмосфере восточной роскоши и окруженной легионом льстецов, которые постоянно перед ней преклоняются, фатальным образом приближается к гнилому мистицизму и фанатизму, который не смягчается ни малейшей дружеской мягкостью». Он не считал бы все это особой проблемой, если бы у Николая не было недостатка силы воли: «Едва ли можно представить себе, как велико было влияние, которое Александра оказывала на своего мужа».

Витте впал в немилость. Его суждение «Судьба миллионов людей находится сегодня в руках этой женщины» было, разумеется, преувеличенным. Ее пуританский дух, негативно направленный в отношении «безбожных» членов семьи Романовых, находил полное понимание императора. Николай опасался многих дядьев и великих князей, которые находились на

его обеспечении, которые порочили фамильную честь и постоянно указывали императору, что он должен делать и что он может допустить.

На рубеже нового столетия

На рубеже столетия, в то время когда личные проблемы оказались столь обременительными, император должен был в большей степени направить все свое внимание на внутреннюю политику. Возникли первые политические партии. Либеральное общество подошло к организационному объединению. Движимый экономическим кризисом, после 1900 года сформировался многообразный политический и социальный спектр, который при всей дифференциации в содержании, целях и методах был един в одном: самодержавное правление является препятствием для обновления России.

В то же время министр внутренних дел Плеве проводил политику русификации в Финляндии и Армении, организовывал еврейские погромы, разрешил расстреливать рабочих и отдавал распоряжения об «императорском порицании» лидерам дворянства за оппозиционные речи. Он не мог справиться с волнением в народе. Плеве сделал ставку на другое средство, чтобы ослабить давление во «взрывоопасном котле». Он заявил генералу Куропаткину: «Чтобы остановить революцию, нам нужна маленькая победоносная война». Проблема, правда, была значительно более комплексной, но война тем не менее началась.

Николай устремил взгляд на Дальний Восток. Русские солдаты высадились в бухте Порт-Артура и вынудили Китай заключить договоры, которые давали возможность оккупировать Порт-Артур и Дальний, строить Маньчжурскую железную дорогу и бросать взгляды дальше в направлении Кореи. «Боксерское восстание» в Китае предоставило хороший предлог для оккупации Маньчжурии и усиления заинтересованности в оккупации Кореи. Тем самым Японию провоцировали оказать противодействие. В России вокруг адмирала Алексева, политика Безобразова и Плеве образовалась партия войны, которая добилась благосклонности царя. Витте, который опасался за финансовую стабильность в результате военной авантюры, попал в невыгодное положение. Николай отправил его в отставку.

Николай II был уверен в своем деле. С Японией, правда, велись переговоры, но всерьез он японцев не принимал. Если дело дойдет до войны, тогда Россия определила бы срок, а пока император не спешил. Когда в январе 1904 года Япония разорвала дипломатические отношения, он не воспринял это трагически. Когда несколько дней спустя японцы открыли военные действия, торпедировав находившийся в Порт-Артуре русский флот, Николай не увидел в этом оснований для беспокойства. Патриотически настроенное население преклонялось перед ним. Голоса критиков из оппозиции затихли. Император ехал по стране, благословлял отбывающих на фронт солдат, раздавал иконы и мечтал о Маньчжурии, Корее и даже о Тибете. Александра поддерживала его, активно заботясь об организации медицинской помощи солдатам. Она приобретала в Германии санитарные вагоны, палатки, медикаменты и перевязочные материалы, однако, исполненная высокомерия, писала своему брату Эрнсту Людвигу: «...(война) полезна нашей стране: (она) очищает людей».

Однако Россия выжидала. Японцы продвигались в Корею, Маньчжурию и к Порт-Артуру. Российские солдаты страдали от нужды и лишений. Их недовольство распространялось и внутри страны и привело к выбросу взрывных настроений. В июле 1904 года министр внутренних дел Плеве пал жертвой покушения с применением бомбы. Николай был потрясен. «Господь сурово наказывает нас в своем гневе», — писал он в своем дневнике. Он потерял «друга» и «незаменимого министра внутренних дел». Помимо этого Николай пребывал в приподнятом настроении. 30 июля 1904 года Аликс родила ему давно и с нетерпением ожидаемого наследника престола — Алексея Николаевича. Счастье оттеснило войну в Азии, однако было так мимолетно. С Александры свалилась тяжесть. Она выполнила свою самую важную задачу. Вся критика прошедших лет в замкнутости, надменности или холодности, казалось, развеялась. Вместе с ребенком и мать становилась частью России.

Через несколько недель наступило отрезвление. Наследник престола страдал от неизлечимой гемофилии. Аликс перенесла русскому престолонаследнику заболевание крови, встречающееся в английском королевском доме. Воцарились тревога и отчаяние. Но Александра начала борьбу. Виноватых не было. Болезнь надлежало сохранять в абсолютной тайне. Она защищала

жизнь своего сына всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Спокойная решимость супруга помогала ей в этом.

В это время русские солдаты на Дальнем Востоке истекали кровью. Николай отправил в Тихий океан Балтийский флот. Он внес изменения во внутривластный курс. После смерти Плеве он назначил министром внутренних дел считающегося умеренным Святополк-Мирского. Он должен был через компромисс объединить общество вокруг самодержавия. Но даже самые консервативные либералы выступали за конституцию. Ответственные министры постоянно говорили царю о том, чтобы он принял в Государственном совете избранных представителей земств. Император отклонил это. 12 декабря он объявил, что только царь имеет право заботиться о благе народа, «которого вверил ему Бог», и что он твердо решил оставить «неприкосновенными основополагающие законы империи».

20 декабря 1904 года крепость Порт-Артур капитулировала. По России пронеслась волна манифестаций. Самые заветные желания Николая на 1905 год — «если Господь благословит наступающий год, Он подарит России победоносное окончание войны, продолжительную победу и спокойную, беззаботную жизнь» — не исполнились. 8 января в Царском Селе Николай узнал, что на следующий день в Петербурге демонстрация под руководством попа Гапона двинется к Зимнему дворцу, чтобы передать царю требования политических свобод и социальных прав. Николай решил применить военную силу против просящего народа. В течение нескольких часов Петербург превратился в войсковой лагерь. Утром 9 января 10 000 человек с портретами царя и хоругвями двинулись к Зимнему дворцу. Солдаты открыли огонь и потопили в крови мирную процессию.

Николай считал трагедией применение военной силы, но чувствовал себя правым. Александра неустанно говорила ему: корона должна быть передана наследнику престола нетронутый и незапятнанной! Он назначил генерала Трепова генерал-губернатором Санкт-Петербурга. Но Россия после 9 января поднялась против самодержавия. Членов Академии наук, университетских профессоров и рабочих, ремесленников и крестьян, профессиональные организации и интеллигенцию — всех разбудило «Кровавое воскресенье». 4 февраля в Москве бомбой был убит великий князь Сергей Александрович, деверь Александры. Было совершено прямое нападение на императорскую семью.

Император стоял перед альтернативой: военная диктатура или конституционная монархия. Его реакция была такой, что никто не понял, чего он, собственно, хотел: манифест взывал к борьбе со всеми акциями против основ империи, указ готовил к сотрудничеству с народными представителями при разработке законодательства, а третий документ требовал от Сената подготовки правительственной реформы. Глубоко тронутый событиями, император сбивал с толку народ и не находил средств для того, чтобы противостоять восстаниям, поражениям в Русско-японской войне и собственной неуверенности. Александра призывала его к стойкости и сохранению самодержавия, Витте требовал конституции. В конце концов, после того как русскому флоту было нанесено сокрушительное поражение при Цусиме, он принял предложение американского президента Рузвельта о мирных переговорах с Японией и поручил Витте ведение переговоров. В России нарастала революционная волна. Даже либеральные земства говорили о гражданской войне и национальной катастрофе. Николай твердо держался за свои прерогативы и только с большим трудом позволил выжать из себя отдельные уступки. Манифест от 6 августа 1905 года обещал Государственную думу. Одновременно общественная дискуссия по политическим вопросам была строго запрещена. Николай был твердо убежден в том, «что Россия выйдет более сильной из испытания, которое ей предстоит. Как и в прошлом, Россия и царь должны стать единым целым...». В Портсмуте Витте удалось добиться для России почетного мира.

Между тем русская революция приближалась к своей кульминации. Октябрьская стачка потрясла Россию, призывы к конституции становились слышны повсюду. Николай и на этот раз видел в графе Витте спасителя из бедственного положения. В присутствии царицы он предложил или установить диктатуру, или выполнить минимальные требования относительно конституции, гражданских прав и свобод и парламента. После долгого обсуждения с женой император согласился со вторым предложением. Александра вынуждена была подчиниться против собственной воли.

17 октября 1905 года Николай подписал разработанный Витте манифест, который обещал созыв Государственной думы, а также гражданские свободы и избирательное право. Император подписал документ, но был в неловком положении и чувст-

вовал себя так, будто предал династию и традиции империи. Для Александры вместе с этим документом началась долгая, упорная и в конце концов безрезультатная борьба, в ходе которой она стремилась связать борьбу за здоровье своего сына с сохранением всех ценностей самодержавия. Ни одна императрица-супруга до Александры так осознанно и целеустремленно не связывала собственную жизнь с прямым вмешательством для блага короны в имперскую политику. Отныне Александра знала только одну задачу: наследник престола должен принять власть без какого-либо ущерба и править самодержавно. Этой задаче она подчинила все свои человеческие, религиозные и политические действия — вплоть до собственной смерти. В этих своих действиях она была гораздо более последовательной и целеустремленной, но и догматичной и оторванной от реальности, чем ее царственный супруг, который в повседневной политике вынужден был вступать в противоречие с реалиями жизни. В помыслах же они не различались.

Витте стал председателем Совета министров. Страна в декабре 1905 ответила московским восстанием. 18 000 человек погибли во время этого всплеска, в то же время кульминационная точка революции была пройдена, и правительство приступило к осуществлению объявленных в октябрьском Манифесте мер. Император под влиянием Александры не желал терпеть ограничения своих прав в сфере исполнительной власти. Он ходил с семьей под защитой гвардии, ориентировался на ультрамонархический «Союз русского народа» и только после энергичного сопротивления позволял вырвать у себя согласие на любую уступку относительно своего самодержавного достоинства. Когда 12 апреля 1906 года он согласился с формулировкой Витте, что император остается самодержцем, но власть его перестает быть «неограниченной», он, как и его супруга, почувствовал физическое отвращение. Результаты выборов в Первую Государственную думу дали леволиберальное большинство, что показалось царю чересчур.

Граф Витте видел неприязнь монарха и Александры и обратился в бегство. В апреле 1906 года он ушел в отставку. Николай и Александра испытали облегчение, избавившись от человека, который вырвал у них Октябрьский манифест. Николай поставил во главе правительства протеже своей жены графа Горемыкина. В его кабинете поста министра внутренних дел

добился человек, который пробудил в императорской чете новое отвращение, страх и надежду: Петр Столыпин.

27 апреля 1906 года Николай II открыл в Зимнем дворце заседания Первой Государственной думы. Он ни словом не упомянул об ожидавшейся амнистии для политических заключенных. Император был оскорблен, когда депутаты не встретили его речь аплодисментами. На первое заседание депутаты ушли в Таврический дворец, ни император, ни министры не последовали за ними. В Думе держали пламенные речи за политические свободы. Ходатайство объединило требования, но Николай не принял его к сведению. Дума отстранила правительство, которое, однако, не было ответственно перед Думой. Петр Столыпин привел в исполнение волю императора и распустил парламент. Столыпин стал председателем Совета министров. Николай был доволен и сказал своему премьеру: «Бог знает, что могло бы произойти, если позволили бы существовать этому очагу мятежа и непослушания. Моя совесть, мой долг перед Богом и Отечеством принуждают меня бороться, даже если я погибну. Я не могу без сопротивления передать свою власть тем, кто хочет у меня ее вырвать».

За уходом депутатов Думы последовала новая волна насилия. Столыпин отреагировал террором и военно-полевыми судами — всегда защищаемый монархом. Но Столыпин был энергичным и умным человеком. Он виселицами поддерживал трон и готовил обширную аграрную реформу, благодаря которой он хотел гарантировать устои империи в образе частных крестьян-единоличников. Помимо этого должны были быть организованы выборы во Вторую Государственную думу. Несмотря на террор, оппозиционные силы вновь добились большинства мандатов. Николай II отказался от торжественного открытия. Столыпин был готов к совместной работе с Думой, и 6 марта 1907 года представил проект реформ по аграрному вопросу. Дебаты закончились неразберихой. Правительство и парламент не смогли прийти к единству относительно отчуждения земли. 3 июня 1907 года императорский манифест провозгласил: «Мы придерживаемся того мнения, что крах обеих Дум исходит от новизны этого учреждения и несовершенства избирательного закона, через который законодательное собрание заполняется членами, которые не представляют нужды и чаяния народа». Николай II распустил Думу и обнародовал новый избиратель-

ный закон. С ним не только увяли лучшие мечты о парламентаризме, это был заключительный штрих, подводящий черту революции. Николай и Александра могли быть довольны. В ноябре 1907 года собралась Третья Государственная дума. Она располагала ожидаемым соотношением консервативно-либерального большинства. Столыпин смог начать обсуждение аграрной реформы и заявил: «Венцом дела, которому мы посвятили наш труд, является развитие новой парламентской системы, которую государь подарил нации. Она должны придать высшей императорской власти новый блеск и силу».

Распутин появляется

Для Александры борьба с революционным движением, Государственной думой и болезнью сына сливались в физически и психически изматывающее единство. Наследник престола вновь и вновь давал повод для серьезного волнения, что вызывало истеро-неврастенические явления и склонность к преувеличенной религиозности. Врачи едва ли могли действительно помочь. Александра обращалась ко всевозможным магам, гипнотизерам и спиритистам. В своей придворной даме Анне Вырубовой она нашла услужливого мистика, с которой она могла во всех подробностях говорить о самых потаенных своих мечтах. Это был час Григория Ефимовича Новых, которого мир знает под именем Распутин.

1 ноября 1905 года Николай отмечал: «Я познакомился с Божьим человеком, которого зовут Григорий и который происходит из Тобольской губернии». «Божий человек» Григорий родился около 1870 года в сибирском селе Покровское. Фамилию Распутин носил еще его отец — как синоним распутного образа жизни. Григорий принадлежал к множеству «странников», обовшивевших, одетых в тряпье паломников, которые, кляпча, ходили по стране и жили благодаря своим «провидческим способностям» за счет боязливой великодушия общества. Он был «старцем» и блистал не только «особой близостью к Богу», но и прожженной беззастенчивостью. Григорий держал себя по-мужицки грубо и неотесанно, однако обладал надежной на уровне инстинкта интуицией — особенно для психики страдающих женщин. О нем поговаривали, что якобы он был членом секты «хлыстов». Помимо этого он обладал необычайно острым умом

и точным аналитическим даром. Григорий имел настолько отталкивающую внешность, говорили, что от всего его тела исходило ужасное зловоние, но на определенный тип женщин он оказывал магическое притягательное действие.

Феофан Казанский рекомендовал странствующего проповедника в столице. Петербургское духовенство приняло грязного дикаря с открытыми объятиями и публично благословило его. Духовные лица расчистили ему дорогу к императорскому двору. В октябре 1906 года Николай впервые пригласил Распутина в Царское Село. Распутин умел приспособиться к любой ситуации. Он произвел впечатление на императрицу серьезной набожностью. Распутин никак не показал себя обиженным тем, что их императорские величества вели себя сдержанно по отношению к нему. Он инстинктивно знал, что это только вопрос времени, пока он понадобится царице. Дамы петербургского общества больше не обходились без чудотворца.

Старец совершенно сознательно жил своей ролью, и общество навязало ему задачи целителя. Он начал верить в свою миссию и целеустремленно разыгрывал ее: при императоре он хотел принимать участие в определении судьбы страны. Решающая возможность появилась в 1908 году, когда Анна Вырубова стала зависеть от него. Григорий был достаточно умен, чтобы позволить ей в ее духовном экстазе стать жертвой сексуального удовольствия. Он оставался ее Христом и Спасителем. «Чистота» отношений понравилась императрице, что и сделало ее доступной для Распутина. Для преодоления последних преград была необходима драматическая ситуация.

В Литве в результате несчастного случая на охоте царевич получил тяжелые повреждения. Врачи опасались за его жизнь. Когда Александра увидела приближающуюся кончину сына, прибыли две телеграммы от Распутина, о том, что ранения не опасны и врачи должны прекратить всякое лечение. В тот же день началось самоизлечение, и Алексей выздоровел. С этого момента императрица уже относилась к почитателям Распутина. Она считала его святым, который силой своих молитв обрел власть над здоровьем ее сына. Для нее Распутин был воплощением простого русского народа.

Николай сохранял дистанцию по отношению к Григорию, но он также находился под впечатлением и был рад, что наследник престола не умер. Николай придумал свое объяснение вещей и

стремился распознать в Распутине первобытную силу души русского народа, которая была спасителем династии. Его позиция лишь незначительно отличалась от позиции императрицы. Таким образом, Распутин добился в царской семье привилегии, которой не пользовался никто. Распутин не мог излечить болезнь Алексея, но укрепил его уверенность в себе и уверенность царицы. Он возвысился до важнейшего советчика и ближайшего доверенного императорской четы. Его тщеславие и эгоизм мешали ему реально оценить связанные с этим опасности.

Чем глубже проникал старец в духовную жизнь императорской четы и чем большим становилось его влияние на ее политические решения, тем дальше оттеснял он привыкших к власти сановников от трона. Распутин был необходим Николаю хотя бы только для внутреннего мира своей жены. Однако он не мог терпеть никого рядом с собой, кто каким-либо образом обременял его самодержавную волю. Он внимательно наблюдал за тем, как протекала жизнь Распутина в общества и как ее оценивали. Но император доставил чудотворца ко двору, следовательно, тот стоял выше всякой критики.

Негодование в обществе росло. Аморальность и коррумпированность Распутина становились главной темой дня и предметом язвительных газетных статей. И Александра в ее высокомерии была подозрительна обществу. Как великолепно можно было сплести интригу, которая давала возможность отомстить императрице за ее надменность и принести Распутину немилость царя: они оба имели связь и Вырубова была с ними в союзе! Распутин сам разжигал ненависть, с лживой наглостью распространяясь о своих отношениях с императрицей. Однако императрица была убеждена в набожности и честности целителя и любую критику его поведения расценивала как донос. Даже свою сестру Елизавету Федоровну она выгнала из Царского Села, потому что та хотела открыть ей глаза на подлинную сущность Распутина.

Неприятное дело обострилось, когда и безупречный Столыпин при царе выдвинул жесткие упреки против образа жизни Распутина и его влияния на государственную политику. Столыпин имел заслуги перед монархией, но, подобно Витте, он оставался самостоятельным человеком, со своими идеями и планами, которые все более противоречили взглядам императора, его супруги и прежде всего Распутина. В 1911 году кон-

фликт достиг кульминации. Влиятельные силы сорвали план Столыпина распространить земства на запад. Столыпин подал в отставку. Николай колебался и медлил. Дядя царя Александр Михайлович, прежде всего царская вдова Мария Федоровна знали о способностях Столыпина и склоняли императора отклонить прошение об отставке. Николай чувствовал себя униженным. Столыпин поставил условия, которые еще глубже ранили императора: Государственная дума и Государственный совет должны быть в три дня распущены, чтобы можно было ввести земства в западных губерниях. Столыпин должен был сохранить право назначить 30 новых членов в Государственный совет, в то время как такое же число членов, выдвинутых царем, должны быть исключены.

Еще никогда ни один русский политик не отваживался так сильно наступать на прерогативы монарха. Николай разрывался от бессильной ярости, тем более что мать вновь удерживала его в примирительной позиции. Для Марии Федоровны все это дело являлось возможностью выразить свое неприятие Распутина и невестки. Все произошло, как хотел Столыпин. Но премьер-министр взял на себя вину за злоупотребление властью, которое ускорило его крушение. В августе 1911 года в Киеве по случаю 50-го юбилея отмены крепостного права должно было торжественно отмечаться введение земств в западных губерниях. В Киев приехали Столыпин, а также Распутин. Легенда повествует, что, увидев премьер-министра, Распутин заголосил: «Смерть у него за спиной! Смерть идет за ним... Идет за Петром... Следует за ним!» Действительно, 1 сентября в киевском Оперном театре в Столыпина стреляли — 5 сентября 1911 года от полученных ранений он скончался. Совершивший покушение Мордехай Богров был схвачен, однако обстоятельства, которые привели к смерти Столыпина, никогда полностью не были выяснены. Император лично позаботился о том, чтобы расследование было прекращено. Преступник был быстро казнен. До сегодняшнего дня остаются сомнения, имел ли место заговор против Столыпина, в котором были замешаны высшие придворные круги. Император Николай II и Александра не принадлежали к кругу лиц, которых относили причастными к заговору. Скорее Распутина считали на это способным. Царица не стеснялась вести переговоры с Распутиным о преемнике Столыпина на его посту. Они

оказывали влияние на Николая с тем, чтобы он назначил аморфного министра финансов Владимира Коковцова. В прямом разговоре императрица недвусмысленно предостерегла Коковцова, чтобы он не слишком задумывался о политике и стремлениях Столыпина.

Коковцов пользовался доверием Александры и Распутина. Он серьезно затруднил отношения между правительством, парламентом и императором, цель, над которой беспрестанно работала Александра. К этому времени она предоставила Распутину положение, которое ввело его в центр политических решений. Квартира Распутина превратилась в место, где готовились персональные императорские решения. Между тем противники Распутина становились все многочисленнее. Деятели церкви, которые однажды обеспечили ему доступ ко двору, проклинали богохульника. Пресса бесцеремонно насмеялась над развращенностью Распутина и включала сюда и императрицу. Самые отчаянные духовные лица неожиданно напали на чудотворца и хотели его кастрировать. Покушение не удалось осуществить. Николай прибег к чрезвычайному средству, чтобы прекратить скандал вокруг Распутина. Он приказал ему отправиться в Иерусалим. Может быть, посещение Святых мест очистит «Божьего человека!» Едва вернувшись, Распутин продолжил необузданную жизнь. Отчаявшись, Мария Федоровна обратилась к Коковцову: «Моя достойная сожаления невестка не понимает, что она и династия гибнут. Она искренне верит в святость авантюриста, и мы бессильны и ничего не можем сделать, чтобы помешать катастрофе, которая меж тем кажется неотвратимой».

Распутин в такой мере давал пищу общественности, что возникло опасение государственного кризиса. В действительности это был династический кризис, и общественное мнение состязалось в том, чтобы перенести ответственность за это на нелюбимую императрицу. Заговор против Распутина носился в воздухе. Епископ Казанский Феофан осознал свою трагическую ошибку, но не был выслушан Николаем. Император запрещал себе любое вмешательство в персональные решения. Он искал выхода и в 1912 году бежал с семьей в Ливадию. Распутин как тень следовал за ними.

Скандал захватил лишь небольшую часть русского общества. Настоящий кризис России и самодержавия проистекал не от

Распутина. Он был только зловещим предзнаменованием приближающегося крушения самодержавия. Правда, 1913 год предоставил возможность с блеском отпраздновать 300-ю годовщину династии Романовых. В последний раз императорская семья представляла величие и традиции Российской империи. Но с 1911 года получили распространение стачки и волнения. От Думы не исходило никакой непосредственной политической опасности для монархии, но единоличной власти царя тоже больше не было. Крайние политические группировки вступили в борьбу за власть. Помимо этого, Россия входила в европейскую систему союзов, которая приближалась к войне. Большая забота императора о семье и наследнике престола делала его в известной степени самодержцем в руках Распутина. Однако было бы преувеличением считать влияние Александры и Распутина на решения императора неограниченным.

Николай не стремился к войне и не верил, что Германия нападет на Россию. Но он также ничего не делал, чтобы не впутывать Россию в европейские интриги. Политическое убийство в Сараево, в результате которого 15 июня 1914 года погибли наследник австрийского престола Франц Фердинанд и его жена, показался ему не более чем событием особой важности: император с семьей ходил под парусом в Черном море. Поэтому Николай был как громом поражен, когда в конце июля Австрия объявила войну Сербии. Даже Распутин не мог помочь. После покушения он лежал с полученным тяжелым ножевым ранением в больнице в Тюмени. Но влияние Распутина в большой мере покоилось на способности всегда появляться в нужное время со словом и делом. Царица велела служить обедни за святого человека, а тот ответил телеграммой, в которой советовал царю не вести войны, которая «означала бы конец России и царю, бойню, в которой погибнут все до последнего мужчины».

Это было не политическое пророчество, а знание о страхах императора и императрицы перед новой войной, которое побудило Распутина к таким словам. Действительно, Николай и в последнюю минуту прилагал серьезные усилия к миру, а Александра горячо молилась о сохранении мира. Но 31 июля 1914 года началась всеобщая мобилизация. День спустя мировая война стала фактом. Император ощущал свое единство с охваченным патриотизмом народом. В то время как Николай занимался патриотическими воззваниями и церемониями,

Александра оборудовала в Большом дворце в Царском Селе лазарет, сама и обе дочери Ольга и Татьяна обучились на медицинских сестер и организовывали санитарные поезда. Ее поведение было образцом для женской части семьи Романовых.

Армии генералов Самсонова и Ренненкампа вторглись в Восточную Пруссию. Это продвижение сняло нагрузку с Франции, однако для России закончилось сокрушительным поражением: Пауль фон Гинденбург под Танненбергом окружил армию Самсонова и вынудил к бегству Ренненкампа. Россия потеряла 110 000 человек убитыми, ранеными и пленными. Генерал Самсонов не знал, куда деться от стыда, и застрелился. Более удачливыми были русские войска при продвижении в Галиции. Но и на юге военное счастье было недолгим. Весной 1915 года германские войска атаковали русские фланги по всему Восточному фронту. До лета Россия потеряла в общей сложности 3,8 миллиона человек!

Для царицы с войной возникла сложная ситуация. Как российскую императрицу долг обязывал ее патриотизму. Но она верила в мрачные пророчества Распутина и проливала слезы, думая, что гессенские соотечественники умирают по другую сторону фронта. Выхода она не видела, и ее письма в первые военные месяцы были беспорядочным набором с трудом воспроизводимых афоризмов. Она молилась об окончании войны, превозносила нравственность русских солдат, возлагала единичную вину на кайзера Вильгельма II, надеялась на его нравственные понимание. Тем не менее ее отношение к России имело не абстрактно-этическую, а в каждой фазе конкретно-политическую направленность. У Александры борьба за сохранение самодержавия лишь изредка достигала высшей точки в моральном призыве к супругу: «Не забывай, что Ты есть и должен остаться самодержавным правителем, мы не созрели для конституционной монархии». На переднем плане всегда было предложение конкретных политических действий — и в связи с продолжающейся войной — во все возрастающей степени.

Николай ездил на фронт или находился в Ставке в Могилеве. Александра почти ежедневно писала ему подробные письма. Она анализировала военное положение, сообщала о жизни в семье, при дворе и в столице. Она все больше и больше связывала со своим личным мнением политические советы, к которым все сильнее примешивались персональные и политиче-

ские требования. Это было тем более проблематично, когда император в связи с негативным развитием военных событий был вынужден разгласить основание своих решений. Он созвал из представителей Думы, Государственного совета, предпринимателей и других Особое совещание по обороне, которое должно было улучшить снаряжение и вооружение армии. Николай старался насадить в министерства подходящих и способных людей. Он пошел навстречу умеренным пожеланиям Четвертой Государственной думы. Но императрица писала: «...Любимый, я слышала, что этот ужасный Родзянко и другие пришли к Горемыкину, чтобы просить его о немедленном созыве Думы, о, прошу, не делай этого, это не их задача, они хотят обсуждать вещи, которые их не касаются... Их нужно отстранить — я уверяю Тебя, что иначе произойдет несчастье».

Александра стремилась снять часть груза с мужа и помочь ему в тяжелой работе. Этим желанием воспользовался Распутин, который через Александру под предлогом того, что он является истинным представителем мнения народа и Господней воли, все больше и больше пробирался к власти. Она не замечала, как Распутин в своих целях злоупотреблял ее стремлением к укреплению самодержавия и склонностью к сверхрелигиозности. В обществе возникло представление о единстве действий Александры и Распутина. Это было практически продемонстрировано в 1915 году в случае с великим князем и главнокомандующим русской армии Николаем Николаевичем. Он следующими словами ответил на желание Распутина разрешить ему посетить фронт: «Прибудет — будет тут же повешен». В августе 1915 года император в результате интриг Александры и Распутина отправил главнокомандующего в отставку — Варшава попала в руки немцев — и совершил роковую ошибку, с пафосом произнеся: «Долг служить моему Отечеству, который возложил на меня Бог, велит мне сейчас, когда враг проник в границы империи, принять верховное командование войском». Великого князя выдворили на Кавказ. Никто, кроме Распутина, не был счастлив от этого широкого жеста. Председатель Думы Родзянко осмелился сказать императору в лицо, что думают многие ответственные политики: «Подвергая свою священную персону приговору народа, Вы сами накладываете на себя руки и ведете Россию к гибели».

Падение

Николай мужественно играл роль, которую сам взял на себя. Александра и Григорий по духу всегда были на его стороне. В Михаиле Алексееве он нашел начальника Генерального штаба, который избавил его от неприятности самому вмешиваться в военные операции. Иногда Александра навещала его в Могилеве, и они вели там настолько мирную жизнь, что даже 10-летнему Алексею было разрешено находиться с ним в штаб-квартире. Император был информирован обо всех военных событиях и тем не менее не принимал никакого участия в военных операциях русских — ни в Литве, ни на Кавказе, ни на Балканах. В 1916 году русские достигли ряда частичных успехов, не потерпели тяжких поражений, и все-таки война истощила армию и страну. На фронте и в империи распространялось растушее недовольство.

В это время летом и осенью 1916 года Александра все более неприкрыто вмешивалась в официальную политику империи. Она пыталась проводить свои и Распутина интересы при распределении правительственных постов, в споре с Государственной думой и при замещении мест в Священном Синоде. Осенью 1916 года они оба спровоцировали правительственный кризис. Николай сопротивлялся долгим атакам Александры, наконец он ради внутреннего мира в семье сдался. Ответственность отреагировала жестко. Осенью 1916 года Россия в первый раз с 1905 года стояла на грани революции. Ненависть терпящего нужду народа обратилась против всего немецкого: императрица и Распутин воспользовались отсутствием царя и ввергли страну в хаос! В те недели в прессе усиливался поток информации о распутной жизни Распутина, а против императрицы выдвигались необоснованные подозрения в том, что она является шпионкой германского кайзера. Она считала себя правой и верила, что делает все, что в ее силах, для спасения самодержавия. Она писала мужу: «Меня ненавидят, потому что я проявляю сильную волю». Даже речи не могло быть о тайном зондировании по поводу сепаратного мира с Германией. Николай и Александра, несмотря на свои столкновения из-за Распутина, были едины в том, что война должна быть закончена во славу русского оружия. Даже связанные с братом Александры великим герцогом Эрнстом Людвигом Гессен-

ским и княгиней Васильчиковой германские предложения о мире резко отвергались.

Внутриполитическая обстановка накалялась. Николай назначил в правительство только тех политиков, которые следовали его, Александры и Распутина целям. Конфликты с Думой и критически настроенной общественностью усиливались. Распутин с каждым днем ненавидели все больше, и как и прежде, защищающая его императрица оказалась в политической и персональной изоляции. В течение 1916 года стало известно, что германский генеральный штаб получал через Распутина строго секретную информацию из русского верховного командования, информацию, которая могла стать ему доступна только в результате контактов с императрицей. Одновременно Распутин склонялся к сепаратному миру с Германией.

Во второй половине 1916 года в России все сильнее закручивался военно-политический Мальстрём. Он втягивал в свою орбиту действующих монархов, сановников, политиков, духовенство и генералов с силой, которой они не могли сопротивляться. Когда Николай по рекомендации Александры и Распутина назначил министром внутренних дел считавшегося невменяемым Александра Протопопова, в Думе разразилась буря протеста. Председатель Думы Родзянко взял на себя обязанность сказать императору неприкрашенную правду о положении в стране и Распутине. Николай хотел удалить Распутина из столицы, императрица помешала этому. На фоне растущего кризиса снабжения в середине декабря 1916 года было подготовлено заседание Думы. Императрица опасалась, что Распутин мог бы стать центральной темой возбужденных дебатов, и не питала иллюзий: кто говорил «Распутин», думал «императрица». Нападение в этом направлении не остановилось бы перед основами самодержавия. Единоличная власть императора оказалась в чрезвычайной опасности!

Дума собралась и метала оглушительные фразы против Распутина и придворной «камарильи». Правительство распустило заседание, но депутаты продолжили заседать в Москве. Александра заклинала мужа вздернуть или отправить в Сибирь парламентских вожаков: «Это государственная измена... Будь львом в борьбе с парой чудовищ среди республиканцев! Господь посадил нас на трон, и мы должны его удержать и в неприкосновенности передать нашему сыну...» Николай не был

львом. Ужасающее положение на фронте, голод, кровавые уличные демонстрации являли облик страны. Вместо серьезных усилий по спасению империи царь, царица, Распутин, великие князья, члены правительства и Дума работали друг против друга – во вред империи. В политических партиях обсуждались первые планы низложения императора, скорейшего заключения мира с Германией и возможностей восстановления мира внутри страны. Во время бурных дебатов грянула новость: Распутин убит!

29-летний князь Феликс Юсупов с несколькими влиятельными людьми, среди которых депутат Думы Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович, составил план. Он втерся в доверие к Распутину, и ему удалось в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года заманить «Божьего человека» в свой дворец. Примечательной в дикой пальбе была фраза умирающего от яда и пуль Григория: «Феликс, Феликс, я все расскажу царице!» До этого не дошло. Участники покушения бросили труп с Петропавловского моста в Малую Невку. Два дня спустя мертвого чудотворца вынули из-под льда.

Мужчины вокруг Феликса Юсупова действовали с шумом. Тотчас же разнеслось, что они освободили Россию от кошмара. В то время как царица в отчаянии ломала руки, Николай при первых известиях излучал внутреннее удовлетворение: его тоже освободили от тяжелого бремени. По первому знаку жены он поспешил в Царское Село, принял участие в погребении во дворцовом парке и распорядился о наказании преступников. Их высокое общественное положение позволяло вынести лишь символический приговор. В то время как многие русские облегченно вздохнули, для Александры мир рухнул: единственный человек, который мог спасти ее сына, которому она доверяла и который оказывал моральную поддержку всем ее действиям, погиб как «мученик». Насильственная смерть Распутина не пробудила в ней критического взгляда на собственную манеру видения. При этом спектр политических действий для императора и для нее самой сузился. Председатель Думы Родзянко набросал перед Николаем картину находящейся в хаосе страны и умолял монарха наконец защитить политику от царицы. Император смог только слабым голосом спросить: «В течение 22 лет я пытался делать все, что в моих силах. Возможно ли, чтобы в течение 22 лет я ошибался?» Род-

зянко отметил: «Да, Ваше Величество, в течение 22 лет вы шли ложным путем». Российская империя и императорская чета находились в глубокой агонии.

Уже вскоре по царю было видно, как он страдает, как велико его беспокойство. Александра не могла освободиться от экстаического «распутинизма» и дополнительно осложняла жизнь. Она требовала от мужа назначить невежественных сторонников Распутина на ответственные министерские посты. Но сопротивление росло и росло. Ведущие военные, прежде всего генералы Алексеев, Брусилов и казачий генерал Крымов, планировали заговор и военный переворот по низложению царя и его жены. Даже большая царская семья была едина в том, что Николая следует отстранить от власти, а его жену запереть в монастыре. Великий князь Александр Михайлович настоятельно говорил императрице: «У тебя есть семья с такими прекрасными детьми — почему ты не можешь посвятить себя только им, и, пожалуйста, передай важные правительственные дела мужу... Ты не имеешь права свергнуть всю семью и всю страну в бездну!» Но Николай и Александра на все упреки и обвинения молчали. В гвардейских полках собирались сторонники смены трона. Драма заключалась только в том, что в семье Романовых не было личности, от которой ожидали твердой руки самодержца.

Генералы, великие князья, гвардейские офицеры и депутаты Думы были убеждены в необходимости государственной реформы и цивилизованной смены правящей династии. В начале 1917 года они возлагали большие надежды на назначенное на февраль возобновление заседаний Думы и ожидали устранения царицы из политики. В то время как Николай 22 февраля 1917 года уехал в Могилев, в Петрограде начались волнения. Хлебные карточки, рост цен и отсутствие топлива усиливали бедственное положение городских жителей, гнали в армию политических агитаторов всех мастей, заставляли спонтанные стачки и организованные демонстрации становиться обычным явлением. Требования хлеба и работы соединялись со стремлением к миру и выливались в требование скорого окончания царского правления. Социальная и политическая революции в феврале тесно переплелись друг с другом. 27 февраля на сторону восставших перешли богатыми традициями гвардейские полки. Зимний дворец был занят, императорский штандарт снят. Николай распустил Думу. Дума образовала

«временный комитет» из 12 депутатов. Параллельно возник Совет рабочих и солдатских депутатов. Русская Февральская революция шла своим чередом.

Николай II отправил батальон георгиевских кавалеров восстановить спокойствие. Всадники не добрались до Петрограда. Только когда Александра сообщила из Царского Села об уличных боях, Николай начал действовать. Утром 28 февраля он выехал в направлении Петрограда. Здесь он узнал о Временном правительстве под руководством князя Львова. Дума и генералитет настоятельно советовали ему отречься от престола. Сначала Николай объявил, что готов отречься только в пользу своего сына Алексея. Он, который в течение десятилетий привык во всех трудных решениях советоваться с женой, в этот самый трудный час был один. Он подумал о том, что престолонаследник неизлечимо болен, и изменил свое решение: Алексей должен оставаться рядом с ним. На трон может взойти брат Михаил Александрович. На вокзале в Пскове, расположенном далеко от ворот Петрограда и еще дальше от богатой традициями Москвы, сердца Российской империи, император Николай II подписал свое отречение.

Александра по-своему встретила революцию. Она потребовала ввести законы военного времени. Николай II настаивал, чтобы она с детьми незамедлительно покинула Царское Село и выехала в направлении Могилева. Председатель Думы Родзянко также предлагал ей этот шанс для спасения семьи. Александра отвергла: четверо из ее пяти детей были больны корью. Она ждала Николая и еще 2 марта надеялась: «Если только обе змеи, Дума и революционеры, откусят друг у друга голову — это было бы спасением». Когда царица стала достоверно уверена в отречении, ее слова отразили полную растерянность: «Я чувствую, солнце еще будет светить...»

Царь находился сначала в Могилеве, а затем непосредственно с семьей — под домашним арестом в Царском Селе. Николай и Александра надеялись, что им разрешат уехать в Ливадию. Министр юстиции Керенский не разрешил этой поездки. Тогда они уцепились за иллюзию эмиграции в Англию — к кузену — королю Георгу. Британское правительство дало положительный ответ на соответствующий запрос из Петрограда. С уходящим военным счастьем России исчезла и английская готовность забрать из России находящихся под стражей родственников. Ко-

роль Георг «сожалел». И в других западных странах императорская семья была нежелательной. В качестве обоснования постоянно находился аргумент, что благоволящая к немцам Александра в значительной мере виновна в волнениях в России. Николаю, Александре и детям оставалось лишь с внутренним достоинством и природной гордостью переносить свое заточение и предаваться смутной надежде, что по меньшей мере жизнь могла бы быть спасена. Только однажды Александра утратила самообладание, когда молодые солдаты в парке Царского Села на ее глазах выкопали, вывезли и позднее сожгли гроб Распутина. Следствием были дикие кошмарные сны. В ходе расследований и допросов, продолжавшихся недели, правительство пыталось составить против Александры и Николая обвинение в измене родине. Хотя были вскрыты темные махинации Распутина, улики персональной вины Александры не было.

1 августа 1917 года семью доставили в Тобольск, в Сибири. К этому моменту Временное правительство правило уже без Советов. Прошли месяцы, не внося в издевательское обращение с царской семьей никаких перемен. В уединенности Александры с большим тщанием посвятила себя семье и вере. Октябрьское восстание 1917 года, которое привело к власти большевиков, сначала не обнаружило ощутимых перемен в Тобольске. Александра воспользовалась временным покоем и начала вести дневник. Начав с 1 января 1918 года и закончив почти в час смерти, она рисовала объективную картину повседневности в стесняющем и тяготящем ее мире: «...Встала около половины восьмого. Около 8-ми в церковь. Ольга в постели, 37,73 градуса. Татьяна так же, 38. Корь. У Татьяны повсюду сильная сыпь, головная боль и кровоизлияния в глазах. У Алексея вновь все хорошо. Сидел с девочками и шил...» Она никогда не жаловалась, а с внутренним достоинством покорялась судьбе. Лишь очень редко она вставляла безобидные политически символические замечания, так, 2 марта 1918 года: «Год с отречения Н.!!!» Напротив, краткие сообщения о только что прочитанных местах в Библии были полны намеков на реальную ситуацию: «...Смерть Соломона после 40-летнего правления. Его сын Рехавам (Ровоам) восходит на трон». Таким образом, Александра все еще надеялась на трон для своего сына Алексея.

В марте 1918 года в Тобольске объявился уполномоченный руководимого Лениным правительства, якобы чтобы доста-

вить царя в Москву. Кайзер Германии Вильгельм II хотел видеть подпись Николая под Брест-Литовским германо-русским договором о мире. Николай Романов категорически отверг это: «Если акция имеет отношение к мирному договору, то я скорее дам отрубить себе руку, чем подпишу такую бесстыдную бумагу». Его семья питала иные опасения: царь будет изолирован и тайно убит. В отчаянии решились на разлуку; Александра, дочь Мария и врач Боткин сопровождали царя — другие, также и больной Алексей, оставались в Тобольске. Александра отмечала 12 апреля: «...Я должна была решить, оставаться с больным Ваву или сопровождать Н. Решилась сопровождать его, поскольку это может быть более необходимым, и он в опасности, так как мы не знаем, куда и зачем (мы подозреваем, в Москву). Страдаю ужасно...»

Николай и Александра никогда не достигли Москвы. Поезд ехал в Екатеринбург, в «дом особого назначения», который был реквизирован местным Советом у купца Н. Н. Ипатьева. Во время боев Гражданской войны в Москве царило единодушие в том, что царь не может попасть ни в руки немцев, ни в руки других сил. Уже в апреле его смерть была делом решенным. Чем ближе белые войска продвигались к Екатеринбургу, тем интенсивнее становилась подготовка исполнения приговора. Царская семья не знала, какая судьба ее ожидает.

Урал рассматривался как оплот большевиков, а Ленин считал его «надежным» регионом. Не только остававшиеся в Тобольске дети и слуги были доставлены в Екатеринбург: интернированы, а затем расстреляны или убиты были многие члены семьи Романовых из более дальнего окружения, прежде всего великий князь Михаил Александрович, в пользу которого Николай отказался от престола. С каждым часом для царя, его супруги и детей приближался ужасный конец. В ночь с 16 на 17 июля 1918 года — около часа тридцати — в Екатеринбурге произошло кровавое преступление, следы которого вели к Ленину: убийство Николая II, царицы Александры Федоровны, их детей Алексея, Ольги, Марии, Татьяны и Анастасии, лейб-врача Николая II доктора Боткина и слуг — Алексея Труппа, Анны Демидовой и повара Харитонов. В этот день Александра сообщала: «Серое утро, позднее ласковое солнышко. У Ваву легкая простуда. Утром все выходили на полчаса наружу... Каждый день в наши комнаты приходит комендант. 8 часов.

Ужин. Неожиданно забрали Левку Седниева (поваренок — *Прим. авт.*), он имел разрешение посещать дядю и пропал — хотела бы знать, правда ли это и увидим ли мы мальчика вновь!! Играла с Н. в безик. В половине одиннадцатого в постель. 15 градусов тепла». Это были последние дошедшие до нас слова Александры.

Около полуночи доктор Боткин был разбужен охраной: в городе беспокойно, царской семье следует перейти в подвал. Врач разбудил узников. Спустя полчаса они спустились по лестнице вниз. Николай нес больного Алексея. В подвале они вошли в пустое помещение. Царь потребовал для жены и Алексея два стула. Они сели, сын по-прежнему был на руках. Другие встали за стульями. В помещение мгновенно вошли двенадцать вооруженных людей, возглавляемых комендантом Юровским. Он резко объявил: «Нам поручено вас расстрелять». Царь встал, хотел что-то сказать. Лево́й рукой он защищал царицу, право́й прикрывал Алексея. Юровский открыл огонь, убил Николая и на месте уложил Алексея. Мгновенно начали стрелять и другие убийцы. Только Анастасия и Анна Демидова умерли не от пуль — они были заколоты штыками. Алексей, раненный, потерял сознание. Когда он застонал, Юровский наступил ему на голову и выстрелил в ухо. Бывшая императрица Александра Федоровна ничего этого уже не слышала, она была мертва после первых же выстрелов. Во дворе ждал грузовик с включенным мотором. Тела обобрали, доставили на поляну поблизости от деревни Коптяки (Kortjaki), расчленили и сожгли. Лица помимо этого облили серной кислотой. Останки закопали. Убийцы торжествовали: «Теперь мир никогда не догадается, что произошло этой ночью». Одновременно они запустили кампанию дезинформации. Председатель Екатеринбургского совета Белобородов телеграфировал в Москву: «Генеральному секретарю сообщаем, что царя постигла та же судьба, что и его семью. Официально все они погибли при попытке к бегству». «Генеральный секретарь» — это был Яков Свердлов, который инициировал и спланировал акцию. Свердлов — ближайший соратник Ленина, в его честь Екатеринбург позднее был переименован в Свердловск. Но это уже история.

Тесная связь между мифом и реальностью требует отважиться на сухой, не учитывающий эмоции, приговор Александре. Она, без сомнения, была образцовой женой и матерью. Само-

державная традиция до горького конца защищала ее, как ни одну находящуюся в законном браке царицу до нее. Она полагала, что виновата перед своим мягкосердечным и слабым мужем, империей и наследником престола в том, что защищала самодержавную идею тогда, когда то, что она исторически изжила себя, стало очевидным. В своем беспощадном стремлении Александра совершила две решающие ошибки. Она нарушила неписанный закон самодержавной традиции, прямо и открыто вмешавшись в политические дела самодержца. В своей чрезмерной религиозности, не имея серьезных союзников, она, что было дополнительно обусловлено болезнью наследника престола, драматически нарушила придворный порядок и использовала невежественного шарлатана Распутина для достижения политических целей. Помимо этого Александра попала в некий туман, в котором больше нельзя было распознать, какие политические роли играли она сама, император и Распутин. Из-за этого ее врагам было легко выдвинуть против нее подозрения и возложить серьезную вину в гибели монархии.

Наследники Романовых

С тех пор как в 1605 году восставшие бояре удушили супругу царя Бориса Годунова, императрица Александра была первой в России убитой государыней. Правящая династия была свергнута с престола; ее членов убивали, изгоняли, объявляли вне закона. В революционном 1917 году в России и Англии жили, согласно положениям назначенного Александром III фамильного устава, 15 великих князей и 11 великих княгинь, 7 великих князей и 5 великих княгинь были убиты. Остальным удалось бежать. Убийства происходили при обстоятельствах, которые давали широкий простор для создания легенд о чудесном воскрешении. Вспомним хотя бы о случае с Анастасией. С 20-х годов Анна Андерсон (умерла в 1984 году) пыталась доказать, что она — царская дочь, но тщетно.

Но и убийцы Романовых вошли в историю. С концом Советского Союза обнаружили останки злодейски убитой царской семьи. Кости были эксгумированы, подвергнуты системному анализу, а результаты нашли свое отражение в бесчисленных публикациях о конкретных обстоятельствах страданий и смерти царской семьи. Твердо установлено, что речь идет об

останках царя Николая II, его супруги Александры Федоровны и трех его дочерей — Ольги, Татьяны и Марии. В 1998 году они в подобающей форме были захоронены в соборе Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге. Бывшего наследника престола Алексея и его сестру Анастасию до сих пор не могут ни найти, ни идентифицировать. Их смертные останки по-прежнему скрыты в неизвестном месте — где-то в Сибири и хранят воспоминание о преступлении.

На сегодня дом Романовых продолжает существовать и вновь связан с родиной. В апреле 1992 года тогдашний глава семьи Владимир Кириллович Романов был погребен в Москве при участии патриарха Московского и всея Руси Алексея II. В качестве главы семьи Владимир Кириллович носил титул великого князя, хотя по законодательству об императорской фамилии Александра III он не обладал правом на это: отец Владимира Кирилл был двоюродным братом Николая II. Как бы то ни было, князь Владимир Кириллович оставил дочь Марию Владимировну Романову. После смерти отца она приняла на себя руководство домом Романовых. 200 лет спустя после смерти Екатерины Великой впервые женщина вновь стоит во главе династии!

Ее шансы взойти на престол, даже в результате военного путча, сегодня кажутся незначительными. Но сколько сюрпризов уже происходило в истории России!

Приложение

Источники и литература

Общие источники и литература

- Almedingen E. M.* Die Romanows. Die Geschichte einer Dynastie. München, 1991.
- Am russischen Hof in den Jahren der russischen Reichsgründung. Tagebuch eines Hoffräuleins /Hrsg. v. Helene von Taube, o.O., o.J.
- Andrews Peter.* Die russischen Zaren. München, 1984.
- Анисимов Евгений.* Женщины на российском престоле. Москва, 1997.
- Боханов А. Н.* Сумерки монархии. Москва, 1993.
- Boskovska Nadja.* Die russische Frau im 17. Jahrhundert. In: Beiträge zur Geschichte Osteuropas. Bd. 24. Köln; Weimar; Wien, 1998.
- Дом Романовых. Биографические сведения о членах царственного дома. Москва, 1991.
- Donnert Erich.* Das russische Zarenreich. Aufstieg und Untergang einer Weltmacht. München, 1992.
- Donnert Erich.* Rußland (860–1917). Von den Anfängen bis zum Ende der Zarenzeit. Regensburg, 1998.
- Fleischhacker Hedwig.* Rußland zwischen zwei Dynastien (1598–1613). Baden bei Wien, 1933.
- Fleischhauer Ingeborg.* Die Deutschen im Zarenreich. Stuttgart, 1986.
- Fussenegger Gertrud.* Herrscherinnen. Neun Frauenleben, die Geschichte machten. München, 1994.
- Gittermann Valentin.* Geschichte Rußlands. Bd 1–3. Hamburg, 1949.
- Grigorian Valentina.* Zarenschicksale. Glanz und Skandale am Hof der Zarendynastie Romanow/Holstein-Gottorp. Leipzig, 1997.
- Гримберг Фаина.* Династия Романовых. Загадки, версии. Москва, 1996.
- Haumann Heiko.* Geschichte Rußlands. München; Zürich, 1996.
- Herrn Gerhard.* Deutschland Rußland. Tausend Jahre einer seltsamen Freundschaft. Hamburg, 1990.
- Иконникова А.* Царицы и царевны из Дома Романовых. Исторический очерк. Москва, 1990 (репринтное воспроизведение, 1914 г.).
- История династии Романовых. Сборник. Москва, 1991.
- Jena Detlef.* Die russischen Zaren in Lebensbildern (unter Mitarbeit von Rainer Lindner). Graz; Wien; Köln, 1996.
- Lotmann Jurij M.* Rußlands Adel. Eine Kulturgeschichte von Peter I. bis Nikolaus II. Köln; Weimar; Wien, 1997.
- Olearius Adam:* Adam Olearii ausführliche Beschreibung der kundbaren Reyse nach Muskow und Persien. Schleswig, 1671.
- Павленко Николай.* Страсти у трона. В журн.: Родина (Москва), 1993–1995.
- Рассказы и черты из жизни русских императоров и императриц и великих князей. Санкт-Петербург, 1901.

- Российские государи. Их происхождение, интимная жизнь и политика. Москва, 1993.
- Российские самодержцы 1801—1917. Москва, 1994.
- Россия под скипетром Романовых. Очерки из русской истории за время с 1613 по 1913 год. Санкт-Петербург, 1912.
- Stökl Günther*. Russische Geschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1990.
- Stupperich Robert*. Zur Heiratspolitik des russischen Herrscherhauses im 18. Jahrhundert. Die Frage des Glaubenswechsels deutscher Prinzessinnen. In: *Kyrios*. Vierteljahres-schrift für Kirchen- und Geistesgeschichte Osteuropas. 5. Jg. Heft 3/4. 1940—41. S. 214—239.
- Torke Hans-Joachim* (Hg.). Die russischen Zaren 1547—1917. München, 1995.
- Tornius Valerian*. Stern und Unstern der Romanows. Leipzig, 1936.
- Ziegler Gudrun*. Das Geheimnis der Romanows. Geschichte und Vermächtnis der russischen Zaren. München, 1995.

Литература к отдельным главам (последовательно, названия в краткой форме)

1-я глава: Семь женщин вокруг Ивана IV, с. 9—33

- Donnert Erich*. Iwan Grosny «der Schreckliche». Berlin, 1980.
- Donnert Erich*. Das Moskauer Rußland. Kultur und Geistesleben im 15. und 16. Jahrhundert. Leipzig, 1976.
- Herberstein Sigmund v.* Das alte Rußland. In Anlehnung an die älteste deutsche Ausgabe aus dem Lateinischen übertragen von Wolfram von den Steinen. Zürich, 1984.
- Herberstein Sigmund v.* Moscovia von Herrn Sigmund Freiherrn von Herberstein. Weimar, 1975.
- Neumann-Hoditz Reinhold*. Iwan der Schreckliche mit Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. Hamburg, 1990.
- Nitsche P.* Großfürst und Thronfolger. Die Nachfolgepolitik der Moskauer Herrscher bis zum Ende des Rjurikidenhauses. Köln, 1972.
- Schaefer H.* Moskau, das «dritte Rom». Darmstadt, 1957.
- Skrynnikow Ruslan G.* Iwan der Schreckliche und seine Zeit. München, 1992.
- Staden H.v.* Aufzeichnungen über den Moskauer Staat. Nach der Handschrift des Preuß. Staatsarchivs in Hannover /hrsg. v. F. Epstein. Hamburg, 1964.
- Troyat Henri*. Iwan der Schreckliche. München, 1987.

2-я глава: Как осенняя листва на ветру, с. 35—47

- Абрамович Г. В.* Князья Шуйские и российский трон. Ленинград, 1990.
- Barbour Ph. L. Dimitrij*. Abenteuer auf dem Zarenthron. Stuttgart, 1967.
- Emerson C.* Boris Godunov. Transpositions of a Russian Thema. Bloomington; Indianapolis, 1986.
- Федор Иванович. В кн.: Русский биографический словарь, том 25, ре-принт, 1962, стр. 277—301.
- Grunwald C. de.* La vraie histoire de Boris Godunow. Paris, 1961.
- Kämpfer F.* Pseudo-Demetrius im «Thesaurus Picturarum». In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Jahrgang 33, 1985, S. 161—174.
- Краевский*. Царь Борис Федорович Годунов. Санкт-Петербург, 1836.

- Neubauer H.* Boris Fedorovic Godunov. In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 12, 1964.
- Platonow S. F.* Boris Godunov. Prag, 1924 (франц. издание: Paris, 1929).
- Platonow S. F.* Geschichte Rußlands. Vom Beginn bis zur Jetztzeit. Leipzig, 1927.
- Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. Москва, 1899.
- Платонов С.Ф.* Смутное время. Москва, 1924.
- Скрынников Руслан Г.* Борис Годунов. Москва, 1979.
- Скрынников Руслан Г.* Самозванцы в России в начале XVII в.: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987.
- Скрынников Руслан Г.* Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. Ленинград, 1988.
- Skrynnikov Ruslan G.* The Time of Troubles. Russia in Crisis 1604—1618. Gulf Breeze, 1988.
- Stählin K.* Geschichte Rußlands von den Anfängen bis zur Gegenwart. Bd. 1. Stuttgart, 1923.
- Troyat Henry.* Iwan der Schreckliche. München, 1987.
- Waliszewski K.* La crise revolutionnaire 1584—1614. Paris, 1906.
- Vernadsky G.* Die Tragödie von Uglich und ihre Folgen. In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 3, 1955.

3-я глава: Жены первых царей дома Романовых, с. 49—69

- Алексей Михайлович. В кн.: Русский биографический словарь, том 2, репринт. — New York, 1962. Стр. 23—35.
- Бельковский А. П.* Второй царь из дома Романовых. Алексей Михайлович. Москва, 1913.
- Берхъ А.* Царствование царя Федора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта. Часть II. Санкт-Петербург, 1835.
- Чернов А. В.* Вооруженные силы Русского государства XV—XVII вв. Москва, 1954.
- Donnert Erich.* Das russische Zarenreich. Aufstieg und Untergang einer Weltmacht. München; Leipzig, 1992.
- Dukes Paul.* The Making of Russian Absolutism 1613—1801. London; New York, 1990.
- Федор Алексеевич. В: Русский биографический словарь, том 25, репринт. — New York, 1962, с. 249—264.
- Fuhrmann J. T.* Tsar Alexis. His Reign and His Russia. Gulf Breeze, 1981.
- Катаев Н. М.* Царь Алексей Михайлович и его время. Москва, 1901.
- Keep J. L. H.* The Regime of Filaret: In: The Slavonic and East European Review XXXVIII, 1960.
- Костомаров.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Санкт-Петербург, 1874. Стр. 459—473.
- Котозихин Григорий.* О России в царствование Алексея Михайловича. Соч. Григория Котозихина. Санкт-Петербург, 1906; Reprint: The Hague; Paris, 1969.
- Leitsch W.* Eine Kriegsberichterstattein des 17. Jahrhunderts /Zum Smolensker Krieg der Jahre 1632—1634. In: Festschrift Günther Stökl. Köln; Wien, 1977.
- Longworth Ph. L.* Alexis. Tsar of All the Russias. New York, 1984.

Медовиков П. Историческое значение царствования Алексея Михайловича. Москва, 1854.

Платонов С. Ф. Царь Алексей Михайлович (Опыт характеристики). В кн.: *Ders.*, Статьи по русской истории (1883—1912). В кн.: Соч., том 1. Санкт-Петербург, 1912.

Платонов С. Ф. Московское правительство при первых Романовых. В кн.: *Ders.*, Статьи по русской истории. Санкт-Петербург, 1912.

Пресняков А. Е. Царь Алексей Михайлович. В кн.: Государи из дома Романовых, том 1. Москва, 1913.

Русская старина, том XXII, 1878.

Сорокин Я. А. Алексей Михайлович // Вопросы истории, 1992, № 4/5, с. 73—89.

Сташевский Е. Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Том 1. Киев, 1913.

Stök Günther. Russische Geschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1990.

Torke Hans-Joachim. Die staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich. Leiden, 1974.

Васенко П. Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. Санкт-Петербург, 1913.

Vernadsky G. V. The Tsardom of Muscovy, 1547—1682, 2 Baende, New Haven CT-London, 1969.

Замысловский Е. Е. Царствование Федора Алексеевича. Том I. Введение: Обзор источников. Санкт-Петербург, 1871.

Заозерский А. И. Царская вотчина XVII века. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. Москва, 1937.

4-я глава: Воинствующая регентша Софья Алексеевна, с. 71—86

Almedingen E. M. Die Romanows. Die Geschichte einer Dynastie. Rußland 1613—1917. Frankfurt am Main; Berlin, 1992. S. 90f.

Dukes Paul. The Making of Russian Absolutism 1613—1801. London; New York, 1990.

Hughes I. Sophia. Regent of Russia 1657—1704. New Haven und London, 1990.

O'Brien C. B. Russia under the Two Tsars 1682—1689. The Regency of Sophia Alekseevna, Berkeley; Los Angeles, 1952.

Смурло Е. Ф. Падение царевны Софьи. В кн.: Журнал Министерства народного просвещения. 1896, № 1.

Софья Алексеевна. В кн.: Русский биографический словарь, том 19. Санкт-Петербург, 1909, репринт. — New York, 1962, с. 126—144.

5-я глава: Прасковья и Евдокия, с. 87—104

Donnert Erich. Peter der Große. Leipzig, 1988.

Hoffmann Peter. Rußland im Zeitalter des Absolutismus. Berlin, 1988.

Kreksin Petr. Peters des Großen. Jugendjahre. Stuttgart, 1989.

Massie Robert K. Peter der Große. Sein Leben und seine Zeit. Königstein/Ts., 1982.

Mcdiger Walter. Moskaus Weg nach Europa. Der Aufstieg Rußlands zum europäischen Machtstaat im Zeitalter Friedrichs des Großen. Braunschweig, 1952.

Neumann-Hoditz Reinhold. Peter der Große in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. Hamburg, 1983.

Семевский М. И. Царица Прасковья (1664–1723). Санкт-Петербург, 1883.
Stählin Jacob. Originalaneddoten von Peter dem Großen. Leipzig, 1988.
Troyat Henry. Peter der Große. Zar – Reformier – Despot. München, 1990.
Vallotton Henry. Pierre le Grand. Paris, 1958.
Waliszcwski K. Pierre le Grand. Paris, 1887.
Wittram Reinhard. Peter I Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen und seiner Zeit. 2 Bd. Göttingen, 1964.

6-я глава: Екатерина I, с. 105–120

Almcdingen E. M. Die Romanows. Die Geschichte einer Dynastie. Rußland 1613–1917. Frankfurt am Main; Berlin, 1992.
Андреев В. Екатерина Первая. Москва, 1869.
Арсеньев К. И. Царствование Екатерины I. Санкт-Петербург, 1856.
Белозерская Н. А. Происхождение Екатерины Первой. В кн.: Исторический вестник, том 87. Санкт-Петербург, 1902.
Platonow S. F. Geschichte Rußlands. Vom Beginn bis zur Jetztzeit. Leipzig, 1927.
Talbot-Rice Tamara. Elisabeth von Rußland. Die letzte Romanow auf dem Zarenthron. München, 1973.
Troyat Henry. Peter der Große. Zar – Reformier – Despot. München, 1990.
Wittram Reinhard. Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen und seiner Zeit. 2 Bd. Göttingen, 1964.

7-я глава: Анна I Ивановна, с. 121–129

Almcdingen E. M. Die Romanows. Die Geschichte einer Dynastie. Rußland. 1613–1917. Frankfurt am Main; Berlin, 1992.
Анна Иванова. В кн.: Русский биографический словарь, том 2, репринт. – New York, 1962, с. 158–178.
Долгоруков П. В. Время императора Петра II и императрицы Анны Ивановны. Москва, 1909.
Из частной жизни императрицы Анны Ивановны. В кн.: Русский архив, 1873, том 9.
Корсаков Д. А. Воцарение императрицы Анны Ивановны. Казань, 1880.
Longworth Ph. The Three Empresses. Catherine I, Anne and Elisabeth of Russia. London, 1972.
Platonow S. F. Geschichte Rußlands. Vom Beginn bis zur Jetztzeit. Leipzig, 1927.

8-я глава: Регентша по требованию, с. 131–140

Базевич. Обручение Анны Петровны. В кн.: Русский архив, 1865, том 4–6.
Бильбасов В. А. Иоанн Антонович. Минович. Москва, 1908.
Braunschweigische Fürsten in Rußland in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Veröffentlichungen der Niedersächsischen Archivverwaltung. Heft 54. Göttingen, 1998.
Brückner A. Die Familie Braunschweig in Rußland im 18. Jahrhundert. St. Petersburg, 1876.
Herzen Alexander. «Vorrede zur Erstausgabe der Memoiren Katharinas II von 1859». Katharina II. Memoiren. 1 Bd. Leipzig, 1986.
Oldenbourg Zoe. Katharina die Große. Die Deutsche auf dem Zarenthron. München, 1969.

9-я глава: Императрица Елизавета I Петровна, с. 141–178

Archives des Affaires Etrangeres, Paris. Russie. Memoires et Documents und Correspondances.

Есевский С. В. Очерк царствования Елизаветы Петровны. Москва, 1870.

Hübner Eckhard. Staatspolitik und Familieninteresse. Die gottorfhfische Frage in der russischen Außenpolitik 1741–1773. In: Quellen und Forschungen zur Geschichte Schleswig-Holsteins. Bd. 83. Neumünster, 1984.

Ясевский В. Очерки царствования Елизаветы Петровны. Москва, 1870.

Katharina II. Memoiren. 2 Bände. Leipzig, 1986.

Lincoln W. Bruce. The Romanows. Autocrats of All the Russias. New York, 1981.

Mediger Walter. Moskaus Weg nach Europa. Der Aufstieg Rußlands zum europäischen Machtstaat im Zeitalter Friedrichs des Großen. Braunschweig, 1952.

Olivier Dara. Elizabeth de Russie. Paris, 1962.

Olivier Daria. Elisabeth von Rußland. Wien; Berlin; Stuttgart, 1963.

Talbot-Rice Tamara. Elisabeth von Rußland. Die letzte Romanow auf dem Zarenthron. München, 1973.

Соловьев С. М. История России с древних времен. Москва, 1851–1879, том 11, с. 129–130.

Василевский Казимир. Дочь Петра Великого Елизавета императрица Всероссийская. Москва, 1990.

Vandal A. Louis XV et Elizabeth de Russie. Paris, 1887.

10-я глава: Екатерина II, с. 179–214

Alexander J. T. Catherine the Great. Life and Legend. Oxford, 1989.

Bilbassoff B. v. Katharina II. Kaiserin von Rußland im Urtheile der Weltliteratur. 2 Bände. Berlin, 1897.

Brückner Alexander. Katharina die Zweite. Berlin, 1883.

Бумаги Екатерины II из Государственного архива (1771–1774). В кн.: Русское историческое общество, том 13.

Die merkwürdige Lebensgeschichte des unglücklichen russischen Kaisers Peters des Dritten samt vielen Anekdoten des russischen Hofes. Leipzig, 1776.

Donnert Erich. Katharina die Große und ihre Zeit. Rußland im Zeitalter der Aufklärung. Leipzig, 1996.

Donnert Erich. Katharina II die Große. Kaiserin des Russischen Reiches. Regensburg, 1998.

Екатерина II. Сочинения, т. 1–12. Санкт-Петербург, 1901–1907.

Fleischhacker Hedwig. Mit Feder und Zepfer. Katharina II als Autorin. Stuttgart, 1978.

Katharina II. Memoiren. 2 Bände. Leipzig, 1986.

Kiel, Eutin, St. Petersburg. Die Verbindung zwischen dem Haus Holstein-Gottorf und dem russischen Zarenhaus im 18. Jahrhundert. Politik und Kultur, Heide in Holstein, 1987.

Madariaga Isabel de. Katharina die Große. Ein Zeitgemälde. Berlin, 1994.

Mediger Walter. Moskaus Weg nach Europa. Der Aufstieg Rußlands zum europäischen Machtstaat im Zeitalter Friedrichs des Großen. Braunschweig, 1952.

Neumann-Hoditz Reinhold. Katharina die Große mit Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. Reinbek bei Hamburg, 1988.

О Екатерине II и Потемкине. Из записок Корберона. В кн.: Русский архив, 1911, т. 5–6.

Oldenbourg Zoe. Katharina die Große. Die Deutsche auf dem Zarenthron, München, 1966.

Пыпин А. Н. (издатель). Сочинения императрицы Екатерины II. В 12 т. Санкт-Петербург, 1901–1917.

Raeff Marc (Hrsg.). Catherine the Great. A Profile. New-York, 1972.

Scharf Klaus. Katharina II. Deutschland und die Deutschen. Mainz, 1995.

Segur Louis Philippe de. Memoires ou Souvenirs et Anecdotes. 3 Bände. Paris, 1826–1827.

11-я глава: Женщины «безумного» Павла Петровича, с. 215–232

Dieterich Susanne. Württemberg und Rußland. Geschichte einer Beziehung. Leinfelden; Echterdingen, 1995.

Jena Detelef. Maria Pawlowna. Großherzogin an Weimars Musenhof. Graz; Wien; Köln; Regensburg, 1999.

Loewenson: Death of Paul. In: Slavonic and East European Review. Bd 29.

McGrew R. E. Paul I of Russia 1754–1801. 1992.

Oldenbourg Zoe. Katharina die Große. Die Deutsche auf dem Zarenthron, München, 1969.

Palmer Alan. Alexander I. Der rätselhafte Zar. Frankfurt am Main; Berlin, 1994.

Ragsdale H. Tsar Paul and the Question of Madness, 1988.

Шильдер Н. К. Император Александр I, его жизнь и царствование. Санкт-Петербург, 1897.

Шильдер Н. К. Император Павел I. Санкт-Петербург, 1901.

Strakhovsky Leonid. Alexander I of Russia. London, 1949.

Weizsäcker Heinrich. Maria Feodorowna. Die russische Kaiserin aus dem Haus Württemberg. In: Württembergische Vierteljahrshefte für Landesgeschichte. XLII. Jg., Heft 3/4. 1936. S. 286–300.

Wolf Jürgen Rainer. Die russische Heirat der Prinzessin Wilhelmine von Hessen-Darmstadt. In: Archiv für heressische Geschichte und Altertumskunde. Neue Folge. 55. Bd. 1997. S. 241–257.

12-я глава: Тихая страдалница героического времени, с. 233–255

Александр I. Его личность, правление и интимная жизнь. Москва, 1991.

Александр I. Воспоминания, дневники. Москва, 1995.

Almedingen E. M. The Emperor Alexander I. New-York, 1964.

Федоров В. А. Александр I. В кн.: Вопросы истории. 1990. № 1, с. 50–72.

Hartley Janet M. Alexander I. London; New-York, 1994.

McConnell A. Tsar Alexander I. Paternalistic Reformer. 1970.

Мельгунов С. П. Дела и люди александровского времени. Том I. Berlin, 1923. Стр. 5.

Николай Михайлович (великий князь): Император Александр I. Санкт-Петербург, 1912 – некоторые тома.

Palmer Alan. Alexander I. Der rätselhafte Zar. Frankfurt am M.; Berlin, 1994.

Полное собрание Законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ), том 26, 1979.

Пресняков А. Е. Александр I. Петроград, 1924.

Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. Санкт-Петербург, 1900.

Сахаров А. Н. Александр I (К истории жизни и смерти). В кн.: Российские самодержцы. Москва, 1994, с. 13–90.

Шильдер Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Тома 1–4. Санкт-Петербург, 1897–1898.

Vallotton H. Le Tsar Alexandre I. Paris, 1966.

Vandal A. Napoleon et Alexandre I. 3 Bde. Paris, 1897.

13-я глава: Прусская принцесса при русском императорском дворе, с. 257–274

Almedingen E. M. Die Romanows. Die Geschichte einer Dynastie. Rußland 1613–1917. Frankfurt am Main; Berlin, 1992.

Мироненко С. В. Николай I/ В кн.: Российские самодержцы. Москва, 1994, с. 91–158.

Lincoln W. Bruce. Nicolas I: Emperor and Autocrat of All the Russians. London; Bloomington, 1978.

Lincoln W. Bruce. Nikolaus I von Rußland. München, 1981.

Palmer Alan. Alexander I. Der rätselhafte Zar. Frankfurt am Main, 1994.

Русский биографический словарь. Том I. New York, 1963 (репринт), с. 118–121.

14-я глава: Больная императрица и возлюбленная княгиня, с. 275–303

Almedingen E. M. The Emperor Alexander II. London, 1962.

Corti Egon Caesar Conte. Unter Zaren und gekrönten Frauen. Schicksal und Tragik europäischer Kaiserreiche an Hand von Briefen, Tagebüchern und Geheimdokumenten der Zarin Marie von Rußland und des Prinzen Alexander von Hessen. Salzburg; Leipzig, 1936.

Grünwald Constantine de. An den Wurzeln der Revolution. Alexander II und seine Zeit. Wien, 1963.

Mosse W. F. Alexander II and the Modernization of Russia. London, 1993.

Paleologue Maurice. The Tragic Romance of the Emperor Alexander II. London, o.J. (Русское издание: Роман императора. Александр II и княгиня Юрьевская. Москва, 1990).

Захарова Л. Г. Александр II. В изд.: Вопросы истории, 1992. № 6/7, с. 58–79.

Захарова Л. Г. Александр II. В кн.: Российские самодержцы. Москва, 1994, с. 149–215.

Татищев С. С. Император Александр II. В 2 т. Санкт-Петербург, 1903.

Troyat Henry. Zar Alexander II. Frankfurt am Main; 1991.

15-я глава: Датчанка рядом с Александром III, с. 305–316

Alexander von Rußland. Einst war ich ein Großfürst. Leipzig, 1932.

Боханов Александр. Император Александр III. Москва, 1998.

Byrnes Robert F. Pobedonostsev. His Life and Thought. Bloomington, 1968.

Чернуха В. Г. Александр III. В изд.: Вопросы истории, 1992. № 11–12, с. 46–64.

Com Grandin. Autour du Drapeau Russe. Alexandre III. Empereur de Russie. Paris, 1895.

Denkwürdigkeiten des Botschafters General v. Schweinitz, Bd. 2 (1878–1892). Berlin, 1927.

Geyer Dietrich. Der russische Imperialismus. Studien zum Zusammenhang von innerer und auswärtiger Politik. Göttingen, 1977.

- Kaiser Wilhelm II. Ereignisse und Gestalten aus den Jahren 1878–1918 Leipzig; Berlin, 1922.
- Kronprinzessin Cecilie. Erinnerungen. Leipzig, 1930.
- Notovitch Nicolas.* Alexander III und seine Umgebung. Leipzig o.J. (um 1895).
- Samson-Himmelstierna H. von (Victor Frank).* Rußland unter Alexander III. Leipzig, 1891.
- Steinmann Friedrich, Hurwicz Elias.* Konstantin Pobjedonoszew, der Staatsmann der Reaktion unter Alexander III. Königsberg; Berlin, 1933.
- Твардовская В. А.* Александр III. В кн.: Российские самодержцы. Москва, 1994, с. 307–384.
- Whelan Heide W.* Alexander III and the State Council. Bureaucracy and Counter-Reform in Late Imperial Russia. New Brunswick; New Jersey, 1982.
- Graf Witte, Erinnerungen, mit einer Einleitung von Otto Hoetzsch. Berlin, 1923.
- Zaionchkovsky P. A.* The Russian Autocracy under Alexander III. Gulf Breeze, 1976.

16-я глава: Аликс из Гессена, с. 317–351

- Ferro Marc.* Nikolaus II. Der letzte Zar. Eine Biographie. Zürich, 1991.
- Fülöp-Miller Rene.* Der heilige Teufel. Rasputin und die Frauen. Berlin; Wien; Leipzig, 1927.
- Gelach Hellmuth v. (Hrsg.).* Briefe Wilhelms II an Nikolaus II. 1894–1914. München o.J.
- Großfürstin Maria von Rußland. Leben und Leiden einer Prinzessin. Ein Frauenschicksal in bewegter Zeit. Dresden, 1933.
- Heresch Elisabeth.* Alexandra. Tragik und Ende der letzten Zarin. Frankfurt am Main; Berlin, 1995.
- Heresch Elisabeth.* Nikolaus II. «Feigheit, Lüge und Verrat». Leben und Ende des letzten russischen Zaren. München, 1992.
- Heresch Elisabeth.* Rasputin. Das Geheimnis seiner Macht. München, 1995.
- Kaswinow Mark K.* Rußlands letzter Zar. Das Ende der Romanows. Berlin, 1988.
- Мецу Роберт.* Николай и Александра. Москва, 1990.
- Michael von Griechenland.* Die Zarenpaläste Rußlands. München, 1994.
- Purischkewitsch Wladimir.* Wie ich Rasputin ermordete. Ein Tagebuch. Berlin, 1991.
- Radsinski Edward.* Nikolaus II. Der letzte Zar und seine Zeit. München, 1992.
- Roman Romanow.* Am Hofe des letzten Zaren 1896–1919. München; Zürich, 1995.
- Schutt Hans-Dieter/Stolze Raymund (Hrsg.).* Alexandra – die letzte Zarin. Briefe und Tagebücher 1914–1918. Frankfurt am Main; Berlin, 1994.
- Troyat Henry.* Nikolaus II. Der letzte Zar. Frankfurt am Main, 1992.

Персоналии

А

- Аввакум Петров** (около 1620–1682), священник-старовер
- Август II Сильный** (1670–1733), король Польский с 1697 г., как Фридрих Август курфюрст Саксонский с 1694 г.
- Август III** (1696–1763), король Польский с 1733 г., как Фридрих Август II курфюрст Саксонский
- Августа Мария Луиза Екатерина** (1811–1890), дочь Марии Павловны, супруга принца Вильгельма Прусского, с 1861 г. королева Пруссии, с 1871 г. императрица Пруссии
- Агафья Семеновна Грушецкая** (? – 1681) – первая супруга Федора (III)
- Адауров Василий Евдокимович** (1709–1780), учитель русского языка Екатерины II
- Адашев Алексей Федорович** (?–1547), боярин
- Адлерберг Александр Владимирович** (1818–1880), граф, министр двора
- Александр I** (1777–1825), император России с 1801 г.
- Александр II** (1818–1881), император России с 1855 г.
- Александр III** (1845–1894), император России с 1881 г.
- Александр Александрович** (1869–1870), великий князь
- Александр Михайлович** (1866–1933), великий князь
- Александр Невский** (1223–1263), князь Новгородский, великий князь Владимирский
- Александр Петрович** (1691–1692), сын Петра I
- Александр Людвиг Георг**, принц Гессен-Дармштадтский и Рейнский (1823–1888)
- Александр фон Баттенберг** (1857–1893), князь Болгарский (1879–1886)
- Александра принцесса Датская** (1844–1925)
- Александра Александровна** (1842–1849), великая княгиня
- Александра Николаевна** (1825–1844), великая княгиня
- Александра Павловна** (1783–1801), великая княгиня
- Александра Федоровна** – принцесса Алиса (Аликс) Виктория Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадтская (1872–1918), супруга великого князя Николая Александровича, позднее – императора Николая II
- Александра Федоровна** – принцесса Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская (1798–1860), супруга великого князя Николая Павловича и позднее императора Николая I, императрица (с 1894 г.)
- Алексеев Евгений Иванович** (1843–1909), адмирал
- Алексеев Михаил Васильевич** (1857–1918), начальник Генерального штаба
- Алексей**, родившийся в 1762 г. сын Екатерины II
- Алексей Алексеевич** (1654–1670), царский сын
- Алексей Антонович** (1746–1787), сын Анны Леопольдовны
- Алексей Михайлович** (1629–1676), с 1645 г. царь России
- Алексей Николаевич** (1904–1918), великий князь
- Алексей Петрович** (1690–1718), сын Петра I
- Алексий**, патриарх всея Руси

Алиса, великая герцогиня Гессенская и Рейнская (1843–1878)
Альбединский, русский генерал
Альберт Виктор, (1864–1892), принц Уэльский
Амалия Фредерика, маркграфиня Баденская, урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская (1754–1832)
Анастасия Николаевна (1901–1918), великая княгиня
Анастасия Романовна Захарьина-Кошкина-Юрьева (1530/32 – 1560), первая супруга Ивана IV
Андрей Владимирович (1879–1956), князь
Анна, родившаяся в 1757 году дочь Екатерины II
Анна Васильчикова (? – 1576), 5-я супруга Ивана IV, с 1575 г.
Анна Ивановна (1549–1550), дочь Ивана IV
Анна I Ивановна (1693–1740), дочь царя Ивана V, герцогиня Курляндская, императрица России с 1730 г.
Анна Леопольдовна – принцесса Елизавета Екатерина Кристина Мекленбург-Шверинская (1718–1746), супруга принца Антона Ульриха Брауншвейг-Вольфенбюттель-Бевернского, великая княгиня, регентша России в 1740–1741 гг.
Анна-Мария Колтовская (? – 1626), 4-я супруга Ивана IV
Анна Павловна (1795–1865), великая княгиня
Анна Петровна (1708–1728), дочь Петра I
Анна Федоровна, первая супруга великого князя Константина Павловича
Антон Ульрих (1714–1776), герцог Брауншвейг-Вольфенбюттель-Бевернский
Апраксин Степан Федорович (1702–1758), генерал-фельдмаршал
Апраксин Федор Матвеевич (1661–1728), генерал-адмирал
Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834), граф, генерал
Арсений Масеевич (1696–1772), митрополит Ростовский и Ярославский
Афанасий (? – после 1568), митрополит Московский
Ахатц Фердинанд, барон фон Ассебург, доверенное лицо Екатерины II

Б

Багратион, Екатерина, княгиня, фаворитка Александра I
Бакунин Михаил Александрович (1814–1876), анархист
Баянов, духовник императрицы Марии Александровны
Безбородко Александр Андреевич (1747–1799), имперский граф, канцлер
Безобразов Андрей Михайлович (1855 – ?), госсекретарь
Бейль Пьер (1674–1706), философ
Белобородов Александр (1891–1938), председатель Екатеринбургского совета
Бельские, московский боярский род
Бельский Богдан Яковлевич (? – 1611), боярин
Березовский Антон (1847 – около 1916), поляк, террорист
Бестужев-Рюмин Алексей Петрович (1693–1766), канцлер
Бестужев-Рюмин Михаил Петрович, брат Алексея
Бибииков Александр Ильич (1729–1774), генерал
Бирон Петер фон (1724–1800), герцог Курляндский в 1772–1795 гг.

Бирон (Бюрен) Эрнст Иоганн фон, имперский граф (1690–1772), регент 1740 г.
Бисмарк Отто фон (1815–1898), князь, рейхсканцлер
Битяговский Михаил (? – 1591), дьяк
Блудова Антония, придворная дама императрицы Марии Александровны
Блюхер Гебхард Леберехт фон (1742–1819), князь Вальштаттский, генерал-фельдмаршал
Богданович Юрий, террорист
Боголепов Николай Павлович (1846–1901), министр
Богров Мордехай (Мордко) Гершкович /Дмитрий Григорьевич (1887–1911), террорист
Борис Долгорукий-Юрьевский (1876), сын Александра II
Боткин Евгений Сергеевич (? – 1918), лейб-медик Николая II
Ботта (в основном тексте имя написано мною с опечаткой «Бота» – *Т.Г.*) д'Адорно, австрийский посланник в Санкт-Петербурге до 1743 г.
Брединки, офицер Преображенского полка
Брейерн, барон, соратник Елизаветы I
Бретейль Луи Август (1733–1807), граф, посол
Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926), генерал
Буксгевден, генерал на русской службе
Бутурлин Александр Борисович, граф
Бутурлин Иван Иванович (1661–1738), военачальник Петра I
Бюрен Матиас, барон

В

Вагнер Рихард (1813–1883), композитор
Валуев Петр Александрович (1815–1890), граф, министр внутренних дел
Вальдемар (XVII в.), принц Датский
Василий Иванович (? – ?), сын Ивана IV
Василий III Иванович (1479–1533), великий князь Московский с 1505 г.
Василиса Мелентьева (?–1580), шестая супруга Ивана IV
Васильчикова Мария, княгиня
Веллингтон Артур Уэсли, герцог фон (1769–1852)
Виктория Александрина (1819–1901), королева Великобритании и Ирландии с 1837 г.
Виктория Мелита, принцесса Саксен-Кобург-Готская, невестка Александры Федоровны
Виланд Кристоф Мартин (1733–1813)
Вили Джеймс, шотландский врач Павла I
Вильгельм, принц Вюртемберг-Момпельгардский
Вильгельм I, король Нидерландов (1722–1843)
Вильгельм I, король Вюртембергский (см. *Фридрих Вильгельм*)
Вильгельм I (1797–1888), король Пруссии, с 1861 г.
Вильгельм II (1859–1941), прусский король и германский император в 1888–1918 гг.
Вильгельмина Луиза, принцесса Баденская
Висковатый Иван Михайлович (? – около 1570), думский дьяк

Витгенштейн Петр Христианович (1768–1842), граф, генерал
Витте Сергей Юльевич (1849–1915.), граф, министр финансов, председа-
тель Совета министров
Вишневецкий Адам (XVII в.), польский князь
Вишневский Адам, полковник
Владимир Александрович (1847–1909), великий князь
Владислав IV Ваза (1595–1648), король Польши с 1632 г.
Власьев, охранник Ивана VI
Вольнский Артемий Петрович (1689–1740), министр российского прави-
тельства
Вольтер Франсуа Мари Аруэ де (1694–1778), писатель, философ
Воронцов Михаил Илларионович (1714–1767.), граф, канцлер
Воронцова Елизавета, любовница императора Петра III
Всеволожская Евфимия Федоровна,
Вырубова Анна Александровна (1884–1964), придворная дама Александры
Федоровны
Вяземский Александр Алексеевич (1727–1793), князь

Г

Гапон Георгий Апполонович (1870–1906), священник
Гастингс Мэри, племянница английской королевы Елизаветы I
Геласий (XVI/XVII в.), митрополит Крутицкий
Гельбиг Г.А.В. фон, секретарь саксонского посольства в Санкт-Петер-
бурге 1781–1796 гг.
Гельфман Хеса (1855–1882), террористка
Генрих IV (1553–1610), король Франции с 1589 г.
Георг I (1845–1913), король Греции с 1863 г.
Георг II Август (1683–1760), король Великобритании и Ирландии с 1727 г.
Георг V (1865–1936), король Великобритании
Георг Петр, принц Гольштейн-Ольденбургский, супруг великой княгини
Екатерины Павловны (1809–1812)
Георгий Александрович (1871–1899), сын Александра III
Георгий Долгорукий-Юрьевский (1872–?), сын Александра II
Герберштейн Зигмунд, барон фон (1486–1566), дипломат, писатель
Гермоген, патриарх всея Руси с 1606 г.
Герцен Александр Иванович (1812–1870), философ, публицист
Гёте Иоганн Вольфганг фон (1749–1832), поэт и государственный деятель
Гинденбург, Пауль фон (1847–1934), генерал-фельдмаршал
Гиндфорд, английский лорд, современник Елизаветы I Петровны
Гирс Николай Карлович (1820–1895), министр иностранных дел
(1882–1895)
Глебов Степан, русский майор
Глинские, боярская семья
Глюк Эрнст (1654–1705), пастор в Лифляндии
Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), писатель
Годунов Борис Федорович (около 1552–1605), регент 1584–1598 гг., царь
(1598–1605)

Годунов Федор (II) Борисович (1589–1605), царь в 1605 г.
Голицын Василий, регент при Петре II
Голицын Василий Васильевич (1643 – 1714.), князь и государственный деятель
Голицын Дмитрий Михайлович (1665–1737), князь, государственный деятель
Голицына Татьяна, мать князя Василия Голицына
Голицыны, русская боярская и аристократическая семья
Головкин Федор Алексеевич (1650–1706), дипломат, генерал-адмирал
Гольденберг Григорий (1855–1880), террорист
Гордон Патрик (1635–1699), шотландский генерал на русской службе
Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917), председатель Совета министров
Горн, английский врач Петра I
Горчаков Александр Михайлович (1798–1883), князь, министр иностранных дел
Горчаков Михаил, русский генерал
Гранси Сенархленс Август, барон фон
Грек Максим (Михаил Триволис) (1470–1556), монах, писатель
Гриневицкий Игнаций (1856–1881), террорист
Грот, сожительница Петра III
Грудзинска Иоанна, польская дворянка
Гурко, генерал в Русско-турецкой войне 1877/78 гг.
Густав IV Адольф (1778–1837), король Швеции (1792–1809)

Д

Даниил Костромской (XVII в.), священник-старовер
Дашкова Екатерина Романовна (1743/44–1810), приближенная Екатерины II
Демидова Анна (?–1918 гг.), камеристка Александры Федоровны
Дибич Иоахим Карл Фридрих Антон, барон фон (1785–1831), граф, генерал-фельдмаршал
Дмитрий I, Лжедмитрий I (1581–1606), царь 1605/1606, Григорий сын Отрепьев
Дмитрий II, Лжедмитрий II (?–1610), лжецарь в 1607–1610 гг.
Дмитрий Иванович (1552–1553), сын Ивана IV
Дмитрий Павлович (1891–1942), великий князь
Долгорукая Александра, любовница Александра II
Долгорукая Екатерина, невеста Петра II
Долгорукая Екатерина, любовница и жена Александра II
Долгорукие (Долгоруковы), русский дворянский род
Долгорукий Александр, князь
Долгорукий Алексей, князь, отец Александра Долгорукого
Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), писатель

Е

Евдокия Ивановна (1556–1558), дочь Ивана IV
Евдокия Лукьяновна Стрешнева (?–1645), вторая супруга царя Михаила Федоровича

Евдокия Федоровна Лопухина (1670–1731), первая супруга Петра I
Евфросинья (в тексте – Афросинья – Т. Г.) (XVIII в.), любовница Алексея Петровича

Екатерина, королева Дании

Екатерина I Алексеевна, Марта Скавронская (1684–1727), вторая супруга императора Петра I, императрица 1725–1727 гг.

Екатерина II Алексеевна, София Фредерика Августа, принцесса Анхальт-Цербстская (1729–1796), супруга великого князя Петра Федоровича, позднее императора Петра III – Карла Петра Ульриха Гольштейн-Готторпского, императрица России (1762–1796)

Екатерина Антоновна (1741–1807), дочь Анны Леопольдовны

Екатерина Долгорукая-Юрьевская (1878–?), дочь Александра II

Екатерина Ивановна (1691–1733), дочь царя Ивана V

Екатерина Михайловна Долгорукая-Юрьевская (1849–1922), вторая супруга императора Александра II вmorganатическом браке

Екатерина Павловна (1788–1819), великая княгиня

Елена Васильевна Глинская (?–1538), вторая супруга великого князя Василия III

Елена Орлеанская, кандидатка в невесты для Николая II

Елена Павловна (1784–1803), великая княгиня

Елена Павловна (Фредерика Шарлотта Мария Вюртембергская) (1806–1873), супруга великого князя Михаила Павловича

Елена Репнина, первая супруга царя Василия Шуйского, регентша с 1533 г.

Елизавета I (1533–1603), королева Англии с 1558 г.

Елизавета Александровна (1806–1808), дочь Александра I

Елизавета Алексеевна – принцесса Луиза Августа Баден-Баденская (1779–1826), супруга великого князя Александра Павловича, позднее императора Александра I

Елизавета Антоновна (1743–1782), дочь регентши Анны Леопольдовны

Елизавета I Петровна (1709–1761), дочь императора Петра I, императрица России (1741–1761)

Елизавета (Элла) Федоровна, принцесса Гессен-Дармштадтская (1864–1918), супруга великого князя Сергея Александровича Романова

Ж

Желябов, Андрей (1850 – 1881), террорист

Жозефина (1763–1814), супруга Наполеона I

Жолкевский Станислав (1547–1620), польский коронный гетман

Жуковский Василий Андреевич (1783–1852), поэт, воспитатель принцев и царских детей

З

Заруцкий Иван, атаман и авантюрист

Зотов, Никита Моисеевич (XVII в.), учитель Петра I

И

Иван III Васильевич (1440–1505), великий князь Московский

Иван IV Васильевич Грозный (1530–1584), русский царь с 1547 г.
Иван V Алексеевич (1666–1696), русский царь (вместе с Петром I) с 1682 г.
Иван VI Антонович (1740–1764), номинальный император России (1740/41)
Иван Иванович, сын Ивана IV (1554–1581)
Иванов Мелентий, дьяк
Ильинична, няня Елизаветы I Петровны
Иоаким, патриарх Московский (XVII в.)
Иов, патриарх Московский с 1589 г.
Иоганна Елизавета Анхальт-Цербст-Дорнбургская, мать Екатерины II
Иосиф (?–1652 гг.), патриарх Московский
Иосиф, наследный герцог Австро-Венгерский, супруг великой княгини Александры Павловны
Иосиф II (1741–1790), римско-германский император с 1765 г.
Ипатьев, Николай, купец в Екатеринбурге
Ирина Михайловна (1627–1679), дочь царя Михаила Федоровича
Ирина Федоровна Годунова (?–1603), супруга царя Федора (I) Ивановича

К

Кампредон, французский посланник при дворе Петра I
Кантемир Мария, любовница Петра I
Каракозов Дмитрий Владимирович (1840–1866), террорист
Кардель Бабетта, гувернантка принцессы Анхальт-Цербстской
Карл VI (1685–1718), римско-германский император с 1711 г.
Карл IX (1550–1611), король Швеции с 1604 г.
Карл XII (1682–1714), король Швеции с 1697 г.
Карл, маркграф Бранденбургский
Карл, принц Вюртемберг-Момпельгардский
Карл Август (1704–1727), принц Гольштейнский
Карл Август, великий герцог Саксен-Веймар-Айзенахский
Карл Леопольд, герцог Мекленбург-Шверинский (1679–1747)
Карл Людвиг, маркграф Баденский
Карл Фридрих (1700–1739), герцог Шлезвиг-Гольштейн-Готторпский
Карл Фридрих, наследный герцог и великий герцог (с 1828 г.) Саксен-Веймар-Айзенахский (1783–1853)
Каролина, ландграфиня Гессен-Дармштадтская
Катков Михаил Никифорович (1818–1887), публицист
Керенский Александр Федорович (1881–1970), председатель Совета министров России, Временного правительства
Кестльри Роберт Стюарт (1769–1822), виконт, маркиз Лондондерри, британский военный министр и министр иностранных дел
Кибальчич Николай (1854–1881), террорист
Ключевский Василий Осипович (1841–1911), историк
Кобозев Евдоким, террорист
Ковальский, И. (1850 – 1878), террорист
Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943), председатель Совета министров

Коленкур Арман Огюстен Луи, маркиз де (1773–1827) французский министр иностранных дел
Коллинз (XVII в.), англичанин, врач царя Алексея Михайловича
Константин Николаевич (1827–1892.), сын Николая I
Константин Павлович (1779–1831), великий князь
Корф, пастор в Холмогорах
Кочубей Виктор Павлович (1768–1834), граф, министр
Кристиан Август, князь Анхальт-Цербст-Дорнбургский (1690–1746), генерал
Кропоткин Д. (1836–1879), князь, генерал-губернатор Харькова
Крузе Иоганн, шведский солдат
Крымов Александр Михайлович (1871–1917)
Крюденер Юлиана фон (1764–1824), латышская баронесса
Ксения Александровна (1875–1960), великая княгиня
Ксения Ивановна Шестова (в монашестве – Марфа), супруга Федора Никитича Романова (митрополит Филарет) и мать царя Михаила Федоровича
Куракин, русский посол в Париже
Курбский Андрей М. (1528–1583), оппонент Ивана IV
Куропаткин, русский генерал
Кутузов Михаил Илларионович (1745–1813), князь, граф, генерал-фельдмаршал
Кшесинская Матильда, танцовщица

Л

Лагарп Фредерик Сезар де (1754–1838), швейцарский ученый, политик
Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924), теоретик и политик
Лесток Арман, французский врач при петербургском дворе
Лефорт Жан, саксонский посланник при дворе Петра I
Лещинская Мария (1703–1768 гг.), супруга Людовика XV Французского
Лещинский Станислав (1677–1766), король Польши (1704–1711)
Лёвенвольде, братья, соратники Елизаветы I
Лизавета Андреевна, финская няня будущей императрицы Елизаветы I Петровны
Линар, граф, саксонский посланник в Санкт-Петербурге
Лопухина, графиня
Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825–1888), министр внутренних дел
Луиза Августа Вильгельмина, королева Пруссии (1776–1810)
Луиза Вильгельмина Фредерика, принцесса Гессен-Кассельская (1817–1898), королева Дании
Луиза Елизавета, принцесса Курляндская
Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925.), князь, председатель Совета министров
Людвиг, принц Гессен-Дармштадтский
Людвиг II, великий герцог Гессен-Дармштадтский (1777–1848)
Людвиг IV, великий герцог Гессенский и Рейнский (1837–1892)
Людвиг IX, ландграф Гессен-Дармштадтский (1719–1790)
Людвиг Брауншвейгский

Людовик XV (1710–1774), король Франции с 1715 г.
Людовик XVIII (1755–1824), король Франции с 1814/15 гг.

М

- Макарий** (1481/82–1566), митрополит Московский
- Мальцова Анастасия**, придворная дама императрицы Марии Александровны
- Манштейн Кристиан Герман** (1711–1757), офицер и генерал на русской службе
- Маргарита Прусская**
- Марина Мнишек**, дочь воеводы из Сандомира (около 1588–1614), супруга Лжедмитрия I, признана в качестве супруги Лжедмитрием II
- Мария Александровна** (1799–1800), дочь Александра I
- Мария Александровна** – принцесса Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария Гессен-Дармштадтская (1824–1880), первая супруга великого князя Александра Николаевича, позднее императора Александра II
- Мария Алексеевна** (1660–1723), дочь царя Алексея Михайловича
- Мария Владимировна Долгорукая** (?–1625), первая супруга царя Михаила Федоровича
- Мария Григорьевна Бельская-Скуратова** (?–1605.), супруга царя Бориса Годунова
- Мария Ивановна** (1551), дочь Ивана IV
- Мария Ивановна** (1689–1692), дочь царя Ивана V
- Мария Ильинична Милославская** (1626?–1669), первая супруга царя Алексея Михайловича
- Мария Луиза** (1791–1847), вторая супруга Наполеона
- Мария Луиза Александрина** (1808–1877.)
- Мария Мелентьева**, дочь Василисы Мелентьевой
- Мария Николаевна** (1819–1876), дочь Николая I
- Мария Павловна** (1786–1859), великая княгиня
- Мария Петровна Буйносова-Ростовская**, вторая супруга царя Василия Шуйского
- Мария Терезия** (1718–1780), императрица
- Мария Федоровна** – принцесса Мария София Фридерика Дагмар Датская (1847–1928), супруга великого князя Александра Александровича и позднее императора Александра III
- Мария Федоровна** – принцесса София-Доротея-Августа Вюртембергская (1759–1828), вторая супруга великого князя Павла Петровича, позднее императора Павла I
- Мария Федоровна Нагая** (?–1612), седьмая супруга Ивана IV
- Мария Черкасская**, княгиня Кученей, урожденная Айдарова (?–1569), вторая супруга Ивана IV
- Марк Аврелий** (121–180), римский император
- Марфа Матвеевна Апраксина** (1664–1715), вторая супруга царя Федора Алексеевича
- Марфа Собакина** (?–1571), третья супруга Ивана IV

Масолов А.А., генерал, шеф придворной канцелярии Николая II
Матвеев Артамон Сергеевич (1625—1682.), государственный деятель
Мезенцев Н. (1827—1878), генерал
Менгден Карл Людвиг, барон (1706—1761)
Менгден Юлия, фаворитка Антона Ульриха Брауншвейг-Вольфенбют-
тельского
Меншиков Александр Данилович (1673—1729), князь, генералиссимус
Меншикова Мария, дочь Александра Меншикова
Меттерних Клеменс Лотар Венцель фон (1773—1859), князь, канцлер
Мещерский Владимир Петрович (1839—1914), князь, публицист
Милорадович Михаил Андреевич (1770—1825), граф, генерал
Мысллавский Илья (Иван) Данилович, боярин
Мылютин Дмитрий Алексеевич (1815—1912), граф, военный министр, ге-
нерал-фельдмаршал
Мылютин Николай Алексеевич (1818—1872.), реформатор
Минин Кузьма Минич (?—1616)
Миних Бурхард Кристоф фон (1683—1767), граф, генерал-фельдмаршал,
регент России (1740/41)
Мирович Василий Яковлевич, лейтенант
Михаил Александрович (1878—1918), сын Александра III
Михаил Николаевич (1832—1909), великий князь
Михаил Павлович (1798—1848), великий князь
Михаил Федорович (1596—1645), царь России с 1613 г.
Михайлов Тимофей (1855—1881), террорист
Мнишек Иржи (?—1613), сандомирский воевода
Мозер, гессенский министр
Монс Анна, любовница Петра I
Монс Вильям, камергер
Монтескье Шарль де Секонда (1689—1755), французский теоретик госу-
дарства
Мориц Саксонский, граф
Морозов Борис Иванович (1590—1661), боярин
Мстиславский Иван Федорович (?—1622), князь из рода Гедиминовичей,
боярин
Мур Томас (1779—1852), поэт
Муравьев Михаил Николаевич (1794—1866), граф
Муромец Илья, легендарный русский богатырь
Мустафа III (1717—1773), османский султан

Н

Наполеон I Бонапарт (1769—1821), император Франции (1804—1815)
Наполеон III (1808—1873), император Франции (1852—1870)
Нарышкин Лев, камергер
Нарышкин Семен, камергер
Нарышкина Мария, любовница Александра I
Нарышкина Мария, дочь Марии Нарышкиной
Настасья (Мария) Хлопова, невеста царя Михаила Федоровича

Наталья Алексеевна (1673–1716), дочь царя Алексея Михайловича
Наталья Алексеевна (1714–1728), дочь наследника престола Алексея Петровича
Наталья Алексеевна – принцесса Августина Вильгельмина Гессен-Дармштадтская (1755–1776), первая супруга великого князя Павла Петровича, позднее императора Павла I
Наталья Кирилловна Нарышкина (1651–1694), вторая супруга царя Алексея Михайловича
Наталья Петровна (1718–1725), дочь Петра I
Нелидова Екатерина, фаворитка Павла I
Неронов Иван (1591–1670), священник-старообрядец
Никита Романов (XVII в.), двоюродный брат царя Михаила Федоровича
Никита Романович Захарьин-Юрьев (?–1586), брат первой супруги Ивана IV
Николай I (1796–1855), император России с 1825 г.
Николай II (1868–1918), император России (1894–1917)
Николай Александрович (1843–1865), великий князь
Николай Николаевич (1831–1891), великий князь
Николай Николаевич (1856–1926), великий князь
Никольский, архиепископ
Никон (1605–1681), митрополит Новгородский с 1648 г., патриарх всея Руси (1652–1666/67)
Новиков Николай Иванович (1744–1818), литературный критик
Новосильцев Николай Петрович (1781–1836), граф, председатель Государственного совета и Совета министров с 1832 г.

О

Овчина-Телепнев-Оболенский Иван Федорович (?–1539), князь
Олеарий (Ольшлегер) Адам (1603–1671.), путешественник по России
Ольга Александровна (1882–1960), великая княгиня
Ольга Долгорукая-Юрьевская (1873–?), дочь Александра II
Ольга Николаевна (1822–1892), великая княгиня
Ольга Николаевна (1895–1918), великая княгиня
Ордин-Нашокин Афанасий Лаврентьевич (1605–1680), государственный деятель
Орлов Алексей Григорьевич (1737–1807), граф, генерал-адмирал
Орлов Григорий Григорьевич (1734–1783), князь, генерал-фельдмаршал
Орлов Федор, граф, брат Григория Орлова
Остерман Генрих Иоганн Фридрих (1686–1747), граф, государственный деятель, канцлер
Отрепьев Григорий, дьякон Чудовского монастыря под Москвой, Лжедмитрий I

П

Павел I Петрович (1754–1801), император России с 1796 г.
Пален Петр Людвиг фон дер (Петр Алексеевич) (1745–1826), граф, генерал
Панин Никита, участник заговора против Павла I

Панин Никита Иванович (1718–1783), граф, канцлер, министр иностранных дел

Пассек, офицер Преображенского полка

Пашкевич Иван Федорович (1782–1856), князь, генерал-фельдмаршал

Перовская Софья (1853–1881), террористка

Петр Антонович (1745–1798), сын Анны Леопольдовны

Петр I Алексеевич, Великий (1672–1725), русский царь (с Иваном V) с 1682 г., император России с 1721 г.

Петр II Алексеевич (1715–1730), император России с 1727 г.

Петр III Федорович (1728–1762) (Карл Петер Ульрих герцог Гольштейн-Готторпский), император России 1761/62 гг.

Петр Петрович (1715–1719), сын Петра I

Пимен, архиепископ Новгородский

Писемский (XVI в.), русский посланник при английском дворе

Плеве Вячеслав Константинович (1827–1907.), государственный деятель

Пожарский Дмитрий Михайлович (1578–1642), князь, военачальник

Полоцкий Симеон (1629–1680), монах, воспитатель царских детей

Потемкин Григорий Александрович (1739–1791), князь, генерал-фельдмаршал

Прасковья Федоровна Салтыкова (1664–1723), супруга царя Ивана V

Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918)

Пугачев Емельян Иванович (1740/42–1775), бунтовщик

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920), депутат Думы

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), поэт

Р

Радзивилл Кароль-Станислав (1734–1790), князь, воевода Вильны

Радищев Александр Николаевич (1749–1801), писатель

Разин Степан Тимофеевич (1630–1671), казак

Разумовский Алексей Григорьевич (1709–1771), фаворит императрицы Елизаветы I

Разумовский Андрей, придворный в Санкт-Петербурге

Разумовский Кирилл Григорьевич (1728–1803), брат Алексея Разумовского

Распутин Григорий Ефимович (Новых Г. Е.) (1871–1916), проповедник

Ренненкамф Пауль Карлович фон, дворянин (1854–1918.), генерал

Репнин Николай Васильевич (1734–1801), князь, генерал-фельдмаршал

Репнины, русский дворянский род

Рибас де, адмирал на русской службе

Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924), председатель Думы

Романов Владимир Кириллович

Романов Федор Никитич

Романова Мария Владимировна

Романовы, династия русских правителей с 1613 по 1917 гг.

Ромодановский Федор Юрьевич (1640–1717), государственный деятель

Ростопчин Федор Васильевич (1763–1826), граф, генерал

Ротшильд, семья банкиров

Рузвельт Теодор (1858–1919), президент США

Румянцев, командующий русской армией

Румянцев Петр Алексеевич (1725–1796), граф, генерал-фельдмаршал
Рысаков Николай (1861–1881), террорист
Рюриковичи, династия русских правителей

С

Саборовский Семен, думский дьяк

Саган, герцогиня Вильгельмина фон, фаворитка Александра I

Салтыков Михаил, боярин

Салтыков Николай Иванович (1736–1816), князь, граф, генерал-фельдмаршал

Салтыков Петр Семенович (1698–1772), генерал-фельдмаршал

Салтыков Сергей, камергер

Салтыков Федор (Александр), боярин

Салтыковы, русский боярский род

Самарин Юрий Федорович (1819–1876), аграрный политики, писатель

Самсонов Александр Васильевич (1859–1914), генерал

Свердлов Яков Михайлович (1885–1919), председатель исполкома Всероссийских советов

Святополк-Мирский Петр Дмитриевич (1857–1914), министр внутренних дел

Сегюр, французский посол при русском дворе

Сергей Александрович (1857–1905), великий князь

Сесиль, герцогиня Мекленбург-Шверинская

Сиверс Иоганн Якоб, генерал-губернатор Новгорода

Сигизмунд III Август Ваза (1566–1632), король Польши с 1587 г. и Швеции в 1592–1604 гг.

Сильвестр (? – около 1566), архиепископ Новгородский

Симеон Бекбулатович (1545? – 1616), «Великий князь» Московский

Скавронский Самуил, отец Екатерины I

Скавронский Федор, брат Екатерины I

Скуратов Малюта, глава опричников

Соловьев Александр (1846–1879), террорист

Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879), историк

Софья Алексеевна (1657–1704), регентша России в 1682–1689 гг.

Софья Палеолог Византийская, супруга великого князя Московского Ивана III Великого

Станислав II Август (Понятовский) (1732–1798) король Польши в 1764–1795 гг.

Старицкая Евфросинья, урожденная Хованская, двоюродная бабка Ивана IV

Старицкий Владимир Андреевич (1533–1569), князь, двоюродный брат Ивана IV

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911), министр внутренних дел и председатель Совета министров

Строганов Павел Алексеевич (1774–1817), граф, генерал

Строгановы, семья русских предпринимателей

Струве Петр Бернгардович (1870–1944), публицист

Стурдза Александр Скарлатович (1791–1854), личный секретарь Александра I

Стурдза Роксана (графиня Эдлинг), придворная дама
Суворов Александр Васильевич (1729/30—1800), генералиссимус

Т

Талейран Шарль, маркиз де (1754—1838), французский министр иностранных дел

Татьяна Михайловна (1636—1706), дочь царя Михаила Федоровича

Татьяна Николаевна (1897—1918), великая княгиня

Тауберт, 1762 г. директор петербургской академической типографии

Темрюк Айдаров, кабардинский князь, отец Марии Темрюковны

Тодорский Симон, православный священник

Толстой Лев Николаевич (1828—1910), граф, писатель

Толстой Петр Андреевич (1645—1729), граф, дипломат и государственный деятель

Трепов, обер-полицмейстер Санкт-Петербурга

Трепов Дмитрий Федорович (1855—1906), генерал

Трубецкие, русский боярский род

Трубецкой Николай (Никита) Петрович, князь

Трупп Алексей (?—1918 гг.), слуга в царской семье

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883), писатель

Тютчев Федор Иванович (1803—1873), цензор в российском Министерстве иностранных дел

Тютчева Анна, придворная дама

У

Умной-Колычев Василий, любимец Ивана IV

Ф

Фавье, секретарь Екатерины II

Федор (I) Иванович (1557—1598), русский царь с 1584 г.

Федор (II) Борисович Годунов (1589—1605), русский царь апрель—май 1605 г.

Федор (III) Алексеевич (1661—1682), русский царь с 1676 г.

Федор Мелентьев, сын Василисы Мелентьевой

Феодора Алексеевна (1674—1678), дочь царя Алексея Михайловича

Феодосий II, император Византийской империи

Феодосья Федоровна (1592—1594), дочь царя Федора

Феофан Казанский, священник

Фигнер Вера Николаевна (1852—1942), террористка

Филарет, митрополит Московский, середина XIX в.

Филарет, Федор Никитич Романов (1554/55—1633), патриарх с 1619 г.

Филипп Колычев (?—1569.), настоятель Соловецкого монастыря, митрополит Московский

Финч, английский посланник в Санкт-Петербурге во времена Анны Леопольдовны

Франц I (1768—1835.), австрийский император с 1804 г.

Франц Фердинанд (1863—1914), эрцгерцог Австрии

Фридерика Доротея София, принцесса Бранденбург-Шведская

Фридрих II Великий (1712–1786), король Пруссии с 1740 г.
Фридрих II, ландграф Гессенский
Фридрих VIII (1843–1912), король Дании с 1906 г.
Фридрих Вильгельм, герцог Курляндский (1692–1711)
Фридрих Вильгельм, как Вильгельм I король Вюртемберга (1781–1864)
Фридрих Вильгельм I (1688–1740), король Пруссии с 1713 г.
Фридрих Вильгельм III (1770–1840), король Пруссии с 1797 г.
Фридрих Вильгельм IV (1795–1861), король Пруссии (1840–1858)
Фридрих Людвиг, наследный герцог Мекленбург-Шверинский, супруг великой княгини Елены Павловны (1799–1803)
Фридрих Эуген, герцог Вюртембергский

Х

Халтурин, Степан (1856–1882), террорист
Ханбери Уильямс, сэр Чарлз с 1775 г., британский посол в Санкт-Петербурге
Хейкинг, барон, киевский оберполицмейстер, убит в 1878 г.
Хлоповы, московские мелкопоместные дворяне в XVII в.
Хованский Иван Андреевич (? – 1682), боярин
Христиан IX (1818–1906), король Дании с 1863 г.

Ц

Цезарь Гай Юлий (100/102 – 44 гг. до н.э.)

Ч

Чарторыйские польский дворянский род
Чарторыйский Адам Казимир (1770–1861), князь
Чекин, охранник и убийца Ивана VI Антоновича
Черкасские, русский боярская и дворянский род
Черкасский Владимир Александрович (1824–1878), князь, реформатор
Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898), русский командующий сербской армии 1877/78 гг.
Черчемаджоре, маркиза Вульчано, золовка Екатерины Долгорукой
Чичерин Борис Николаевич (1828–1904), либеральный правовед, воспитатель принцесс
Чоглокова Мария Семеновна, родственница императрицы Елизаветы I

Ш

Шакловитый Федор, руководитель Стрелецкого приказа
Шарлотта Кристина София Брауншвейг-Вольфенбюттельская (1694–1715), супруга Алексея Петровича
Шартрский герцог, французский аристократ времен Людовика XV
Шаховские, русский боярский и дворянский род
Шаховской Михаил Иванович (1707–1762), князь
Шварц, секретарь Елизаветы I
Шеин Алексей Семенович (1662–1700), генералиссимус
Шенборн Лотар Франц (1655–1729), канцлер с 1695 г.
Шереметев Борис Петрович (1652–1719), граф, генерал-фельдмаршал

Шетарди Жак Иоахим Тротти маркиз де ла, французский посланник в России в 1739–1742 гг.

Шён Вильгельм, барон фон (1851–?), германский посол в Санкт-Петербурге

Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих фон (1759–1805),

Шубин Алексей Яковлевич (?–1765), любовник Елизаветы Петровны

Шувалов Александр Иванович (1710–1771), граф, генерал-фельдмаршал

Шувалов Петр, военный министр

Шувалов Петр Иванович (1711–1762), граф, генерал-фельдмаршал

Шуйские, московские бояре

Шуйский Василий Иванович (1552–1612), русский царь в 1606–1610 гг.

Шуйский Иван Петрович, князь, брат царя Василия Шуйского

Шуйский Иван Петрович (?–1587.), князь, боярин

Э

Эдуард VII, король Великобритании

Энгиен Луи Антуан Анри де Конде, герцог фон (1772–1804)

Эрнст Людвиг, великий герцог Гессенский и Рейнский (1868–1937)

Ю

Юлиана (Анна Федоровна) Саксен-Кобургская (1781–1860), супруга великого князя Константина Павловича (1796–1820)

Юрий Васильевич (XVI в.), брат Ивана IV

Юровский Яков, большевик, убийца царской семьи

Юсупов Феликс Феликсович (1887–1967), князь

Юсуповы, русская аристократическая фамилия

Я

Якимова Анна, террористка

Оглавление

Вступительная статья	5
Глава 1. Семь жен Ивана IV Грозного – возлюбленные, преступные, безымянные в «Третьем Риме»	19
Глава 2. Как осенняя листва на ветру – царицы в клубке интриг Смутного времени	45
Глава 3. Жены первых царей дома Романовых: семейная распря между теремом и тронным залом Московского Кремля ..	59
Глава 4. Воинствующая регентша Софья Алексеевна	81
Глава 5. Прасковья и Евдокия – миролюбивые жены неравных братьев	98
Глава 6. Екатерина I – литовская батрачка становится первой русской императрицей	117
Глава 7. Анна I Ивановна и немецкое засилье	134
Глава 8. Регентша по требованию: несчастливая Анна Леопольдовна	144
Глава 9. Императрица Елизавета Петровна – дочь Петра Великого	154
Глава 10. Екатерина II Великая: Россия на пути в Европу	178
Глава 11. Новый образ русской императрицы. Женщины «безумного» Павла Петровича	216
Глава 12. Тихая страдалница героического времени: императрица Елизавета Алексеевна	235
Глава 13. Прусская принцесса при русском императорском доме ..	259
Глава 14. Больная императрица и возлюбленная княгиня: супруги Александра II	278
Глава 15. Датчанка рядом с Александром III	309
Глава 16. Аликс из Гессена – добрый и злой дух последнего императора в Российском государстве	321
Приложение	358
Персоналии	367

Детлеф Йена
РУССКИЕ ЦАРИЦЫ
(1547–1918)

Зав. редакцией *О.В. Сухарева*
Технический редактор *Т.П. Тимошина*
Корректор *Е.А. Кулакова*
Компьютерная верстка *Е.М. Илюшиной*

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр. Ольминского, 3а

ООО «Издательство АСТ»
141100, РФ, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Издано при участии ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0056935 от 30.04.2004.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
Республика Беларусь, 220013, Минск, пр. Независимости, 79. Заказ 1105.

ОАО «Полиграфкомбинат имени Я. Коласа».
ЛП № 02330/0056617 от 27.03.2004.
Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.

Русские царицы, а с XVIII века императрицы, играли колоссальную роль в жизни нашей страны. Эта роль была значима не только в XVIII веке, который в истории России стал веком женского правления, но и в более ранние периоды. Семь жен Ивана IV Грозного, возлюбленные, преступные, безымянные в «Третьем Риме», жены царей и императоров дома Романовых — все они представлены на страницах книги немецкого историка Детлефа Йены. Избранный жанр — психологическая история — накладывает на книгу неповторимый отпечаток. Яркие, запоминающиеся образы, запечатленные на ее страницах, не оставят равнодушным даже самого искушенного читателя.

Историческая библиотека

ISBN 978-5-17-038385-6

9 785170 383856